

2 [10] 2017

Фонд поддержки
социальных
исследований
«Хамовники»

Светлана Стивенсон

**ЖИЗНЬ
ПО ПОНЯТИЯМ**

Уличные группировки
в России

*Авторизованный перевод с английского
Юлии Казанцевой*

Страна Оз
Москва • 2017

УДК [343.341.1:343.9.02](470+571)(091)
ББК 67.408.131.16г(2Рос)+67.518.4г(2Рос)
С80

Книга выпущена при финансовой поддержке фонда «Хамовники»
(проект № 2016 004).

Gangs of Russia: From the Streets to the Corridors of Power, by Svetlana Stephenson,
originally published by Cornell University Press.

This edition is a translation authorized by the original publisher.

Стивенсон, Светлана.

С80 Жизнь по понятиям. Уличные группировки в России / Светлана Стивенсон ; авториз.
пер. с англ. Юлии Казанцевой. — М. : Страна Оз, 2017. — 304 с. — ISBN 978-5-906139-12-2.

Книга посвящена российским уличным преступным группировкам. Центральное место в ней занимают казанские группировки, их история, моральный кодекс («пацанские понятия»), экономическая деятельность и трансформация этих организаций с конца 1970-х годов по 2000-е включительно. Помимо казанских группировок в книге анализируются имеющиеся данные по группировкам в других регионах России. Используя тексты углубленных интервью с участниками группировок, работниками правоохранительных органов и местными жителями, автор рассматривает практики насилия в группировках, взаимодействие между «реальными пацанами» и их родителями, учителями, соседями, работниками органов власти. Показано также влияние культуры группировок на массовую культуру и политический дискурс. Книга адресована специалистам и студентам, изучающим современную российскую историю, социологию, этнологию и урбанистику, но будет также интересна и широкой читательской аудитории. Британской Ассоциацией славянских и восточноевропейских исследований книга была удостоена премии имени Александра Ноува за 2015 год.

УДК [343.341.1:343.9.02](470+571)(091)
ББК 67.408.131.16г(2Рос)+67.518.4г(2Рос)

Позиция автора является независимой
и может не совпадать с позицией фонда и его учредителя.

ISBN 978-5-906139-12-2

© CORNELL UNIVERSITY, 2015
© Екатерина Трушина, макет, дизайн, 2017

Оглавление

Введение. В ТЕНИ И НА СВЕТУ	5
ГЛАВА 1. МОЛОДЕЖНЫЕ УЛИЧНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРЕСТУПНЫЕ ГРУППИРОВКИ.....	23
ГЛАВА 2. ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРУППИРОВОК В ДЕВЯНОСТЫЕ ГОДЫ	54
ГЛАВА 3. БИЗНЕС ГРУППИРОВОК: ОТ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА К АССИМИЛЯЦИИ	77
ГЛАВА 4. ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ГРУППИРОВОК	107
ГЛАВА 5. ПУТИ УЛИЧНЫХ ПАЦАНОВ	145
ГЛАВА 6. ГРУППИРОВКИ В МЕСТНОМ СООБЩЕСТВЕ	169
ГЛАВА 7. СВОД «ПОНЯТИЙ»	190
ГЛАВА 8. УМЕНИЕ ОРИЕНТИРОВАТЬСЯ В МИРЕ НАСИЛИЯ.....	211
ГЛАВА 9. БАНДИТСКАЯ КУЛЬТУРА И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО.....	247
Заключение. ИЗ ТЕНИ В СВЕТО?	261
Приложение. ЭВОЛЮЦИЯ ТАТАРСТАНСКИХ ГРУППИРОВОК: ТРИ ПРИМЕРА.....	265
Список информантов	270
Методологические пояснения	273
Литература.....	276

Введение

В ТЕНИ И НА СВЕТУ

В современном мире принято противопоставлять сферу государства и теневую сферу, с которой мы естественным образом ассоциируем коррупцию и хищничество, насилие и преступность, примитивную жестокость и корыстные групповые связи. «В тени» процветают организации, подрывающие законность и правопорядок, угрожающие стабильности и безопасности нашей жизни. Там притаился организованный «враг», и мы опасаемся, что он в любую минуту может безжалостно вторгнуться в наш мир. Мы встречаемся с упоминаниями «тени» на экране и в печати, в политической риторике. Она нас пугает, так как воплощается в уличных бандах и различных видах организованной преступности; она нередко мерещится нам, когда речь идет о мигрантах и террористах-заговорщиках.

Однако граница между «тьмой» и «светом», тeneвым и нетeneвым миром не так непроницаема, как может показаться на первый взгляд. Оба этих мира — составные части одной и той же социальной реальности; они пересекаются, накладываются один на другой, принимая разнообразнейшие гибридные формы и конфигурации. Неформальные сети и отношения связывают местные сообщества с официальными инсти-

тутами. Между государством и группами, находящимися в тени, существуют сложные отношения конкуренции, сотрудничества, взаимных услуг и уступок. Насилие со стороны государства и негосударственное насилие применяются одновременно, зачастую служа и государственным, и частным интересам. Члены уличных банд и преступных организаций нередко нацелены на успешную легальную карьеру в обществе, причем некоторые достигают весьма впечатляющих результатов. Люди, живущие «в тени», могут иметь собственные культурные традиции и ценности; в то же время по многим вопросам они могут разделять мнение большинства. «Теневая» и «основная» сферы жизни сосуществуют, проникая друг в друга.

Уличная организованная преступная группа (группировка) — пример теневого сообщества, можно сказать, по определению. Однако она не обязательно представляет собой скопище маргиналов и преступников, существующих на обочине социальной жизни. Она реагирует на важные исторические процессы и на определенных этапах общественного развития может перемещаться на «основную сцену». Именно это произошло в 1990-е годы в России в период радикальных рыночных реформ. Уличные группировки вышли из тени и стали привлекать сторонников, бороться за ресурсы и власть не только на улице, но и далеко за ее пределами. Некоторые из них впоследствии эволюционировали, превратившись в более сложные организованные преступные сообщества, которые либо конкурировали с государством, либо сотрудничали с ним в качестве агентов регулирования. Когда государственные структуры оказались ослабленными — либо преднамеренно, либо вследствие масштабных социальных изменений, — теневой мир с его горизонтальной групповой солидарностью и опасной, замкнутой на себя лояльностью в значительной мере затмил государство.

В настоящей книге под «группировкой» подразумевается коллективная — преимущественно мужская — организация, использующая насилие; это боевой союз или клан, существующий в условиях современного общества. В такой организации переплетены все формы человеческого существования. Группировка не может характеризоваться только своей экономической деятельностью; вопреки подходу, распространенному в литературе о криминальных сообществах, ее нельзя рассматривать исключительно в контексте преступности или считать альтернативой государственной власти. Это форма общинного существования, в которой идет борьба за выживание и господство, плетутся коварные заговоры и приносятся самоотверженные жертвы в защиту боевого братства; это жизнь со своей героической историей и мифологией. По меткому наблюдению основоположника изучения

уличных банд Фредерика Трэшера, «банда — это сама жизнь, подчас грубая и дикая, однако неотделимая от множества стихийных социальных процессов, представляющих интерес для исследователя общества и природы человека» (Thrasher 1963 [1927], 3).

Пересекая неисследованные моря, открывшиеся в эпоху капиталистических преобразований, боевые братства, созданные членами группировок, искали способы остаться на плаву, пытались атаковать и грабить разваливающееся государство и зарождавшихся предпринимателей, которые сами были новичками в капиталистическом мире, практически беззащитными перед лицом всевозможных хищников. Впрочем, стратегии таких группировок, несмотря на присущие им особенности, были довольно схожими со стратегиями других лиц и групп, которым удалось выбраться из хаоса, порожденного крахом советской системы. Многие, пытаясь подняться по общественной лестнице, прибегали в это время к хитрости и насилию, опирались на личные связи в стремлении участвовать в разделе благ, доставшихся в наследство от советской экономики, и получить доступ к разнообразным рентам. Новые правила игры, возникшие после распада советской цивилизации, породили новых героев и новые стратегии успеха; преступные группировки воевали, конкурировали и сотрудничали с другими сообществами, вставшими на аналогичный путь.

На этапе перехода к капитализму целый комплекс экономических, социальных, политических и идеологических перемен в России привел к появлению агрессивных, хищнических социальных групп и соответствующих моделей поведения. По завершении ожесточенной борьбы за первоначальное накопление капитала эти формирования стали играть в обществе менее заметную роль; многие их члены сумели войти в состав легальных государственных и экономических структур. Однако эта борьба оставила неизгладимый след, который заметен прежде всего в сохраняющейся значимости групп, ориентированных на сбор ренты, а также в массовой культуре и медийном пространстве, где по-прежнему изобилуют отсылки к альтернативным кодексам поведения — уличным и криминальным «понятиям» — и к тем, кто их представляет: «пацанам» и их старшим товарищам, бандитам.

Концептуальный подход, использованный в книге, диктуется желанием найти ответ на следующие основные вопросы. Какова была роль уличных группировок в эволюции российской организованной преступности? Как следует анализировать уличную группировку в качестве разновидности сообщества? Как менялись структура и деятельность таких группировок под влиянием исторических преобразований в России в эпоху позднего социализма и на этапе перехода

к капитализму? Как эти группировки интегрировались и продолжают интегрироваться в более широкие структуры общества?

УЛИЧНЫЕ ГРУППИРОВКИ И ИСТОКИ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Росту влияния преступных группировок в 1990-е годы способствовали исторически уникальные условия перехода России от государственно-социализма к капитализму. Этот переход вызвал стремительный крах всей социальной структуры, демонтаж коллективистских основ социального обеспечения и занятости, радикальную приватизацию государственных активов и появление частных предпринимателей, которым ослабленные к тому времени правоохранительные и судебные органы не предоставляли практически никакой защиты. В то время как эти предприниматели создавали бизнес на руинах советского социалистического народного хозяйства, население пыталось выжить, цепляясь за мизерные, порой месяцами не выплачиваемые заработки на своих прежних предприятиях, истощая семейные сбережения или расширяя подсобное хозяйство на личных огородах и садовых участках. Однако существовала и другая стратегия. Ее применяли люди, которые обогащались и поднимались по социальной лестнице с помощью насилия. Они присваивали ресурсы, эксплуатировали новый класс предпринимателей и старались реализовать различные проекты в пересекающихся сферах криминальной, теневой и легальной экономики.

Среди новых «успешных» групп, добившихся богатства и власти, были и территориальные бандитские группировки. С конца 1980-х на улицах российских городов и сельских поселений стали появляться мрачные молодые люди, одетые в практически одинаковые темные куртки и спортивные штаны. Их лидеры, зачастую немногим старше «основного состава», щеголяли в малиновых пиджаках, носили увесистые золотые цепи и разъезжали на дорогих иномарках, всячески демонстрируя свое богатство. Сводки новостей пестрели сообщениями о покушениях и убийствах, совершенных этими группировками. Бандиты часто начинали с рэкетирования местных ларьков и рынков, а затем переходили к «участию» в прибыли малых и средних предприятий. Следующим этапом становилось «крышевание» крупного бизнеса, причем многие лидеры преступных группировок постепенно сами превращались во владельцев и акционеров компаний и распространяли деятельность преступных сообществ далеко за пределы

своих территорий. Откуда взялись эти бандиты? По мнению некоторых исследователей, они стали продуктом альянса бывших партийных функционеров с преступным миром воров в законе, созданным в советскую эпоху для эксплуатации возможностей черного рынка (Handelman 1994; Finckenauer, Voronin 2001). Другие ученые считают, что в основном это были новые преступные группы и что они состояли из людей, которые использовали ресурс насилия, дававший им определенное преимущество на растущем рынке силовых услуг. Такое преимущество «могло быть приобретено либо в конкретных социальных ситуациях, где культивируются хорошая физическая форма и боевые навыки, либо в особых жизненных обстоятельствах, сформировавших психологические установки» (Volkov 2002, 6). Членами новых бандитских групп, в отличие от более традиционных воровских сообществ, стали бывшие спортсмены, ветераны войны в Афганистане, бывшие и действующие сотрудники милиции и других силовых органов (Varese 2001; Volkov 2002; Волков 2012).

До сих пор, однако, анализ истоков российской организованной преступности практически не касался одной из социальных групп, сыгравших существенную роль в возникновении бандитских группировок, — *молодежной уличной группы*. Этот пробел выглядит тем более странно, что, согласно многочисленным свидетельствам, в постсоветский период такие группы одними из первых встали на путь рэкета и предоставления охранных услуг. Исследователи российской организованной преступности, даже уделяя внимание молодежным формированиям, рассматривали их в основном как разрозненные шайки уличных рэкетиров или «пушечное мясо», используемое главарями организованной преступности.

Между тем молодежные группировки сыграли ключевую роль в развитии российской организованной преступности. В эпоху, когда советский строй уже рухнул, а новый капиталистический порядок только зарождался, уличные группы сверстников — альтернативные структуры молодежной жизни, не связанные ни с бюрократическими, ни с профессиональными структурами советского государства, — выжили, развивались и процветали. Часть этих подростково-молодежных объединений, сформированных по территориальному принципу, начали устанавливать собственные местные силовые монополии и со временем стали в значительной степени контролировать уличную торговлю и малый бизнес на своих территориях. Их старшие члены, именуемые обычно «бандитами» — в отличие от более молодых «пацанов», — со временем заняли руководящие позиции в организованных преступных сообществах. Такие молодежные группы — порождение

характерной мужской уличной культуры. Здесь доверие строится на традициях уличного товарищества и завоевывается в битвах с местными «врагами», соседскими дворовыми компаниями. Наряду с другими формами союзов — скажем, объединениями спортсменов или воинов-афганцев, также трансформировавшихся в бандитские группировки, — мужские боевые братства, рожденные улицей, послужили основой для социальных структур, в которых смогла выжить организованная преступность постсоветского времени.

УЛИЧНАЯ ГРУППИРОВКА КАК ВОИНСКИЙ АЛЬЯНС

В том или ином виде молодежные уличные объединения всегда присутствовали в обществе. С незапамятных времен для любого общества были характерны подобные группы, в которых мальчики учились быть «настоящими мужчинами». Бесчисленные поколения мальчиков во всем мире росли, участвуя в уличных играх и драках. В пространстве улицы, свободном от контроля взрослых, они могли утверждать свою маскулинность, обзаводиться друзьями и охранять определенную территорию. Рисунки на городских стенах — от граффити в древних Помпеях, свидетельствовавших о победах местных уличных бойцов над юношами из окрестных селений, которые приезжали в город на театральные представления или гладиаторские бои, при этом отыскивая поводы для драки с местной молодежью, до граффити в современных городах, маркирующих территорию различных уличных группировок, — были зеркалом подобных битв и противостояний. В них молодые мужчины приобретали навыки и мировосприятие, которые особенно ценились в обществах, где велись частые войны и, как следствие, культивировались готовность к насилию, отвага и честь.

Уличные мужские объединения и сегодня существуют во всем мире. Молодежь по-прежнему создает группы, скрепленные узами мужского братства, практиками коллективного насилия, а иногда и перспективой наживы. Уличная группа — традиционное объединение, встроенное в систему современного общества, — привлекает молодых людей в свои ряды ощущением коллективного превосходства над чужаками, культивирует гордость, боевую отвагу, ощущение свободы от обязательств и ограничений, навязываемых миром взрослых, сулит справедливость и взаимную защиту.

Как отметил американский социолог Рэндалл Коллинз, в современных уличных бандах действует по сути та же модель отношений, что и в отрядах викингов-завоевателей, воинственных германских

племен и древнегреческих колонистов, которые основывали свои поселения на побережье Средиземного моря (Collins 2011). Макс Вебер называл такие социальные объединения «патримониальными альянсами» (Weber 1978 [1922]). Эти отряды воинов, которые собирались для набегов и завоеваний, объединяли дружинная преданность, квазиродовые обязательства и эпос, воспевавший исторических предков¹. Как пишет Коллинз, в современных городах боевые объединения вновь и вновь создаются молодыми людьми из рабочих семей: эта молодежь формирует свои небольшие патримониальные кланы, восстающие против дисциплинарной власти школьной системы. Современное бюрократическое государство пыталось вытеснить патримониализм, однако пространство улицы не поддавалось этому натиску, и здесь такие объединения по-прежнему процветают.

Трактовка уличной группировки как патримониального боевого альянса дает совершенно иную картину, нежели принятый в исследовании таких группировок подход, согласно которому молодежная уличная группа представляет собой субъект социального и культурного сопротивления господствующему порядку или преступную организацию, направленную на получение нелегальных доходов. Существуют различные виды группировок, однако все они являются многофункциональными, преимущественно мужскими боевыми союзами, которые скреплены личной взаимозависимостью и преданностью группе, а также коллективными силовыми действиями.

В собственной мифологии и фольклоре группировки центральное место занимает архетипическая фигура воина. Архетип воина владеет воображением и направляет поведение членов группировки, но его привлекательность выходит далеко за ее пределы. Всякий раз, когда мы говорим о социальных конструкциях маскулинности, образ воина неизбежно выходит на передний план. Воины — будь то бандиты, предприниматели или полицейские — являются образцом брутальной маскулинности в фильмах, литературе и СМИ. В обществах, организованных в соответствии с патриархальным гендерным порядком, идеализированные формы маскулинности предполагают такие качества, как жесткость, отвага, агрессивность, готовность рисковать, верность товарищам и доминирование над женщинами и более слабыми или

1 М. Вебер (1987 [1922]) разработал концепцию «патримониализма» в качестве инструмента для изучения системы политической власти, опирающейся на родственные связи, патрон-клиентские отношения и неформальные нормы и правила. В патримониальных системах власть основана на самоуправлении, материальной взаимозависимости и личной преданности членов расширенной квазиродовой структуры.

гомосексуальными мужчинами. Все это — воинские качества². Воин не чужд обществу, как, например, описанный Эриком Хобсбаумом классический бандит, который грабит богачей и феодалов и помогает бедным, сам же при этом стоит вне закона (Hobsbawm 1985). Воин может находиться как вне, так и внутри общества, нарушая его законы и одновременно разделяя его основополагающие ценности.

Система ценностей, олицетворяемая воином, особенно актуальна в определенных классовых средах, включая, безусловно, городскую рабочую молодежь и ее культуру. Из связи этой культуры с низшими слоями общества и уличными группировками исходят многие труды западных ученых, посвященные бандам. Эти исследования показали, что в ней акцентируется ценность брутальной маскулинности — следствие социальных условий, в которых из-за отсутствия путей к успеху в общепринятом понимании источником мужской гордости становятся товарищеские узы, силовой ресурс, личная храбрость и противодействие официальным властям³. Молодые люди, лишённые возможности интегрироваться в большое общество, могут рассматривать свои группы как источник идентичности или как средство достижения экономического успеха. Не имея практически никаких других ресурсов, эти молодые люди могут прибегать к уличному насилию и тем самым обретать ситуативное превосходство над более привилегированными членами общества, получая, по крайней мере на короткое время, власть над беззащитными прохожими и сверстниками⁴.

В то же время важно отметить, что группировки возникают не только в городской среде и не ограничиваются представителями рабочего класса и низших слоев общества. Драки между группами молодых людей были характерны и для большинства крестьянских сообществ Европы (Tilly 1974б). Вплоть до конца XIX века деревенские молодежные драки были повсеместным явлением — от Финляндии до Франции (Haavio-Mannila 1958; Ploux 2007). То же можно сказать и о России, где до сих пор в некоторых сельских районах существуют молодежные бойцовские группировки (наряду с криминальными группами).

² О патриархате и социальном образе маскулинности см., например, Connell 1987; Messerschmidt 1993; 2000.

³ Связь между культурой городского рабочего класса и низших слоев общества, с одной стороны, и маскулинностью, групповой преступностью и насилием — с другой, рассматривалась во многих классических социологических и криминологических текстах; см., например, Cohen 1955; Miller 1958; Wolfgang and Ferracuti 1967; Willis 1977.

⁴ Об уличном насилию и ситуативной стратификации см., например, Collins (2004; 2008); о насилии и уличном социальном капитале см.: Sandberg (2008) и Harding (2014).

Уличные объединения присутствовали также в социально неоднородных поселках городского типа. В Советском Союзе такие группы молодежи, нередко многонациональные, существовали повсеместно. И по сей день молодые люди во всей России, объединенные не классовым происхождением, а исключительно верностью своей территории, разыгрывают древние сценарии чести и территориальной обороны. При этом некоторые из этих групп дрейфуют в сторону объединений более криминального характера.

ОТ УЛИЧНЫХ ГРУППИРОВОК К МАФИОЗНЫМ СТРУКТУРАМ — И НАЗАД?

В современном обществе молодежные уличные объединения бывают, как правило, недолговечными. Вступая во взрослый мир, где приоритет имеют семья и работа, молодые люди покидают уличные компании. Но на определенных исторических этапах эти недолговечные кланы могут превратиться в более устойчивые организации. Они расширяются и захватывают новые территории, а в некоторых случаях даже создают собственные «бастионы грабителей» (Hobbs 2013, 227), откуда контролируют эти территории.

В каких случаях это происходит? По мнению Рэндалла Коллинза, несмотря на сравнительно небольшое число исследований эволюции уличных группировок, их результаты позволяют заключить, что группировки, получившие доступ к экономическим ресурсам, иногда становятся «долгожителями» (Collins 2011). Если же они проникают в структуры самого государства, то могут превратиться в патримониальное объединение другого вида — мафию. Со временем государство может победить мафию, но при этом уличные группировки как таковые продолжают функционировать, пусть и в постоянной конфронтации с репрессивным аппаратом государства. Этот сценарий можно было наблюдать и в России. В 70-х годах прошлого века в Советском Союзе наблюдался рост теневой экономики. В тот период организованные преступные группы действительно стали получать доступ к экономическим ресурсам, причем некоторые из них превратились в устойчивые формирования. В результате краха социалистического государства многие уличные банды эволюционировали, превращаясь в организации мафиозного типа и проникая в экономические и политические структуры государства. Все это происходило в условиях, когда часть молодежи была лишена доступа к легальным возможностям социальной мобильности и, вместе с тем, росло влияние суще-

ствовавших в Советском Союзе патримониальных структур, включая объединения профессиональных преступников — воров в законе.

В конце 1990-х — начале 2000-х годов российское государство окрепло, в нем утвердился капиталистический экономический порядок, и влияние организованных преступных группировок пошло на убыль. Вертикальные структуры организаций мафиозного типа были ослаблены, и уличные группировки стали возвращаться к менее организованным формам. Но по мере развития новой системы власти стало очевидным, что укрепление государства не ведет к торжеству законности и правопорядка. В разных странах государство функционирует по-разному. В России взаимоотношения государства и преступных сообществ — сложная система конкуренции и сотрудничества. Ослабленные преследованием со стороны государства и сужением возможностей для рэкета, организованные преступные группировки все же не только сохранились во многих сферах, но и внедрили в органы государственной власти и местные силовые структуры.

УЛИЧНЫЕ ГРУППИРОВКИ И ОБЩЕСТВО

В СССР бойцы агрессивных уличных группировок — как те, чьим полем битвы были преимущественно дворы, улицы и микрорайоны, так и те, которые стремились получить долю в доходах теневого сектора экономики, — не были ни пришлыми разбойниками, ни иноземными захватчиками. Они были обычными жителями деревень, рабочих окраин и социально неоднородных городских кварталов. Иными словами, это были члены советского общества, которые за пределами улиц вели другую жизнь — учащиеся ПТУ, работников промышленных предприятий или молодых специалистов (если только не вступали в конфликт с законом и не попадали в места заключения). Не говоря уже о верности боевым товарищам, члены молодежных группировок вполне могли разделять и советские ценности. Они всерьез считали, что отстаивают принципы социалистической справедливости, обирая нечистых на руку и коррумпированных советских руководителей торговых учреждений или предприятий общественного питания. Когда же наступили новые времена, они с энтузиазмом восприняли капиталистическую идеологию и стали считать себя настоящими предпринимателями.

Современные российские преступные группировки также не чужды обществу — напротив, они являются его составной частью. В их деятельности участвуют и сугубо уголовные элементы, и люди, спо-

собные казаться вполне уважаемыми. Члены группировок обладают многочисленными связями — начиная с соседей и близких родственников и кончая представителями государственной власти. Они прагматичны и преследуют микрополитические цели, для достижения которых стремятся создать вокруг себя широкую сеть взаимных обязательств и услуг. Более того, организационная структура российских группировок соответствует этим целям: она необычайно гибка и позволяет своим участникам сохранять членство в самых разных организациях и социальных сетях за пределами группировки, что чрезвычайно полезно и для ее бизнеса.

На протяжении всей своей истории российские уличные группировки были частью общества. В период расцвета, который пришелся на 1990-е годы, их члены, говоря языком того времени, «поднялись в обществе» и сконцентрировали значительную власть на улицах, в местной экономике и за ее пределами. Однако в начале 2000-х годов, в ходе стабилизации социально-экономической и политической обстановки в России, группировки нашли новые способы внедрения в жизнь общества. Эпоха небывалого расцвета этих организаций завершилась, однако их представители — пацаны и бандиты — сумели найти новые ниши в теневом и криминальном секторах экономики как на улице, так и за ее пределами. Их методы все так же практикуются в сфере частного насилия, существующего «в тени», вне сферы государства.

Хотя некоторые бандитские лидеры стали теперь легальными предпринимателями, многие из них сохраняют связи в официальных и неофициальных властных структурах на своих территориях и могут по-прежнему использовать организационные и силовые ресурсы уличных группировок в своих деловых или политических интересах. Со временем преступный кодекс поведения — система «понятий» — проник в сферу массовой коммуникации, став предметом постоянных отсылок и сопоставлений при обсуждении негласных правил российской политики и повседневной жизни. Можно с уверенностью предположить, что новые социальные потрясения и кризисы снова неизбежно приведут к выдвижению фигуры бандита на передний план общественной жизни.

«ЭСКИЗНЫЕ КАРТЫ»

Уличные группы, формирующие из мальчишек «настоящих мужчин», существуют в России повсеместно. Это различные группы сверстников (например, дворовые компании), территориальные группировки,

охраняющие свою территорию, и более организованные преступные предпринимательские группировки. Однако исследованы все эти объединения сравнительно мало. Заимствуя выражение Дика Хебдиджа (Hebdige 1988) о молодежных субкультурах, можно сказать, что эти организации «прячутся на видном месте».

И в дореволюционной России, и в СССР императивы мужской уличной культуры, ритуалы уличной жизни и различные территориальные практики насилия оставались в значительной степени вне поля зрения государственных чиновников, полиции и педагогов. В конце XIX — начале XX века в царской России и на протяжении всего советского периода уличная жизнь подростков и юношей в своих многочисленных проявлениях — групповой досуг, драки, приставания к прохожим и разнообразные криминальные действия — рассматривалась преимущественно сквозь призму всеобъемлющей категории «хулиганства», причем считалось, что наиболее склонны к такому поведению выходцы из рабочей среды (Neuberger 1993; Ципурский 2008; Fürst 2010; LaPierre 2012). С первых дней советской власти государство рассматривало уличных хулиганов как агентов сопротивления режиму, которые разлагали молодежь и уводили ее от пионерии и комсомола. Этой точки зрения до сих пор придерживается ряд ученых, считающих хулиганов агентами сопротивления советскому государству (Козлов 1999; Gorsuch 2000). При всей спорности вопроса, было ли подобное сопротивление советской власти политическим по своей сути, очевидно, что так называемые хулиганы, создавая для себя пространство свободы в мире улиц, безусловно, подрывали систему государственного контроля над молодежью. Государство пыталось (большой частью безуспешно) отвоевать молодежь, обвиняя в своих постоянных провалах неправильное воспитание и недостаточный контроль за молодежью со стороны родителей, учителей и трудовых коллективов (Connor 1972; LaPierre 2012).

Используя выражение Джеймса Скотта (Scott 1998, 3), писавшего о том, как неадекватно современные европейские государства видят собственные общества, можно сказать, что советское государство упрощало социальную реальность, руководствуясь «эскизными картами», отражающими только те ее срезы, которые представляли для него интерес. Оно было зашорено в своем видении коллективной уличной жизни, территориальной идентичности молодых людей и фактического значения их практик, к которым применяло свои примитивные классификации. Проецируя обеспокоенность чуждым, «несоциалистическим» поведением на образ хулигана и криминализируя обычное бытовое поведение, советский режим породил в итоге массовую девиантность (LaPierre 2006).

Если не считать изучения шаек беспризорных и безнадзорных детей, существовавших в Советском Союзе в 1920-х — начале 1930-х годов и в послевоенное время, других исследований молодежных уличных организаций и криминальных групп практически не проводилось (см., например: Fürst 2010). Первые публикации об уличных молодежных группировках появились только к концу 1980-х годов, во время перестройки. Советские административные криминологи — я ссылаюсь на их работы в первой главе — анализировали групповые правонарушения с точки зрения социального контроля и опирались в основном на данные исправительных учреждений и следственных изоляторов. Заметным исключением стала работа группы казанских социологов под руководством А. Л. Салагаева, изучавшей агрессивные группировки на основе интервью с членами местных молодежных шаек и бесед с сотрудниками правоохранительных органов, предпринимателями и местными жителями. В дальнейшем появились исследования, посвященные молодежным преступным группам в отдельных регионах России, однако их было сравнительно немного. Они рассматриваются в двух первых главах книги.

Российские антропологи (среди прочих Кулешов 2001; Щепанская 2001; Головин, Лурье 2008; Громов 2009) также проводили исследования уличных социальных организаций и традиций молодежных территориальных формирований. Однако в целом практики этих групп до сих пор недостаточно изучены. В «образованной» среде к членам уличных группировок относятся прежде всего как к *гонимкам*, молодым обитателям социальной и культурной периферии, отсталым, невежественным и склонным к немотивированному насилию. Иначе говоря, к ним применяются те же стереотипы, что в прошлом применялись к хулиганам (Pilkington 2002; Омельченко 2006).

ВРЕМЯ, МЕСТО И СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Без исторически ориентированных социальных исследований и данных невозможно проследить эволюцию уличных организаций и территориальных преступных группировок и понять пути их интеграции в более широкие слои общества и в государственную систему. Литературы по этой тематике немного, однако в России есть регион, который может «похвастаться» многочисленными источниками сведений о молодежной уличной жизни и практиках насилия, причем в число этих источников входят известные литературные произведения XIX века. Речь идет о Татарстане. В позднесоветский период Татарстан стал пер-

вым регионом, где было официально признано существование в стране преступных банд и где состоялся первый уголовный процесс над такой бандой (дело банды «Тяп-ляп»). С тех пор преступные группировки стали объектом пристального интереса милиции и предметом журналистских расследований. В 1990-е годы Татарстан продолжал славиться своими бандитскими группировками, которые распространили свою деятельность и на другие регионы, в том числе Москву и Санкт-Петербург, и даже обосновались за рубежом. В республике в начале 2000-х состоялись первые судебные процессы над «организованными преступными сообществами» (ОПС). Именно в Татарстане был осуществлен упомянутый выше первый масштабный социологический проект по исследованию молодежных преступных группировок — группа социологов под руководством Александра Салагаева изучала их жизнь с конца 1980-х по конец 2000-х годов.

Настоящая книга написана преимущественно на материале, собранном в Татарстане. Мне повезло работать над этим проектом совместно с Александром Салагаевым и его коллегами Александром Шашкиным и Рустемом Сафиным. Вопросы методики нашего исследования рассматриваются в методологических пояснениях, помещенных в конце книги.

Хотя материалы, лежащие в основе моей работы, получены преимущественно в Казани, более широкий анализ показывает, что ее результаты можно считать репрезентативными для России в целом (впрочем, этнические преступные группировки еще ждут своих исследователей). Изучение преступных группировок требует непременно учитывать контекст, так как деятельность любой банды зависит от местных культурных традиций, классового расслоения, условий проживания и характера поселения. Однако для российских группировок характерны общие черты, объясняющиеся еще живым наследием особой модели советской урбанизации, когда значительная часть населения проживала в социально и этнически смешанных поселениях, складывавшихся вокруг предприятий. Несмотря на растущее социальное и жилищное неравенство, такая модель расселения сохраняется во многих российских регионах. Во всей России, не считая центральных районов крупных городов, молодежь растет в дворовых компаниях, возникающих в подобном контексте. Проведенный Д. В. Громовым (2009) обзор исследований молодежных уличных группировок на территории бывшего Советского Союза, содержащий данные за период с середины 1950-х годов по конец 2000-х, показал наличие у таких организаций сходных кодексов чести, предписывающих участникам агрессивное поведение на улице, преданность группе, а также устанавливающих ограничения на применение насилия

по отношению к детям, женщинам и старикам. Значительная степень ритуализации насилия в таких группах может быть отражением поздней модернизации России, культурного влияния деревенских традиций и практик ритуализованных молодежных боев⁵.

Казанские молодежные уличные группы обладают всеми универсальными характеристиками, выявленными Громовым. Однако выделившиеся из них группировки «силовых предпринимателей» (Volkov 2006; Волков 2012) — или, пользуясь терминологией, возникшей в 1990-е годы, бандитские группировки, — имеют свои характерные особенности, как то: деление на возрастные когорты, наличие сбора денег в *общак* (фонд группировки), четко определенные руководящие роли, а также тесные связи с организованной преступностью. В российском преступном мире предпринимательские группировки казанского типа были далеко не редкостью. К середине 1980-х годов аналогичные банды возникли по всей стране (Pilkington 1994, 143—144); в 1990-е годы они развернули широкомасштабную преступную деятельность, а в 2000-х годах на фоне экономической и политической стабилизации демонстрировали признаки социальной энтропии. В моей книге представлены известные к настоящему времени свидетельства о существовании и эволюции таких банд во всей России.

Возможно, отличительной особенностью казанских группировок следует считать высокую степень вовлеченности их членов в жизнь окружающего общества. Помимо маргинализированных, малообразованных и низкоквалифицированных молодых людей из неблагополучных семей в состав наших информантов входили и студенты из вполне благополучных семей. Многие работали на стройках и промышленных предприятиях. Среди опрошенных были даже управленцы младшего звена, врачи и юристы. Столь необычное положение дел (по крайней мере, с точки зрения авторов западных исследований преступных группировок) объясняется широкими возможностями трудоустройства в государственных учреждениях и сфере обслуживания, а также в промышленности и строительстве. В отличие от многих западных стран, прошедших через период деиндустриализации, в Татарстане молодые люди еще могут устроиться работать на производство, хотя физический труд, как и везде в России, оплачивается сравнительно

5 Не все группы одинаковы. Будучи преимущественно мужскими, некоторые принимают в свои ряды девушек, но их роль ограничивается вспомогательными функциями. Эти группы различаются также по численности, степени принуждения к членству, а также масштабам насилия и преступности.

низко и не может быть источником рабочей гордости и позитивной идентичности (Walker 2009). В Казани, с ее низким уровнем безработицы, пока не наблюдается положения, описываемого исследователями молодежных криминальных банд в США или Великобритании, где обитатели бедных районов и расовых гетто видят единственно возможный способ заработка в уличном распространении наркотиков (Hagedorn and Macon 1988; Taylor 1990; Padilla 1992). К тому же, как это ни парадоксально, из-за отсутствия последовательной политики борьбы с уличными группировками в России (в отличие от США или Великобритании) молодые люди, не совершившие тяжких преступлений, не подвергаются целенаправленной стигматизации и изоляции, а значит, получают шанс построить другую жизнь.

Настоящее исследование российских молодежных преступных группировок и их эволюции в контексте исторических изменений позднего социализма и в период перехода к капитализму — часть моего долгосрочного проекта, имеющего целью изучение социальной организации российского общества «снизу» в период постсоциалистической трансформации. В 1990-е годы я занималась исследованиями сообществ беспризорных детей и подростков, а также взрослых бездомных (Стивенсон 1998; 2000; Stephenson 2006; 2008). Среди прочего я изучала социальные связи и экономические стратегии таких людей в городской среде. Настоящая книга открывает еще одно направление. Здесь речь идет не о мире отчаяния и выживания, а о мире действия, авантюры, высоких ставок и головокружительных перспектив. Я хотела понять, как группы молодых людей через преступления и насилие пытались достичь богатства и власти и что в итоге произошло не только с ними, но и со всей страной.

СТРУКТУРА КНИГИ

В первой главе рассматриваются традиционные формы молодежного насилия и возникновение в 70-х и 80-х годах прошлого века предпринимательских группировок. Предлагается типология уличных организаций и банд, выделяющая четыре их вида: уличные группы сверстников, территориальные элиты, предпринимательские группировки и автономные правящие режимы. Здесь же прослеживается эволюция форм коллективного молодежного насилия в Казани под влиянием конкретных проблем и возможностей, возникших в результате стремительной урбанизации, развития теневой экономики и растущей социальной дифференциации.

Во второй главе исследуется рост уличных организаций как следствие кризиса советской системы и возникновения новых возможностей для развития предпринимательской деятельности в условиях хаоса переходного периода. Показывается, как социальная незащищенность, исчезновение источников существования и рост преступности толкали молодых людей к членству в различных низовых сообществах, включая преступные группировки. Описываются факторы, приводившие молодых людей в такие группировки, — от желания обеспечить личную безопасность и надежный источник средств к существованию до стремления к обогащению; анализируются также методы достижения поставленных целей. Далее рассматриваются сдвиги в составе криминальных группировок Татарстана, изменение практик насилия и территориальная экспансия на протяжении 1990-х годов, а также параллельное развитие аналогичных группировок в других регионах России.

В третьей главе исследуются источники дохода бандитских группировок. Рассматривается исторический контекст, способствовавший развитию экономического насилия в постсоветской России; анализируются социальные отношения, связанные с оказанием охранных услуг, и жесткие патрон-клиентские системы отношений, которые группировки устанавливали с предпринимателями и обычными гражданами. Приводятся примеры их проникновения в корпоративные и государственные структуры, описываются разработанные их лидерами социальные стратегии легитимации. Далее речь идет о том, как менялся бизнес группировок по мере усиления государства, о переходе от преимущественного занятия силовым охранным бизнесом к более специализированным уличным операциям и контролированию рынков нелегальных товаров и услуг — наркоторговли, нелегального игорного бизнеса, проституции и т. д.

В четвертой главе анализируется организационная структура группировки, способы, которыми она обеспечивает свое воспроизводство, и проблемы, с которыми она сталкивается в условиях растущей социальной и экономической дифференциации в ее рядах. Показано, что, невзирая на переориентацию руководящей верхушки на серьезный криминальный бизнес, сами группировки оставались формами слабо дифференцированных сообществ. Их эгалитарный характер и принципы личной преданности не мешали, а, наоборот, способствовали бизнесу, особенно в условиях постоянной нестабильности и высоких рисков. Именно эрозия уз солидарности, углубляющаяся вследствие социальной дифференциации, ослабляет группировку.

Пятая глава посвящена происхождению членов преступных группировок, их планам и устремлениям. Приводятся примеры различных

биографий. Обсуждается особая российская модель перехода из юношеской жизни во взрослую — «двойная спираль мобильности», при которой молодые люди делают одновременно и преступную, и обычную карьеру. Показывается, что члены группировок считают себя, как правило, «нормальными» членами общества, что они активно формируют различные социальные связи и особенно ценят неформальные отношения с представителями местной полиции и других силовых структур.

Шестая глава посвящена роли группировок в местном сообществе, их попыткам выступать в качестве агентов народного правосудия и народного насилия, ответственных за соблюдение территориально-социального порядка. Излагаются мнения местных жителей о группировках и о том, как они вписываются во взаимодействие между разными источниками власти в Татарстане и других регионах России.

В седьмой главе исследуются моральные правила группировки. Объясняется подход к анализу так называемых понятий, излагаются фундаментальные принципы, лежащие в их основе, а также рассматриваются сходства и различия между моральными правилами уличных пацанов и бандитов, с одной стороны, и членов воровского сообщества — с другой. Описывается изменение места и функций понятий в условиях рыночного капитализма.

В восьмой главе анализируются структуры чувств и поведения в мире уличного насилия; показывается, как они формируются в процессе членства в молодежных группировках. Описываются насильственные ритуалы и компромиссы, конфликты и пути их разрешения на основе понятий.

В девятой главе речь идет о культуре группировки; отмечается, что в разных социальных средах мир преступных группировок рассматривается либо как воплощение ценностей героической маскулинности и братских уз, либо как свидетельство сползания страны к примитивному насилию и господству своекорыстных кланов. Показывается, как бандитский кодекс чести и лексикон формируют новый язык общения, отражающий институциональные условия на всех уровнях российского общества — от улиц до коридоров власти.

В заключении обобщается путь развития уличных группировок в позднесоветский период и на этапе перехода к рыночной экономике. Завершает книгу оценка изменений, которые могут происходить в группировках под влиянием новых экономических и социальных реалий, возникающих в России.

1

Молодежные уличные организации и преступные группировки

Внимание советской общественности к существованию агрессивных молодежных группировок было привлечено в 1988 году статьей Юрия Щекочихина «Экстремальная модель», опубликованной в «Литературной газете». Статья содержала первое публичное упоминание о «казанском феномене». Как было видно из этой и дальнейших публикаций, в Казани существовали десятки молодежных банд, совершавших жестокие преступления. Аналогичные группировки, многие из которых сформировались еще в 1970-х годах, обнаружались в Набережных Челнах, Альметьевске, Нижнекамске, Буинске и других районах Татарстана, равно как и в других регионах СССР.

Чем объяснялся такой всплеск группового молодежного насилия в Казани, Татарстане и в других частях Советского Союза в 1970—1980-х годах? Чтобы понять причины происшедшего, рассмотрим традиционные формы молодежного насилия, а также процессы, вызванные ускоренной урбанизацией, растущей социальной дифференциацией и развитием теневой экономики в СССР.

ТИПОЛОГИЯ УЛИЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И БАНД

Жажущие приключений группы подростков, сражающиеся за свою территорию и постигающие в компании сверстников, что значит быть настоящим мужчиной, существуют во всем мире. Но, вступая в мир взрослых, молодые люди обычно оставляют уличные приключения в прошлом. По мере взросления большинство молодых людей постепенно отходят от приверженности к уличным сообществам и агрессивным молодежным субкультурам. Но те, кто приобрел на улице опыт преступной деятельности, могут и далее использовать насилие в корыстных целях (в английской и американской литературе об этом писали, в частности, Willis 1977; Collins 2011; Hobbs 2013).

Мир улиц — это, как правило, сочетание различных социальных объединений, территориальных и внетерриториальных, криминализованных и некриминализованных. Западные авторы предлагали множество определений и типологий уличных групп криминальной направленности. Современные криминологические классификации обычно различают такие группы по конкретным видам их незаконной деятельности (Klein 1971; Miller 1982; Sánchez-Jankowski 1991; Spergel 1984). Однако некоторые криминологи смотрят на проблему иначе, считая преступную деятельность не самым важным различительным элементом молодежных уличных организаций (Hagedorn and Macon 1988; Venkatesh 2000; Moore 1991; Kontos, Brotherton and Barrios 2003; Hallsworth and Young 2005). Более весомую роль, по их мнению, играет социальная организация молодежных групп и применяемые ими практики. Я придерживаюсь этой точки зрения и, соответственно, выделяю четыре их вида: *уличные группы сверстников, территориальные элиты, предпринимательские группировки и автономные правящие режимы*. Эти виды различаются по своей структуре, типу используемого насилия и объектам контроля.

Наиболее распространенный вид молодежной организации во всем мире — это *уличная группа сверстников* (McGrellis 2005; Kintrea, Bannister and Pickering 2011; McAlister, Scaranton and Haydon 2011). Хотя их часто рассматривают в одном ряду с преступными группировками, уличные группы сверстников характеризуются отнюдь не преступной деятельностью (которая обычно носит случайный и эпизодический характер) и не безотчетным бунтом против взрослых, а привязанностью к своей территории, на которой эти группы создают многочисленные горизонтальные неформальные связи.

В России подобные группы распространены повсеместно. В них, как правило, нет четкой иерархии и лидерства. В уличный круг обще-

ния часто входит несколько дружеских компаний из одного двора или микрорайона. Основной контингент таких групп — юноши в возрасте от тринадцати до семнадцати лет, хотя могут присутствовать и девушки. Мальчики — а иногда и девочки — часто примыкают к сообществу, начиная с семи-восьми лет, но, как правило, полноправными членами группы не считаются. Молодые мужчины покидают мир улиц после призыва в армию в возрасте восемнадцати лет или с переходом к трудовой жизни. В теплое время года подростки проводят время на улице, а с наступлением холодов перемещаются в подвалы и на чердаки. Они слушают музыку, вместе ходят на футбол или в кино, выбирают в парки и на природу — летом на шашлыки, а зимой для катания на лыжах. Схема традиционной городской жилищной застройки в России — несколько многоэтажных жилых домов с общим двором — создает идеальные условия для воспроизводства подростково-молодежных компаний.

Вырастая в уличных компаниях, молодые люди вырабатывают особые черты характера, которые можно отнести к «гегемонной маскулинности» — умение проявлять жесткость и храбрость, внушать уважение и страх (Connell, Messersmidt 2005). В коварной и непредсказуемой уличной среде эти мужские качества ценятся особенно высоко. В своей статье «Место действия» (Where the Action Is) Гоффман показал, что на улице, где происходит множество событий с неопределенным исходом, важнейшими качествами становятся сообразительность, смелость, умение быстро реагировать на провокации и демонстрировать уверенность в себе, самообладание и чувство собственного достоинства (Goffman 1967). Мальчики приобретают эти качества с раннего возраста, участвуя в уличных играх и драках, сталкиваясь с вызовами и трудностями дворовой жизни. Улица требует умения рисковать, принимать удар на себя, здесь нужна «способность получать и наносить телесные и словесные травмы» (211). Эти качества, отмечает Гоффман, превозносит «западный культ мужественности» (209).

В некоторых средах формируются территориальные группы, берущие на себя функцию по защите своей территории от чужаков (преимущественно молодежи из других районов). Такие группы существуют по всей России в виде *территориальных элит*. Ими часто руководят неформальные вожаки. Обычно это парни постарше, сильные и волевые лидеры, которых побаиваются и которыми восхищаются местные подростки. Территориальные элиты могут состоять из разных возрастных групп и подразделяться на «ранги»: «солдат», «лейтенантов», «генералов» и так далее. Несмотря на эту видимую стратификацию, их мир по-прежнему ближе к миру детской игры, нежели к миру современных организаций (Katz 1988).

Насилие в таких группах ритуализовано и направлено против групп, отнесенных к категории «врагов» (молодежи из соседних микрорайонов, иногда — этнических и расовых «чужаков»). Территориальные элиты — это, как правило, мужские формирования, члены которых видят себя элитными бойцами, хозяевами местного пространства (Suttles 1968). Отстаивая свою территорию, они вступают в драки с «чужаками» и преследуют «незваных гостей» (Головин, Лурье 2005; 2008).

Как правило, территориальные элиты возникают там, где у молодых людей сложилась определенная местная репутация, где окружающие их хорошо знают и понимают, чего от них можно ожидать. По мнению Рэндалла Коллинза, члены таких молодежных групп прибегают к «социальным технологиям насилия» — способам поведения и разговорным приемам, позволяющим молодым людям утвердить свое доминирование над противником без прямой физической конфронтации (Collins 2008, 332). Если насилие все-таки применяется, оно принимает форму ритуального поединка или организованной массовой драки.

И в России, и на Западе укоренившиеся территориальные практики чаще складываются не в столичных центрах, а на городских окраинах (Thrasher 1963 [1927]; Hallsworth 2005; Головин, Лурье 2008; Kintrea, Bannister and Pickering 2011). В России территориальные элиты обычно присутствуют либо на окраинах крупных городских поселений, либо на всей территории малых и средних городов. Существуют такие практики и в сельской местности. Исследования российских антропологов показали, что организованные драки между группами местной молодежи были по меньшей мере вплоть до 60-х годов XX века неотъемлемой частью деревенской жизни. Группы мальчиков 8—10 лет и подростков коллективно защищали свою улицу или деревню от сверстников из соседних районов. Иногда в этих драках принимали участие и взрослые. В таких территориальных битвах было принято придерживаться определенных правил: не применять оружие, не бить лежачего и не применять насилие по отношению к женщинам, детям и старикам. Ритуальные организованные драки были важной частью деревенских праздников; они часто приурочивались к свадьбам и другим важным событиям. В них проверялась сила противника и укреплялись ряды местных бойцов (Кабанов 1928; Бернштам 1988; Щепанская 2001; Морозов, Слепцова 2004).

Индустриализация и урбанизация России в конце XIX века сопро-вождались перенесением феномена массовых драк из деревень в рабочие кварталы. Джоан Нойбергер описывает групповые драки на окраине Санкт-Петербурга в начале XX века: молодые мужчины бились там

за территорию и состязались за внимание местных девушек (Neuberger 1993, 65). Пресса того времени сообщала, что они следовали строгому кодексу чести и дрались только по определенным, «узаконенным» в их культуре поводам. В целом, однако, о городских бандах на заключительном этапе существования Российской империи мало что известно.

В послереволюционной России появились многочисленные шайки беспризорных и безнадзорных детей. Они не вели территориальных войн, а занимались бродяжничеством, попрошайничеством и воровством ради пропитания⁶. Однако в послевоенное время территориальные бои между враждующими группами молодежи вновь стали обычным явлением в промышленных городах. Джулианна Фюрст (Fürst 2010, 185) объясняет это поиском идентичности и солидарности. Для молодых рабочих преданность своему предприятию или месту жительства «заменила семейные узы и деревенские связи».

Даже в позднесоветский период организованные групповые драки были привычным явлением в сельских районах и на городских окраинах, где жили горожане в первом и втором поколениях (Забрянский 1990, 129—130). Результаты исследований, проведенных во многих российских городах (Ульяновск, Улан-Удэ, Муром, Тихвин, Киров и др.), свидетельствуют о том, что молодежные территориальные группировки, пацанские «элиты», колонизирующие местные улицы и ведущие войну с «чужаками», продолжают существовать до сих пор (Громов 2009). Во многих городских районах организованные драки по-прежнему являются важной составляющей коллективной уличной жизни. Как и ранее, эти драки обычно происходят на нейтральной территории, например, на мосту над рекой, разделяющей два района, или в зимнее время на льду реки (Головин, Лурье 2005; 2008). Даже в таком современном мегаполисе, как Москва, молодежь участвует в организованных боях на окраинах, следуя ритуалам, напоминающим прежние деревенские драки. Как правило, молодые люди формируют боевой порядок, в котором самые крепкие парни располагаются на передней и задней линиях, а молодняк — по центру. Кому-то надо начинать драку, и зачастую один из старших выкрикивает оскорбления в адрес противника, пытаясь его спровоцировать. Иногда драку затевает лидер группировки, вызывая своего соперника на поединок. Если группировка или ее лидер терпит поражение, репутация территории страдает. В случае поражения молодых членов группировки

⁶ О безнадзорных детях в России в 1920—1930-е гг. и в период после Великой Отечественной войны см., например, Goldman (1993), Ball (1994), Kelly (2007), Fürst (2008; 2010).

в драку могут ввязаться старшие, пытаясь восстановить подорванную репутацию. Они могут также поручить молодым организовать ответную драку. В результате возникают продолжительные циклы организованных боев, в ходе которых окрестные группировки могут вступать в союзы, чтобы помочь друг другу. При этом принято платить услугой за услугу; в наше время оплатой за предоставление дополнительных бойцов нередко служит ящик-другой пива. Участники заранее оговаривают примерную численность бойцов и возможное применение оружия — цепей, арматуры или кастетов. Огнестрельное оружие и ножи запрещены. Территориальные элиты используют организованные драки для проверки своей силы, урегулирования споров и подтверждения границ групповой территории. Друзья бойцов часто записывают драки на мобильные телефоны и затем выкладывают видео на YouTube (см.: Стивенсон 2008).

Однако в определенные исторические периоды улица может порождать новые коллективные формы. Молодые парни, которым не удается интегрироваться во взрослое общество, не способное им предложить что-либо привлекательное, задерживаются в уличной группировке и по достижении того возраста, когда их предшественники обычно ее покидали, предпочитая работу или семью. От познания радостей и опасностей уличной жизни молодые люди переходят к формированию *предпринимательских группировок*. В них часто присутствуют структуры лидерства и деление на возрастные когорты. Опираясь на имеющиеся в их распоряжении ресурсы и преимущества — прочные местные связи, общую идентичность и дружеские контакты, а также навыки применения насилия, приобретенные на улице, — они могут создавать организации, способные заниматься масштабной преступной деятельностью. Насилие здесь становится средством получения экономической выгоды.

В определенных исторических условиях, обычно характеризующихся слабостью государства и возникновением плохо регулируемых рынков, такие группировки могут установить экономический и политический контроль над своими территориями, а их лидеры — внедриться в структуры государства или конкурировать с ним в качестве агентов социального порядка. Подчас они превращаются в организации мафиозного типа, которые «претендуют на политическое господство над районами своего проживания» (Paoli 2003, 142). Я называю такие структуры *автономными правящими режимами* — чтобы избежать ассоциации с мафией как особым итальянским феноменом. Такие группировки отличаются более жесткой организацией и пытаются установить силовой контроль над рынками и территориями. Но им практически никогда не

удается добиться полного господства; они сосуществуют с другими силовыми структурами и институтами, становясь частью своеобразного территориального калейдоскопа власти, системы «раздробленного суверенитета» на местном уровне (Shearing 1992). Они могут также включаться в более широкие внетерриториальные преступные сообщества.

Во всем мире известны примеры трансформации уличных организаций в предпринимательские группировки и автономные правящие режимы. Под влиянием войн, конфликтов и экономической разрухи, вызванной не в последнюю очередь неолиберальными реформами, некоторые уличные группировки в странах Латинской Америки превратились из свободных объединений сверстников в хорошо организованные предпринимательские группировки, занимающиеся наркобизнесом и в значительной степени контролирующие местные территории и более обширные районы (Arias 2006a, 2006b; Hagedorn 2008; Rodgers 2009).

Исследования, проведенные в США за период с 1980-х годов, показали также, что в условиях деиндустриализации и слабого контроля правоохранительных органов над бедными районами уличные банды могут превращаться в незаконные экономические предприятия, причем некоторые из них выступают в качестве местных институтов власти (Venkatesh 2000).

Схожие преобразования происходили и в России — сначала в небольших масштабах в 70-х — 80-х годах прошлого века, а затем в 1990-х годах массово в исторически уникальных условиях кризиса государственного социализма и перехода к капитализму. В настоящей книге я прослеживаю эти процессы на примере Казани.

КАЗАНЬ: ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ МОЛОДЕЖНОГО НАСИЛИЯ

Казань — столица Республики Татарстан, автономной республики в составе РСФСР в советское время, а ныне субъекта Российской Федерации. Население современной Казани этнически разнородно и состоит из славян (преимущественно русских) и неславянских народов, среди которых преобладают татары и чуваша — представители тюркской языковой группы. По данным переписи населения 2010 года, в Казани проживало 1 143 000 человек, в том числе 48,8 % русских и 47,5 % татар (Татарстанстат, 2010).

После взятия Казани — столицы Казанского ханства — войсками Ивана Грозного в 1552 году город и прилегающие к нему сельскохозяйственные районы стали на какое-то время восточной окраиной Россий-

ской империи. В результате дальнейшей территориальной экспансии Казань оказалась в глубине российских земель. На протяжении столетий русские и татары сосуществовали относительно мирно, чему содействовала успешная имперская политика религиозной и этнической терпимости. Обилие сельскохозяйственных земель также способствовало предотвращению межобщинных конфликтов в сельских районах.

Исторически на основе этих двух этнических групп сформировались разные общины, однако начавшаяся в середине XIX века индустриализация Казани привела к постепенному размыванию этнических границ татарских поселений. В 1854 году был упразднен отдельный татарский городской совет, и это положило начало процессу этнического смешения населения Казани. Несмотря на существовавшую межэтническую напряженность, русские и татары стали регулярно общаться (Geraci 2001, 42). Имеющаяся же напряженность часто проявлялась (а также снималась) в ритуализованных мужских боях.

Известен ряд литературных свидетельств о таких боях в Казани в XIX веке. Массовые драки происходили в пограничных районах между татарской слободой и русской частью города. Зимой молодые люди бились на льду озера Кабан, разделявшего русские и татарские кварталы. Свидетельства С. Т. Аксакова (1955, 167–168) и Ф. И. Шаляпина (1926, 19, 23–25, 69–72) о драках, которые они в молодости наблюдали в Казани, очень схожи, несмотря на восемьдесят лет, разделяющие описываемые события: рассказ Аксакова относится примерно к 1806 году, а Шаляпина — примерно к 1886 году.

Драки были тщательно организованы. Зачинщиками обычно выступали мальчишки. Вслед за ними в поединке сходились известные бойцы с обеих сторон. И только после этого в массовую драку ввязывались остальные участники. Аксаков рассказывал, что победившие часто преследовали противников вплоть до их домов и что иногда при появлении в русских кварталах татарских мужчин русские семьи, включая женщин, детей и стариков, вступали в драку. Шаляпин описывал несколько этапов драки, когда разные возрастные группы — мальчишки, подростки, юноши и взрослые мужчины в возрасте вплоть до сорока лет — поочередно сражались со своими сверстниками из противоборствующего лагеря.

Правила устанавливали многочисленные ограничения на применение насилия во время драки. Драться можно было только кулаками, причем запрещалось бить лежащих. Не разрешалось бить противника ногами и как-либо утяжелять рукавицы. Если кто-то пытался спрятать в варежке монету, пулю или иной металлический предмет, то в случае обнаружения его избивали совместно и русские, и татары.

ЭВОЛЮЦИЯ КАЗАНСКИХ УЛИЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В середине XIX века в Казани и на соседних территориях начался активный экономический рост, а к концу XX столетия регион из имперского захолустья превратился в крупную городскую и промышленную агломерацию. Российскую, а позднее советскую власть привлекали природные богатства региона (нефть и газ), а также огромные людские ресурсы, которые могли быть использованы для индустриализации (в конце 1950-х годов регион все еще был преимущественно сельскохозяйственным). В первоклассных учебных заведениях Казани, прежде всего в Казанском университете, учились многие известные студенты, в том числе Л. Н. Толстой и В. И. Ленин. Во время Великой Отечественной войны в Казань было эвакуировано несколько крупных промышленных и военных заводов, и к концу 1940-х годов в городе сформировалась развитая машиностроительная и авиационная промышленность. В 1960–1970-х годах индустриализация Казани, сопровождаемая массовой миграцией сельского населения в город, усилилась. Это привело к стремительному росту населения города — с 667 000 человек в 1959 году до 1 094 400 в 1989 году (РСЕ/РС 2005). Сформировался многочисленный контингент новых городских жителей, состоящий из русских, татар и представителей других национальностей, в значительной степени ассимилированный и проживающий в этнически смешанных районах в новостройках, строившихся главным образом для рабочих промышленных предприятий.

В демографическом составе населения преобладали молодые возрастные группы. По данным одного из источников, в конце 1980-х годов молодежь составляла почти половину всех городских жителей Татарской АССР (Исхаков 1998). Подростки проводили значительную часть времени на улице, без надзора взрослых, и создавали компании, где играли, дрались, совершали правонарушения и преступления, участвуя в конфликтах и стычках быть «настоящими мужчинами».

Фредерик Трэшер наблюдал аналогичные процессы в ходе урбанизации в США в первые десятилетия двадцатого столетия. Он связывает возникновение банд с социальной дезорганизацией в быстро растущих городских районах, где дети недавних мигрантов в отсутствие действенного контроля со стороны взрослых создавали свои уличные сообщества (Thrasher 1963 [1927]).

В Казани процесс формирования группировок активизировался в условиях бурного промышленного развития и массового жилищного строительства. Казанская журналистка Любовь Агеева, исследовавшая возникновение организованных преступных группировок

в городе, пишет, что одним из районов, где из аморфных уличных групп, участвовавших в эпизодических драках, возникли хорошо организованные банды, стал район крупного завода «Теплоконтроль» (Агеева 1991). Другой местный автор описывал этот район так: «Несколько хрущевок, построенных для заводчан, побережье озера Средний Кабан, частные дома поселка Калиновка и десятки квадратных километров промышленной зоны, когда территории заводов переходят одна в другую. Улицы освещаются только светом из окон, дороги разбиты» (Сафаров 2012, 8).

Один из лидеров будущей группировки «Тяп-ляп» Завдад Хантимиров (Джавда) переехал сюда с семьей, когда ему было пять лет. Агеева пишет, что вскоре после строительства жилых домов «Теплоконтроля» ребята из соседних деревень стали совершать набеги на своих новых молодых соседей. Молодежь «Теплоконтроля» разработала ответные — сначала оборонительные, а затем и наступательные — стратегии поведения. В подвалах многоквартирных домов создавались импровизированные спортивные залы, молодые люди вступали в секции бокса, совершали рейды на «вражескую» территорию и в итоге, объединившись с молодежью из соседних городских районов, сумели одолеть своих противников. Харизматичным лидером этой еще сравнительно неорганизованной группы стал Хантимиров. Вновь приобретенная власть проверялась на городских танцплощадках, над которыми группировка (хантимировцы) установила безраздельный контроль. В 1972—1974 годах они сумели победить своих соседей (коминовцев) и совершили несколько рейдов в другие районы с целью демонстрации силы. Группа сверстников превратилась в элитное территориальное формирование молодых людей, считающихся бесспорными хозяевами своей территории.

Как в большинстве уличных организаций социального, а не предпринимательского характера, членство в группировке начиналось в раннем возрасте и обычно прекращалось к восемнадцати годам, когда молодых людей призывали в армию. По данным казанских исследователей Гатаулина и Максудова (2002), драки были частью повседневной жизни группировок, «выстраивая» отношения между ребятами.

Однако история группировки не закончилась превращением уличной группы сверстников в территориальную элиту. Конец 1960-х — начало 1970-х годов ознаменовались появлением в СССР цеховиков. Это были руководители государственных предприятий, которые занимались крупномасштабным неучтенным выпуском и реализацией товаров, расширяя подпольное производство, возникшее после смерти Сталина в 1953 году (Grossman 1977). Существовал также черный рынок

сбыта дефицита, включая товары, добытые *фарцовкой* — незаконным приобретением, часто у приезжих иностранцев, и продажей джинсов, магнитофонов и т. п. Источниками «левых» доходов служили также валютные операции, подпольный игорный бизнес и букмекерские конторы, игра в бильярд на деньги, теневая торговля антиквариатом, незаконное производство алкогольной продукции, взятки за выделение участков на кладбищах, неучтенный оборот предприятий общественного питания и торговли.

Эта нерегулируемая сфера хозяйственной деятельности привлекла внимание профессиональных преступников. Сообщество воров в законе сформировалось в советских тюрьмах и лагерях преимущественно в годы Великой Отечественной войны, хотя зародилось еще в предреволюционных общинах преступников и обездоленных бродяг и нищих; зачатки его можно найти даже на более ранних этапах российской истории (Galeotti 2008; Siegel 2012). Воры в законе стали предлагать подпольным бизнесменам «защиту» в обмен на часть прибыли (Гуров 1990; Салагаев 2001): предоставляли им инвестиционный капитал, налаживали транспортировку и сбыт незаконной продукции, проводили контрразведывательные операции против конкурентов, сотрудничая при этом с коррумпированной советской номенклатурой (Соколов 2004; Sheloukhine 2008). Для преступных предпринимателей уличные молодежные группировки были важным силовым ресурсом. Впрочем, такие группировки и сами, независимо от воров, занимались вымогательством, вынуждая людей с незаконными доходами платить им дань. Они трансформировались в предпринимательские структуры, используя свой силовой контроль над территорией для получения прибыли. Они участвовали не только в рэжете, но и в других корыстных преступлениях — квартирных кражах, угонах автомобилей и уличных грабежах. Члены группировок не были, однако, профессиональными преступниками: они продолжали учиться в школах, ПТУ, техникумах и институтах, заниматься разнообразной законной трудовой деятельностью.

Несмотря на значительные различия в контексте, здесь видны схожие черты с группами рабочей молодежи в промышленных районах Великобритании и США, которые иногда трансформировались в предпринимательские структуры, занимавшиеся рэкетом под видом предоставления защиты, вымогательством, спекуляцией на черном рынке и воровством (Yablonsky 1962; Whyte 1993; McDonald 2000). Описывая развитие некоторых известных организованных преступных кланов Лондона, в частности группировок братьев-близнецов Крэй, Ричардсонов и др., Дик Хоббс отметил: «рабочие районы Лондона изобиловали локальными группировками, и территориальные ре-

жимы принуждения, определявшие личные и семейные репутации в этих кварталах, складывались в молодежных драках, наилучшим образом подготавливавших рождение мира корыстного бандитизма» (Hobbs 2013, 114). В Великобритании и США, пишет далее Хоббс, «бесчисленные хищники, вышедшие из рабочей среды, сделали свою грозную репутацию товаром, наживаясь на различных формах вымогательства» (117).

В Казани группа Хантиминова и другие местные уличные группировки из района «Теплоконтроля» со временем объединились в более крупную организацию под названием «Тяп-ляп», которую возглавил ранее судимый (но не член сообщества воров в законе) Сергей Антипов. Он вырос в Суконной слободе — районе, который описывал в своем повествовании о кулачных боях в Казани Шаляпин, — и, как большинство тамошних молодых людей, участвовал в коллективной уличной жизни. Отсидев непродолжительный срок в тюрьме за воровство и грабеж, Антипов создал секцию бокса для подростков «Теплоконтроля». Антипов не только обучал подростков боевым навыкам, но и требовал, чтобы они создавали сплоченные группы взаимопомощи, аналогичные тюремным «семейкам», формировавшимся из сокамерников или заключенных одного барака. Так, тяп-ляповцы купили мотоцикл одному из живших далеко ребят, который не успевал на тренировку, а другому члену группировки, получившему серьезную психологическую травму, оплатили пребывание в санатории (Салагаев 2001). Хантиминов стал заместителем Антипова. Другими заместителями были Сергей Скрябин, студент педагогического института, бывший пионервожатый, и Михаил Захарович, детский психиатр. Участие в группировках более образованных людей будет характерным и для постсоветского периода.

В начале 1970-х годов группа Антипова насчитывала 30–40 членов (Беляев, Шептицкий 2012, 71). Попытки Антипова перейти к серьезной преступной деятельности в районе «Теплоконтроля» натолкнулись на противодействие Сергея Данышина, еще одного неформального лидера местной молодежи. Данышин, который в подростковом возрасте также был членом местной уличной группировки, выступал против участия в преступной деятельности. Антипов считал, что Данышин отказывается заниматься «серьезным делом», так как из-за отсутствия судимости застрял в «советском» мышлении. В конце концов Антипов написал письмо другим членам руководства группировки, обвиняя Данышина в том, что тот донес на него в милицию. Авторитет Данышина среди молодежи «Теплоконтроля» был подорван, и вскоре его убили соратники Хантиминова (Гатауллин, Максудов 2002). Это событие ста-

ло предвестником ожесточенной борьбы среди бандитских главарей, которой предстояло обостриться в 1990-х годах.

Под руководством Антипова «Тяп-ляп» стала проводить политику захвата новых территорий, со временем подчинив себе весь Приволжский район Казани (Беляев, Шептицкий 2012, 73). Существовавшие дворовые компании становились филиалами группировки: присоединялись к ней либо мирным путем, либо в результате специальных «военных» операций, когда на членов местных групп нападали и предупреждали о необходимости войти в состав «Тяп-ляпа» во избежание неприятностей. Многие дворовые компании сохранили свою структуру, но получили новых лидеров, назначенных Антиповым. Зачастую в течение двух-трех месяцев дворовая компания превращалась в предпринимательскую группировку⁷.

К концу 1970-х годов группировка «Тяп-ляп» представляла собой союз целого ряда улиц, насчитывавший около двух сотен молодых парней в возрасте от пятнадцати до двадцати пяти лет. Как в тюремных группах, у каждой улицы были теперь свои «общаки» (общие фонды), в которые они регулярно делали взносы. В драках на смену ремням, цепям и кастетам пришло огнестрельное оружие. Группы выработали также собственный стиль одежды: темные телогрейки и шапки-ушанки, завязанные под подбородком. Эта форма сочетала в себе рабочий и тюремный стили одежды. Когда другие группировки стали одеваться так же, тяп-ляповцы начали носить значки с придуманной ими эмблемой — короной с буквами ТК («Теплоконтроль»).

Антипов руководил преобразованием союза территориальных групп в объединение предпринимательских группировок, занимающихся преимущественно вымогательством и предоставлением «крыши» подпольным советским производителям. Силовой ресурс «Тяп-ляпа» теперь пользовался спросом, и группировка стала обеспечивать безопасность перевозок незаконной продукции, которыми занималось автотранспортное предприятие, находившееся в районе «Теплоконтроля» (Салагаев 2005). Одновременно она вымогала деньги у так называемых спекулянтов, фарцовщиков, работников торговли и общественного питания, заведующих государственными складами и директоров кладбищ (прибыльный род деятельности и в советское, и в постсоветское время). Все это были работники советской сферы обслуживания, массово включенные во взаимоотношения не-

⁷ Интервью с К. Н. Новиковым, начальником Управления уголовного розыска МВД Татарской АССР, октябрь 1986 г. (цит. по: Салагаев 2001).

формального обмена («блата») и коррупции (Ledeneva 1998). Получая значительные теневые доходы от операций на черном рынке и взяточничества, они становились идеальными мишенями для вымогательства — тем более что не были склонны обращаться за помощью в правоохранительные органы. Банда сумела внедриться в структуры государственной власти. Хотя это официально не доказано, в уголовном деле были показания, что милиция покровительствовала группировке (Агеева 1991). После суда над «Тяп-ляпом» были уволены пятьдесят сотрудников милиции (Салагаев 2001).

Более молодые тяп-ляповцы занимались квартирными кражами, угонами автомобилей, катеров и мотоциклов, а также кражами дефицитных и дорогостоящих товаров: магнитофонов, импортной одежды и т. п. Некоторые участвовали в уличном вымогательстве, отбирая у прохожих деньги и ценности. Несмотря на антиобщественное и преступное поведение, члены «Тяп-ляпа» не считали себя агентами сопротивления советской власти. По имеющимся свидетельствам, они вообще не причисляли себя к преступникам. Как видно из материалов уголовного дела, члены «Тяп-ляпа» видели в себе добропорядочных граждан, которые в строгом соответствии с советской идеологией борются с «нетрудовыми» доходами спекулянтов. Как отмечала Агеева (1991), они рассматривали экспроприацию незаконных доходов и дорогостоящих потребительских товаров как «борьбу за социальную справедливость».

ДРУГИЕ УЛИЧНЫЕ СОЮЗЫ

Остальные казанские уличные группировки также претерпели изменения, схожие с теми, что произошли с «Тяп-ляпом». Некоторые стали защищать интересы групп предпринимателей, которым угрожала «Тяп-ляп». Некоторые сохранились в виде территориальных боевых формирований. Стремясь избежать поглощения бандой «Тяп-ляп», они оттачивали свое боевое мастерство и добивались признания в драках на местных площадках. Этот процесс — зеркальное отражение истории уличных банд в Америке, где тоже не все организации возникали в виде спонтанных молодежных объединений. Некоторые из них были организованы взрослыми — предпринимателями, рэкетирами, политиками (Chesney-Lind and Hagedorn 1999; Adamson 2000; Wacquant 2006, 274; Hagedorn 2007, 16) — или формировались для защиты своей территории от новых агрессивных групп. Как указывала Энн Кэмпбелл, «там, где мощная банда начинает угрожать окружающим районам, возникают новые банды, встающие на их защиту» (Campbell 1991, 236).

Уличные компании стали создавать союзы для защиты от «Тяп-ляпа». В уголовном деле «Тяп-ляпа» описано два таких примера — союз Новотатарской слободы, давних противников молодежи «Теплоконтроля», и группы «Манты», состоявшей из «свергнутых» «Тяп-ляпом» лидеров нескольких группировок. Война между «Тяп-ляпом» и «Новотатарской» за Кировский район закончилась победой «Тяп-ляпа»: район заявил о своем нейтралитете и отказался вступать в союз с «Новотатарской» (Гатауллин, Максудов 2002).

Чтобы отстоять свои права на ту или иную территорию в условиях стремительного раздела и передела города, группы вынуждены были укрепляться. Они привлекали новых членов, предлагая им не только защиту от посягательств, но также (как это принято и у членов воровского сообщества) материальную помощь в случае заболевания или тюремного заключения. Для оплаты непредвиденных расходов, в том числе похорон, создавались общаки. Группировки формировали структуры руководства, которые предусматривали военные советы и разделение на возрастные когорты. Они развернули деятельность в школах, где начали собирать деньги для общака. В каждом классе было по несколько членов группировки, и большинство школьников были вынуждены платить им ежемесячную дань в размере двух-трех рублей. Многие известные казанские группировки — «Борисково», «Грязь», «Жилка», «Кинопленка», «Калуга», «Перваки» и «Хади Такташ» — сформировались в те годы на основе союза нескольких уличных компаний. По данным МВД СССР, в начале 1980-х годов в городе действовало девяносто группировок, причем некоторые из них насчитывали от трехсот до четырехсот членов. В других городах Татарстана, в том числе в Набережных Челнах и Альметьевске, было также отмечено ширококомасштабное присутствие криминальных молодежных группировок (Акбаров 1999, 27).

Вот как описал историю своей группировки один из лидеров ОПГ (организованной преступной группы) «Перваки» (из микрорайона Первые Горки) Ренат Шагвалиев, известный также как Скиппи:

В микрорайон «Первые Горки» моя семья переехала в 1973 году. В это время на меня и моих одноклассников постоянно стали нападать ребята из микрорайона «Старые Горки». Нас избивали, отбирали велосипеды, коньки, клюшки и прочее. Когда мы стали постарше (примерно 15—17 лет), все пришли к общему мнению, что за себя надо стоять, сплотиться всем и оказать сопротивление «Старым Горкам». С тех пор ребята все объединились и стали называться «Перваки». Начались усиленные тренировки в спортзалах школы, секциях, запрет на алкоголь и курение. За образец была взята ОПГ «Теплоконтроль», которая на тот

момент, казалось, держала в руках весь город. За каждым старшим в ОПГ была закреплена пара человек, которых он сам воспитывал... В 1978 году я впервые вывел всех «перваков» на танцы в парк имени Горького для того, чтобы показать свою значимость. Там же происходили драки с другими казанскими группировками (Беляев, Шептицкий 2012, 206—207).

Как мы увидим далее, после скромного начала ОПГ «Перваки» превратилась в автономный правящий режим на подконтрольной ей территории. К середине 1990-х годов численность группировки достигала от трехсот до четырехсот человек. Ее члены контролировали один из городских рынков, кафе, нелегальные парковки и автосервисы, а также занимались вымогательством в своем районе и за его пределами (Нафиков 2012, 344—45; Сафаров 2012, 363—66).

Группировку «Хади Такташ» создали в 1980 году подростки, жившие в районе улиц Хади Такташ и Жданова. В 1982 году она была в числе первых казанских банд, взятых на учет органами МВД. В течение короткого времени ее численность достигла пятисот человек в возрасте от двенадцати до тридцати лет, то есть в группировку входили далеко не только несовершеннолетние (Беляев, Шептицкий 2012). В 1990-е годы группировка отошла от участия в массовых драках с другими группировками и занялась теневой торговлей полиэтиленовой крошкой, украденной с соседнего производственного объединения «Оргсинтез». Со временем она стала одной из самых могущественных ОПГ Татарстана (Сафаров 2012, 73).

Процесс формирования группировок в Казани и в целом в Татарстане стремительно ускорялся. Компании устраивали регулярные встречи, часто в школьных дворах, собирали общаки, открывали для подростков секции бокса и боевых единоборств и продвигали различные «деловые» начинания, включая уличное вымогательство и воровство — иногда просто с целью пополнения общака. Некоторые территориальные группировки перешли к более серьезной преступной деятельности — вымогательству и рэкету. Объектом их пристального внимания стала сфера услуг и коррумпированные советские управления. Другие продолжали защищать свою территорию, отстаивать честь группы, организовывать совместный досуг и оказывать поддержку своим членам — заболевшим или попавшим в заключение за уличные преступления (Агеева 1991; Салагаев 2005).

В то время группировки назывались «моталками» (от слова «мотаться»), «конторами» или «фирмами». Активные члены группировки, именовавшиеся «основными», подразделялись на следующие возрастные группы: «шелуха» (9—10 лет), «супера» (11—13 лет), «молодые»

(14—16 лет) и «старшие» (от 17 и старше), хотя в разных группировках названия возрастов могли варьироваться. Аналогичная возрастная стратификация практиковалась территориальными группировками во многих других регионах СССР (Pilkington 1994). «Молодые» — наиболее активные члены группировок, основные «мускулы» в драках с бандами из других районов. В этих схватках они часто использовали металлическую арматуру, кирпичи и дубинки. «Старшие» определяли «политику» группировки и проводили значительную часть времени на дискотеках, где провоцировали бурные стычки с другими парнями. По возвращении из армии многие молодые люди не выходили из состава своих прежних компаний, как было принято раньше, а, напротив, становились неформальными лидерами, «авторитетами».

Как и тяп-ляповцы, участники этих групп имели свою символику и обозначали границы своей территории (Плаксий 1990). Иногда территориальное размежевание осуществляли крайне изобретательно — группировка «Чайники», например, подвешивала чайники к фонарным столбам. Члены группировки младших возрастов патрулировали границы своего микрорайона и, высматривая «незваных гостей» из других микрорайонов, дежурили в ключевых точках — на автобусных остановках, в парках и на детских площадках. К середине 1980-х годов не осталось ни одной улицы, которая не принадлежала бы какой-нибудь группировке (Сафаров 2012, 19).

В условиях развернувшегося соперничества за власть и контроль над территорией групповые драки также претерпели изменения. Если раньше они были средством «формирования характера» молодых людей и одним из основных ритуалов коллективной жизни, то теперь стали инструментом достижения конкретных групповых целей: демонстрации силы, запугивания противников и захвата новых территорий. Прежние кодексы чести были забыты. Драки часто перерастали в настоящую войну и вендетту (Гатауллин, Максудов 2002). Члены группы должны были всегда сохранять боевую готовность: находиться в хорошей физической форме, заниматься спортом и регулярно тренироваться в спортзалах. Под угрозой наказания запрещалось употреблять перед драками спиртные напитки (Кашелкин 1990б).

Войны между молодежными группировками стали обычным делом. В 1989 году на вопрос журналиста, из-за чего возникают драки, лидер одной из казанских «контор» ответил:

Не из-за чего. Чтобы держать «контору» в боевой готовности, поддерживать дисциплину и уважение к «старшим». От безделья любая группировка развалится. Вот мы и объявляем войну то одному району, то

другому. Пускай «молодые» лупят друг друга... Иногда наше войско дерется, а мы с лидером враждебной «конторы» в кабаке сидим (Смольников 1989).

В новых условиях борьбы молодежных группировок за власть угроза насилия стала повсеместной. Сорокадвухлетний Никита, бывший член местной молодежной группировки, описал в интервью свою жизнь в Казани до призыва в армию. Улицы стали местом постоянных групповых драк. Более того, мальчишки из разных группировок даже дрались в школе во время занятий. Во время урока дверь класса могла открыться, и член банды вызывал своего противника в коридор для разбирательства. Никита, который занимался боксом, не был уверен, что в одиночку сможет защитить себя. Он решил присоединиться к группировке, базировавшейся в доме через дорогу. На всякий случай он продолжал дружить со своими соседями, которые входили в другую группировку. И все же однажды он схлестнулся с парнем, который оказался одним из лидеров «Тяп-ляпа». На следующий день тяп-ляповцы ворвались к нему домой, выволокли его из ванны, затолкали в автобус, где уже ожидали еще около тридцати человек, и отвезли на кладбище. Там стали рыть для него могилу, и лишь чудом подросшие друзья, которых подняли на ноги соседи, спасли его от казавшейся неминуемой смерти.

Волна насилия, исходившая от банды «Тяп-ляп», практически не встречала противодействия, так как советское руководство боялось признать существование проблемы организованной преступности в социалистической стране. Так, в 1976 году члены «Тяп-ляпа» устроили разборку с другими группировками, стреляя друг в друга из машин в самом людном месте города, но этот инцидент не получил огласки. Правоохранительные органы замаяли его, опасаясь навлечь на себя гнев Москвы (Сафаров 2012, 10). Не ограниченное другими источниками власти, насилие нарастало все быстрее. Стремление «Тяп-ляпа» к общегородскому признанию и колонизация всех «неконтролируемых» пространств Казани вылилась в преследование не состоявших в банде подростков и сопротивлявшихся ее господству территориальных групп. Банда использовала грубую силу и против дельцов черного рынка, отказывавшихся платить дань. В уголовном деле есть показания об избиениях и убийствах непослушных барменов и работников торговли. В городе основные «акции» разворачивались вокруг дискотек, где тяп-ляповцы провоцировали драки с местной молодежью. Кроме того, в деле описан эпизод, когда большая группа «тяп-ляповцев» на специально арендованных автобусах подъехала к Дворцу культуры имени Урицкого, ворвалась в зал и начала избивать всех подряд (Агеева 1991).

Развязка наступила в августе 1978 года. «Тяп-ляп» решил провести показательную акцию устрашения против своих старых врагов — Новотатарской слободы. Группа из 40—50 человек, вооруженных огнестрельным оружием и металлическими прутьями, в масках, приехала в Новотатарскую. Они расстреливались по обеим сторонам улиц и начали избивать и беспорядочно стрелять в прохожих. В результате у своего дома был убит 74-летний ветеран войны, а десять человек, в том числе двое сотрудников полиции, получили ранения. Этот рейд казанские правоохранительные и партийные органы проигнорировать не смогли⁸. Следствие и суд длились с 1978 по 1980 год. В результате два лидера группировки (включая Хантимирова) были приговорены к смертной казни, а двадцать восемь ее членов получили длительные сроки тюремного заключения. В период с конца 1950-х по середину 1980-х годов дело «Тяп-ляпа» было единственным судебным делом, по которому группу молодых людей осудили за организацию вооруженной банды (Салагаев 2001). Даже в этом случае власти пытались представить случившееся как обычное уголовное дело.

Осуждение членов банды «Тяп-ляп» привело лишь к недолговременному затишью. Примерно с 1982 года Казань вновь стала ареной боев за «асфальт». Молодежь выходила драться улица на улицу, квартал на квартал. Жители города чувствовали свое бессилие перед лицом молодежной преступности. Правоохранительные органы активно преследовали группировки, сажали в тюрьму их членов, но создавалось впечатление, что эти меры лишь способствуют их усилению. Осужденные лидеры возвращались из тюрем еще более опытными и решительно настроенными. Привлечение в банды новых членов набирало ход. Количество групповых преступлений, совершенных несовершеннолетними, резко возросло — со 161 в 1984 году до 454 в 1989 году (Агеева 1991, 181, 236, 246).

Банды совершали набеги в соседние города — Набережные Челны, Чистополь, Нижнекамск и другие — и даже предпринимали рейды в Москву и Ленинград. Иногда молодые люди просто слонялись около Казанского вокзала в Москве или выбирались в центральные районы столицы. Группы парней, одетых в казанскую уличную униформу — темные телогрейки и войлочную обувь типа «прощай, молодость», — пугали местных жителей

⁸ Первый доклад с грифом «секретно» о наличии в СССР организованной преступности был написан в 1982 г. советскими криминологами из Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. Он был встречен в штыки рядом должностных лиц (Долгова 2003, 419 прим. 1).

своим агрессивным поведением и хмурым видом (Сафаров 2012, 18—19). Иногда эти поездки были отнюдь не туристическими — молодые люди напали на местных подростков, занимались воровством и квартирными кражами. По данным МВД, половина всех преступлений, совершавшихся в московском регионе приезжими, приходилась на группировки из Поволжья (Казань, Набережные Челны и Чебоксары). Одной из целей таких рейдов было пополнение общака банды. В. С. Овчинский, исследовавший поведение участвовавших в рейдах правонарушителей из казанских группировок, отмечал, что они не признавали свое поведение преступным и объясняли его желанием иметь модную одежду и деньги. Они утверждали, что «такое поведение распространено в той местности, откуда они родом». У информантов было сильно развито чувство социальной депривации и несправедливости (Овчинский 1990, 193).

Исследования показали, что к концу 1980-х годов в Казани каждый третий молодой человек в возрасте от 12 до 18 лет входил в какую-либо группировку (Плакий 1990, 90). В еще одном исследовании отмечается, что до 30 % несовершеннолетних казанских нарушителей закона были «мотальщиками» (Овчинский 1990). Авторы этих работ указывали на происходивший в начале 1990-х годов процесс укрупнения банд; по данным полиции, в то время в Казани действовали 68 банд, имевших 1500 активных членов (Акбаров 1999, 97).

К этим цифрам следует относиться с осторожностью, так как в публикациях не давалось четкого определения банд и не характеризовались методы сбора информации. Тем не менее очевидно, что проблема насилия в молодежной среде стала чрезвычайно серьезной. По данным МВД, только в 1988 году в Казани произошло 87 массовых драк. Советские криминологи отмечали рост насилия и более частое применение оружия — металлических прутьев, лопат, ножей, самодельных взрывных устройств.

ГОЛОСА ИЗ ПРОШЛОГО: ПИСЬМА ЧЛЕНОВ ГРУППИРОВОК В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ВЕЧЕРНЯЯ КАЗАНЬ»

Судебный процесс над бандой «Тяп-ляп» в 1979—1980 годах не освещался в прессе. Однако со временем, вопреки нежеланию советских властей признать существование организованной преступности среди молодежи, эта тема стала предметом публичного обсуждения. Первые упоминания драк между уличными группировками появились в местных газетах в 1983 году. В них были представлены взгляды их членов и подростков, не входивших в банды, а также родителей и учителей.

Л. Агеева (1991, 49—55) процитировала выдержки из писем, поступивших в редакцию газеты «Вечерняя Казань», где она тогда работала, в то время, когда город охватили панические настроения, вызванные столкновениями между бандами подростков. Один молодой человек рассказывал, что создал свою собственную группировку по той причине, что опасался нападений:

Самым страшным было для нас нарваться на ребят старше себя на 2—3 года. ...Нас били, издевались, унижали, постоянно отнимали деньги. Я решил бороться с ними любым путем. Пошел в школу бокса. ...Но если их было трое-четверо, силы оказывались неравными, и побеждали они. Тогда я решил найти другой способ борьбы. Собрал знакомых ребят своего возраста (в основном из класса и двора) и сказал, что мы должны сообща бороться против таких. Вот так сформировалась наша группировка (Агеева, 49).

В качестве примера попыток самооправдания или «приемов нейтрализации» (Sykes, Matza 1957) делинквентного поведения можно привести отрывок из письма, в котором молодой человек пытался морально обосновать необходимость своего участия в группировке:

Понимаю, что в «мотании» больше минусов, чем плюсов. Но если тебя воспитывают в группировке в духе товарищества и взаимовыручки, а не просто велят сидеть там по вечерам с 6 до 9 и высматривать «чужаков», то это нормальная «контора». Из нашей, например, восемь человек служили в Афганистане, один из них погиб. Посмертно его наградили орденом, он спас девушку (49).

Мы видим попытки оправдать действия группировок ссылками на то, что многие их практики были нормальными для советской молодежи, а сами группировки разделяли ценности товарищества и патриотизма. Авторы других писем рисовали романтизированный образ банды, представляя ее местной боевой элитой. Один молодой человек писал:

На мир мы никогда не пойдем. Потому что, если в Казани все «конторы» заключат мир, пропадет в подростках, как бы это лучше выразиться, стимул, что ли. А я хочу, чтобы именно мы были «королями», именно нас уважали в городе (50).

«Мотаны» нравятся девчонкам, пользуются уважением у сверстников, — отмечал автор другого письма (55).

Несколько подростков прислали коллективное письмо, в котором жаловались на то, что мальчишек в возрасте от десяти до двенадцати лет заставляют участвовать в драках и дежурить на автобусных остановках. Пятнадцатилетний парень писал, что из девятнадцати мальчишек его класса только семь не были членами банды. Один автор жаловался:

Полностью поддерживаю мнение <...> о встрече представителей всех «контор» где-нибудь в одном месте и заключении между ними мира. Надоело жить под страхом того, что никуда невозможно выйти дальше своей «коробки». Всюду могут «тормознуть», избить, снять вещи (Агеева 1991, 53).

Интервью, взятое корреспондентом журнала «Здоровье» в 1989 году, ярко показывает трудности, с которыми сталкивались подростки, изначально пытавшиеся держаться подальше от уличных группировок. Информант — лидер одной из группировок в возрасте двадцати с небольшим лет, вступил в группировку в начале 1980-х годов, когда ему было двенадцать:

Это в шестом классе было. Я тогда уже борьбой занимался. Классической. Но «мотаться» не ходил. В группировке нашего микрорайона, значит, не участвовал. Однажды пошел с другом в кино. А там возле кинотеатра место сбора другой «конторы». А мы не знали. Ну, к нам и пристали. Человек тридцать. Обступили. «Где живете? — спрашивают. — За кого «мотаетесь»? «А мы сами по себе, — отвечаем. — Некогда нам «мотаться». «А деньги, — спрашивают, — есть?» У нас с собой тогда рублей восемь было. Деньги отобрали. Да еще и по шее надавали. И так мне обидно тогда стало, что заревел даже. А «мотальщики» из нашего микрорайона смеются. «Что, — говорят, — по-прежнему не хочешь к нам? Так быть же тебе битому и впредь!» Через месяц история повторилась. Мне досталось уже от другой «конторы», когда я провожал девчонку. Да так, что я попал в больницу с сотрясением мозга. После этого я не выдержал и пришел в группировку нашего микрорайона. Все, говорю, принимайте меня в свою компанию (Смольников 1989).

МОЛОДЕЖНЫЕ ГРУППИРОВКИ В ДРУГИХ РЕГИОНАХ СССР

Казань была не единственным местом, где молодежные дворовые компании превращались в организованные территориальные элиты и предпринимательские группировки. Согласно исследованию, прове-

денному советскими криминологами (Прозументов, Шеслер 1990, 225), к началу 1990-х годов такие формирования существовали во многих регионах страны. Исследователи отмечали лучшую организацию этих формирований и более высокий уровень практикуемого ими насилия в сравнении с прежними уличными правонарушителями.

По данным МВД, в 1988—1989 годах в Горьковской области было зарегистрировано 30 агрессивных уличных группировок, а в Чувашской АССР — 22. В Волгограде, Ижевске, Саранске, Ярославле и Калуге насчитывалось по 10—20 таких группировок (Прозументов, Шеслер 1990, 225). Опрос учащихся школ и ПТУ Волгограда показал, что 32 % учащихся ПТУ и 22,5 % школьников были членами «досуговых уличных группировок с культом силы, защищающих свою территорию» (Сибиряков 1990, 170—171). Как сообщалось, в некоторых городах группировки даже совершали нападения на сотрудников милиции. Описывая группировки, действовавшие в регионах, криминологи выделяли такие их черты, как участие в групповых драках, возрастная стратификация, наличие лидерства и внутренней дисциплины, сбор средств в общаки и занятия спортом (прежде всего боксом и боевыми единоборствами). Группировки были в основном мужскими, хотя в некоторых допускалось членство девушек (Кашелкин 1990б; Прозументов, Шеслер 1990; Сибиряков 1990; Бааль 1991).

Трудно все же судить, насколько организованными и жестокими эти группировки были в действительности. Большая часть имеющихся данных была получена из материалов уголовных дел, в местах лишения свободы и в комиссиях по делам несовершеннолетних. Никто не исследовал уличные группировки в их собственной среде. Конкретные уличные практики, социальная организация таких группировок и степень их криминализации не входили в сферу интересов исследователей.

Отличительной чертой, характерной в дальнейшем и для постсоветских группировок, стало присутствие в их руководстве ранее судимых лиц и спортсменов. Бывшие заключенные привносили в жизнь группировки организационный опыт и навыки, внедряли уголовные принципы («понятия») и ритуалы; в спортсменах высоко ценились самодисциплина и хорошая физическая форма. Некоторые спортсмены, вне зависимости от наличия уголовного прошлого, сами создавали спортивные секции для молодежи, трансформируя их затем в собственные группировки (Акбаров 1999).

С. А. Белановский (2009) описал развитие ситуации в рабочем районе на юго-востоке Москвы, вблизи станции метро «Ждановская» (теперь «Выхино»). В 1970-е годы некоторые подростковые группы стали трансформироваться здесь в предпринимательские группировки.

Как пишет Белановский, существенную роль в этом процессе сыграли бывшие уголовники. К середине 1980-х годов уличные группы объединились в крупную группировку под названием «Жданы». Во главе каждой команды, как правило, стоял человек, побывавший в местах заключения. Существовали возрастная иерархия и система внутренней дисциплины. Многие члены «Жданы» активно занимались спортом. Все собирали деньги в общак. Группировка занималась рэкетом и вымогательством, не брезгуя и уличной преступностью. «Чужаков», оказавшихся на подконтрольной территории, могли избить и ограбить.

Аналогичные процессы трансформации подростково-молодежных уличных групп в преступные организации наблюдались в 1970-х—1980-х годах на Дальнем Востоке. Члены уличных подростковых компаний устанавливали границы своих территорий в ожесточенных драках с другими компаниями и постепенно переходили к рэкету и другим преступлениям. В 1996 году о тех днях рассказал в беседе с журналистом один из лидеров местной уличной группы Анатолий Ковалев (Коваль), ставший впоследствии видным главарем ОПГ:

Я коренной житель Владивостока, родился и вырос в Моргородке, в семье без отца. Мать часто уезжала в командировки, и с раннего возраста был предоставлен сам себе. Как большинство моих сверстников, я ходил на танцы. Сегодня мало кто помнит, насколько популярны тогда были танцы. Молодежь собиралась у Дома культуры, чуть дальше у ресторана «Океан», во Дворце культуры и перед подводной лодкой [памятник]. В то время мы не пили и не курили. На танцах всегда были драки. Тогда произошел серьезный раскол между районами города... В то время мы были знакомы и связаны со всеми. Мы хорошо знали друг друга и поэтому могли свободно появляться в других районах города... Тогда не было никаких преступных группировок, только хорошие товарищи. Я в этом ничего плохого не вижу... Конечно, в то время стали возникать кое-какие связи, но не в преступном плане. Не буду, правда, отрицать, что, когда появились барахолки, где моряки продавали импортные джинсы, мы их у них забирали, а платили ровно столько, сколько они реально стоили. То есть мы не занимались спекуляцией (цит. по: Holzlehner 2007, 57—58).

Хольцленер полагает, что Ковалев специально представил свою историю таким образом, желая оправдать собственное поведение. Он рассказывал о своих прошлых делах как о чем-то обычном, не выходящем за рамки «нормальной» жизни молодого человека того времени. Однако не следует воспринимать его повествование как однозначную фальсификацию. То, как он описывает происхождение своей группы,

указывает на некоторые ключевые особенности генезиса организованной преступности в России. Несмотря на участие в ней представителей различных слоев общества, социальные и культурные корни организованной преступности крылись в уличных мужских компаниях.

Дальневосточные группировки, как и казанские, развивались под влиянием организации, принципов и ритуалов сообщества воров в законе. В местах заключения лидеры группировок постигали принципы воровского общественного устройства и тюремной культуры в целом (Олейник 2001а). Выходя на волю, они становились носителями тюремных ритуальных практик и моральных правил. Как рассказывал авторитет Податев (Пудель) из Приморского края, после освобождения из тюрьмы он столкнулся с крайними формами «беспредела», творившегося на воле, где агрессивные группировки воевали друг с другом за контроль над территорией. Он считал, что сама идея воровского братства позволяет установить общие правила поведения для «хулиганствующей» молодежи, разрозненных преступных группировок и преступников-одиночек. На местах можно было также организовать воровские общаки. Он начал формировать их по всему региону⁹. В конце 1980-х — начале 1990-х годов структуры и принципы тюремных сообществ оказывали значительное влияние на мир улиц.

ЛЮБЕРЫ

Одним из широко известных мест, где уличные компании молодежи превратились в агрессивную территориальную элиту, стал подмосковный город Люберцы. Между Казанью и Люберцами существует много параллелей. Люберцы, как и Казань, пережили интенсивную индустриализацию, сопровождавшуюся массовой трудовой миграцией, и в возрастном составе населения здесь наблюдался сдвиг в сторону более молодых групп (Белановский 1990).

Люберцы возникли в конце XIX века как поселение, сложившееся вокруг завода для производства паровых машин. Промышленное строительство продолжалось в последующие десятилетия и активизировалось в послевоенный период. К городу были присоединены близлежащие поселки, и к 1980-м годам он стал одним из крупнейших индустриаль-

⁹ Дальний Восток: хроника организованной преступности. Обзор прессы 1997 — август 2003 г. [Электронный ресурс] // Дебри-ДВ [сайт]. URL: <http://www.debri-dv.com/article/2125> (дата обращения: 5 мая 2013).

ных районов Подмосковья. В нем находилось около 60 крупных предприятий тяжелой промышленности. К концу 1980-х годов численность населения Люберецкого района составляла около 400 тысяч человек, большая часть которых была промышленными рабочими. Так же как в Казани и многих других городах, в Люберцах сложились многочисленные уличные молодежные компании. Межгрупповое насилие ограничивалось традиционным мужским кодексом чести, запрещавшим бить детей, девушек и парней, если они сопровождали девушек. Как и в других местах, запрещалось использовать в драке оружие; как правило, в конфликт вступали с противником, примерно равным по силе. После службы в армии молодые люди обычно покидали улицу, и многие из тех, кто выбирал рабочие профессии, устраивались на работу на оборонные предприятия (Белановский 1990).

В начале 1980-х годов люберецкая молодежь повально увлеклась культуризмом. Молодые люди превращали подвалы своих многоквартирных домов в импровизированные спортзалы и начинали «качаться». В то время как некоторые юноши — так называемые спортсмены — всерьез увлекались бодибилдингом, другие, «хулиганы», занимались уличными драками и мелкими преступлениями. Как их казанские «коллеги», они установили контроль над местной территорией, а затем стали совершать вылазки в близлежащие районы Москвы. Иногда эти вылазки сводились к поездкам групп «люберов», как их теперь называли, до Казанского вокзала, посещению вокзального туалета и возвращению домой (Громов 2006). Но чаще они нападали на хорошо одетых молодых москвичей, которых называли на жаргоне того времени «мажорами», на представителей молодежных субкультур, хиппи, панков и других, а также на членов столичных уличных групп, с которыми их связывали длительные отношения взаимной вражды. Случались и нападения на представителей национальных меньшинств. У мальчишек в возрасте 11—13 лет особой популярностью пользовались групповые посещения международных выставок в Москве, где они выпрашивали или воровали импортные значки, ручки и яркие полиэтиленовые пакеты — по тем временам большие ценности. На выходе с выставок между московскими и люберецкими парнями часто разгорались драки за эти «трофеи» (Громов 2006). Также сообщалось, что некоторые лидеры люберов с криминальным прошлым использовали молодых членов группировки для рэкеты спекулянтов (Яковлев 1987).

Несмотря на отсутствие точных данных о составе люберов, живших в социально смешанных районах, можно утверждать, что основные черты этой молодежной субкультуры сформировались под влиянием представлений о мужественности, свойственных рабочей среде, в которой

традиционно придается особое значение физической силе и умению себя поставить. Как и представители других молодежных субкультур рабочего класса (например, скинхеды), люберы были, кроме того, еще и социально консервативными — с той оговоркой, что для них консерватизм означал защиту советского социалистического порядка. Это были пригородные борцы за моральную чистоту, выступавшие против испорченной городской молодежи. Вот как, например, один из бывших люберов объяснял, почему он и его товарищи нападали на спортивных болельщиков:

Они идут, ломают, допустим, палатки какие-нибудь, киоски газетные. А мы... толпа такая, человек сто с лишним на сто с лишним — драка. То есть порядок наводили опять же (Громов 2006, 28).

Как и казанские группировки, люберы сумели завязать широкие связи, в том числе и с представителями советских органов власти. Но есть и отличие: отношения казанских группировок с милицией были основаны на коррупции, тогда как люберы использовались советскими правоохранительными органами в качестве низовых агентов общественного порядка. Милиция считала членов этой субкультуры союзниками в борьбе с прозападными молодежными группами, а также с агрессивными неофашистами. Так, в апреле 1982 года по наводке милиции люберы разогнали приуроченную ко дню рождения Гитлера демонстрацию неофашистов. Д. Громов цитирует выдержки из интервью с одним из бывших люберов:

Идея была в том, что не должно быть ни пацифистов, ни нацистов, ни кого-то еще подобных. Мы воспринимали все так: вот мы ведем здоровый образ жизни, качаемся, спортом занимаемся, а кто-то там с цепями ходит, лозунги какие-то выкрикивает. Все это казалось нам... ну, неестественно. И потом, нас всему этому и комсомол, и пионерия учили. Мы за идею шли. Мы не шли ради денег, как позже молодежь, которая стала бандитами (Громов 2006, 27).

Люберы вызвали панические настроения в российском обществе того времени (Pilkington 1994). Пресса представляла их молодежью рабочих окраин, одержимой иррациональной ненавистью к московским сверстникам. Многие представители интеллигенции считали, что организации люберов созданы властями для борьбы с зарождающимися «неформалами». Ходили слухи, что люберы носили значки с изображением В. И. Ленина. Громов пишет, что это было мифом,

и отмечает, что в люберецкой субкультуре «идеологическая» мотивация не играла существенной роли (Громов 2006). Большинство люберов вели образ жизни, типичный для их сверстников: ходили на дискотеки, в парки, в кино и вступали в конфликты с другими молодежными компаниями. По мнению Громова, их численность также преувеличена. Большинство жителей Люберец узнавали о существовании люберов из прессы. Однако, как и в других ситуациях моральной паники, поднявшаяся шумиха способствовала притоку в эту субкультуру новых участников, причем не только в Люберцах (ср.: Cohen 1972). Молодые люди из других регионов также стали совершать рейды в Москву с целью нападения на московскую молодежь. Люберецкая субкультура очень быстро распространилась на периферийные московские районы (Капотню, Перово, Текстильщики) и другие города. К концу 1987 года в различных регионах СССР появились группы молодых людей, идентифицировавших себя с люберами (Белановский 1990).

Однако к концу 1980-х годов субкультура люберов оказалась в упадке. Власти поняли, как трудно держать эти молодежные группировки под контролем, и милиция, изначально благожелательно к ним настроенная, стала преследовать люберов. Даже те из них, кто искренне верил, что защищает советские ценности, в скором времени отошли от политики. В ходе перестройки советская идеология стремительно теряла популярность. Силовой ресурс люберов нашел новое применение в экономике, складывавшейся вокруг зарождающихся кооперативов и частных предприятий. После 1988 года их внимание переключилось с «неформалов» на появляющихся кооператоров и, позднее, частных предпринимателей, и люберы активно занялись рэкетом (см. гл. 2).

ПРИЧИНЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВЕТСКИХ ПОДРОСТКОВО-МОЛОДЕЖНЫХ УЛИЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Возникновение агрессивных молодежных группировок стало неожиданностью для советских криминологов. На протяжении многих лет молодые люди, практиковавшие уличное насилие, считались хулиганами и мелкими преступниками. В немногочисленных исследованиях, посвященных проблемным подросткам, речь шла в основном о воспитанниках детских домов и специальных школ для несовершеннолетних правонарушителей. Некоторые ученые видели одну из причин молодежной преступности в неправильной социализа-

ции — частом следствии воспитания детей в неполных или пьющих семьях. Делинквентное поведение объяснялось либо индивидуальной психопатологией, либо определенным этапом в жизни подростка, когда он особенно уязвим для пагубного влияния. Групповое насилие и преступность исследовались мало; специалисты обычно занимались поиском путей «усовершенствования» работы с молодежью, которую должны были вести различные официальные организации: комсомол, школа, местные органы власти и т. п.

При этом в первой половине 1970-х годов был зафиксирован резкий рост подростковой преступности — тенденция, сохранившаяся и в следующем десятилетии. У власти, однако, это не вызывало серьезной озабоченности (McAuley 2009). Другое дело — организованная преступность и насилие. Процесс над бандой «Тяп-ляп», состоявшийся после того как власти долгие годы пытались скрыть любую информацию об агрессивных молодежных группировках, выпустил джинна из бутылки. Проблема «новых форм подростковой преступности», как и возникновение межрегиональных преступных сообществ, стала предметом публичного обсуждения. Советские авторы предлагали все те же объяснения: отсутствие молодежных клубов и других молодежных учреждений, недостаточный контроль со стороны комсомола, школы и местных органов власти, а также общее ослабление социалистической морали среди молодежи (Бааль 1990; Овчинский 1990).

Некоторые исследователи, однако, указывали, что причиной членства в группировках может быть чувство депривации, испытываемое молодыми представителями рабочего класса. Криминолог Геннадий Забрянский писал, что молодежь не удовлетворена работой на предприятиях и считает, что она лишена возможностей, доступных более образованным сверстникам (Забрянский 1990). Позднее в качестве причины подобного поведения стала рассматриваться эрозия коллективной советской идентичности, утвердившейся в ходе военной мобилизации и послевоенного восстановления народного хозяйства, — этот фактор также способствовал деморализации рабочей молодежи (Сафаров 2012, 16). Мечта о приобщении к советским достижениям в области науки и техники, ярким символом которых стал полет Юрия Гагарина в космос, утратила привлекательность для многих детей и подростков из рабочих семей. Внеклассные занятия в школах и Домах пионеров, где они постигали, например, основы авиамоделирования или историю освоения космоса, имели мало общего с реальными перспективами, обрекавшими рабочую молодежь на малопривлекательный заводской труд (Белановский 2009).

Действительно, 1970—1980-е годы стали в СССР периодом усиливающейся социальной дифференциации (Lane 1985)¹⁰. В условиях все большей стагнации экономики и привилегированного положения отпрысков партийной элиты и высокопоставленных представителей интеллигенции, пользовавшихся преимущественным доступом в лучшие вузы и на престижные должности, вертикальная мобильность стала замедляться. Это подтверждали исследования, в которых анализировалось положение молодежи, начавшей свою трудовую деятельность в 1980-е годы (Филиппов 1989).

У молодых людей из менее образованных слоев населения чувство личной обделенности в сравнении с более благополучными сверстниками усугублялось сокращением возможностей для получения высшего образования. Столкнувшись с нехваткой рабочих рук на малоэффективных промышленных предприятиях, советские органы власти стали развивать систему профессионально-технического образования, чтобы переориентировать молодежь с вузов на заводы (Ягодкин 1981). В крупных промышленных городах в профессионально-технические училища поступали практически только дети из рабочих семей; к тому же школьные учителя призывали учащихся идти не в институты, а в ПТУ. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1977 года «О дальнейшем совершенствовании обучения, воспитания учащихся общеобразовательных школ и подготовки их к труду» объявило курс на преднамеренное ограничение образовательной мобильности. Школы существенно ограничивали число учащихся, которых переводили в последние два класса, направляя неуспевающих в техникумы и ПТУ. Многие ПТУ вскоре превратились в заведения, куда образовательная система массово помещала трудных и неуспевающих подростков. В 1980-е годы от 1,2 до 1,5 млн несовершеннолетних ежегодно проходили через пениitenciарные и исправительные учреждения (Ермаков 1990), а их переход к трудовой жизни обычно осуществлялся через систему ПТУ или рабочего ученичества. В ПТУ вчерашние школьники из рабочих семей встречались со сверстниками, уже отбывшими срок в специальных школах для несовершеннолетних правонарушителей или в исправительных колониях, а также с условно осужденными и исключенными из других учебных заведений. Как пишет В. Ермаков, 20—40 % учащихся ПТУ и несовершеннолетних подма-

стерьев на промышленных предприятиях имели подобное прошлое. Он отметил существенный рост в 1985—1990 годах «асоциальных» групп, состоявших из учащихся ПТУ и рабочей молодежи. В этих условиях возрастала привлекательность криминальной культуры — всегда актуальной в советском обществе, где доля граждан, отправляемых судами в места лишения свободы, оставалась устойчиво высокой (более подробно см. в гл. 9).

В то же время, как мы уже видели, рост советской теневой экономики создавал для уличных группировок новое поле деятельности, сулящее определенный социальный статус и — пусть иллюзорное — процветание, которого молодежь не могла достичь иными способами. Пока многие традиционные молодежные группы продолжали заниматься групповыми драками и мелкими правонарушениями, некоторые уже перешли к вымогательству и рэкету. Все это происходило задолго до распада советской системы и до появления кооперативов и частных предприятий, ставших объектом деятельности постсоветской организованной преступности.

ВСТУПАЯ В БУДУЩЕЕ

Молодежные уличные культуры и агрессивные уличные организации не существуют в отрыве от более широких местных и общенациональных процессов. В СССР значительные изменения в поведении уличных группировок были вызваны ускоренной индустриализацией, возникновением наряду с советской плановой экономикой обширного теневого рынка, представлявшего альтернативу малопривлекательному заводскому труду, растущим разочарованиям рабочей молодежи в перспективах, которые им могла предложить советская система.

Советский Союз еще не прекратил существования, а войска, готовые под новыми знаменами вступить в капиталистическое будущее, сохраняя при этом свой боевой дух, организацию, спайку и приверженность делу группы, уже стояли на передовых позициях. Они были сформированы, обучены, проверены на деле, вооружены и приведены в боевую готовность. Вместе с бойцами, мобилизованными из других слоев общества, эти герои уличных войн стали в постсоветское время участниками организованных преступных группировок.

¹⁰ Как показал В. Шубкин (1965), уже в 1960-е годы существовали видимые различия в образовательных и профессиональных устремлениях детей рабочих и служащих.

2

Трансформация группировок в девяностые годы

С распадом СССР и прекращением его существования как государства в 1991 году начался болезненный переход к рыночному капитализму. Девяностые годы прошлого века принято считать периодом глубокого социального кризиса. Тогда в разговорную речь вошло слово «беспредел», родившееся в советской тюремной культуре. Оно обозначало отсутствие какого-либо морального порядка. Люди потеряли ориентиры в мире, где нормативная система рухнула, а на передний план вышли «хищники», ранее прятавшиеся в тени. Страна погружалась в пучину повсеместного насилия и жестокой борьбы за ресурсы. Олицетворением этого состояния общества стали криминальные предприниматели, организованная преступность и молодежные уличные группировки.

Рассуждая о крахе советского социального порядка и глубокой дезориентации граждан в условиях хаоса переходного периода, специалисты часто ссылаются на концепцию аномии (дезинтеграции и пренебрежения этическими нормами) Дюркгейма и Мертона, а также на теорию Гоббса о войне всех против всех (Williams, Chuprova and Zubok 2003; Кара-Мурза 2013). Однако даже при хаосе не наступает тотальный крах социального порядка и люди не оказываются полностью брошенными на произвол судьбы вследствие распада всех личных связей. Деннис Ронг утверждает:

Общества никогда не разваливаются до состояния фактической войны всех против всех. Национальное государство может разделиться на два враждующих лагеря... или на несколько враждебных групп, контролирующих разные территории. <...> Но несмотря на эти процессы, социальный порядок все равно сохраняется, хотя бы на микросоциологическом уровне — на уровне семей, небольших групп и сообществ людей, сотрудничающих для достижения общих целей (Wrong 1994, 243).

По мере того как страна погружалась в видимый хаос, создавались новые очаги порядка и возникали группы, стремящиеся воспользоваться рыночными возможностями. Кризис советской макросистемы породил бесчисленное множество микросистем, неформальных групп и сообществ, в которых люди искали защиту и пытались строить альтернативную карьеру. Представители партийной и комсомольской номенклатуры и местных и региональных органов власти мобилизовались, чтобы не упустить экономические возможности, открываемые приватизацией (Ledeneva 1998, 90; Humphrey 2002; Nazary 2002). Теневые предприниматели также спешили прибрать к рукам лакомые куски нерегулируемой и незащищенной хозяйственной сферы. В стране быстро устанавливался новый социальный и экономический порядок.

После краха советских институтов занятости и социального благосостояния многие люди находились в поисках сообществ и неформальных сетей, которые могли бы дать им и защиту, и новые экономические возможности. Члены российского общества оказались поразительно способными к самоорганизации и выстраиванию новых стратегий поведения. Для некоторых молодых людей уличные организации стали местом, где можно было создать новые очаги порядка и реализовать масштабные проекты социальной мобильности.

РОСТ ОРГАНИЗОВАННОГО НАСИЛИЯ

Распад ключевых институтов советского государства — командной экономики, советского государственно-правового аппарата и привязанной к предприятиям системы социального благосостояния — сопровождался насильственным переделом активов и ресурсов. Приватизируемые государственные компании начали функционировать в незнакомой рыночной среде. Рутинные деловые операции — привлечение капитала, снабжение и погашение дебиторской задолженности за товары и услуги — были подчас трудновыполни-

мыми и связанными с риском. Страна находилась в тисках экономического кризиса, усугублявшегося неэффективностью государственного управления и неразвитостью банковской системы. В условиях общего институционального хаоса как государственные, так и частные компании попали под прицел рэкетиров, которые, действуя посредством угроз, взяток и предложений обеспечить «защиту», стремились получить доступ к их активам — денежным средствам, продукции и акциям.

Одной из особенностей Татарстана 1990-х было то, что в этом регионе, несмотря на экономический кризис, сохранялось много привлекательных активов. К середине 1990-х объем промышленного производства в республике упал на 33,9 % по сравнению с началом десятилетия, но все же экономический кризис первой половины 1990-х годов был менее глубоким, чем в большинстве российских регионов (Бушуев 2009, 27). Под руководством Минтимера Шаймиева, сохранявшего президентский пост с конца советского периода по 2010 год, Татарстан оставался одним из немногих регионов-доноров Российской Федерации. В Казани продолжало функционировать большинство крупных предприятий химической, нефтеперерабатывающей, оборонной и пищевой промышленности; в близлежащих Набережных Челнах не прекращал работу Камский автомобильный завод (КамАЗ). Унаследованная от советских времен мощная экономическая база, с одной стороны, и развитые территориальные группировки — с другой, способствовали особенно быстрому развитию организованной преступности в этом регионе. Многие крупные предприятия — упаковочная компания «ТАТПАК», производитель кинофотоматериалов «Тасма», химическое предприятие «Оргсинтез», автозавод «КамАЗ», Казанский вертолетный завод, продовольственные и сельскохозяйственные предприятия, а также появившиеся частные банки, гостиницы и телекоммуникационные компании, — не говоря уже о более мелких фирмах, стали объектом вымогательства со стороны воров в законе, бандитских группировок и даже представителей органов государственной безопасности и внутренних дел, влившихся в состав «силовых предпринимателей» (Volkov 2002; Favarel-Garrigues and Le Huérou 2004; Gerber and Mendelson 2008; Taylor 2011). Часто на одном предприятии сосуществовали разные преступные группы. Так, М., опытный следователь одного из районных ОВД Казани, в интервью с нами свидетельствовал: «На «Оргсинтезе» в свое время сколько жилищных сидело! А сколько ментов там кормилось!»

Наряду с бывшими советскими предприятиями внимание рэкетиров привлекала растущая уличная экономика и зарождающийся

малый бизнес. Толчком к развитию частного сектора экономики послужил горбачевский Закон о кооперации 1987 года, позволивший группам граждан создавать кооперативы. Эти предприятия немедленно стали мишенью для рэкетиров. Первый случай рэкета в Казани был отмечен в 1988 году, когда уличная группировка «Дом обуви» пыталась вымогать деньги у местного строительного кооператива (Сафаров 2012, 46).

В начале 1990-х годов кооперативы, не выдержав бремени государственного налогообложения и конкуренции со стороны новых частных компаний, по большей части прекратили свое существование, однако вскоре начали появляться новые малые предприятия, в основном в нерегулируемой неформальной и полупоформальной сфере услуг: уличные рынки, торговые ларьки и киоски, небольшие обменные пункты и т. п. Фактически не имея ни защиты со стороны государства, ни возможности обеспечить собственную безопасность, этот сектор стал легкой добычей для вымогателей. По всей стране территориальные уличные группировки находились в авангарде новых процессов накопления капитала — впрочем, конкретную динамику взаимоотношений между уличными группировками и другими преступными объединениями еще предстоит изучить. Можно с уверенностью сказать, что в Казани (как и вообще в Татарстане) большинство организованных преступных групп выросло из уличных организаций. Исследование И. Нафикова (2012), основанное на материалах уголовных дел 23 организованных преступных сообществ (ОПС), действовавших в Татарстане в период с 1990 по 2012 год, показало, что такие организации начинали обычно как хулиганские молодежные группы, формировавшиеся по территориальному принципу и имевшие собственные общаки. Тринадцать групп начали преступную деятельность с контроля уличных рынков, перейдя впоследствии к контролю средних и крупных предприятий (72—74, 334—355). По данным Нафикова, не менее 60 % всех ОПС, не учитывая специализированных формирований (наркоторговцев и т. п.), были созданы на основе территориальных молодежных групп. В настоящее время молодежные группировки входят в организационную структуру всех преступных сообществ (150—151). Многие члены подобных группировок 1980-х годов стали впоследствии бандитскими авторитетами. А. Сафаров, который в 1984—1987 годах работал в одном из районов Казани следователем (в основном по делам несовершеннолетних), отмечал: «через мой кабинет прошли многие будущие лидеры ОПГ» (2012, 17).

У руля некоторых казанских ОПГ, как, скажем, «Жилки» и «Борисково», стояли воров в законе; лидеры «Тяп-ляп» и «Хади Такташ» ворами

в законе не были, но имели судимости. В отличие от других регионов России (в частности, Дальнего Востока) роль воров в законе в татарстанских группировках была незначительной. В конце 1990-х годов в Татарстане было только три «коронованных» вора в законе, принадлежавших к элите воровского сообщества. Последний коронованный вор умер в 2002 году (Шептицкий 2009).

Преступные объединения стали называться по-другому. Группы, которые в позднесоветский период существовали в виде «контор», «фирм» и «моталок», теперь назывались «улицами» (самое мелкое подразделение, действующее буквально на уровне улицы) и «группировками» (более крупное преступное сообщество, объединяющее несколько «улиц» и зачастую действующее за пределами территории). Организованные преступные группы стали обозначаться аббревиатурой «ОПГ», которая представляет собой и юридический термин, и общепринятую самоидентификацию, используемую членами таких групп. Более крупное преступное формирование стало называться «организованным преступным сообществом», ОПС. Начиная с середины 1980-х годов молодые члены группировок стали именоваться «пацанами». Себя они называли «конкретными», «правильными» или «реальными пацанами», тогда как участники дворовых компаний, не занимавшиеся преступным предпринимательством, называли себя «нормальными», «обычными» или «местными пацанами»¹¹. Окружающим, однако, и те и другие были известны под пренебрежительной кличкой «гопники». Мужчины постарше, в возрасте от 28–30 лет, остававшиеся активными членами банды, стали называться «бандитами», хотя иногда именование «пацаны» собирательно применяется и к ним.

МОЛОДЕЖЬ: ПУТЬ К НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Массовое вовлечение молодежи в рэкет в конце 1980-х — начале 1990-х годов нужно рассматривать в контексте более глубоких процессов, возникших вследствие краха социальной структуры советского общества.

11 Члены преступных молодежных группировок могут также называть себя «нормальными пацанами» (Костерина 2008). Я не отношу «нормальных пацанов» к какой-либо особой субкультуре. Они не имеют ярко выраженной классовой принадлежности, а многие их практики свойственны молодежной культуре вообще. Кроме того, их убеждения и практики также подвержены влиянию криминальной культуры (более подробно см. в гл. 9).

За пять лет радикальных реформ показатель ВВП снизился на 40 %, а объем промышленного производства сократился более чем вдвое (Clarke 1999). Высокие темпы инфляции обесценивали сбережения. Государственные предприятия сокращали персонал и месяцами не платили своим сотрудникам зарплату. При этом значительная часть населения продолжала держаться за свои рабочие места в надежде на оживление экономики. Некоторые устраивались на вторую работу; кто-то пытался работать самостоятельно; кто-то выживал за счет личных подсобных хозяйств (Clarke 2002). Люди создавали сети взаимной поддержки и обмена, и эти личные связи стали важной формой социального обеспечения (Caldwell 2004, 6). Для маргинальных слоев общества поиск таких связей стал главной стратегией выживания.

Так, изучение социальных стратегий безнадзорных и бездомных детей и подростков в Москве показало, что многие из них пытались присоединиться к сообществам, возникавшим вокруг различных молодежных субкультур (Стивенсон 1998; 2000). Молодые люди, приехавшие в столицу из других регионов России и бывшего Советского Союза, старались подружиться с членами московских альтернативных субкультурных сообществ, надеясь, что те помогут им найти пропитание, жилье и работу. Некоторые бежавшие от бытового насилия или приехавшие в Москву в поисках лучшей доли начинали заниматься проституцией и оказывались под покровительством сутенеров. В одном из интервью с молодыми секс-работницами, взятом в Москве в 1997 году, 17-летняя Олеся рассказала о причинах, побудивших ее заняться проституцией:

Сейчас вообще в жизни творится беспредел, я не знаю, как некоторые люди еще выживают в такой системе. Куда мне идти, на какую работу? Сейчас профессора, которые закончили колледжи и еще разные там [учебные заведения], все торгуют на рынке, занимаются бизнесом. Сейчас нигде зарплату не дают. А жить где? Кто меня будет кормить?

Олеся родилась во вполне благополучной советской рабочей семье. Но когда в середине 1990-х, оказавшись без работы и без денег, родители стали принуждать Олесю торговать собой, она сбежала из дома. В конце концов девушка, не найдя средств к существованию, все равно оказалась вовлеченной в организованную проституцию. Другая девушка, Елена, описывала ситуацию так:

У нас есть система своя. Как, например, система в тюрьме, система на рынке: главный есть, он приходит, собирает деньги. Так же и у нас,

тебя охраняют, чтобы никто не трогал и можно было спокойно стоять, работать.

Неважно, кем были созданы подобные «системы» — самими молодыми людьми или эксплуатировавшими их взрослыми, — они в глазах информантов выглядели настоящим спасением среди окружающих опасностей.

Некоторые из бездомных молодых людей, у которых я брала интервью на улицах Москвы, мечтали стать ворами в законе или бандитами. Они надеялись покинуть мир улиц и примкнуть к преступным сообществам, рассчитывая обрести там защиту и источники дохода. Осуществить эту мечту было крайне сложно. Обитатели улиц всеми силами пытались наладить искомые связи: посылали в места заключения продукты, сигареты и деньги, пытались вступить в контакт с преступниками в барах и кафе, которые те посещали, а также создавали себе «имя» — криминальную репутацию.

В условиях полной неопределенности и безденежья многим молодым мужчинам и женщинам предстояло сделать тяжелый выбор. Дж. Назпари пишет о том, как в 1990-х годах в Казахстане молодые женщины из малообеспеченных семей оказывались беззащитными перед сексуальными притязаниями работодателей (Nazpary 2002). Трудоустройство могло зависеть от готовности женщины вступить в интимную связь с начальником. Некоторые из женщин, которых интервьюировал Назпари, были вынуждены оказывать сексуальные услуги, чтобы заручиться поддержкой «спонсоров». В то же время многие молодые мужчины вступали в группировки по той причине, что видели для себя лишь две возможности в ожесточенной борьбе за статус и ресурсы: стать либо агрессором, либо жертвой.

В схожей ситуации оказались и многие дети из прежде вполне обеспеченных семей: ни они, ни их родители, с трудом находившие деньги на еду и оплату жилья, не знали, как дальше жить в новом пугающем мире. Многолетний честный труд не принес старшему поколению мало-мальского благополучия, а младшее поколение совершенно не прельщала работа на бедствующих промышленных предприятиях или в государственных учреждениях. А перед теми, кто готов был рисковать, на развалинах советской системы открывались новые перспективы. Нужно было только присоединиться к группе или клану, чтобы действовать в новой реальности общими силами, стараясь поймать удачу.

Наиболее доступными структурами для части молодежи стали территориальные группы и банды, тем более что многие молодые люди

уже были связаны с ними через дворовые компании. Уличные организации были им культурно близки и понятны; здесь можно было найти деньги, защиту, обрести дружеские связи. Они также могли служить платформой для совместного продвижения вверх по социальной лестнице в обществе, где, как казалось, обнаружились новые безграничные возможности. Молодым людям, у которых ничего не было за душой, но которым хотелось всего и сразу, группировка представлялась шансом не только выжить, но и «подняться» в новом и опасном мире.

КАЗАНСКИЕ ГРУППИРОВКИ В ДЕВЯНОСТЫЕ ГОДЫ: «С КЕМ БЫТЬ ПО ЖИЗНИ?»

В то время как некоторые молодые люди сами стремились попасть в группировку, других к членству в банде принуждали обстоятельства. В условиях растущей преступности находиться на улицах было весьма небезопасно, причем основными жертвами, как и виновниками преступлений, становились как раз представители этой возрастной группы. В Татарстане в период с 1985 по 1999 год уровень преступности среди молодежи в возрасте от 16 до 29 лет вырос в 1,7 раза (Бушуев 2009, 41). Многие молодые люди, ранее не связанные с уличными группировками, были вынуждены пересмотреть свое отношение к таким организациям. Как показывают интервью с мужчинами, вступившими в казанские группировки в начале 1990-х годов, к этому многих подтолкнула необходимость защититься от насилия. Например, Айдар, ставший в конечном счете одним из бандитских авторитетов, рассказал, насколько опасны были улицы, когда он учился в старших классах школы. До вступления в группировку его уличный опыт был крайне ограниченным, внешкольное время он посвящал главным образом учебе и спорту.

С пацанами я познакомился в 1990 году. Жизнь тогда была очень неспокойная, было очень много драк, по улицам ходило много «шакалов» и, как их тогда называли, гопников. Во времена моего детства просто выйти в магазин было довольно опасно, потому что за пару рублей могли серьезно избить. Та же система была и в школах. Поэтому тогда очень серьезно стоял вопрос — с кем быть по жизни? И многие ребята решали его в пользу пацанов. У меня почти все знакомые вошли в состав тех или иных дворов, и мне не хотелось быть лишним и не иметь поддержки.

Помимо желания обеспечить себе безопасность к членству в уличных группировках подталкивала нужда. М., который в то время работал

в Казани следователем, вспоминал, что «на основе экономической заинтересованности создавалась группировка. Никто изначально себе не ставил цель пойти и бить морды, смысл был в том, чтобы найти деньги для жизни».

Многие группировщики начинали с очень скромной экономической базы, но вскоре понимали, что в перспективе смогут добыть большие деньги. М. объяснял:

Пацанам одеться хочется, обуться хочется, вечером с девчонкой погулять тоже хочется. Если берут машину старенькую на пять человек — на бензин все равно деньги нужны. Раскрутились — покупают новую машину. А [сейчас] сколько коттеджей построили — посмотри. Например, в Мирном, по правой стороне — это все коттеджи членов группировки.

Некоторые пацаны хотели просто заработать немного денег, чтобы остаться на плаву, другие стремились всерьез разбогатеть. Они видели, что люди, которые были лишь немногим старше, делали первые шаги к тому, чтобы стать олигархами. Пацаны не хотели отставать. Идея «социальной справедливости», вдохновлявшая казанских тьяповцев нападать на советских директоров ресторанов и подпольных ювелиров или толкавшая люберов на борьбу с более обеспеченными московскими подростками, была давно забыта. Новая капиталистическая идеология, утвердившаяся во всем российском обществе, начала овладевать и улицами.

Столь радикальное изменение мировоззренческих установок постсоветской молодежи сопоставимо со схожими процессами в других странах, где проводились неолиберальные реформы. Например, описывая в 1980—1990-х годах реформы в странах Тропической Африки, Ж.-Ф. Байяр, С. Эллис и Б. Ибу отмечали, что по мере того как представители государственных и деловых кругов создавали колоссальные состояния на коррупционных схемах приватизации государственных активов и экспорта природных ресурсов, менялась и идеологическая ориентация молодежи (Bayart, Ellis and Hibou 1999). Мерилом личного успеха стало материальное благосостояние, и, следуя общему настроению, молодые правонарушители в таких обществах считали свое преступное поведение чем-то вроде законного предпринимательства. Аналогичным образом изменялись взгляды молодых членов территориальных сообществ и в Никарагуа (Rodgers 2009).

Пацаны стремились к громкому успеху: они мечтали разъезжать на мерседесах и БМВ, жить в шикарных домах и иметь статусные вещи (золотые цепи, яркие пиджаки, дорогую обувь), бывшие в то время

стандартным атрибутом «нового русского». К тому же у них были все необходимые ресурсы для обогащения: построенная на дружеских связях социальная организация в виде уличного сообщества или компании; способность мобилизовать всех членов на общее «дело»; коллективные навыки насилия, приобретенные в уличных драках и подкрепленные многовековыми культурными традициями. Кроме того, они были тесно связаны с территорией, которую многие уже привыкли защищать от «чужаков» и которая теперь стала ареной накопления капитала. Активный индивидуализм в сочетании с духом солидарности создал мощный механизм развития предпринимательской группировки, стремящейся к господству на своей территории.

Несмотря на множество появившихся в то время новых групп, устойчивые территориальные сообщества пацанов, считавшие улицы своими вотчинами, уже существовали. Вот как описывает ситуацию М.:

Сам принцип деления по территориальности — на микрорайоны, улицы, дворы — провоцирует деление на группы тех, кто проживает вместе, они ведь друг друга по несколько лет знают. Вот собрались они вместе, кто-то из тюрьмы вернулся, и начинают смотреть: «Вот этот кафе открыл на нашей территории, а что мы с него имеем? Ничего! Пойдем разберемся», и идут вымогать с него деньги. Начинают за ним следить, заставляют делиться.

Таким образом, в основу будущих экономических притязаний уличных пацанов, считавших себя дворовой «аристократией», легли исторически сложившиеся территориальные практики наряду с презумпцией права устанавливать социальный порядок на улице.

ПРИТЯЗАНИЯ НА ТЕРРИТОРИЮ

В конце 1980-х — начале 1990-х годов молодые люди приступили к коллективной реализации новых проектов накопления капитала. Для молодежи, не участвовавшей ранее в предпринимательском насилии, контроль над территорией теперь означал не только возможность безопасного передвижения по улицам своего микрорайона и свободного посещения местных дискотек и кинотеатров, но и шанс заработать деньги.

Б., который к моменту интервью с нами был следователем республиканской прокуратуры, так охарактеризовал этот процесс:

Группировки возникли уже давно, в 1970-е годы <...> все начиналось с ОПГ «Тяп-ляп». Все было очень просто: например, идут ребята из одного двора на дискотеку, а там другая компания. Слово за слово, начинается драка, кого-то бьют, потом те приходят мстить. То есть основная причина возникновения группировок — борьба за лидерство в молодежной среде, тогда это еще с деньгами связано не было. Появление денег в нашей стране и начало рыночных реформ стало стимулом для переживания группировок из чисто силовых молодежных команд в группы, которые занимаются любой противоправной деятельностью для зарабатывания денег.

Первым делом группировкам надо было «застолбить» территорию. Описывая историю возникновения своей группировки, наш информант Таджики отметил:

Образовалась [группа], как и все другие. Были пацаны, которые тесно общались, вокруг них собрались другие пацаны, определились с территорией и начали делать деньги.

Основные группировки Казани — «Мирный», «Шатура», «56-й квартал», «Соцгородок», «Телестудия», «Хади Такташ», «Жилка», «Низы», «Борисково», «Перваки», «Тукаево» — поделили город между собой. Без мобилизации значительных сил удержать и расширить контроль над территорией было невозможно, поэтому они фактически принуждали местную молодежь вступать в их ряды. Никаких испытаний при приеме в группировку не было, но особенно ценились спортсмены. Двадцатидевятилетний Давид, который к моменту интервью работал педиатром, рассказал, как его принудили вступить в группировку против воли:

В те времена, когда я подходил [вступал в группировку], обычно на улице набирали тех, кто жил на территории этой улицы. Без лишней скромности могу сказать, что парень я не глупый и физически крепкий, в прошлом спортсмен. Мне предложили подойти. Я отказался. Меня предупредили еще раз — если не передумаю, буду каждый день получать люлей, пока не соглашусь. Так оно и было — каждый день меня дождались около подъезда, и мне приходилось драться. Наконец отцу надоело каждый день видеть сына с квадратной мордой, и он обратился к знакомым с другой улицы. Те приехали и сказали: «Если хочешь спокойно жить — подтягивайся к нам, другого выхода у тебя нет». Пришлось последовать их совету.

Давиду вторит 35-летний Ильнар:

Тогда без этого было никак, у нас тут было так: или ты «мотаешься», как раньше говорили, или на тебя постоянно охотятся, щемят [отбирают деньги и вещи] и бьют. Поэтому особо выбирать не приходилось. И я выбрал жизнь с пацанами, потому что жить по уши в говне не было желания.

Группировки охотно принимали в свои ряды молодежь из других районов, не ограничиваясь рамками двора или улицы. Например, ОПГ «Перваки», чья деятельность раньше ограничивалась микрорайоном Первые Горки, для участия в своем процветающем рэжете начала привлекать ребят со всей Казани. Здесь просматриваются параллели с некоторыми предпринимательскими бандами США (Sánchez-Jankowski 1991).

В то время как старые группировки разрастались, параллельно возникали новые — не только в Казани, но и во всем Татарстане. Особенно широко организованная преступность распространилась в промышленных Набережных Челнах и в таких малых городах и селах, как Нижнекамск, Высокая Гора, Буинск, Зеленодольск, Кукмор, Нурлат и Пестрецы.

ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА ГРУППИРОВОК

Численность группировок увеличивалась, их состав менялся. Свидетельства о социальном происхождении членов группировок обрывочны, но местные жители, специалисты МВД и ученые сходятся во мнении, что до 1990-х годов в них рекрутировались прежде всего выходцы из рабочих семей, учащиеся ПТУ и техникумов, жившие в сравнительно бедных окраинных кварталах. Так, в конце 1980-х годов среди членов казанских группировок заметно увеличилась доля молодежи из рабочих семей (Гатауллин и Максудов 2002).

В девяностые годы положение дел стало меняться. Предпринимательские группировки появились в сельской местности. Там группы молодежи, зачастую под руководством ранее судимых лиц, занялись рэкетом в форме навязывания «охранных» услуг (далее мы используем термин «охранный рэкет») владельцам местных магазинов и киосков, малых предприятий и фермерских хозяйств. В то же время городские группировки стали привлекать в свои ряды представителей более широких социальных слоев, в том числе молодежь из образованных семей. Сыновья рабочих занимались охранным рэкетом вместе с сыновьями милиционеров, врачей и инженеров. В ходе ин-

тервью многие старшие члены группировки рассказывали нам, как их родители (работники местных органов власти, инженеры, врачи и рабочие) в 1990-е годы потеряли работу или с трудом сводили концы с концами. Группировки стали рекрутировать и студентов. По данным опроса 1995 года, 7 % студентов высших учебных заведений Татарстана признались, что состоят в группировках, и еще 6 % отметили, что их принуждают к вступлению (Бушуев 2009, 44).

Свидетельствует казанский следователь по уголовным делам Б.:

Раньше, где-то до 1980-х годов, в группировку шли в основном хулиганы, потом начали идти представители разных слоев. Причина этого — в изменении общественно-политической жизни, в наше время никто не застрахован от преступного посягательства, никто не может гарантировать свою сохранность. Кроме того, есть и экономический интерес. Поэтому люди и вовлекаются в группировки, потому что нуждаются в защите и приобретении денежных средств. ОПГ им это предоставляет, из-за этого происходит постоянное пополнение ее членов.

Уличные группировки оставались молодежным явлением, но средний возраст участников увеличился. К середине 1990-х годов значительная их часть была старше 25 лет, причем многие имели официальную работу. По данным, приведенным Нафиковым, в Набережных Челнах молодежь в возрасте до 25 лет составляла 76 % членов группировок, состоящих на учете в органах внутренних дел. Лица от 25 до 30 лет составляли 20 %, старше 30 лет — 4 %. Группировки отличались сравнительно высоким уровнем занятости участников — 70 % работали в коммерческих структурах, остальные 30 % не работали. Лишь около трети участников группировок (30 %) были ранее судимы. Не имели среднего образования 40 %, имели среднее образование — также 40 %, высшее — 5 %, среднее специальное и незаконченное высшее — оставшиеся 15 %. Нафиков (2012, 145—146) отмечал, что многие лидеры и члены преступных групп были учредителями и руководителями различных коммерческих компаний.

Национальный состав группировки, как правило, соответствовал структуре местного населения, хотя в разных регионах России появились и банды, созданные мигрантами (грузинами, азербайджанцами, чеченцами, дагестанцами и др.). В Татарстане группировки были этнически смешанными; они объединяли русских, татар и представителей других национальностей, проживающих на этой территории. Марк Галеотти (Galeotti 2012) также отмечал многонациональный характер многих российских ОПГ. Он описывал их как в высшей степени праг-

матичные объединения, готовые принять в свои ряды любого способного добывать деньги для себя и группировки независимо от национальности.

РОСТ НАСИЛИЯ

На раннем этапе, когда развитие капитализма в России напоминало времена Дикого Запада, когда индивидуальные предприниматели и компании были не в силах противостоять агрессивным «наездам», а правоохранные органы оказались неэффективными и коррумпированными, первоочередной задачей группировок был захват территорий и взятие под контроль действующих на них предприятий. Затем нужно было очертить границы влияния, добиться признания в качестве реальной силы, отладить внутреннюю структуру и дисциплину. Так обстояло дело и в Татарстане, и, как пишет В. Волков (Volkov 2002), в других регионах России. Очень четко сформулировал эту программу наш информант Давид, отвечавший на вопрос о том, что требуется для успеха «улицы» (группировки по месту жительства):

Улица должна соответствовать нескольким признакам: иметь свою территорию, обладать признанием и жить по понятиям.

Раздел территории вылился в необузданное насилие, которое наши казанские информанты часто характеризовали как «беспредел». Все без исключения — местные жители, работники правоохранительных органов, сами пацаны — с ужасом вспоминали время бандитских сражений за территорию (так называемых «войн за асфальт») и насильственного устрашения предпринимателей. Полем битвы стал весь город. Чтобы не быть сметенными, существовавшие уличные группировки вынуждены были отстаивать свой контроль над территорией и пытаться расширить сферу влияния. Повсеместно господствовала грубая сила. Пацаны добирались общественным транспортом до места очередной драки и нападали на любого, кто, как им казалось, принадлежал к местной группировке.

Начальник следственного отдела одного из казанских районных ОВД Н. так охарактеризовал этот период:

Во время беспредела, когда щемили всех и вся, в них набрали много людей, которые хотели быстро и безболезненно разбогатеть, не работая, просто за счет членства в ОПГ. В это время ОПГ активно щемили разные

кооперативы, которые сами не всегда зарабатывали легальным путем, поэтому в милицию никто не обращался. Все кому-то платили, времена тогда были очень дикими, было практически повальное «крышевание» бизнеса.

А вот как описывает период борьбы за территорию в конце 1980-х — начале 1990-х годов наш информант Ильнар:

Драки были очень жесткие, не как сейчас. Били железными прутьями до смерти, забивали кирпичами. Счет шел не на то, сколько пацанов избыеешь с той или другой стороны, а на смерти — сколько человек замочили.

В драках стало применяться огнестрельное оружие. Так, в конфликте между ОПГ «Перваки» и «Хади Такташ», оспаривавших контроль над Приволжским колхозным рынком, группировки устроили на территории рынка разборку с использованием автоматов. М. не исключает, что эта разборка могла быть спровоцирована милицией, которая пыталась таким образом ослабить обе группировки.

До раздела территорий несколько формирований могли претендовать на один и тот же бизнес, который, как они считали, находится в зоне их влияния. Это часто приводило к бандитским разборкам и многократным «наездам» на предпринимателей. Вспоминает 25-летний Кирилл:

Наши старшие рассказывали, что раньше были не просто драки, а даже совершались нападения на фирмы, которые крышевали улицы-противники. Например, они организовали во время войны с соседями наезд на их фирму. Приехали пацаны, вломались в здание и начали месить всех подряд, бить технику, компьютеры, замесили одного из пацанов с той улицы, который сидел в офисе. Потом поехали в другую фирму и такое же учинили там. Так они объехали в один день четыре фирмы и везде устроили разгромы, тем самым подорвав авторитет наших соседей и показав, что крышевать они не могут.

Бандиты заставляли рыночных торговцев, владельцев ларьков и директоров только что приватизированных советских предприятий откупаться от них на месте, не давая, однако, каких-либо гарантий, что те в дальнейшем не будут ограблены другой бандой. Предпринимателей, которые отказывались платить деньги за «крышу», подвергали чудовищному насилию: держали в подвалах, пытали паяль-

никами, приковывали наручниками к батареям или увозили в лес и, угрожая немедленной расправой, заставляли рыть себе могилы. Многие были убиты либо в ходе слишком далеко зашедшего «наезда», либо в назидание другим. Запугивание предпринимателей вменялось в обязанность более молодым членам банды, и некоторые наши информанты вспоминали, как после вступления в группировку их вынуждали принимать участие в пытках и даже убийствах непослушных бизнесменов.

К середине 1990-х годов ОПГ Татарстана сформировали свои вотчины, и крупномасштабное межгрупповое насилие стало постепенно стихать, хотя время от времени конфликты продолжали вспыхивать¹². Большинство разногласий группировки теперь старались урегулировать на «стрелках» (встречах для решения спорных вопросов). К середине 1990-х годов преступный силовой бизнес также стал более упорядоченным. Если раньше разные группировки пытались собирать деньги с одного и того же киоска или ларька, теперь у всех была своя «крыша». Поделив сферы влияния, банды были отныне заинтересованы в обеспечении стабильности своего бизнеса. Давид выразил идеалистическое представление о новом порядке, в котором нет места новым соперникам:

Практически все улицы появились в одно время, и, соответственно, они имеют свой статус и признание на общегородском уровне. Весь город поделен на территории, принадлежащие определенным улицам, и появление новых возможно только на территории новостроек. Просто представьте: появляется вдруг толпа молодых ребят и объявляет, что они тоже улица и, допустим, вот эта территория принадлежит им. С ними никто ни считаться, ни разговаривать не будет. Их же никто не знает, и они никому не нужны. Следовательно, их просто разгонят.

Рассказывая об основных событиях истории своей группировки, наш информант Трофим упомянул «постепенный отказ от войн с соседями и переход к мирной жизни, который начался несколько лет назад, когда на сходняке пацанам запретили провоцировать конфликты с соседними улицами».

12 Так, в 2000 г. жестокая разборка между «Жилкой» и «Татарским двором» длилась два дня. В ходе разборки 40 членов «Жилки» по ошибке напали на автомобиль, перевозивший не их противников, а работников местной организации «Татэнерго-ремонт». Многие работники получили ожоги и ранения (Сафаров 2012, 83).

Независимо от того, была ли такая «сходка» на самом деле, или мы имеем дело лишь с пацанской мифологией, ясно одно: ближе к концу 1990-х годов уличная политика изменилась. Согласно казанскому бандитскому фольклору, в середине 1990-х годов группировки пришли к коллективному соглашению, выразившемуся в известной формуле: «хватит делить асфальт» (Салагаев 2005). Массовые драки практически прекратились (Сафаров 2012, 62). Группировки разрабатывали свои «участки», территории и сферы бизнеса, из которых они извлекали более или менее стабильную прибыль. У каждой группировки были свои «точки» (конкретные предприятия) и свои «коммерсы» (предприниматели), которые регулярно платили им за предоставление «крыши».

Аналогичным образом и в других регионах России к середине 1990-х годов сформировались, несмотря на продолжающиеся конфликты и убийства соперничающих авторитетов, стабильные организованные преступные группы (Volkov 2002; Долгова 2003, 348). Как отмечает А. Долгова, процесс конфронтации ОПГ сменился их консолидацией и образованием союзов (346). Группировки приступили к созданию «автономных правящих режимов». Они подчинили себе тех, кто делил с ними улицу, — преимущественно «коммерсов» и «барыг» (торговцев), владельцев ларьков, рыночных прилавков и небольших автостоянок, уличных проституток, некоторую часть местной молодежи, с которой они брали дань. Лидеры группировок стали брать под контроль средние и крупные предприятия. Далее будет рассказано, как в 1990-е и в начале 2000-х татарстанские группировки превратились из довольно скромных уличных формирований в огромные преступные империи. Как итальянская мафия, эти группировки стали институтами власти, облагая налогом производственную деятельность на своей территории (Volkov 2002; Paoli 2004, 274).

ВЫХОД ГРУППИРОВОК ЗА ПРЕДЕЛЫ ТЕРРИТОРИИ

В 1990-е годы татарстанские банды начали заключать союзы с другими группировками и переходить от эпизодических рейдов в другие регионы к организации рэкета и охранного бизнеса на территориях, далеких от их дворов, улиц и кварталов. Их деятельность распространилась на Москву и Санкт-Петербург. В Москве, в частности, был создан бандитский союз под названием «Севастопольские». В него вошло несколько татарстанских группировок: «Низы», «Грязь», «56-й квартал»,

«Бригада Ильфатя», «Чайники», «29-й комплекс», «Банда Тагирьянова» и другие. В Санкт-Петербурге действовал другой союз казанских группировок, стержнем которого была ОПГ «Жилка». Местные жители считали эти и подобные им союзы частью одной группировки и называли их «Казанскими» или «Татарами». Важно, однако, подчеркнуть, что их члены воспринимали себя иначе, продолжая идентифицировать себя со своими бандами в Татарстане. Отдельных организаций под названием «Казанские» или «Татары» в действительности никогда не существовало.

Расширение деятельности группировок за пределы Казани, Набережных Челнов и других населенных пунктов в Татарстане было вызвано главным образом растущими аппетитами и увеличением количества группировок. Иногда причина экспансии крылась во внутренних конфликтах между авторитетами, вследствие чего некоторые из них были вынуждены бежать из своего города и устраиваться на новом месте. Валерий Карышев, самопровозглашенный «бандитский адвокат» и автор работ об организованной преступности, пишет, что бригады из Казани и других городов России стали приезжать в Москву в начале 1990-х годов. Первоначально влияние казанских группировок было незначительным, так как они в основном пытались найти своих земляков, которые занимались бизнесом, и предлагали им «крыши». Но постепенно зона их интересов стала расширяться, они начали выходить и на московских коммерсантов, пытаясь отнять у московской братвы «лакомые кусочки» (Карышев 1998, 47), и это приводило к ожесточенным бандитским войнам. В Санкт-Петербурге «Жилка» контролировала городской порт. Как в Санкт-Петербурге, так и в Москве банды подмяли под себя рестораны, охранные и страховые компании, автомастерские, казино, банки и гостиницы. Со временем под давлением местных группировок влияние татарстанских бандитов в других регионах ослабло, хотя они продолжали контролировать бизнес в Татарстане.

Накопив в России значительные капиталы, лидеры многих татарстанских группировок вышли на международную арену. Так, во Франции за содержание борделя были арестованы несколько членов ОПГ «Грязь», а в Австрии, как сообщалось, «борисковские» обманули своих зарубежных партнеров примерно на миллион долларов США. Часть продукции, выпускаемой химическим предприятием «Оргсинтез», незаконно экспортировалась в Чешскую Республику, Польшу и Венгрию. Доходы от этой деятельности оседали на зарубежных банковских счетах казанских авторитетов. В 2012 году 53-летний Валерий Кириенко, один из авторитетов «Жилки», был арестован

в Чешской Республике за убийство владельца автосалона¹³. Территориальная экспансия, контроль над компаниями за пределами своей территории и сложные бизнес-схемы, организованные лидерами, вызвали серьезные организационные изменения, превратив группировки в многоцентровые сетевые организации. Более подробно эти преобразования рассматриваются в четвертой главе.

РАЗВИТИЕ ГРУППИРОВОК В ДРУГИХ РЕГИОНАХ РОССИИ

Татарстанская модель развития организованных преступных группировок — от уличных объединений по месту жительства к территориальным правящим режимам с базами вне своих территорий — реализовалась и в других регионах России. Повсеместно бандитские группировки в городских районах подпитывались своей территорией. Это касалось как экономической основы их деятельности, так и состава привлекаемых участников. Хотя они могли поставлять своих членов и во внутритерриториальные ОПС (например, в союзы татарстанских группировок за пределами Казани), «вотчина» оставалась для них основным местом базирования и воспроизводства. Многие московские ОПГ формировались по территориальному принципу, в том числе наиболее известные «Солнцевская», «Измайловская», «Люберецкая», «Долгопрудненская», «Ореховская» и «Медведковская» (Карышев 1998, 2005). Измайловская группировка, считающаяся старейшей в Москве, выросла из молодежных банд, которые в начале 1980-х постоянно воевали за территорию с люберами. Как и другие преступные группы, они занимались различными видами рэкета. В сферу их влияния входили вещевой рынок и вернисаж в Измайлове, торговые точки на железнодорожных и автобусных вокзалах, часть гостиничного комплекса «Измайлово», магазины, расположенные в начале Ленинского проспекта, и много других предприятий (Модестов 2001, 130—131). Одна из наиболее известных московских группировок — «Ореховская» — образовалась из дворовых компаний молодых людей в возрасте от семнадцати до двадцати пяти лет, проживавших на Шипиловской улице. Пока криминальный авторитет Сергей Тимофеев (Сильвестр) не объединил всех этих парней в одну рэкетирскую группировку, их основным за-

13 В Москве задержан предполагаемый гангстер ОПС «Жилка» [Электронный ресурс] // NEWSru.com [сайт], 9 февраля 2012. URL: <http://www.newsru.com/crime/09feb2012/zhilkakillerarst.html> (дата обращения: 12 октября 2013).

нятием были драки с другими молодежными группами за территорию (Карышев 1998, 2005). Солнцевская группировка, развившая впоследствии масштабную деятельность в стране и за рубежом, также имела территориальные корни.

В это же время трансформировались в предпринимательские группировки объединения любителей. В конце 1980-х — начале 1990-х годов некоторые из них занялись вымогательством и образовали местные бригады рэкетиров, некоторые вошли в различные преступные организации московского региона. Известный в Люберцах спортсмен Мансур организовал местную молодежную бригаду, вымогавшую деньги у владельцев уличных ларьков. В дальнейшем он вошел в партнерство с вором в законе Леонидом Завадским (которого впоследствии убил) и начал «крышевать» крупный московский вещевой рынок ЦСКА. Он создал в Москве мощный рэкетирский бизнес, но в 1994 году был убит в ходе милицейского рейда (Карышев 1998).

Сходным образом развивались и многие пермские группировки (Varese 2001). Исследование Елены Омельченко, проведенное в Ульяновске, также выявило наличие в городе многочисленных банд, сформированных по месту жительства. Траектория их развития была такой же, как у казанских группировок. В начале 1990-х годов ульяновские уличные группировки занимались драками за территорию и эпизодическим вымогательством. Однако уже к 1993 году они взяли под контроль рынок, автостоянки, коммерческие магазины и рестораны. Их лидерами зачастую были люди постарше, отсидевшие в тюрьме и связанные с серьезной организованной преступностью. По данным Омельченко (1996), лидеры молодежных уличных группировок общались с главарями организованной преступности, которые были не известны рядовым членам.

Аналогичным образом обстояло дело на Дальнем Востоке. В костяк большинства группировок здесь вошли бригады, сформированные в городских микрорайонах. Их деятельность начиналась с рэкета на собственной территории. И хотя впоследствии сфера деловых интересов криминальной элиты распространилась на целые хозяйственные отрасли — в частности, на рыбный промысел и горнодобывающую промышленность, — местные территориальные связи полностью не исчезли. Один из бывших владивостокских бандитов так объяснил причину сохранения территориальных корней:

Раньше, во времена разборок, было четкое территориальное деление. Например, Первореченский район мой, а Советский — твой, и если ты появишься на моей территории, тебя избьют. Такого больше нет. Сей-

час борьба идет за хозяйственные сферы, за влияние в большом бизнесе. Конечно, рэкет никому не делся, и территория по-прежнему важна, но в наше время она имеет другое значение. Кто же захочет, чтобы на его территории орудовали другие, ведь все-таки каждый кормится со своего огорода, но сейчас влияние экономической сферы важнее (цит. по: Holzlehner 2007, 66—67).

Некоторые молодежные группировки, особенно в депрессивных окраинных районах, сохранили свой локальный характер и не трансформировались в серьезные организованные преступные структуры. Бреславский (2009) описал практики молодежных группировок в поселках Заиграевского района Бурятии. На протяжении десятилетий эти поселки находились под сильным влиянием криминальной культуры. Часть их населения составляют бывшие заключенные близлежащих исправительно-трудовых колоний. В 1990-х годах, после закрытия местных заводов, поселки оказались во власти молодежных группировок. Как и казанские, они регулярно собирались на сходки, где обсуждали текущие дела, наказывали нарушителей и собирали деньги в общак — для оказания помощи попавшим в места заключения и членам их семей. Организации строились по возрастному принципу; во главе каждого возраста стоял смотрящий. Группировки вымогали деньги у детей из более обеспеченных семей и принуждали подростков вступать в их ряды. За неимением более привлекательных объектов «крышевания» рэкету подвергались преимущественно владельцы небольших местных магазинов. Лидеры группировок пытались открыть собственный бизнес, но для этого им постоянно не хватало денег. Лидеры, не занимавшиеся хозяйственной деятельностью, брали для личных расходов деньги из общака, что в ОПГ, как правило, запрещено.

ЭПИТАФИЯ ДЕВЯНОСТЫМ ГОДАМ

Кризис советской социальной системы возродил во многих сферах жизни традиционно-патримониальные объединения. Для полностью дезориентированных молодых людей таким объединением могла стать уличная группировка. Пацаны создали то, что Делёз и Гваттари в книге «Тысяча плато» называют «машиной войны», и стали зарабатывать грабежом (Deleuze and Guattari, 2004). В скором времени они перешли к регулярному взиманию дани с предпринимателей сначала на своих территориях, а затем и за их пределами. Их организации ста-

ли автономными правящими режимами, так или иначе подчинявшими себе местных предпринимателей.

Итак, начало капиталистической эры в России ознаменовалось, в сущности, регрессивным переходом от советской современности к многообразию различных частных социальных сетей и властных режимов. В отсутствие сильного государства воинственные «племена» и «кланы» воевали между собой за власть и богатство. В определенном смысле их членов можно сравнить со средневековыми рыцарями, для которых «насилие было кратчайшим путем к обогащению» (Martin 1977, 97)¹⁴. Конечно, группировки в отличие от средневековых воинских элит не имели верховной власти над территорией, и их система правления не была узаконена. Они сосуществовали с современными государственными бюрократическими институтами и развивающимися капиталистическими структурами.

«Появление денег в нашей стране», как выразился один из казанских информантов, привело к многочисленным схваткам за ресурсы и власть. Новые и старые группы боролись за деньги и влияние и в конечном счете, если использовать слова Руссо из «Рассуждения о происхождении и основах неравенства среди людей», «превратили ловкую узурпацию в незыблемое право» (Rousseau 1993 [1754], 89).

Как и любой революционный период, 1990-е годы принесли с собой массовые социальные потрясения. Но они также предоставили уникальные возможности тем, кто был готов ими воспользоваться. Молодые, энергичные и предприимчивые люди, оказавшиеся, как это часто бывает в жизни, в нужном месте в нужное время, смогли сделать головокружительную карьеру. Поколение, вступившее во взрослую жизнь в 1990-е годы, в настоящее время занимает высшие должности в правительстве, бизнесе, науке и СМИ. Многие члены Государственной думы, лидеры политических движений, ведущие бизнесмены и ректоры университетов пришли с улиц или продвинулись благодаря связям с бандитами.

Огромные возможности были сопряжены с огромным риском, и особенно серьезно в битвах за деньги и карьеру пострадало первое поколение постсоветских бандитов. Молодые люди и их лидеры погибали в ожесточенных столкновениях и войнах за передел активов и сфер влияния. На многих российских кладбищах можно увидеть

¹⁴ Ряд авторов проводил параллели между феодализмом и постсоциалистическими преобразованиями (Шляпентох 1996; Verdery 1996; Humphrey 2002).

могилы бандитов, погибших в 1990-е годы¹⁵. В ходе исследования деятельности бывших люберов, проведенного Громовым в начале 2000-х, информанты сообщали, что до наших дней не дожили от 25 до 75 % их друзей. Как отмечает Громов, эта возрастная когорта в социальных потрясениях 1990-х годов потеряла значительно больше, чем теряет иная армия в боевых действиях средней сложности. Действительно, потери в Афганистане составили не более 2,4 % всех военнослужащих. Громов предполагает, что «со временем события 1990-х годов будут рассматривать как своеобразную гражданскую войну, сопровождавшую вхождение страны в новую систему общественно-экономических отношений». По словам одного из информантов Громова, «можно сходить на Люберецкое кладбище, на Новой Рязанке, и походить по новому полю, что ближе к дороге, посмотреть на могилы и даты жизни и смерти... только это совсем грустная история» (2006, 36).

В России нет официальных памятников «героям» капиталистической революции. Однако на кладбищах можно видеть множество надгробий с фотографиями парней, когда-то думавших, что мир принадлежит им, молодым, сильным и смелым, но погибших в суровой борьбе, которая выковала новый социальный порядок.

3

Бизнес группировок: от вымогательства к ассимиляции

Группировки занялись нелегальной предпринимательской деятельностью в конце 1980-х годов. Начинали они с вымогательства и охранного рэкета: «крышевали» уличные ларьки, открытые рынки, небольшие магазинчики и кафе. Отдав на откуп молодежи уличную экономику, их лидеры перешли затем к более масштабным операциям, прибирая к рукам средние и крупные предприятия. Постепенно (если, конечно, им удавалось выжить и не угодить в тюрьму) бандитские авторитеты внедрялись в легальные деловые и политические структуры. По мере расширения других незаконных и законных операций доля охранного рэкета в их деятельности сокращалась.

Далее рассматривается развитие бизнеса группировок в контексте перехода к капитализму, отношения между группировками и их «подопечными», а также то, как предпринимательская деятельность группировок соотносилась с попытками их участников интегрироваться во властные структуры.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ И РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА

Рост экономического насилия в стране начался в то время, когда новый российский капитализм был в зачаточном состоянии. Доверие к институтам, которые могли бы гарантировать выполнение договор-

15 Символика надгробных изображений бандитов на московских и екатеринбургских кладбищах подробно рассматривается в работе Ольги Матич (Matich 2006).

ных обязательств, отсутствовало, а слабая судебная система была не в состоянии защитить имущественные права. Как именно слабость рыночных институтов и государственного регулирования влияла на расширение сферы частных охранных услуг? Можно ли считать, что группировки, предлагавшие предпринимателям защиту, возмещали дефицит доверия и права, выполняя тем самым общественно полезную функцию? Становились ли они, пусть даже и в неприглядной, противоречивой, а зачастую и грабительской форме, заменой государственного регулирования?

По мнению некоторых исследователей, роль агентов частного экономического насилия в развитии российского капитализма сродни роли бандитов, разбойников и пиратов в становлении рыночных институтов и формировании государств в Европе и в развивающихся странах на периферии современного мира. Историко-антропологические исследования показали, что люди, обладавшие ресурсом силы, играли важную роль в развитии капиталистического производства и торговли не только во всех европейских странах, но и в Индии, Австралии, странах Азии и Латинской Америки. Широко известный пример — «уважаемые люди» (мафиози) на Сицилии и в других областях Италии, которых местные помещики нанимали для защиты своих интересов от крестьян и всех, кто посягал на их собственность (Blok 1974; Schneider and Schneider 1976; Arlacchi 1983; Catanzaro 1992; Petruszewicz 1996). Бандиты, разбойники, флибустьеры, пираты законными и противозаконными методами защищали имущество своих нанимателей, охраняли торговые пути и поддерживали крупных землевладельцев в их борьбе за власть (Gallant 1999).

Начиная с 1990-х годов криминологи занялись пристальным изучением роли мафии в рыночной экономике. Диего Гамбетта обнаружил существенное сходство между сицилийскими и постсоветскими мафиозными организациями (Gambetta 1993). В обоих случаях предоставление охранных услуг предпринимателям стало реакцией мафиозных групп на дефицит институционального регулирования рынка. Эта точка зрения получила развитие в работах Федерико Варезе, пишущего о деятельности российских мафиозных структур на этапе перехода к капитализму (Varese 2001; 2012). Он рассматривает мафию как бизнес по предоставлению частных охранных услуг и одновременно как форму внеправового правления. Описывая реалии охранного рэкета на примере Перми, Варезе показал, что представители мафии часто занимались элементарным вымогательством и фактически препятствовали развитию конкурентного рынка и правового государства. Тем не менее они, в отсутствие надежной правоохранительной систе-

мы, удовлетворяли существующий спрос на охранную деятельность и предоставляли реальные услуги предпринимателям и рядовым гражданам¹⁶.

Анализируя расцвет бандитских группировок и других «силовых предпринимателей», их роль в формировании российского государства, Вадим Волков утверждает, что они выполняли важные функции, которые была не в состоянии осуществлять чрезвычайно слабая власть (см., например: Volkov 2000; 2002; Волков 2012). По мнению Волкова, «сочетание высоких рисков с фактическим отсутствием защиты и права создавало институциональный спрос на силовых партнеров, своего рода посредников, которые могли бы обеспечить бесперебойное функционирование частного бизнеса» (Volkov 2000, 45—46). Наряду с преступными группировками частные охранные предприятия, группы сотрудников МВД, ФСБ и других силовых структур создали систему экономических и политических ограничений, которые обеспечивали становление рынка (Волков 2012, 325). В конце 1990-х государство потеснило частных силовых предпринимателей. Ему удалось упорядочить экономическое пространство, укрепить собственный аппарат власти и установить фискальную монополию. Этот процесс, по мнению Волкова, имел существенное сходство с формированием рынка и централизацией европейских государств на стадии раннего капитализма.

Безусловно, исторические прецеденты становления рынков и государственной централизации в других странах Европы дают богатый аналитический материал, однако при этом важно учитывать уникальную природу капиталистического развития в России и других постсоциалистических странах на рубеже XX—XXI веков. Здесь капитализм не развивался в недрах феодализма, а зародился на руинах государственного социализма. Этот период характеризовался также неолиберальными реформами, которым сопутствовали радикальная приватизация государственных активов и быстрое формирование имущих классов в обществе, где ранее не было ни частной собственности, ни какого-либо значительного личного богатства.

Любое сравнение не безупречно, но рискну сопоставить переходный период в России не только с развитием капитализма в Европе, но и с неолиберальными преобразованиями в развивающихся странах — от Тропической Африки до Латинской Америки. Включение

16 Обзор литературы о мафиозном рэке и вымогательстве приводится в работе Варезе (Varese 2014).

этих стран в мировую экономику в 1980-х годах (главным образом посредством экспорта природных ресурсов) и быстрая приватизация государственных активов в ходе структурной перестройки экономики вылились в борьбу разнообразных государственных и криминальных кланов за ресурсную ренту и собственность.

Так, с началом неолиберальных реформ в Бразилии различные территориальные властные структуры сформировали, по определению Э. Ариаса и Д. Голдстейна, «силовой плюрализм» — такую систему правления, при которой преступные группировки и другие агенты низового насилия вступали в корыстные и клиентелистские (то есть взаимовыгодные, но при этом иерархические и асимметричные) отношения с гражданами, с одной стороны, и с представителями государственной власти — с другой (Arias and Goldstein 2010).

Описывая аналогичные процессы в странах Тропической Африки, Жан-Франсуа Байяр отмечает, что неолиберальные реформы не содействовали построению демократического правового государства со свободной рыночной экономикой, но еще больше ослабили государственные структуры и создали условия для укрепления коррумпированных, клиентелистских систем правления. Как государственные, так и криминальные субъекты власти использовали ее для хищнического перераспределения собственности:

Во времена политической нестабильности становятся особенно очевидными отсутствие безопасности, бандитизм и экономическое насилие. Царящее насилие, доводя до предела общее чувство незащищенности, вынуждает людей искать защиту, пусть и в приватизированной форме, у тех, кто обладает экономической и политической властью (Bayart 1999, 111).

Это описание в равной степени применимо к постсоветской России. Действительно, бандитские группировки оказывают необходимые услуги, которые не предоставляет государство, но важно отметить, что взаимоотношения между поставщиком и потребителем этих услуг в принципе асимметричны. В лучшем случае они являются отношениями защиты клиентов-предпринимателей со стороны обладающих властью патронов-бандитов, в худшем — представляют собой прямой грабеж. Хотя услуги бандитов могут быть жизненно необходимы предпринимателям, их используют, как правило, не добровольно, а под угрозой применения насилия; при этом со стороны поставщика отсутствуют какие-либо четкие обязательства, обеспечивающие права клиента или средства возмещения ущерба. Это становится очевидным при более детальном рассмотрении характера таких услуг.

ОХРАННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: БИЗНЕС ИЛИ ВЛАСТНО-ПОДЧИНЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ?

Источником власти и капитала группировок стала охранная деятельность. От откровенного вымогательства они постепенно перешли к формированию на своей территории и за ее пределами устойчивых отношений с компаниями и индивидуальными предпринимателями, облагая их данью на постоянной основе. Они также стали оказывать им содействие в получении кредитов, уходе от налогообложения и борьбе с конкурентами. Бандитские авторитеты могли помочь «своим» предпринимателям взыскать долги (обычно в обмен на 20—50 % взысканной суммы) или собрать информацию о перспективных клиентах и партнерах (нередко с помощью коррумпированных сотрудников милиции и чиновников). Иногда группировки выступали по отношению к своим клиентам в роли кредитных учреждений. Если предприниматель нуждался в заемных средствах, но не имел возможности получить кредит в банке, он мог обратиться за деньгами к своей «крыше». Группировки помогали устранять бюрократические препятствия, используя для этого связи в налоговых органах, пожарных и санитарных инспекциях и местных органах власти. Они также взяли на себя квазисудебные функции, разрешая споры между компаниями или помогая предпринимателям улаживать конфликты между собой и с другими группировками (или милицией).

Безусловно, во многих случаях группировки действительно защищали предпринимателей, и в ситуациях, когда государство не могло обеспечить безопасность, спрос на такие услуги реально существовал. Тем не менее криминальная защита по своей сути отличается от той, которая предоставляется в рамках обычных договорных отношений. В отличие от нормального экономического обмена, обусловленного спросом и предложением, она определяется в первую очередь властно-подчиненными отношениями. Воспроизводство группировок зависело от взимания дани с бизнесменов, и в их интересах было, чтобы подконтрольные им компании процветали, а не разорялись. Не занимаясь беззастенчивым грабежом, а отбирая лишь часть прибыли у компаний и предлагая им услуги в качестве силовых партнеров и посредников, группировки могли в конечном итоге получать больше денег с бизнеса, который они «крышевали». Этим объясняются случаи великодушия, о которых с благодарностью вспоминали некоторые предприниматели, находившиеся под бандитской защитой. В частности, они рассказывали, что «крыша» давала им рассрочку для погашения задолженности или в кризисные периоды вовсе прощала дол-

ги. Иногда они сравнивали бандитов с сотрудниками МВД и ФСБ не в пользу последних, так как правоохранители в своем вымогательстве были гораздо безжалостнее, и часто их вообще не заботило, выживет компания или нет.

Группировки могли также за определенную плату оказывать содействие сторонним клиентам, которые не находились под их «крышей». Но и здесь просматриваются те же мотивы. Если только это не было разовой услугой частным лицам, вмешательство группировки приводило в дальнейшем к зависимости клиента, даже если дело шло о просьбе решить единственный, отдельно взятый вопрос. Таким образом, и в этом случае предоставление подобных услуг следует рассматривать не как коммерческую сделку (хотя эти услуги и оплачивались), а как средство создания зависимости, привязывающей предпринимателя к группировке.

Попытка применить язык коммерческих сделок к властным отношениям между бандитами и предпринимателями не столько решает, сколько порождает проблемы для исследователей, так как требует многочисленных дополнительных уточнений и оговорок. Как правило, «покупатели» охранных услуг их не запрашивают, никак не могут повлиять на их качество и не вправе от них отказаться. Д. Гамбетта признает, что защита предлагается независимо от спроса на нее, и «хочет человек или нет, он ее получает и вынужден за нее платить» (Gambetta 1993, 31). При этом поставщики услуг могут отказаться от своих обязательств, пересмотреть условия «договора», потребовать долю в охраняемом бизнесе или даже полностью его экспроприировать. Вот почему не стоит рассматривать охранную деятельность бандитских группировок как услугу, направленную на удовлетворение существующего спроса на защиту; по-моему, правы авторы, утверждающие, что организованные преступные группы прежде всего продают защиту от самих себя (Schelling 1971, 76; Humphrey 1999; Paoli 2003).

Исследование в Казани показало, что отношения защиты строились не на договорах о предоставлении услуг, а на расплывчатых «договоренностях» и «понимании» между группировками, с одной стороны, и предпринимателями и гражданами — с другой. За регулярную дань группировки обещали предоставить «крышу» и защищать этих людей и их бизнес. Хотя предложение подразумевало защиту от любых других агрессивных субъектов, преимущественно других группировок и независимых преступников — так называемых отморожков, — а в некоторых случаях и милиции, основная угроза исходила от самих «защитников»: именно это было ключевым элементом «понимания» между группировками и их подопечными. Как правило, описывая ох-

ранный деятельность группировок, их участники, с которыми нам удалось побеседовать в Казани, использовали понятие «щемить», то есть вымогать деньги. «Щемить» могли отдельных лиц, группы или предприятия. Наши информанты рассказывали о том, как они «щемили» вьетнамский рынок в Казани и «азеров» (этнических торговцев) на других уличных рынках. Они считали себя вправе «щемить» других просто в силу своей власти над территорией. Анвар, один из наших собеседников, так рассказывал о характере отношений между группировками и местными компаниями:

У нас есть своя территория, на которой без разрешения старших нельзя ничем заниматься, например, ставить ларьки, открывать автостоянки. Само собой, строительство крупных магазинов, гипермаркетов — все это делается в обход улицы, но мелкие коммерсы все живут под нами. На нашей территории ходят все кто угодно, мы с них за это не спрашиваем, но если кто хочет мутить делу [заниматься бизнесом] — должен делиться с нами, потому что территория наша.

Основным методом навязывания бандитской защиты была «загрузка по понятиям» (то есть оправдание своих действий на основе «понятий»), или просто «загрузка», за которой следовал «развод» (вымогательство). Вместо того чтобы предложить конкретный договор на оказание услуг, группировка предъявляла требования. Они основывались на традиции («так было всегда»), праве на территорию («это наша территория, и все должны платить»), статусе («барыги», «коммерсы» и «не-пацаны» в соответствии с «понятиями» стоят в социальной иерархии ниже пацанов и бандитов) и описании преимуществ, которые принесет выполнение требований (непричинение вреда самой группировкой и защита от других преступников).

Предъявив требование, группировка отбирала часть денег или активов предпринимателя или компании. Это могло происходить и с применением физической силы — в зависимости от реакции жертвы. Жертву также могли обвинить в «зихере» (нарушении понятий) — скорее всего, непреднамеренном, выразившемся в неправильном высказывании или поведении. Из-за этого «зихера» жертва обязана была расплачиваться с бандой деньгами, имуществом или даже жизнью. Правомочность насилия, как правило, обосновывалась теми же бандитскими понятиями.

Метод «загрузить по понятиям и развести на деньги» имеет широкое применение в российском обществе. В разговорной речи одно из значений глагола «грузить» — добиваться своего с помощью непрерывного

монолог, обрушиваемого на собеседника. Этот способ апеллирования к неким неоспоримым принципам для оправдания вымогательства не имеет ничего общего с предложением услуг. В нем можно видеть проявление власти в ее наиболее инструментальной и деструктивной форме: власти как насилия. Как пишет Ханна Арендт, эта форма власти порождает не согласие, а «беспрекословное подчинение» (Arendt 1972, 140).

По словам наших информантов, типичный сценарий навязывания охранных услуг выглядел следующим образом: члены группировки приходили к хозяину киоска, рыночному торговцу или владельцу компании и спрашивали о наличии у того «крыши». При отсутствии таковой они предлагали за регулярную плату обеспечивать защиту. Если владелец отказывался, его киоск, ларек или офис сгорал, и он сразу же принимал предложение. В других случаях бандиты действовали упреждающе. Такая практика была разновидностью «развода»: первая группа пацанов наносила ущерб имуществу, которое группировка хотела взять под контроль, — например, громили киоск или рыночный ларек; вторая группа предлагала свою «помощь», а третья собирала дань. Нам говорили, что на местном уровне «развод» планируется на сходянках. Более взрослые и опытные бандиты, хорошо разбиравшиеся в местной экономике, указывали объект «наезда». Затем смотрящий выбирал пацанов помоложе, которым можно было доверить сам рэкет. Был возможен и другой сценарий: группа пацанов, решившая самостоятельно провернуть подобную операцию, разрабатывала план и согласовывала его со смотрящим. В любом случае определенная доля прибыли вносилась через смотрящего в общак группировки.

Группировки, как и государственная власть, использовали принуждение и облагали данью производителей материальных благ. Однако, как писал Тилли,

в отличие от большинства государственных структур, такая система неподотчетна, непрозрачна и не оставляет подконтрольным субъектам возможности отстаивать свои интересы. Убийства, грабежи и нанесение увечий, к которым прибегают агенты насилия для сохранения контроля, «чтобы их уважали», — всего лишь крайние проявления этого зла (Tilly 1974a, xix—xx).

Хотя группировки не брали на себя четких обязательств оказывать какое-либо содействие своим «подопечным», у последних в случае «наезда» соперничающей банды или возникновения конфликта с собственными конкурентами было больше шансов получить помощь. Так, таксист Р., с которым я беседовала в 2011 году, рассказал, что, если

на стоянку такси, куда он ставил свою машину, приезжали незнакомые конкуренты, он мог вызвать «крышу», чтобы прогнать чужаков. Если у чужаков была своя «крыша», бандиты с обеих сторон встречались для выяснения территориальных прав.

Ключевым элементом любого охранный рэкета было то, что бизнесмены не могли самостоятельно прекратить отношения со своими «защитниками». За оказанную группировкой помощь предприниматели платили зависимостью от нее, причем зависимость эта длилась так долго, как было угодно группировке. При этом сама «крыша» не считала себя связанной какими-либо обязательствами. Существует множество свидетельств, показывающих, что бандитская защита была крайне ненадежной. В Казани члены группировки обычно давали предпринимателям номера своих мобильных телефонов, но не было гарантии, что они откликнутся на просьбу о помощи. «Крыша» практически никогда не выручала владельца подконтрольного бизнеса при нападении хулиганов или краже. В Санкт-Петербурге бандитские «крыши» фактически не защищали «подопечных» от серьезных преступлений — грабежа, разбойного нападения, угона автомобиля или кражи со взломом (Константинов 2004). В Перми «крышевание» уличного бизнеса также было крайне ненадежным. Варезе приводит примеры, когда рэкетеры не отвечали на звонки клиентов с просьбой о помощи, отказывались искать похищенный товар, обманывали заплативших за «крышу» владельцев киосков и переходили к другим клиентам в ущерб предыдущим, иногда со смертельными для тех последствиями (Varese 2001, 110—120). Преступники, живущие по понятиям, считают абсолютно законным отказ от данного слова, им ничего не стоит обмануть или даже ограбить своего предпринимателя. Бандиты и воры имеют моральные обязательства только друг перед другом и вправе безнаказанно «кидать лохов».

Некоторые люди просились под бандитскую «крышу», спасаясь от других организованных группировок или отморожков, а иногда — надеясь взыскать долги. Другие обращались к бандитам в случае разногласий с бывшими деловыми партнерами. Однако начиная с момента обращения возникали отношения зависимости, которые уже нельзя было прервать. Например, предприниматель К., с которым я беседовала в 2011 году, на паях с партнером владел небольшой компанией по реализации канцелярских товаров. Партнер решил начать свой собственный бизнес и, уходя, прихватил с собой всю клиентскую базу данных. К. обратился к бандитам, те нашли его бывшего партнера и «объяснили ему, что он был неправ». Это, однако, означало, что с тех пор бизнес К. должен был находиться под бандитской «крышей», за что

он платил им 30 % от прибыли. Бухгалтер «крыши» регулярно посещал компанию, чтобы отслеживать ее оборот и контролировать надлежащие выплаты группировке. К счастью для К., когда начался экономический кризис 2008 года и прибыль компании резко сократилась, бухгалтер группировки заявил, что прибыль теперь настолько мала, что смысла «сотрудничать» с компанией больше нет. После этого предпринимателя оставили в покое. Другой предприниматель, Л., владелец фармацевтической компании, рассказал, как бандитская «крыша» помогала ему уходить от налогов и обналачивать средства. Для этого его фирма заключала фиктивные контракты с компаниями, учрежденными группировкой; однако впоследствии бандиты использовали те же компании, чтобы увести средства с его счетов.

Даже в тех случаях, когда группировка оказывает своим клиентам реальные услуги, асимметричная природа отношений между ними показывает, что лучше говорить не об обязательствах, а о своего рода одолжениях со стороны бандитов. Из чего, конечно, не следует, что спрос на защиту отсутствует. В условиях, когда грабительские и патрон-клиентские отношения пронизывают всю экономику, предприниматели могут надеяться найти «крышу» получше — более влиятельную и менее склонную к применению грубого насилия. Галеотти сообщает о беседе с молодым предпринимателем, который в июле 1998 года сказал ему, что «при открытии нового дела в России важнейшим решением является выбор правильной крыши» (Galeotti 2000, 36). Такую «крышу» могли предоставлять не только ОПГ, но и сотрудники милиции, госбезопасности или частные охранные предприятия. Предприниматели старались выбрать лучшую из имеющихся возможностей, но никто не мог гарантировать им сохранность бизнеса или надежность охранных услуг.

Организованные преступные группы получают возможность присваивать ресурсы благодаря не столько спросу на охранные услуги, сколько их способности создавать собственные системы власти и доминирования. Это наглядно иллюстрирует фраза, которую мы слышали от членов группировок: «Главный — не кто «башляет» [платит], а кто ставит «крышу»». Как и любая система господства, власть бандитов зиждется на социальной зависимости, порожденной отсутствием реальных альтернатив для тех, кто находится в подчиненном положении (Martin 1977). Эта власть ограничивается только существованием других субъектов власти — соперничающих группировок, организованных преступных сообществ, а также правоохранительных и других государственных органов (см. также: Volkov 2002, Волков 2012). Но даже они могут вступать между собой в сговор, и тогда их подчиненные

оказываются в положении практически полного бесправия (см. рассмотренный в шестой главе пример станицы Кушевской).

Неправильным было бы считать, что «плохие» криминальные группировки заполняют вакуум, оставленный «хорошим», но временно отсутствующим государством. Как пишет Байяр,

властные полномочия также могут использоваться в хищнических целях. Власти предержавшие используют свою монополию на законное применение силы, чтобы предъявлять требования на товары, денежные средства и труд (Bayart 2009, 76).

Неравные эксплуататорские и патрон-клиентские отношения между группировками и предпринимателями находят зеркальное отражение в аналогичных практиках российских чиновников, подтверждая тем самым, что зачастую трудно провести грань между государством и теневой сферой. В некоторых случаях, например, государство заставляет компании платить дополнительные налоги без каких-либо правовых оснований. Так, в годы правления президента Минтимера Шаймиева (1991—2010) власти Татарстана оказывали давление на бизнес с целью финансирования различных государственных проектов, включая весьма спорную программу ликвидации ветхого жилья, которая привела к уничтожению многих исторических мест Казани. Шаймиев велел компаниям, не желавшим отчислять средства, «убираться из республики» (Муртазин 2007, 143). Е. Табеев (2007, 96—97) описал практику «добровольно-принудительных» договоров о сотрудничестве между местными органами власти и предпринимателями, которых вынуждали отчислять средства в различные муниципальные фонды и спонсировать организованные мероприятия. В противном случае у них могли возникнуть проблемы с одной или несколькими государственными структурами, способными закрыть их бизнес на формально законных основаниях. Наличие административной «крыши» помогало компаниям решить многие вопросы и могло «способствовать их хозяйственному успеху». Предприниматели, в свою очередь, поддерживали власти на выборах финансовыми ресурсами и голосами своих работников.

УЛИЧНЫЕ «КРЫШИ»

В бандитскую группировку входили различные структуры — уличные и неуличные. Старшие участники крышевали бизнес, пацаны помоложе практиковали собственные стратегии господства. Их власть огра-

ничивалась улицей и сводилась к притеснению «не-пацанов» и преследованию посторонних, оказавшихся на их территории. Такую деятельность вряд ли можно назвать организованной преступностью. Тем не менее методы доминирования были во многом схожими. Пацаны младших возрастов говорили о предоставлении защиты своим соученикам по школе или училищу, соседям по микрорайону. Хотя при этом они обещали защиту от неких посягательств, на практике пацаны гарантировали только защиту от самих себя. Персональная «крыша» в этом случае означала лишь взимание дани на постоянной основе. Тех, кто отказывался платить, преследовали на улице и в школе до тех пор, пока они не сдавались. Отношения доминирования, как и в случае крышевания предпринимателей, носили бессрочный характер и основывались на подразумеваемой или устной «договоренности». Очень часто использовались уже знакомые нам приемы. Выбиралась беззащитная жертва, не имевшая, как правило, ни связей с другими группировками, ни родственников в милиции или органах государственной власти, и ей предлагалась защита от возможных обидчиков. В случае отказа жертву избивали. В других случаях ситуация, требовавшая поиска защиты, подстраивалась заранее. Наш информант Таджики описал характерный «развод», организованный когда-то его бригадой (основное структурное подразделение ОПГ):

Один из наших пацанов нашел мажорика и предложил с него поиметь, поставить его на деньги. Схема была стандартная: он — «добрый пацан», готовый защитить мажорика от «злых пацанов», мы — «злые пацаны», которые этого мажорика всячески щемили. Один раз мы его поймали и прибили на деньги, второй раз денег у него не оказалось, и мы его слегка отрихтовали [избили]. Когда «добрый пацан» снова подошел с предложением о защите, мажорик был уже готов обсуждать финансовую сторону дела.

Подобные стандартные схемы весьма эффективны, но зачастую без них можно обойтись. Как сказал Таджики, «когда мне нужны деньги, я всегда их раздобуду. За помощью я обращаюсь к лохам: они обычно отказать не могут».

Если жертва платит сразу после получения предложения о защите или же после избития, подразумевается, что она вступила в бессрочные отношения зависимости от группировки. Такого человека называют «терпилой» или «сладким», и он должен платить дань так долго, как группировка сочтет нужным. Вот как член одной группировки говорил об обращении с мажорами:

...А мажорики — они как доильный аппарат уже, с них просто пацаны доят, деньги с них сшибают, за их счет живут. Я ему просто говорю, типа, братан, если будут какие-то проблемы, ты просто ко мне подойдешь, я тебе помогу. И все. Если он подошел, я просто отмажусь, типа, у меня свои дела, братан. Ты как там, поинтересуюсь, чё там случилось? Вот так-то, так-то. Я ему скажу: ты, братан, сам не прав, сам и разбирайся на счет этого, а у меня сейчас проблемы, у меня свои дела, и всё. За какого-то черта [человека, живущего не по понятиям. — С. С.] я заступаться никак не буду... (Шашкин 2009, 172).

Как предприниматели отдаются во власть ОПГ, не веря, что правоохранительные органы их защитят, так и молодые жертвы вымогателей не сопротивляются, чувствуя свою беззащитность. Конечно, они могут обратиться в органы правопорядка или пожаловаться родителям и учителям, но тогда в глазах сверстников будут выглядеть еще большими слабаками. Как пишут А. Салагаев и А. Шашкин, от жертвы, пожаловавшейся взрослым на вымогательство в школе, может отвернуться весь класс (Salagaev and Shashkin 2005a).

ПРОНИКНОВЕНИЕ ВО ВЛАСТНЫЕ И ДЕЛОВЫЕ КРУГИ

Несмотря на значительную власть над бизнесом, попавшим под их контроль, группировки не могли установить на своих территориях властную монополию. Они сосуществовали с институтами современной экономики и государства, а значит, их социальное и экономическое воспроизводство зависело от глубокого проникновения в эти структуры. Группировкам удавалось внедряться в разнообразные сферы деятельности не в последнюю очередь благодаря своим моральным установкам. Бандиты были весьма прагматичными и предприимчивыми и легко адаптировались к изменениям в соотношении сил. Они шли туда, где были деньги и власть, терроризируя слабых, сотрудничая с сильными и пытаясь найти баланс между необходимым уровнем насилия и нормальной деловой практикой.

ОПГ пытались получить доступ к представителям государственных и корпоративных структур, чтобы запугать их, привлечь к совместным операциям по отмыванию преступных доходов и уклонению от уплаты налогов или втянуть в предпринимательские схемы группировок. Те, со своей стороны, стремились к сотрудничеству с бандитами, чтобы использовать их преступные навыки и обширные контакты.

Иногда государственные и частные компании нанимали бандитов для реализации незаконных схем, которые преступная группировка могла осуществить, опираясь на свой богатый опыт и связи в органах государственной власти. Они учреждали фиктивные компании для отмывания денег или для финансовых сделок, не попадавших в поле зрения налоговых органов, помогали обходить таможенные барьеры. В Набережных Челнах одна из компаний, подконтрольных ОПГ «29-й комплекс», занималась финансовыми операциями в электроэнергетической и газовой отраслях, пользуясь поддержкой высокопоставленных правительственных чиновников и легальных банковских организаций (Удовенко 2008). Банда Тагирьянова занималась устрашением тех, кто перешел дорогу важным государственным чиновникам. Так, бывший вице-губернатор Липецкой области Сергей Доровский попросил бандитов «убедить» журналиста «Новой газеты» Игоря Домникова прекратить расследование административной коррупции в регионе. Люди Тагирьянова нанесли журналисту многочисленные удары молотком по голове, от которых он скончался (Прусенкова 2013).

В деятельности группировок были серьезным образом замешаны представители правоохранительных органов. А. Салагаев, А. Шашкин и А. Коннов провели углубленный анализ отношений между ОПГ и правоохранительными органами (Salagaev, Shashkin and Konnov, 2006). Авторы проинтервьюировали в различных районах Татарстана 96 человек, в том числе представителей правоохранительных органов, членов ОПГ, бизнесменов и журналистов. Результаты исследования показали, что некоторые сотрудники милиции, прокуратуры и Управления по борьбе с организованной преступностью (УБОП) получали деньги или услуги за незаконные действия: предоставление сведений об оперативно-розыскных мероприятиях, содействие участникам группировок в избежании уголовного преследования или в смягчении наказания, удаление сведений из баз данных МВД, а также освобождение из-под стражи после задержания милицией. Они скрывали информацию, фальсифицировали доказательства или переквалифицировали статьи уголовного дела — например, с убийства на причинение смерти по неосторожности или с умышленного причинения тяжкого вреда здоровью — на мелкое хулиганство. Сотрудники правоохранительных органов помогали бандитам приобретать поддельные паспорта и оружие. Они поставляли своим клиентам информацию о конкурирующих группировках (иногда производя заказные аресты их участников), помогали перевозить незаконные грузы, содействовали в получении разрешений государственной автоинспекции и других государственных органов на организацию уличных авто-

стоянок. Правоохранители обеспечивали торговые места на рынке для коммерсантов, подконтрольных группировкам, помогали избегать бюрократических проволочек при открытии новых компаний, предоставляли информацию о потенциальных партнерах и способствовали подрыву бизнеса конкурентов. Сотрудники милиции нередко подрабатывали охранниками в бандитских фирмах. Они также помогали бандитским авторитетам наладить связи с чиновниками и даже способствовали их избранию на официальные должности, дискредитируя других кандидатов.

Две иерархии, законная и незаконная, переплелись, причем чиновники низшего ранга имели дело преимущественно с рядовыми бандитами, а высшего — с лидерами и авторитетами преступного сообщества. В пособничестве преступным группировкам участвовали сотрудники милиции практически всех уровней, но наиболее распространено это было среди руководства — на уровне руководителей районных и городских отделов МВД и начальников управлений и их заместителей (Salagaev, Shashkin and Konnov 2006).

В уголовных делах ОПГ и ОПС также отражены личные и деловые связи милиции и преступного мира. Например, дело «Жилки» изобилует упоминаниями деятельности некоего Владислава Баранова. В советские годы он входил в состав известной оперативно-следственной группы МВД, занимавшейся расследованием дела группировки «Тяп-ляп». В постсоветский период Баранов дослужился до должности заместителя начальника уголовного розыска УВД Казани. Как выяснилось, у него было много друзей среди главарей преступных группировок. После увольнения из органов МВД Баранов занял должность директора Усадского спиртзавода, подконтрольного «Жилке». В 1996 году он был убит наемным убийцей — как позже выяснилось, за скромное вознаграждение в размере 1000 долларов. «Заказ» поступил от лидеров преступной группировки «Грязь», конкурировавшей с «Жилкой» (Сафаров 2012, 310–311).

Группировки иногда использовали в качестве наемных убийц бывших или действующих сотрудников милиции. «Тяп-ляп», например, для расправы над соперниками и непослушными предпринимателями нанимала бывшего водителя отдела уголовного розыска, бывшего спецназовца и действующего сотрудника милиции (Сафаров 2012, 53). Группировка «Хади Такташ» получила доступ к базе данных МВД со сведениями об автовладельцах и имела возможность отслеживать автомобили своих врагов на улицах Казани. В дни заказных убийств лидер группировки Раджа получал на пейджер подтверждение выполнения «заказа» в виде рекомендации посмотреть

криминальную хронику в вечерней сводке новостей (Salagaev and Shashkin 2005б).

У одного из лидеров ОПГ «29-й комплекс» Адыгана Саляхова по кличке Алик был очень полезный документ — удостоверение сотрудника московского УБОПа. Каким образом он его раздобыл, неизвестно, но этот документ, подписанный тогдашним министром внутренних дел РФ Анатолием Куликовым, как минимум однажды очень помог Саляхову, когда его арестовали в Набережных Челнах за пьяную драку и доставили в отделение милиции. В течение часа его отпустили — несмотря на то что он ударил по лицу одного из милиционеров. В Удмуртии эта группировка занималась рядом мошеннических финансовых операций под прикрытием заместителя председателя республиканского совета министров. Среди пособников группировки были бывшие сотрудники МВД, ФСБ и ГРУ. В Набережных Челнах группировка учредила фонд поддержки городской милиции, с помощью которого обеспечивала милиционеров автомобилями — некоторые из них были зарегистрированы на конкретных милиционеров — и оказывала материальную помощь отличившимся оперативникам (Удовенко 2008).

Нередко лидеры группировок и руководящие работники милиции и республиканских органов власти создавали сплоченные группы, построенные на личных и деловых связях. Показательным примером является дело казанского бизнесмена Бориса Булатова, приговоренного к длительному тюремному заключению за организацию убийства своего делового партнера. Булатов был владельцем компании «Сандра», занимавшейся реализацией кока-колы. Отец Булатова Ахметзян в советские годы был секретарем обкома КПСС Татарской АССР, а позже перешел на работу в правительство Татарстана, где курировал пищевую промышленность. Его дядя Алексей Булатов был заместителем начальника уголовного розыска УВД Вахитовского района и одновременно акционером «Сандры». Заместителем председателя совета директоров «Сандры» был один из авторитетов группировки «Хади Такташ» Николай Гусев, который также владел акциями компании. Официальные должности в компании занимали и несколько других авторитетов этой группировки. Не исключено, что «Хади Такташ» держал в «Сандре» свой общак (Беляев, Шептицкий 2012, 167—183; Сафаров 2012, 200).

Отношения между чиновниками, представителями правоохранительных органов и бандитами зачастую строились на примитивном подкупе или откровенном устрашении должностных лиц. Но при этом они дополнительно скреплялись семейными связями, совместной предпринимательской деятельностью и возможностью взаим-

ного трудоустройства: государственных служащих интегрировали в бандитские структуры, бандитов продвигали в государственный аппарат. Личные связи скреплялись постоянным общением: регулярными совместными выпивками, застольями, походами в баню. Так, бывший прокурор Набережных Челнов Илдус Нафиков (в настоящее время прокурор Республики Татарстан) был однажды сфотографирован в бане с упомянутым выше преступным лидером Эдуардом Тагирьяновым. Когда эта фотография всплыла в ходе судебного процесса по уголовному делу Тагирьянова, Нафиков объяснил, что он проводил расследование, скрывая свою личность (Постнова 2006). Позже он уверял, что встретил Тагирьянова в бане случайно и не знал, кто он такой (Муртазин 2013).

Лидеры группировок принимали участие в работе различных благотворительных организаций и общественных объединений. «29-й комплекс», например, был организатором концертов, проводившихся в День милиции для подмосковных стражей порядка. Один из лидеров группировки Юрий Еременко (Ерема) был в связи с этим награжден почетной грамотой за подписью руководителя ГУВД Москвы. Из средств бандитских общаков — через счета учрежденных ими компаний или наличными — делались пожертвования в пользу районных отделений милиции. Лидеры группировок участвовали и в городской жизни. Некоторые авторитеты, особенно те, кто был связан с местным руководством или стремился к политической карьере, содействовали строительству церквей, мечетей, спортивных комплексов. В других российских городах криминальные авторитеты также оказывали материальную помощь отделениям милиции, давали деньги на строительство спортивных сооружений, домов престарелых, детских домов, больниц и наркологических диспансеров (Долгова 2004, 17—22). В последнее время, уже интегрировавшись в структуры легального бизнеса и власти, такие лидеры делают пожертвования, выступая в новой роли — уважаемых предпринимателей и благотворителей.

Цель подобной деятельности не сводилась исключительно к отмыванию денег и подкупу. Через участие в различных общественных событиях и мероприятиях бандитская аристократия включалась в легальные структуры престижа и влияния, в настоящую элиту. Новый постсоветский класс власть имущих, спаянный совместными благотворительными акциями, членством в престижных неправительственных организациях и фондах, а также общими коммерческими интересами, сформировал специфическую систему личных отношений, в которой государственное и негосударственное, преступное и законное неотделимы друг от друга.

В ПОИСКАХ ЛЕГИТИМНОСТИ

Используя незаконно приобретенный капитал, подкуп, угрозы и убийства, вступая в союзы и партнерства с представителями деловых и властных кругов, бандитские авторитеты сумели превратиться из рэкетиоров, крышующих уличные киоски и рынки, во владельцев и акционеров банков, футбольных клубов, агрохолдингов и крупных сырьевых компаний. В одних случаях имущество захватывали угрозами и насилием, в других — организованные преступники заключали союзы с компаниями для реализации различных незаконных схем, мошенничества и совместного отмывания денег. В этой связи трудно провести грань между организованной и «беловоротничковой» преступностью — явлением, особенно заметным в России, хотя существующим и в развитых западных обществах (Levi 1987; Ruggiero 1996).

Во второй половине 1990-х годов группировки перешли от рэкета к назначению своих людей в компании в качестве финансовых контролеров. Основной целью было обеспечить выплату причитающейся группировке доли прибыли. Авторитеты стали устраиваться на руководящие должности в контролируемые ими компании. По словам начальника следственного отдела одного из РОВД Казани Н.,

члены ОПГ имеют собственный бизнес, но крышевание и сейчас имеет место. Оно уже отличается от того крышевания, которое было распространено ранее. Сейчас за свой авторитет деньги получает только лидер ОПГ, только он может числиться среди работников фирмы и получать, ничего не делая, какие-то деньги.

Группировки принуждали поставленные под «крышу» компании приобретать товары и услуги у своих фирм. Как уже упоминалось, некоторые группировки стали оказывать содействие подконтрольным компаниям в разрешении споров, взыскании долгов и обеспечении безопасности через собственные официальные охранные предприятия. Но при этом откровенная эксплуатация также сохранялась — не в последнюю очередь через использование счетов легальных предприятий для незаконных операций. Комментирует сотрудник казанской милиции М.:

Можно сказать, что раньше были «грубые наезды», а сейчас группировки получают не просто за крышу, а за консультационные, охранные, посреднические услуги. Или возьми любую отрасль бизнеса сейчас — пиво, нефтяной бизнес, шины, нефтехимия — всюду есть люди из группиро-

вок. Но они сейчас делают это более цивилизованно, экономическими методами. Через эти фирмы они отмывают свои деньги.

Со временем начали развиваться симбиотические отношения ОПГ с легальным бизнесом. Занимая первоначально номинальные должности в подконтрольных компаниях, многие татарстанские авторитеты постепенно брали на себя реальные управленческие функции или создавали собственные компании, преимущественно в ресторанном бизнесе, охранной сфере, строительстве и автосервисе. При этом они еще сильнее вовлекались во взаимодействие с различными органами власти. По словам Н.,

Казань — большая деревня, в ней все друг друга знают, и тем, кто занимается бизнесом, приходится сталкиваться с разными инстанциями — с исполкомом, с милицией и т. д. Поэтому члены ОПГ стараются вписаться в это взаимодействие, сами создают свои фирмы и начинают платить налоги.

К концу 1990-х годов большинство бандитских лидеров и авторитетов, который удалось остаться в живых и избежать тюрьмы, окончательно утвердились в качестве добропорядочных бизнесменов и политиков. Бывшие лидеры татарстанских группировок стали руководителями холдинговых компаний и крупных корпораций, членами парламента и государственными чиновниками в республике и за ее пределами. Некоторые стали депутатами местных советов. Так, лидер ОПГ «Айдаровские» Айдар Исафилов, убитый в 1999 году, был депутатом Елабужского горсовета (Сафаров 2012, 128). Другие стали олигархами и парламентариями. Среди наиболее известных примеров в Татарстане — два брата, бывшие лидеры одной из казанских группировок, которые сейчас считаются одними из богатейших людей России¹⁷. Одному принадлежит разветвленная сеть супермаркетов в Казани (его первая компания была зарегистрирована в 1992 году, когда он был участником уличной группировки). Другой является депутатом Государственной думы РФ и владельцем крупного агропромышленного холдинга в Республике Татарстан. Из интервью с сотрудниками органов МВД мы узнали, что братья были одними из первых лидеров казанских груп-

¹⁷ В список самых богатых россиян попали братья Хайруллины, Радик Шаймиев и Альберт Шигабутдинов. [Электронный ресурс]// БИЗНЕС Online [сайт], 15 февраля 2010. URL: <http://www.business-gazeta.ru/text/20672/> (дата обращения: 1 марта 2011).

пировок, которые вместо обычного рэкета уличной торговли занялись контролем крупных предприятий. Другие авторитеты также перешли к законной хозяйственной деятельности. Они владеют официально зарегистрированными компаниями, отчисляют налоги в бюджет, но при этом, по словам наших информантов из правоохранительных органов, платят коррумпированным чиновникам, которые обеспечивают «защиту» и не мешают развиваться их бизнесу.

Еще одна известная в Татарстане личность, Сергей Шашурин, в 1980-е годы возглавлявший одну из казанских уличных группировок, стал успешным предпринимателем и депутатом Государственной думы. Он подружился со многими представителями российской политической и культурной элиты, в том числе с кинорежиссером Станиславом Говорухиным, и даже участвовал в финансировании одного из его фильмов. Карьера Шашурина была омрачена обвинениями в мошенничестве в особо крупных размерах, и в 2005 году он был осужден за хищение продукции ОАО «Татархлебопродукт» на сумму 37 миллионов рублей (Константинов 2012, 373–375). По всей России прежние лидеры группировок обретали законный статус. Бывший начальник российского бюро Интерпола Владимир Овчинский рассказывал, как в конце 1980-х годов, работая следователем, имел дело с одним из активных участников люберецкой группировки. Этого человека звали Василий Якеменко; впоследствии он возглавил прокремлевское молодежное движение «Наши» и Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь) в Правительстве РФ (Шевелев 2010).

Блестящую карьеру сделал и Владимир Податев (Пудель), упомянутый в первой главе среди тех, кто в 1980-е годы установил криминальный порядок в Хабаровске. В начале девяностых он создал в этом городе развитый криминальный бизнес, но нажил могущественных врагов в лице других бандитских лидеров и бежал в Москву, скрываясь от преследования. Впоследствии он стал бизнесменом, президентом правозащитной общественной организации «Единство», членом комиссии по правам человека Общественной палаты при Президенте Российской Федерации, заместителем верховного атамана казачьих войск России и зарубежья, членом президиума ЦК свободных профсоюзов России (Долгова 2003, 356–357).

С поправкой на масштаб то же самое происходило и в низших эшелонах преступных группировок. Бандиты и пацаны разных рангов и возрастов, за исключением самых младших когорт уличных бойцов, стремились прибрать к рукам тот или иной бизнес и легализовать свой статус. Если лидеры и их сообщники становились директорами компаний и членами правлений различных крупных предприятий, то

местные «братки» в возрасте от двадцати до тридцати лет занимали должности менеджеров легальных игровых салонов, гаражей, строительных компаний, городских рынков, обменных пунктов и компаний по производству и реализации алкогольной продукции (Нафиков 2012). Некоторые открыли собственные магазины и кафе. Другие стали охранниками, как, например, участники группировки «Низы», которые в качестве сотрудников службы безопасности Московского рынка Казани фактически легализовали «крышу» (Сафаров 2012, 313). Члены «кладбищенской» бригады группировки «Хади Такташ», начинавшие с рэкета, легализовали свой бизнес и теперь сами предоставляют ритуальные услуги. В отличие от своих бывших сообщников из других бригад, входивших в состав «Хади Такташ», ни один из них не попал под следствие за свои прошлые деяния (Беляев, Шептицкий 2012, 165).

Многие бандиты нашли работу в частных охранных предприятиях или стали советниками по безопасности. Виктор Курицын, лидер одной из зеленодольских группировок, был приговорен в 2005 году к пяти годам лишения свободы за ношение огнестрельного оружия. После освобождения он переехал в Самару, где поступил на должность советника по безопасности в одну из коммерческих компаний и начал налаживать связи с городской администрацией. Новую карьеру Курицына прервало уголовное расследование его прошлых преступлений (Сафаров 2012).

НОВАЯ КОНФИГУРАЦИЯ ВЛАСТИ

В нулевых годах в России начала складываться новая конфигурация власти. При В. В. Путине укрепились и расширились государственные силовые структуры, в итоге одержавшие верх в системе насильственного регулирования. Основными поставщиками охранных услуг стали группы, связанные с государственными правоохранительными органами — МВД, ФСБ, налоговой полицией и прокуратурой. Легальная частная охранный отрасль также сделалась крупным поставщиком охранных услуг, и предприниматели предпочитали иметь дело скорее с ее представителями, нежели с непредсказуемыми и опасными преступными группировками (Taylor 2011; Волков 2012). Частные охранные агентства по-прежнему существовали и, как видно из «Обзора деловой конъюнктуры и эффективности работы предприятий», подготовленного ЕБРР и Всемирным банком в 2005 году по результатам опроса в 14 регионах (к сожалению, Татарстан в выборку не вошел), за частную охрану платили 10 % российских и 26 % иностран-

ных компаний (Remington 2011, 160). Однако «крышеванием» теперь в большей степени занимались службы госбезопасности и милиции. По некоторым оценкам, если в начале девяностых 70 % «крыш» были бандитскими, десять лет спустя 70 % уже были «ментовскими» и 10 % — «комитетскими» (Taylor 2011, 164). Были случаи, когда службы госбезопасности и милиции участвовали в «крышевании» и других незаконных операциях совместно с организованными преступными группами (Galeotti 2006). По понятным причинам, исследований в этой области крайне мало, но существуют свидетельства, согласно которым в Татарстане и соседнем Башкортостане высшие милициские чины «крышевали» ОПГ или сами были их активными участниками (Salagaev, Shashkin and Konnov 2006, Исангулов 2006).

В целом укрепление государства не привело к появлению современной системы власти, основанной на верховенстве права, и к искоренению организованной преступности. Как утверждал Брайан Тейлор, государственная бюрократия и полиция в России организованы в соответствии с патримониальной формой власти по Веберу, и их задача заключается не в защите граждан, а в собственном обогащении и репрессиях (Taylor 2011). По мнению Алены Леденевой, при Путине система неформального управления (которую она называет «Системой») заменяет в России официальную государственную бюрократию (Ledeneva 2013). Различные субъекты власти в Системе связаны не формальными правилами, а личной преданностью и взаимными интересами.

Организованная преступность является частью этого режима. Более чем за два десятилетия существования новой капиталистической России организованная преступность не только не исчезла, но еще теснее сплелась с государством (Gilinsky 2006; Rawlinson 2010). Различные государственные «охотники за рентой» (работники налоговых органов, полиции, спецслужб) и организованные преступники часто сообща присваивают ресурсы, а также занимаются мошенничеством, отмыванием денег, подпольным игорным бизнесом, махинациями на рынке недвижимости, незаконным оборотом наркотиков и другой преступной деятельностью.

Нашумевшим примером сотрудничества коррумпированных чиновников и преступников является дело Сергея Магнитского, которое, по утверждению Уильяма Браудера, убедительно доказывает, что представители российских налоговых органов и высших должностных лиц МВД, прокуратуры, ФСБ и гражданских судов, действуя совместно с участниками организованных преступных сообществ, похитили из бюджета РФ 5,4 млрд рублей (230 млн долларов) в виде незаконного

возмещения «излишне уплаченных» налогов на прибыль (Browder, 2015). Сергей Магнитский, аудитор американского инвестиционного фонда Hermitage Capital Management, раскрыл эти преступные схемы, за что был по ложному обвинению арестован, подвергнут пыткам и скончался в СИЗО. Ряд участников этих налоговых махинаций были из Татарстана, в том числе судья Вахитовского районного суда города Казани, который санкционировал незаконный обыск в трех юридических фирмах, работавших на инвестфонд Hermitage в Казани, и двое судей Арбитражного суда Республики Татарстан, которые в нарушение установленного законом порядка сначала передали дочерние фирмы фонда Hermitage в собственность казанской компании, зарегистрированной на имя судимого Виктора Маркелова, а затем мошенническим путем предоставили этой компании налоговые льготы (OCCRP 2011).

В настоящее время вместо охранный рэкета используются другие способы масштабного присвоения бизнес-активов. Такая практика (применявшаяся и в афере с фондом Hermitage) известна как рейдерство; обычно она подразумевает участие коррумпированных сотрудников полиции, налоговых органов, а также судей. Рейдерский захват бизнеса совершается с помощью давления на миноритарных акционеров, подкупа руководителей компании и государственных чиновников, создания искусственной задолженности, фальсификации уставных документов компании, документов о передаче права собственности и свидетельств о праве собственности, а также путем насильственного захвата помещений компании частными охранными предприятиями или бандитами (Osipian 2012; Hanson 2014).

В ходе укрепления власти государства по отношению к негосударственным субъектам насилия некоторые криминальные авторитеты были включены в систему власти, а остальные — разгромлены в результате согласованной борьбы против преступных группировок старого стиля, стремившихся к значительной автономии от государства. В Татарстане аресты и заключения под стражу всегда были неотъемлемой частью бандитской жизни, но в нулевых республиканские власти приложили особые усилия, чтобы ослабить крупные группировки. Многие их лидеры были арестованы и приговорены к тюремному заключению. К тому времени республика стала одним из ведущих экономических центров страны, и ее руководство стремилось создать благоприятные условия для российского и международного бизнеса. Преступные группировки наносили серьезный урон репутации республиканской столицы и всего региона.

В 2001 году президент Татарстана Минтимер Шаймиев, выступая на расширенном заседании коллегии МВД республики, подверг ми-

лицию критике за недостаточную решимость в борьбе с организованными преступными группировками. А. Сафаров, бывший в то время министром внутренних дел Татарстана, докладывал об успешном предотвращении милицией избрания Зуфара Утяганова, авторитета группировки «Севастопольские», в Госсовет Татарстана. Услышав имя еще одного главаря «Севастопольских» — Радика Юсупова (Дракона), Шаймиев взорвался:

Слушайте, кто такой Дракон? Кто он такой, что вы столько о нем говорите? Дракон, Дракон... Депутат? Государственный деятель? Если он и правда такой страшный преступник — сажайте в тюрьму, доказывайте его вину. И вообще, до каких пор мы будем терпеть организованную преступность?! Все, с этим пора кончать! Вот поставьте себе конкретную задачу и выполните ее (Сафаров 2012, 103).

Это стало началом широкомасштабной кампании по борьбе с верхушкой преступных группировок. В то время многие лидеры и авторитеты уже владели легальным бизнесом (ресторанами, строительными фирмами, банками, гостиницами и т. д.) в Москве, Казани и других городах России. Но правоохранительные органы возобновили старые дела, собрали доказательства и смогли привлечь к уголовной ответственности участников многих группировок¹⁸.

ТРАНСФОРМАЦИЯ БИЗНЕСА БАНДИТСКИХ ГРУППИРОВОК

Ослаблению бандитских группировок способствовала и постепенная модернизация российской экономики. К концу 1990-х теневой сектор экономики сжался. Сетевые супермаркеты, банки и автосервисы пришли на смену маленьким магазинчикам, обменным пунктам и ремонтным гаражам, которые были легкой добычей для группировок, так

18 В ходе резонансных процессов в Казани были привлечены к уголовной ответственности участники и организаторы следующих группировок: «Хади Такташ» (2002), «Жилка» (2005), «Квартал» (2008), «56-й квартал» (2008), «Бригада Тактента» (2010), «Низы» (2010–2011), «Банда Хусаинова» (2010), «Кинопланка» (2011), «Банда Базаровские» (2011), «Севастопольские» (2011), «Перваки» (2012). В Набережных Челнах к уголовной ответственности были привлечены члены группировок «29-й комплекс» (2006 и 2010), «Банда Тагирьянова» (2007), «48-й комплекс» (2008), «Курицынские» (2008) и «Боксеры» (2012). Под суд попали также участники группировок из других городов Татарстана — Альметьевска, Нижнекамска, Елабуги, Бугульмы, Зеленодольска и Нурлата (Нафиков 2012).

как этот бизнес строился на наличных расчетах. Одновременно частные охранные предприятия потеснили группировки на рынке охранных услуг. Из-за сокращения возможностей для крупномасштабного рэкета группировки вернулись к уличной экономике и традиционным видам организованной преступной деятельности (подпольному игорному бизнесу, мошенничеству, контролю над проституцией, причём во все большей степени, наркоторговле).

Важной частью бизнеса уличных группировок стали открытые охраняемые автостоянки. Поступления от автостоянок, которые легко организовать и эксплуатировать, кормят рядовых участников — это удерживает группировку от распада, побуждая молодежь оставаться в ее рядах. Для организации парковочного бизнеса требуется примитивное насилие, которым занимаются пацаны помоложе, и организационно-правовая работа, проводимая старшими членами группировки и авторитетами, использующими свои связи в автоинспекции для получения разрешения на открытие стоянки. Пацаны средних возрастов собирают плату, часть которой вносят в общак группировки.

Кампания насилия обычно развивается по следующему сценарию. Чтобы «убедить» автовладельцев ставить свои автомобили на охраняемые автостоянки, младшие пацаны проводят на улицах акции вандализма: режут покрышки, бьют лобовые стекла и фары, царапают корпус, вскрывают машины и вытаскивают аудиосистемы. Тем самым они подталкивают автовладельцев к мысли, что машину безопаснее ставить на охраняемую парковку. В действительности пользы от бандитской охраны практически нет, поскольку в случае повреждения или угона автомобиля его владелец не получает никакой компенсации. В одной только Казани этот бизнес ежегодно приносит три миллиарда рублей прибыли. Наряду с игровыми автоматами, киосками и рынками он является одним из основных относительно легальных источников пополнения преступного общака (Нафиков 2012, 124–125).

Хотя с конца девяностых охранные услуги становились все более редкой практикой, преступные группировки продолжали заниматься мелким рэкетом (Загребнева 2011)¹⁹. Они, в частности, пытались взять под контроль автобусные маршруты и выгодно расположенные стоянки такси — в аэропортах, у железнодорожных вокзалов, перед дорогими ресторанами и концертными залами. В июне 2012 года ка-

19 Угроза присвоения компании «крышей» была реальной не только в случае бандитского рэкета, но и при предоставлении охранных услуг сотрудниками МВД и ФСБ. См., например, расследование «Новой газеты» (Канев 2014).

занская полиция арестовала несколько участников группировки «Каспийские», которые занимались вымогательством денег у местных таксистов и автобусных компаний, совершавших междугородние пассажирские перевозки. Рэкетеры требовали от компаний 20—30 % от выручки, запугивали водителей, разбивали стекла и фары транспортных средств, избивали водителей на глазах пассажиров. Данью облагали и таксистов, подвозивших пассажиров с привокзальной площади²⁰. Группировки часто работали в тандеме с полицией, которая закрывала глаза на их деятельность.

Более того, работники полиции сами нередко участвуют в рэкрете: используя свое служебное положение, они вынуждают водителей такси «делиться» деньгами и оказывать услуги безвозмездно. Так, по словам казанского таксиста С., полицейские заставляют водителей платить им долю с выручки, а также бесплатно возить их во время периодически проводимых «субботников».

Как и другие ОПГ во всех частях света (Schelling 1971), казанские группировки теперь стремятся занять позиции «регуляторов» преступной и теневой экономики. С сокращением возможностей для рэкета законного бизнеса основными объектами крышевания теперь становятся запрещенные игорные заведения, казино и легальные букмекерские конторы (впрочем, такие заведения все чаще принадлежат самим авторитетам). В настоящее время, за исключением шести выделенных игорных зон, которые находятся за пределами Татарстана, казино в России запрещены, однако в Казани функционирует множество игровых салонов (в 2010 году в 250 салонах было установлено в общей сложности 3000 игровых автоматов). Каждый автомат дает в среднем 3000 рублей в день, и таким образом эта сфера деятельности приносит существенную прибыль контролирующим ее группировкам (Нафиков 2012, 122). Кроме того, татарстанские группировки обеспечивают безопасность во время проведения «стрелок» — как в самой республике, так и в других регионах, в том числе в Москве (Сафаров 2012, 123).

Казанские группировки контролируют уличную проституцию в городе, сосредоточенную преимущественно вдоль Южной трассы и улицы Восстания, и собирают дань с секс-работниц, которые хотят работать на их территории. Они продолжают заниматься и другими

традиционными видами организованной преступной деятельности — незаконными финансовыми операциями и нелегальным импортом контрафактной продукции; при этом, в отличие от организованных преступных групп в других странах, их участие в незаконной торговле оружием и организации незаконной миграции незначительно (Нафиков 2012, 120—125). В других регионах России последние два вида преступной деятельности приобрели больший масштаб, причем подчас такие операции выходят за пределы национальных границ (Varese 2001, 2011; Cheloukhine, Habersfeld 2011).

С началом рыночных реформ Россия все активнее вовлекалась и интегрировалась в международную наркоторговлю (Shelley 2006). Участие казанских группировок в незаконном обороте наркотиков расширяется. Это очень прибыльный бизнес, и он идеально соответствует структуре группировки, в которой лидеры занимаются организацией оптовых поставок, а молодежь — уличным сбытом. Хотя для участников татарстанских уличных группировок наркоторговля не является единственным или основным источником дохода, они все же участвуют в ней на низовом уровне. Вот что рассказал о своей группировке Айдар:

Обычно древние [старшие члены группировки] мелочью не занимаются, а имеют дело с оптовиками, а своим младшим может быть сделано предложение: покупать наркоту небольшими партиями для дальнейшей реализации. Хочешь — вот цена, накрути и продавай, имей свою долю с этого. Не хочешь — пожалуйста, желающих все равно много, найдутся другие.

Торговля героином, однако, является предметом специализированной преступной деятельности, которой занимаются преимущественно этнические, а не территориальные группировки. В последние годы были привлечены к уголовной ответственности несколько татарстанских группировок, специализировавшихся на наркоторговле. В частности, было выявлено действовавшее в Казани преступное сообщество, в состав которого входило несколько преступных группировок. В 2006—2009 годах они организовали доставку героина из Таджикистана в Казань, Москву и другие города России. Помимо других наркотиков сообщество реализовало свыше 32 кг чистого героина. Деньги от реализации переводились через местные российские банки обратно в Таджикистан. Большинство группировок, специализировавшихся на сбыте наркотиков (70 %), было создано этническими мигрантами из стран Средней Азии (Нафиков 2012, 171—172).

20 «Такие группировки были в каждом дворе...» [Электронный ресурс] // БИЗНЕС Online [сайт], 21 июня 2012. URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/61546/> (дата обращения: 21 июля 2012).

Заниматься или не заниматься наркоторговлей — обычная дилемма для участников преступных сообществ, особенно если они, как италийская мафия, претендуют на то, чтобы считаться поборниками общественной нравственности. Летиция Паоли цитирует признание одного из крестных отцов сицилийской мафии:

Я не отношу к мафиози тех, кто причиняет вред другим, и особенно тех, кто занимается наркоторговлей, — они всего лишь обычные преступники. Наркотики губят новые поколения. Если ко мне приходит наркоторговец, я немедленно гоню его прочь, так как не испытываю к нему ничего кроме отвращения (Paoli 2003, 97).

Многие из наших информантов выражали такое же отношение. Воровские и бандитские понятия запрещают как сбыт, так и употребление наркотиков. Члены группировок не считают наркоманов за людей. Сбыт пацанами наркотиков может серьезно подорвать их репутацию. Не говоря уже о культурных запретах на торговлю наркотиками, героинный бизнес слишком рискован для бандитских группировок, так как находится под пристальным вниманием полиции. Участие в нем может разрушить сложную местную социальную экологию, предполагающую сотрудничество или хотя бы невмешательство полиции в предпринимательскую деятельность группировок.

Именно поэтому группировки по большей части ограничиваются реализацией легких наркотиков, главным образом марихуаны. В тех группировках, где сбыт наркотиков все еще запрещен, участники, как правило, торгуют марихуаной самостоятельно, часто тайком, не общая об этой деятельности товарищам. Иногда, обходя запрет, сами пацаны не торгуют, а нанимают распространителей и платят им зарплату.

Согласно давней традиции организованной преступности группировки грабят независимых наркочилеров, которые, естественно, не ищут правовой защиты (Jacobs 2000). У них может быть «крыша», даже полицейская, но, как и все в этом незаконном бизнесе, ее наличие абсолютно не гарантирует безопасности. Наш информант Ансар так описал одну из акций своей группировки:

Эти барыги жили на нашей территории, но ходили не под нами, у них чуть ли не мусорская крыша была. Само собой, напрямую наехать мы на них не могли, потому что мусора нас за ограбление повязали бы тотчас же. Поэтому мы послали самый младший возраст пиковать [следить] за барыгами, на чем они приезжают, когда приезжают, сколько с ними

человек и т. д. Собранный информация помогла выяснить, что у них есть день, когда они подвозят шмаль [наркотики], — они обычно были налегке, а в такие дни приезжали с сумками. Соответственно была организована засада, барыг замесили [избили], шмаль мы изъяли, а затем отдали на продажу нашим барыгам.

Как и во всем мире, группировки обеспечивают безопасность обычных преступников в обмен на часть их доходов. Группировки могут содействовать преступному бизнесу — например, помогая сбывать краденые автомобили. Для этого они используют свои контакты в Госавтоинспекции. Некоторые группировки (или компании под их «крышей») продают краденые мобильные телефоны. Лидеры группировок используют свои связи с сотовыми операторами для изменения номеров этих телефонов.

Еще одно направление деятельности — лицензирование рэкета. Группировка с признанной репутацией может в обмен на долю прибыли разрешить начинающей уличной шайке ссылаться на нее при проведении своих акций — это называется «создать филиал». Такой прием иногда используют младшие участники. Они обещают группе местных пацанов будущее членство в группировке: им предлагается сформировать «бригаду» и собирать деньги в общак. Чаще всего это преднамеренный обман. Претенденты редко получают от группировки какие-либо права и со временем понимают, что у них просто выманили деньги. Как сказал наш информант Ильсур, «никому не интересно их кормить и раскручивать в серьезный бизнес».

Некоторые группировки иногда занимаются также разбоем, грабежами и воровством. Эти преступления гораздо рискованнее обычных операций группировки, и в них, как правило, участвуют менее образованные пацаны с уголовным прошлым, преимущественно из неблагополучных семей. Группировки разрешают пацанам таким образом зарабатывать на жизнь, но не считают подобные занятия своим бизнесом.

РАЗМЫТЫЕ ГРАНИЦЫ

С самого начала экономическая власть группировки опиралась не на предоставление услуг, а на их насильственное навязывание. Но ее экономика строилась не только на применении силы. Группировка использовала в своих интересах отсутствие в российском обществе четкой границы между легальным и нелегальным бизнесом. В услови-

ях анархии переходного периода, когда государственные организации и частные компании в массовом порядке занимались отмыванием денег, уходом от налогообложения и уклонением от уплаты таможенных пошлин, группировки приобрели ценный опыт в разработке и реализации незаконных схем как для собственных или подконтрольных предприятий, так и для обычных государственных и частных компаний. Благодаря этому весьма выгодному положению на стыке разных секторов лидеры ОПГ сумели накопить экономические ресурсы и социальный капитал, что позволило некоторым из них интегрироваться в элиту и стать уважаемыми предпринимателями и политиками.

В условиях укрепления государственной власти и модернизации российской экономики хозяйственная деятельность группировок трансформировалась. К середине 2000-х годов некоторые бандиты занялись законным бизнесом; другие все чаще переходили от охранного рэкета к деятельности на рынке нелегальных товаров и услуг — наркоторговли и проституции — и к другим прибыльным незаконным операциям. Государство консолидировало свою власть, но граница между криминальными и государственными структурами осталась размытой. России не удалось построить современные институты, основанные на верховенстве права, и своекорыстное сотрудничество участников государственной Системы с преступными бандами — их, по выражению Рене Жирара, «чудовищными двойниками» — продолжает по сей день (Жирар 2010, гл. 6).

4

Организационная структура группировок

Некоторые представители первого поколения бандитских лидеров, стоявших у руля территориальных группировок в конце 1980-х — начале 1990-х, стали богатейшими людьми России. А рядовые пацаны, из которых (пусть и во все меньшем числе) отбиралась бандитская элита и которые обеспечивали главарей группировки ударной силой для насильственных акций, жили своей жизнью, охраняли свою территорию и занимались накоплением сравнительно скромных ресурсов. Со временем криминальные структуры, созданные лидерами, обособлялись от самих уличных группировок, хотя связь и функциональная взаимозависимость между этими структурами и низовыми группировками сохранялась, как по большей части и прежнее название, восходившее к топографии города. Но если уличные бригады и их объединения оставались территориальными, то структуры, управляемые лидерами, уже не были привязаны к этой территории: они занимались преступным предпринимательством в самых разных отраслях экономики России и за рубежом, постепенно переключались на полулегальную и легальную хозяйственную деятельность. Те и другие составляли альянс, скрепленный общим происхождением — обычно из славных 1970—1990-х, когда «отцы-основатели» учредили изначальную «улицу», — а также ритуалами и квазисемейными обязательствами.

В этой главе я рассматриваю группировку как форму социальной организации и пытаюсь решить, на что она больше походит — на коммерческую корпорацию или на квазисемейную группу, опирающуюся на солидарность и личные обязательства ее членов.

ПАТРИМОНИАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Молодому парню, решившему стать членом группировки, улица может казаться местом, где проворачивают самые разные прибыльные операции. Нужно только не упускать благоприятных возможностей, а уж братва поможет их реализовать. Пацан связан с другими членами группировки не службой какому-то абстрактному общему делу, а взаимными материальными интересами — поэтому чтобы реализовать свои планы («делюги»), достаточно быть верным организации, ее участникам и неукоснительно вносить деньги в общак. При необходимости общак можно использовать как источник для собственных инвестиций.

С этой точки зрения группировку можно рассматривать как коммерческую организацию, криминальную корпорацию или фирму, предназначенную для извлечения прибыли. В западной научной литературе широко распространен тезис о корпоративной природе преступных формирований: их деятельность при этом рассматривается как род бизнеса, пусть и осуществляющего свои операции в теневой или криминальной экономике (Hagedorn and Macon 1988; Vigil 1988; Moore 1991; Sánchez-Jankowski 1991; Venkatesh 2000; Densley 2013). Трансформация молодежных боевых формирований в предпринимательские группировки в таком случае выглядит «естественным» процессом. Если в подростковом возрасте члены молодежных группировок применяют насилие в основном ради забавы, то по мере взросления у них появляются более прагматичные интересы. Группировка превращается в корпорацию, нацеленную исключительно на извлечение прибыли, и приобретает организационную структуру, схожую с корпоративной.

Структуре группировок действительно присущи многие черты, подтверждающие эту точку зрения. Группировка обеспечивает работой — часто очень рискованной и малооплачиваемой — жителей гетто и депрессивных регионов; в то же время ее лидеры могут, подобно руководителям крупных корпораций, баснословно обогащаться. В группировке существует своя система субординации, а также найма и продвижения по службе.

Однако это сходство обманчиво. Вернемся к нашему молодому парню, мечтающему зарабатывать на улице: он очень скоро поймет (если

до сих пор не знает из своего уличного опыта), что быть в группировке подразумевает «жить с пацанами». То есть постоянно общаться, проводить вместе почти все свободное время, помогать друзьям в трудную минуту, посещать регулярные «сходняки» и участвовать в ритуалах группы, жить «по понятиям» и подчиняться внутренней дисциплине. Если раньше он мог быть прагматичным эгоистом, то теперь должен стать верным членом клана, братства, большой семьи. Он вступает в патримониальное общество — но это далеко не копия, а скорее альтернатива современным капиталистическим компаниям и корпорациям.

Материальный прагматизм в таком обществе сосуществует с социальной солидарностью. Вот что писал о преступных бандах США Дуайт Конкертуд:

Несмотря на удивительное многообразие организационных структур, различающихся по степени сложности, — от подростковой уличной компании до супербанды, которая контролирует городскую наркоторговлю, — определяющей чертой банды остается внутrigрупповая солидарность (Conquergood 1994, 24).

Преступная банда сочетает с духом целенаправленной рациональности, ориентированности на прибыль, самостоятельности и готовности рисковать — иначе говоря, с чертами, характеризующими современную этику предпринимательства (Du Gay 1996), — сложные непрагматичные отношения, которые опираются на эмоции и личные обязательства, подпитываемые постоянным неформальным общением.

Российская бандитская группировка это не квазисемейная структура, но и не преступная коммерческая корпорация. Это многофункциональный клан, такая форма социальной жизни, где квазиродовые связи между членами бандитского братства становятся, по словам Делёза и Гваттари, «не структурой, а практикой, обычаем, методом и даже стратегией» (Deleuze and Guattari 1983, 147). Клановая структура группировки используется для поддержания социальных связей, формирования территориальных союзов, а в периоды ослабления общего социального порядка — для захвата ресурсов и даже проникновения в органы государственной власти.

ЛИДЕРЫ ПРЕСТУПНЫХ ГРУППИРОВОК

Эти люди схожи с главами патримониальных кланов: они не выбираются и не назначаются, а приходят к власти благодаря сочетанию

жестокости и харизмы. И сохраняют ее, пока не гибнут или не оказываются в тюрьме. Физически крепкие, они воплощают качества, которые ценились в домодерных органических социальных иерархиях, основанных на силе. Эти своего рода племенные вожди демонстрируют коварство и волю к достижению и осуществлению власти; они готовы взять на себя роль патриархального главы семьи, выступая в качестве строгого, но справедливого отца, который защищает, направляет и наказывает своих подопечных и взаимодействует с внешним миром в их интересах. Наши собеседники из уличных группировок примерно так и характеризовали своих лидеров. Как считает Петя, «лидер должен быть жестким и уверенным в себе человеком, который любит власть и готов за нее бороться любыми методами». Нафик разделяет эту точку зрения: «лидер должен обладать такими качествами, как упорство, сила, храбрость, хитрость»; по словам Ильсура, «сила — это главное качество лидера; сила во всем — в здоровье, мышцах, уме, связях».

Лидер пользуется в группировке непререкаемым авторитетом и требует от братвы безусловной преданности. Реалии бандитской жизни — кровавое насилие вышестоящих по отношению к нижестоящим, частые убийства лидеров и авторитетов, постоянный страх рядовых участников, которых могут обвинить в неподчинении или измене, — на первый взгляд, противоречат общему духу родства, однако в действительности они характерны для традиционных форм власти. Как отмечал Р. Коллинз, такая власть «предполагает личную преданность, но в то же время чревата конфликтами, предательством и изменой; шекспировские сюжеты — это фактически учебники по патримонической политике» (Collins 2011, 18). Внутренняя борьба и попытки свергнуть действующих лидеров стали в 1990-е годы повседневной реальностью. Многие лидеры погибли в бандитских войнах — нередко вместе с предпринимателями, которых крышевали, и сотрудниками милиции, с которыми «работали». Лидеры и авторитеты планировали устранение и сами убивали своих врагов или же нанимали специальные бригады киллеров, которых очень часто также ликвидировали впоследствии. Киллеры могли быть участниками группировки или привлекаться со стороны. Сравнительно низкая стоимость заказного убийства («29-й комплекс» в 2001 году платил 10 тыс. долл. США, а «Жилка» в 2000 году — 8 тыс. долл. США) показывает, как дешево ценилась жизнь. Треть преступных группировок Татарстана — в том числе пять из семи крупнейших группировок — пережила смену лидеров в связи с убийством или таинственной смертью первоначальных руководителей (Нафиков 2012, 170—171). Убийцы не щадили ни детей, ни жен и подруг жертв, равно как других свидетелей, которые по тем

или иным причинам оказывались на месте преступления, — ими, например, могли оказаться случайные посетители кафе и баров, где происходили перестрелки между бандитами.

Лидерам нужно было любой ценой демонстрировать свою власть. То и дело использовать грубую силу, внушать окружающим страх жестокостью и непредсказуемостью, постоянно быть начеку, чтобы избежать возможных угроз, предательства или конкуренции со стороны собственных соратников, — все это стало неотъемлемой частью их существования. Еще вчера бывшие обычными уличными хулиганами, они хотели выглядеть и править, как настоящие мафиози — прежние образы, почерпнутые из уличной и воровской культуры, тут уже не годились. Источником информации об имидже и поведении криминальных боссов стали голливудские фильмы. Известный бандит Радик Галиакберов (Раджа), лидер группировки «Хади Такташ», подражал герою Марлона Брандо в фильме «Крестный отец». Он не только любил цитировать Дона Корлеоне, но всегда носил костюм, белую рубашку с галстуком и длинное пальто. Он даже немного выпячивал нижнюю челюсть, как Брандо (Беляев, Шептицкий 2012, 152). Адыган Саляхов, лидер «29-го комплекса», заставлял молодых пацанов смотреть в качестве учебных фильмов «Однажды в Америке» и «Крестного отца». Чтобы держать группировку в страхе и трепете, он старался вести себя непредсказуемо и угрожающе. Говорят, его любимой фразой было «Убейте его!» Из фольклора группировки известно, что однажды Саляхов приказал убить парня, сдуру пригласившего на танец его девушку. Только быстрые ноги спасли молодого человека от гибели (Сафаров 2012, 128).

На первых порах импровизации лидеров сводились к попыткам создать посреди обшарпанных советских микрорайонов усиленно охраняемые «феодалные» дворы. В начале 1990-х лидер «Жилки» Хайдер построил во дворе своей пятиэтажки ресторан для регулярных сходок и гулянок своих соратников. Двор постоянно охраняли бойцы группировки. Братва даже установила кордоны на въездах и проверяла все проезжающие автомобили. Некоторые въезды были перекрыты бетонными плитами. Контроль со стороны группировки препятствовал проведению милицейских спецопераций на территории «Жилки». Ходили слухи, что Хайдер хотел провести с балкона своей квартиры на пятом этаже лифт прямо в ресторан. Однако этим грандиозным планам не суждено было осуществиться. Преследуемый лидерами враждебных группировок, он со своими людьми перебрался в Петербург (Беляев, Шептицкий 2012, гл. 11).

Оторвавшись от территориальных корней, многие представители руководящей верхушки все же сохраняли неформальные связи с улич-

ными группировками, продолжая выступать в качестве вождей своих обширных бандитских «племен». Даже лидеры, занявшиеся легальным бизнесом, ставшие директорами компаний или ушедшие в политику (нередко эти два рода деятельности сочетались), обычно поддерживали отношения с территориальными группировками: определяли общее направление их деятельности (решали, например, стоит ли ввязываться в чрезвычайно рискованный оборот наркотиков); следили, используя свои связи и положение, за состоянием дел; «решали вопросы» с представителями наркоконтроля, милиции и других местных органов власти. Таким образом, лидеры выступали в роли политической силы, заключая союзы с игроками, обеспечивающими благоприятные условия для ведения уличного бизнеса.

Время от времени авторитеты (старшие участники, которые отошли от уличных дел и занялись более масштабными коммерческими проектами, — но не сами лидеры) предстают перед «подростающим поколением», прибывая на уличные сходняки. Цель таких визитов, по словам Ильнара, одного из опрошенных нами авторитетов, — «напомнить им, кто тут хозяин». Ведь авторитеты заинтересованы в том, чтобы улица продолжала функционировать как единая и сплоченная сила. По словам нашего информанта Виктора, «авторитеты следят за тем, чтобы среди нас поддерживалась жесткая дисциплина и чтобы мы оставались “улицей”, а не толпой». Безусловно, социальное воспроизводство группировки отвечает интересам авторитетов. Как бы успешно ни легализовались они сами, улица остается для них важным ресурсом в случае конфликта с конкурентами (или при необходимости рейдерского захвата чужого бизнеса), инструментом контроля над местной территорией и орудием насилия, которое может пригодиться, если авторитет или лидер столкнется с какими-либо трудностями. Улица может также использоваться для нелегального бизнеса — например, для распространения наркотиков.

При такой организации власти любое ослабление позиций вождя племени неизбежно ведет к дезориентации и дезинтеграции на низовом уровне. Как в эпосе Гомера, «все сосредоточено на власти вождя. Его ратники сплываются вокруг него. Его личная участь неразрывно связана с их личной участью и с судьбой всего царства» (Nicolson 2014). Внутренняя борьба между лидерами, убийство, изгнание или лишение свободы кого-либо из них серьезно дестабилизируют уличную группировку, ведут к сокращению ее численности и к переходу пацанов в другие, более сильные группировки.

В то же время мало кто из пацанов, с которыми мы беседовали, — хотя они по большей части знали, кто именно был их лидером, — имел

даже отдаленное представление о том, как этот лидер выглядит, а о масштабах его деловых интересов наши информанты лишь догадывались. Даже авторитеты теперь в большинстве случаев контактируют с членами группировки через смотрящих (ответственных за надзор над возрастными когортами). На них же возлагается контроль за ее повседневной деятельностью. В частности, смотрящие выискивают наиболее способных и толковых пацанов, которым доверяют выполнение серьезных заданий и которых со временем можно будет продвинуть в верхние эшелоны группировки. Ссмотрящие также организуют «ударную силу» для силовых операций, проводимых лидерами. Но хотя некоторые пацаны и продвигаются по иерархической лестнице, доступа к серьезным коммерческим возможностям они не получают. Как сказал нам М., «собственный бизнес и крышевание компаний — прерогатива старших членов ОПГ, которые занимаются рэкетом с начала 1990-х годов».

СЕТЕВЫЕ СТРУКТУРЫ

Выросшие из уличных объединений казанские группировки превратились со временем в многоцентровые формирования со сложной организационной структурой. Как пишет Нафиков, «29-й комплекс» из Набережных Челнов был устроен так. Во главе организации стоял лидер, под непосредственным руководством которого находились лидеры следующего уровня. (Нафиков не делает различия между лидерами и авторитетами, поэтому точный статус этих лидеров неизвестен.) Несколько человек координировали деятельность группировки в Москве, поддерживая тесную связь с должностными лицами в органах власти, правоохранительных органах и судебной системе. На одном из лидеров лежала ответственность за всю финансовую и экономическую деятельность «29-го комплекса». В структуре группировки существовали также подразделения, отвечавшие за безопасность группы, за контакты с коррумпированными сотрудниками правоохранительных органов, разведку и наружное наблюдение, а также за взаимодействие с адвокатами и средствами массовой информации. Имелись специальные бригады киллеров. Кроме того, с целью легализации ношения и хранения оружия группировка создала в Москве свое частное охрannое предприятие «Барс» (Нафиков 2012, 152—154).

На уровне Татарстана два лидера «29-го комплекса» возглавляли самостоятельные подразделения в «базовом городе» — Набережных

Челнах. Эти территориальные лидеры контролировали множество предприятий и предпринимателей в Прикамском и Закамском регионах Татарстана. В общей сложности под их началом находилось около двухсот человек, включая молодежные группы, набранные из жителей подконтрольной территории. Каждый из этих двух лидеров имел в своем подчинении пять-шесть крупных бригад, контролировавших малые и средние предприятия, наркобизнес, проституцию, незаконные автостоянки и другие объекты (Нафиков 2012, 153).

Схожую структуру имела группировка «Хади Такташ». Ее руководство базировалось главным образом в Москве, а на низовом уровне в Казани действовали три бригады: «кладбищенские» контролировали большинство казанских кладбищ; «волочаевские» — уличная группировка молодых людей, проживавших на Волочаевской улице, — контролировали среди прочего местную станцию техобслуживания; наконец, «раджовские» занимались торговлей наркотиками и оружием, уличным рэкетом, организованной проституцией и мошенничеством. «Хади Такташ» существует и сейчас, несмотря на длительные сроки заключения, к которым суд в 2002 году приговорил ее лидеров. В настоящее время на территориальном уровне группировка состоит из трех бригад (Беляев, Шептицкий 2012, 140—166).

В клане ведется общее хозяйство. Как уже упоминалось, все группировки имеют общую кассу — общак. Лидеры и авторитеты обычно вносят в общак руководства до 10 % от выручки предприятий, которые им принадлежат или подконтрольны. «Улицы» имеют собственные общаки и также отчисляют часть выручки в общак руководства. По расчетам Нафикова, основанным на изучении уголовного дела «Тагирьяновских», смета расходов общака группировки распределяется следующим образом: 30 % — подкуп должностных лиц и поддержание связей в обществе; 30 % — «подогрев» зоны и оплата адвокатов; 30 % — оплата труда телохранителей, личных охранников авторитетов, водителей, доверенных лиц руководителя, оплата заказов на преступления, разовые вознаграждения участникам группировки, личное потребление лидеров; 10 % — расходы на приобретение транспорта, средств связи, оружия (Нафиков 2012, 161—163).

Многоцентрированный характер организационной структуры был характерен и для крупных преступных формирований в других регионах России. Ф. Варезе проанализировал зарубежные операции «Солнцевской» группировки, используя материалы итальянской полиции, расследовавшей деятельность одного из подразделений этой группировки в Италии. Как выяснилось, головная организация координировала множество автономных бригад, действовавших помимо

России в разных частях Италии и в других странах. Лидеры бригад входили в «верховный совет», который регулярно собирался для обсуждения оперативных вопросов. Каждая бригада делала отчисления в централизованный общак организации, но при этом значительная часть средств обращалась внутри автономных подразделений (Varese 2001; 2013). М. Галеотти также пришел к выводам о гибком децентрализованном характере российских ОПГ (Galeotti 2000, 37). Как он отметил, бригады меняются в зависимости от характера текущей деятельности и ориентируются не на долгосрочные операции, а на возникающие возможности.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА УЛИЧНЫХ ГРУППИРОВОК

Размеры уличных группировок могут быть разными — от сравнительно небольших групп, объединяющих жителей одной-двух соседних улиц, до крупных формирований (так называемых «семеек»), насчитывающих несколько сотен человек. По данным одного из наших милицейских информантов Н., в середине 2000-х годов в одну из крупнейших группировок «Перваки» входило 45 участников старшей возрастной категории и около двухсот — средней и младшей. Еще 150—200 человек сохраняли членский статус, но в деятельности группировки уже не участвовали.

Членство в уличной группировке начинается в возрасте 16—17 лет и не прекращается до конца жизни. Однако по достижении 25—30 лет многие пацаны отходят от активной деятельности, и их членство становится в значительной степени номинальным. Они участвуют в социальной жизни группировки и используют ее связи, но каждодневной экономической деятельностью более не занимаются. Вот свидетельство 26-летнего Испуга:

Сейчас мы встречаемся с пацанами только на сходняке, потому что совместное проведение времени, как мы это делали раньше, сейчас невозможно. Работа, семья — все это занимает основное время. Ничем криминальным мы сейчас не занимаемся — не ищем лишних приключений, у многих — свой бизнес, практически все где-то работают. Все легально. На сходняк мы приезжаем просто для общения.

В словах «все легально», конечно, можно усомниться, но другие члены группировок и эксперты из правоохранительных органов подтвердили, что для большинства старших участников «улица» действительно

превращается из места получения прибыли в своего рода социальный клуб.

Некоторые участники выходят из состава группировки официально, выплатив штраф и полностью вернув взятые из общака деньги. Небольшая часть переходит в структуры, контролируемые непосредственно лидерами и авторитетами, превращаясь таким образом из пацанов во взрослых бандитов.

«Улица» разделяется на «возраста», обычно на три или четыре: «старики», «старшие», «супера» и «пиздюки» (в разных группировках названия могут различаться). К «старикам» относятся ветераны группировки, люди старше 30 лет, многие из которых получают доход от подконтрольных группировке местных компаний. К группе среднего возраста — «старшим» и «суперам» — принадлежат молодые люди в возрасте от двадцати до тридцати лет. У некоторых есть свой бизнес, и они могут также выполнять разные функции в компаниях «стариков». Самый многочисленный возраст — «пиздюки». Это наиболее юные члены группировки: они проходят стадию ученичества и часто используются в насильственных акциях по охране территории и сбору дани с различных местных фирм и предприятий.

Авторитеты, считающиеся старейшинами «клана», курируют деятельность группировки, не осуществляя при этом оперативного управления. Текущими делами группировки управляет смотрящий за улицей, которого авторитеты назначают из числа «стариков». Он же курирует все «возраста». Этот смотрящий присутствует на всех сходняках и, как предполагается, постоянно следит за участниками группировки. Каждый возраст выбирает из своих рядов смотрящего за более младшим возрастом. Ссмотрящих, как и авторитетов, нельзя считать только управляющими бизнесом. Наряду с координацией предпринимательской деятельности группировки они выступают в роли знатоков ритуала. Они проводят все обряды и церемонии группировки: прием новых членов, наказание и ритуальное исключение (отшивание) нарушителей и т. д. Кроме того, они обеспечивают явку участников на сходняки и акции и следят, чтобы те постоянно оставались на связи. Ссмотрящие должны, по мнению наших информантов, быть справедливыми, умными и «уметь разговаривать», то есть обосновывать свои решения и требования понятиями.

Для обеспечения сохранности общака некоторые группировки назначают еще и смотрящего за общаком, который хранит деньги своей возрастной когорты и контролирует регулярные взносы участников. Размер взноса зависит от возраста и дохода участника. Все платят регулярные — еженедельные или ежемесячные — взносы и, сверх того,

отчисляют в общий фонд до двух третей дохода, полученного от групповых операций. Средства из общака идут на помощь пацанам и их семьям (поддержка содержащихся под стражей или в заключении, оплата лечения и похорон), правовую защиту (подкуп сотрудников МВД и следователей, оплата адвокатов и погашение различных штрафов) и хозяйственные потребности группировки (инвестиции в ее бизнес, оплата бензина или такси, когда пацаны отправляются на разборки и стрелки с конкурирующими группировками). Использование общака для каких-либо других целей запрещается, а хищение средств из него сурово карается и ведет к исключению из группировки.

Каждые два-три года проводится организованный набор в группировку и формируется новая возрастная когорта. Набором занимается самый молодой возраст. Пацаны ищут себе замену перед переходом в следующую возрастную категорию. Кандидатов подбирают через знакомых и соседей. Прием в группировку проходит просто. Никаких особых ритуалов вроде целования кольца лидера или клятвы на крови нет. Поясняет Ильсур:

Все как везде: младшие пацаны приводят смену, сами переходят в следующий возраст, а те, кого они привели, через годик-другой находят новую смену. И так далее. Ритуалов посвящения в пацаны у нас нет, все происходит буднично, как прием на работу.

Когда набор завершен, новых членов приводят на очередной сходняк и представляют другим пацанам. Комментирует Потап:

Собирается молодежь, которая хочет уличной романтики, хочет красивой жизни. Могут сами попроситься, кому-то предлагают, если пацан правильный. Всех таких собирают и ведут на сходняк, где говорят: «Пацаны — вы с нами», потом говорят, когда приходит и сколько кидать в общак, вот и все.

Причина столь обыденного характера процедуры — в том, что уличная культура в значительной мере совпадает с культурой группировки (см. более подробно в гл. 8). К моменту вступления уличного пацана в группировку он уже сформировал основные установки и приобрел большую часть требуемых навыков. Он знает: ни при каких обстоятельствах нельзя терять лицо. Даже если имеешь дело с превосходящей силой, надо пытаться словесно разругать ситуацию и ни в коем случае не убегать. Он овладел искусством демонстрировать превосходство. Он «умеет разговаривать». Он научился при встрече сразу определять

положение собеседника в уличной иерархии: видеть, настоящий перед ним пацан или беззащитный лох. Он знает, что друзьям надо помогать в беде и нельзя бросать их на произвол судьбы. Так что группировке остается только проверить уличную репутацию кандидата и убедиться, что в прошлом он не совершал действий, противоречащих нормам группировки (зихеров), и, таким образом, не опозорит ни себя, ни улицу. Например, если молодой человек когда-то уступил вымогателям и отдал им вещи или деньги, его нельзя принимать в группировку. Кандидат не должен бояться драки. Иногда молодых людей подвергают проверке: пацан постарше может специально сказать что-то оскорбительное; при этом ожидается, что кандидат должен отстоять свою честь в драке, иначе его не примут в группировку.

В конечном счете такой относительно простой процесс вступления в группировку объясняется тем, что группировка и общество в более широком смысле не разделены радикально. Иначе в других странах. Так, вступая в сицилийский мафиозный клан, молодой человек должен «полностью изменить свою идентичность — стать “человеком чести” — и подчинить все свои прежние обязательства членству в мафии» (Paoli 2003, 17). Обряды посвящения служат цели символического отречения от прежней самоидентификации и принятия новой, главенствующей. В российском контексте этого не требуется, так как принадлежность к группировке не исключает участия в более широких социальных сетях (более подробно см. в гл. 5). В российском бандитском мире, где высоко ценятся обширные социальные связи, полное отделение от общества не только не требуется, но и не приветствуется.

ПРОДВИЖЕНИЕ В ГРУППИРОВКЕ

После вступления в группировку от пацанов требуют, чтобы они подчинялись старшим товарищам и не нарушали установленную дисциплину. Теперь им запрещено употреблять спиртные напитки. Ожидается, что они будут заниматься спортом. В некоторых группировках молодежь занимается спортом два или три раза в день: в программу входят бег, тяжелая атлетика и боевые единоборства. По словам 24-летнего Рисата, «молодые должны заниматься спортом и для здоровья, и потому, что тогда на всякие глупости времени не остается».

Кроме того, молодые выполняют в группировке всю черновую работу. Смотрящие поручают им стоять на страже во время проведения стрелок, охранять принадлежащие группировке автостоянки или за-

пугивать торговцев, навязывая им «крышу». Они защищают территорию, дерутся с «врагами» во время разборок и войн и, как правило, осуществляют большую часть насильственных акций группировки. Молодым пацанам внушают, что это их долг: если они хотят продвигаться в группировке и включиться в более перспективный криминальный бизнес, надо смириться с неизбежным риском, который сопутствует таким заданиям.

Это подтверждает наш эксперт Б., сотрудник правоохранительных органов:

Взрослые члены ОПГ на преступления сами не ходят, они используют молодежь, воспитывая ее соответствующим образом. Например, говорят: «Когда к нам на улицу пришел, ты что говорил? Говорил, что хочешь стоять за нашу улицу! Ну вот, улице нужна твоя помощь, у нее проблемы — иди и делай то, что тебе говорят. Сожги ларек, разбей машину, настучи по голове монтажкой». Отказаться невозможно: если он хочет и дальше состоять в группировке, то должен подчиниться.

Ситуация в какой-то степени напоминает сицилийскую «Коза Ностра» или калабрийскую «Ндрангету», где молодежь доказывает свою преданность организации в первую очередь через применение насилия, нередко по прямому указанию боссов мафии (Paoli 2003, 97). В уличных бандах из американских гетто также высоко ценятся молодые люди, проявляющие готовность к насилию (Yablonsky 1962; Anderson 1999). Однако в российских группировках к наиболее опасным операциям часто привлекают третьих лиц. Так, по словам Айдары, «если кому-то нужно сделать то, за что можно загреметь на зону, то своих пацанов к этому не привлекают, находят кого-нибудь со стороны, чтобы он не знал, кто именно с ним контактирует. По понятиям никто не может заставлять другого что-то делать». Если предполагается применение насилия с тяжкими последствиями, авторитеты часто нанимают киллеров или бригады киллеров со стороны²¹ или формируют специальные бригады опытных киллеров в структуре группировки.

Способность к применению насилия не относится к числу наиболее востребованных группировками качеств. Более того, тех, кто применяет насилие необоснованно, выгоняют с улицы. Считается, что наси-

21 Такая практика, в частности, применялась во время ожесточенных войн, которые вела «Жилка» (Насыров 2008).

лие и неоправданный риск отрицательно сказываются на отношениях внутри группировки и ставят под угрозу будущее пацанов. Вот что говорит о карьерном росте на улице Павел: «надо быть осторожным в своих делах, потому что твой “рост” может закончиться на зоне, если ты нагло берешься за любую делюгу, даже самую опасную».

В каждой группировке есть свои «быки», осуществляющие силовые действия. Такая работа считается необходимой, но неквалифицированной, и обычно поручается младшим возрастам. Пацаны, лишённые предпринимательских способностей, остаются «быками» и по завершении начального этапа своей карьеры в группировке.

Статус в группировке зависит прежде всего от умения жить по понятиям и активности в поиске деловых возможностей для себя и других участников. Как объясняли нам старшие пацаны, членов группировки объединяют не задания и приказы, а взаимные интересы. Вот как описал участие своей группировки в наркобизнесе Айдар:

Например, самая прибыльная делюга — распространение наркоты. Обычно древние мелочью не занимаются, а имеют дело с оптовиками, а своим младшим могут сделать предложение: покупать наркоту небольшими партиями для дальнейшей реализации. Хочешь — вот цена, накрути и продавай, имей с этого свою долю. Не хочешь — пожалуйста, желающих все равно много, найдутся другие. Так все и работает, на основе взаимного интереса.

Активность, готовность посвящать свое время делам группировки вознаграждаются расширением полномочий и допуском к более выгодным операциям. Активных пацанов включают в более прибыльные делюги и могут повысить в должности. Как отметил Виктор,

продвинуться на улице могут только те, кто проводит с ней много времени. То есть постоянно общается со старшими пацанами, делает дела, ездит на войны и т. д. Если пацан активный, у него есть все шансы стать смотрящим, а потом и лидером. У тех, кто приходит только на сходняки, таких возможностей по большому счету нет.

Тот, кто стремится к продвижению, должен «уметь разговаривать», прекрасно ориентироваться в понятиях и ловко их использовать, убеждая других подчиняться требованиям группировки. Он также должен быть в хороших отношениях со старшими пацанами и находить выгодные коммерческие возможности, или, по выражению Нафика, «быть в струе событий».

Свидетельствует Ильнар:

На улице, чтобы стать авторитетным пацаном, надо много работать над собой. Во-первых, преодолеть свой страх. Пацан никого не должен бояться — ни ментов, ни зоны, ни врагов. Потом надо, чтобы пацан был всегда в курсе дел, был на виду у старших, часто с ними общался. Надо, чтобы голова была своя, сам должен думать и соображать. И самое главное, надо иметь свою делюгу, которая тебя кормит. Это самое основное правило.

Иными словами, группировка вознаграждает людей смелых, преданных, толковых и предприимчивых. Трофим в двадцать один год считает, что его карьера в группировке удалась, и твердо уверен, что любой инициативный пацан, не нарушающий установленных правил, может добиться успеха:

Чтобы у нас подняться, надо зарекомендовать себя в деле правильным пацаном: такому пацану постепенно начинают поручать мелкие дела, потом дела покрупнее, а потом и предлагают хорошую делюгу. Например, сначала я ничего не делал, просто был пиздюком, которого старшие пацаны учили правильной жизни. Первую делюгу мне предложили только через два года, когда я перешел в средний возраст. Я стал смотрящим за стоянкой, получал каждый день по 100—150 рублей. Потом эту делюгу отдали другому нашему младшему, а мне предложили поставить «точку» и толкать шмаль. Я начал покупать шмаль у старших пацанов, делать сигареты и продавать через одного барыгу. Теперь меня все уважают, у меня машина, деньги, женщины. И все это благодаря улице.

ЭГАЛИТАРНЫЕ СТРУКТУРЫ

Несмотря на иерархическое строение группировки, ее можно считать братством, закрытым мужским сообществом с прочными межличностными связями и существенным равенством статуса. Как отмечалось выше, она схожа с сицилийскими и калабрийскими мафиозными организациями (Paoli 2003)²². В этом кланоподобном сообществе

22 Паоли описывает итальянские мафиозные организации как братства (Paoli 2003, гл. 2). При вступлении в мафиозный клан новые члены связывают себя обязательствами, сходными со «статусным контрактом» Вебера (Weber 1978 [1922], 62), и отныне считают друг друга братьями.

имеется стратификация, но она либо носит игровой и ритуальный характер (применительно к отношениям между возрастами), либо является результатом патримониальных привилегий (в случае лидеров и авторитетов).

Как мы уже знаем, в группировке есть лидеры, обладающие высшей властью, элита (авторитеты), кураторы (смотрящие) и иерархическая система возрастных когорт. Участники не имеют равного доступа к ресурсам, и усилия молодых пацанов обычно вознаграждаются лишь скромными подачками. Молодых еще и наказывают за различные проступки. Но несмотря на огромное неравенство между обычным пацаном, который получает криминальную ренту с владельца уличного киоска или рыночного ларька или занимается розничным сбытом наркотиков, и лидером группировки, владеющим сетью супермаркетов или огромным агрохолдингом, власть внутри организации носит личный и семейный характер, а не выражается через иерархический контроль.

Все группировки — и выросшие из территориальных боевых формирований, и специально организованные лидером (или лидерами) для получения прибыли — остаются сплоченными, в высшей степени ритуализованными и слабо дифференцированными группами. Структурная организация более крупных объединений, насчитывающих сотни участников, точно так же опирается на небольшие подразделения — «бригады» или «семейки». Такие подразделения, сохраняя общее подчинение высшим эшелонам группировки, пользуются значительной автономией и реализуют собственные коммерческие проекты.

РОЛЬ ДЕВУШЕК И ЖЕНЩИН В ГРУППИРОВКАХ

Российские группировки — это, как правило, мужские сообщества, хотя иногда встречаются чисто девичьи или смешанные неагрессивные уличные компании (см., например, Громов, Стивенсон 2008)²⁵. Такое положение — следствие патриархального характера власти в подобных организациях, следующих традиционным шаблонам мужского доминирования. Если женщины в них и принимаются, то в большинстве случаев на второстепенные роли, а чисто женские группировки — явление редкое. В американской литературе, посвя-

щенной уличным группировкам, иногда указывается, что в бедных и криминогенных районах девушки могут быть активно вовлечены в жизнь банды, но и там они обычно не пользуются равноправием, а подчиняются патриархальным гендерным ожиданиям участников-мужчин, часто становясь при этом жертвами сексуальной эксплуатации (Campbell 1991; Chesney-Lind and Hagedorn 1999; Miller 2000).

В Казани и Ульяновске, по некоторым свидетельствам, периодически появлялись чисто женские уличные группы, но такие объединения обычно недолговечны и не стремятся установить контроль над территорией. Распространенные мифы об устойчивости и агрессивности женских группировок не соответствуют действительности (см.: Омельченко 1996; Салагаев, Шашкин 2002). В 2005 году мы интервьюировали опытных сотрудников казанских правоохранительных органов, и ни один из них не сообщил, что сталкивался с устойчивыми женскими формированиями. Они вспомнили лишь единственный пример: в 2003 году несколько школьниц из района Первая Горка создали группу под названием «ПБК» и совершили ряд громких уличных нападений, в том числе на курсантов местного военного училища. Эта группа, однако, просуществовала недолго.

В Казани подруги и жены пацанов обеспечивают им алиби и готовят еду для общих празднований, но признанными членами группировки они стать не могут, так как это запрещено понятиями. Они не имеют права присутствовать на сходняках. Более того, для пацана свидание с подругой не является уважительной причиной, позволяющей пропустить сходняк, — на первое место он обязан ставить интересы группировки. Пацаны даже не имеют права защищать своих девушек, если к ним пристают другие члены группировки; они могут лишь осторожно попросить этого не делать (Салагаев, Шашкин 2002).

Исследования, проведенные Еленой Омельченко в начале 1990-х в Ульяновске, показали, что там женщины также не признавались равноправными членами группировки. Подруги лидеров, правда, играли некоторую роль в ее жизни. Женщины приходили на празднование дней рождения, свадьбы и подобные мероприятия, сопровождали партнеров на деловые встречи (иногда пытались сгладить возникающие разногласия) и развлекали гостей. На важных встречах, не связанных непосредственно с бизнесом, подруги придавали своим партнерам определенную респектабельность. При необходимости они обеспечивали им алиби. Подруги рядовых пацанов обычно видели свою роль в том, чтобы заботиться о мужчинах, «зарабатывающих деньги». Иногда они даже принимали участие в уличных драках, но в основном выполняли вспомогательные функции — готовили еду для групповых

²⁵ О гендерных отношениях в традиционных воровских сообществах см.: Чалидзе (1977), Модестов (2001), Gilinsky (2007).

мероприятий и стояли на страже при совершении преступлений. Были в группировках и «общие девочки» для удовлетворения сексуальных потребностей (Омельченко 1996).

Женщины могут работать бухгалтерами или юристами, но никогда не становятся равноправными членами бандитского братства. Только жены и подруги бандитских авторитетов имеют сравнительно высокий статус — впрочем, он в любом случае ниже мужского — и даже в какой-то степени участвовать в делах группировки. Ф. Варезе проанализировал расшифровки перехваченных итальянской полицией телефонных разговоров группы солнцевских авторитетов, которые в середине 1990-х пытались открыть филиал в Риме. Выяснилось, что жены руководителей этого подразделения играли активную роль в бизнесе группировки. Они обсуждали тайные операции, от имени своих мужей угрожали другим участникам и держали общак группировки (Varese 2001; 2013).

ОБРЯДЫ, РИТУАЛЫ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

Сплоченность группировки укрепляется коллективными мероприятиями, обрядами и ритуалами — от обязательных регулярных встреч до наказания провинившихся и межгрупповых войн (см. более подробно в гл. 8). Как правило, члены группировки собираются два раза в неделю. Один сходняк является обязательным, второй — нет. Оба созываются по вечерам. Обязательные сборища обычно проводятся по воскресеньям. Пацаны встречаются в уединенном месте где-нибудь в парке, на пригородной лыжной базе или на поляне в лесу. По словам наших информантов, такие встречи бывают в основном очень непродолжительными, длятся по 25—30 минут, но их посещение является обязательным для всех. Отсутствие без уважительной причины наказывается. Другие (необязательные) сходки носят более «светский» характер и могут длиться 2—3 часа.

Сходку обычно ведет смотрящий. Он расспрашивает пацанов о различных делах группировки, проблемах с крышруемыми предпринимателями и трениях с другими группировками. Обсуждается бизнес группировки, в частности, игровые салоны и уличные автостоянки. Если кто-то предлагает улице коммерческий проект, пацаны его рассматривают, обсуждают возможности финансирования, наличие достаточных средств в общаке и назначают ответственных за реализацию.

После обсуждения пацаны сдают смотрящему деньги в общак. Следующий пункт повестки — наказание тех, кто пропустил предыдущие

сходняки или совершил какие-либо проступки. Нарушитель проходит сквозь строй старших пацанов, каждый из которых наносит ему два-три удара в верхнюю часть туловища. Ногами не бьют. По голове бить также запрещено. Как пояснил Таджик, «обычно в голову никто не бьет, это тебе не армия». Иногда пацана вместо физического наказания штрафуют.

Когда деловая повестка сходняка исчерпана и провинившиеся наказаны, пацаны беседуют с ребятами своего возраста, после чего расходятся. Некоторые продолжают общаться, переместившись к подъездам своих домов.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Создать сплоченное сообщество можно только при условии, что определенное поведение не просто считается недопустимым, но и подвергается публичному ритуализированному осуждению (Durkheim 1938, 67—75). Выявление крайних случаев, выходящих за рамки допустимого, и следующие за ними ритуалы наказания обеспечивают воспроизводство социального порядка в группировке.

Группировка четко обозначает границы коллективной морали, наказывая нарушивших понятия. Крайняя мера — изгнание, сопровождаемое жестоким избиением. В некоторых группировках помимо физического наказания с исключенного участника взимается крупная сумма денег в общак; такая монетизация наказания — явление сравнительно новое, и некоторые пацаны считают это прискорбным отступлением от традиций.

Изгнанием из группировки карается донос в милицию и трусливое поведение — когда пацан бросает своих в беде. Избиение в таких случаях бывает столь жестоким, что может привести к летальному исходу. Один из информантов вспомнил случай, когда на их группировку внезапно напали и кто-то убежал якобы за помощью, но не вернулся. На следующем сходняке его забили до смерти.

Пьянство и наркомания также могут привести к исключению. Наркоман не принадлежит сам себе, на него нельзя положиться. Так, Рисата, невзирая на его чрезвычайно успешную криминальную деятельность, выгнали из группировки. Он поясняет:

У меня шла одна делюга за другой, был филиал [отделение группировки в другом населенном пункте], мы поставили проститутку [облагали их данью], были свои барыги. Естественно, деньги текли рекой, и тогда

я в первый раз попробовал героин. Со временем я основательно подсел, и наконец об этом узнали наши пацаны. Наркоманов на улице не держат: пацаны ко мне приехали, наказали меня и объявили, что я теперь не с ними.

Конфликты и драки с товарищами по группировке также могут закончиться исключением. Если пацан ведет себя как лох — становится, например, жертвой вымогательства, такое поведение подрывает и его репутацию, и репутацию всей улицы. Кроме того, если в момент изгнания его вынуждают заплатить, он уже в силу этого поступает как лох. По понятиям согласие расстаться с деньгами под угрозой делает его лохом, а это, в свою очередь, перекрывает ему дорогу в любую другую группировку.

Незначительные проступки караются коллективными избиениями. Пацанов подвергают дисциплинарному наказанию за такие нарушения, как неоднократный пропуск обязательных сходняков, неуплата взносов в общак, задержание старшими пацанами в пьяном виде или невыполнение указаний смотрящего. Пацанов, задержанных полицией за пьянство, а также уличенных в драке со своими или в оскорблении других пацанов, также избивают. Пропустившего взнос в общак могут отругать и пристыдить. В некоторых случаях весь возраст наказывается за неподобающее поведение одного человека.

Если пацан не совершил зихера, но группировка решила, что он ни на что не годен — скажем, у него нет деловой жилки или он не может привыкнуть к уличной жизни, — его могут исключить без наказания. В редких случаях участник может сам выйти из группировки и при этом избежать наказания, но для этого необходима очень веская причина: болезнь или смена места жительства.

ЖИЗНЬ В БРИГАДЕ

Основным структурным подразделением группировки является «бригада», или «семейка»²⁴. Члены бригады обычно живут по соседству; предполагается, что они вместе проводят свободное время и вместе занимаются делами. По мнению некоторых авторов, дробление группировки на небольшие сплоченные подразделения вызвано необходимостью соблюдать конспирацию: тем самым они уподобляются

24 О семьях в нижекамской группировке «Татары» см.: Сафаров (2012, 202).

революционным или террористическим ячейкам²⁵; впрочем, по сути такая структура обусловлена не столько конспирацией, сколько подержанием приверженности участников общему делу. Группировка все время опасается, что у пацанов на первый план выйдут другие обязательства и интересы и что они отойдут от активного участия в делах. Силам социальной энтропии надо противодействовать, а лучший способ сохранить единство группы — постоянно быть на виду друг у друга и проводить вместе досуг. По словам Цыгана, «мы стараемся как можно больше времени проводить друг с другом. Ведь мы не только братва, но и друзья».

Пацаны вместе тусуются на улицах, где их присутствие очень заметно. Они часто собираются на лавочках у подъездов, а для обсуждения серьезных дел удаляются в более укромное место. Кроме того, они поддерживают постоянную мобильную связь. Свидетельствует Таджик:

Во дворе у нас есть свое место — подъезд с лавочкой, обычно там собираемся, общаемся, вместе курим, можем пива попить. Обычно ничего серьезного не обсуждаем, потому что окружающим все хорошо слышно. Если что-то срочное — нужно куда-то ехать, например на стрелы, то созваниваемся по мобилникам, выезжаем обычно вместе. Когда нужно обсудить серьезные вопросы, встречаемся у кого-нибудь дома, где родителей нет; если нет возможности, то во дворе, подальше от людей. Общаемся обычно часов до 10—11 вечера, потом расходимся.

Студенты и работающие пацаны, несмотря на занятость, стараются все же общаться со своими друзьями. Рассказывает 18-летний Рафик:

Типичный день: утром встаю, умываюсь, завтракаю, потом институт, после делаю задания на завтра, если есть, а дальше свободен. Обычно сразу иду во двор к пацанам, с ними общаюсь часов до 11 вечера. Иногда уезжаю по своим делам, на встречи, там, если есть стрелки какие-нибудь, разруливать вопросы. Когда я был в 11-м классе, вечерами до ночи торчал на пацановской стоянке, там и общались, и машины охраняли. Сейчас машины не охраняем, это делают младшие возраста, мы так, сидим на скамеечке, общаемся, прикальваемся. Сейчас знакомые пацаны начали покупать машины, поэтому много общаемся по автомобильной тематике, слушаем музыку.

25 Считается, что сотовая структура позволяет скрыть личность лидеров и обезопасить доходы группировок (Lyman and Potter 2004, 52—53).

Некоторые участники, в основном старшего возраста — особенно занятые полный рабочий день, — жаловались на нехватку времени для общения с приятелями из бригады. Так, 27-летний Нафик весь день трудится инженером и может присутствовать только на обязательных сходняках:

Я целыми днями работаю, поэтому имею возможность участвовать только в строгаче [обязательная встреча], в остальное время с пацанами видаться не получается, но если выдается такой денек, то стараюсь использовать его на полную».

Пацаны проводят время примерно так же, как обычные российские молодые горожане: посещают ночные клубы, выезжают на природу в выходные дни, устраивают вечеринки у кого-либо дома или в баре и занимаются спортом. Собираясь вместе, пацаны вспоминают драки и войны. Рассказывает Таджик:

Мы летом выезжаем на природу, чтобы отдохнуть. Скидываемся, берем продукты, едем на машинах, если машин нет, то на моторе [такси], обычно в сторону Лебяжьего, и там играем в футбол, пьем пиво. Тихо и мирно отдыхаем. Пацаны рассказывают истории из своей жизни, про войны, какие стрелы были, за кого разговаривать приходилось — короче, что-нибудь смешное, чтобы коры пожарить [поболтать].

Семнадцатилетний Виктор:

Я больше времени провожу со своей бригадой: обычно тусуемся в нашем дворе, около подъезда, общаемся с девчонками, бухаем втихаря, чтобы старшие не видели. Летом любим сходить на рыбалку. Само собой, ходим и на сходняки, но основную массу времени проводим именно так.

Местные жители подтверждали, что члены группировки с удовольствием проводят время вместе. По словам Фаниля,

если есть свободное время, они обязательно созваниваются; им хорошо только в своей среде, так как они понимают друг друга... они стоят, разговаривают, курят, смеются, шутят.

Многие пацаны говорили, что любят бывать «в своем кругу». Допускалась даже дружба пацанов из разных «улиц» — при условии, что группировки находятся в союзнических, а не враждебных отношениях;

уровень взаимопонимания был в подобных случаях гораздо выше, чем при контактах с молодежью, не вовлеченной в группировку.

Такая дружба сохраняется надолго и не прекращается после завершения активного участия в группировке. Если человека не изгнали, а сам он официально не вышел из группировки, то он навсегда останется частью улицы — даже когда окончательно повзрослеет, обзаведется семьей и полностью отойдет от общего «бизнеса». Ветераны группировки продолжают общаться между собой. Поскольку многие все еще живут по соседству, они часто встречаются и проводят вместе выходные — выезжают на природу на шашлыки с выпивкой, играют в боулинг и бильярд, иногда ходят в ресторан. Если у кого-то возникают финансовые проблемы, старые товарищи могут помочь деньгами или посодействовать в поиске новой работы.

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ

Так как у пацанов есть много посторонних интересов и обязательств, группировке требуется постоянная мобилизация, чтобы занимать их делом, и экономическая деятельность просто необходима для ее социального воспроизводства. Она помогает направить энергию пацанов в общее русло.

При отсутствии общего дела пацаны перестают ощущать свою причастность к группировке и могут постепенно от нее отдалиться. Рассказывает Кирилл:

В свое время, когда я был мал и глуп, один из наших старших объяснял нам: «Вы кто такие? Вы ОПГ, организованная преступная группировка с собственной территорией. Соответственно, вы должны быть группой — то есть быть сплоченными, организованными, дисциплинированными и заниматься определенной деятельностью на своей территории, не валяться без дела, а делать деньги себе и улице». Отсюда следует, что надо придерживаться всего этого, иначе это не улица, а сброд.

Именно такая постоянная мобилизация, наряду с неформальным общением и ритуалами коллективной жизни, обеспечивают ОПГ постоянное воспроизводство. В Татарстане, например, крупные группировки — «Хади Такташ», «Перваки», «Жилка», «29-й комплекс» и многие другие — существовали на протяжении более сорока лет.

Группировка сочетает прагматический дух материального накопления с эмоциональными и моральными обязательствами. Конеч-

но, это свойственно и другим типам организации. При капитализме невозможно получить прибыль без «преддоговорной», как писал Дюркгейм, моральной солидарности — зон доверия, обеспечивающих функционирование капиталистических предприятий (Collins 1988). Но группировка, пожалуй, — наиболее яркое проявление сохраняющейся активности домодерных форм в современных обществах. Группировка нацелена на получение прибыли, но эта полезная цель может быть достигнута только при условии солидарных отношений внутри мужского братства (Eisenstadt 1956, 91).

Коля, один из наших респондентов, сформулировал основную цель группировки следующим образом: «быть сильнее благодаря тому, что мы вместе, потому что со слабыми улицами никто не считается и у них нет денег». В отличие от членов подростковой компании, чья уличная жизнь в основном носит стихийный характер и исчерпывается совместным времяпровождением или решением текущих жизненных проблем, участники группировки, по словам нашего информанта Кирилла, должны проявлять «целеустремленность и заботу об общем благе». Пацанам надо постоянно отыскивать источники заработка для себя и для улицы, всегда оставаться на связи с товарищами и быть готовыми при необходимости помочь им. Как сказал нам Гарик, «я ценю в наших пацанах то, что они всегда чем-то заняты, но при этом готовы прийти на помощь в любой момент. Они за меня любому башку разобьют. Я в них полностью уверен».

Ильсур, отвечая на вопрос об основной цели группировки, сказал: «Есть такой лозунг: “Вместе мы сила!”; это лозунг про пацанов, которые вместе — сила, а порознь — легкая добыча для ментов». Принадлежность к влиятельной улице дает источник дохода, уважение, а участникам постарше — полезные связи с государственными чиновниками и правоохранителями. Вместе с тем члены группировки должны быть готовы к самопожертвованию. Им нужно подавлять эгоистичные желания и всегда руководствоваться интересами группы. Это особенно актуально для младших возрастов. Женя, один из «стариков» группировки, вспомнил в этой связи комсомольские стройки времен СССР:

Как пример можно привести строительство БАМа, освоение целины. Не все хотели, но было надо, и поэтому шли добровольцами. Потому что знали — если ты не со всеми, то ты против всех. У нас примерно так же. Но никто не заставляет переступать через свои принципы. Просто поначалу, особенно в пиздюковском возрасте, не всем нравятся режим или график, выполнение каких-либо обязанностей. Но все равно втя-

гиваются и привыкают, потому что знают, что все через это прошли, и когда-нибудь они сами будут старшими.

Безусловно, существуют коренные различия между пацанами и молодыми советскими энтузиастами, которые ехали в дальние края «за туманом и за запахом тайги». Поступаясь личными интересами, пацаны хотят получать вполне осязаемое материальное вознаграждение. Тем не менее само сравнение, приведенное Женей, показывает, что он видит в группировке почти коммунистическое предприятие, а вовсе не предпринимательскую фирму.

ЭТОС БРАТСТВА

Участники группировки считают себя одновременно предпринимателями и братьями. Большинство наших информантов с гордостью говорили о крепкой дружбе, связывающей членов группировки, и рисовали картину отношений, основанных на взаимном уважении, понимании и справедливости. К такой идеализации группировки, особенно если она рассчитана на посторонних слушателей, следует относиться критически. Между пацанами случаются трения и ожесточенные конфликты. За нарушение понятий участника группировки могут покалечить или даже убить. Борьба за лидерство также периодически приводит к жертвам. Так, за время существования группировки «29-й комплекс» жертвами внутренних разборок пали не менее пятнадцати ее членов (Сафаров 2012, 128).

Однако рядовые стычки и драки между участниками почти всегда остаются явлением, которое группировка старается искоренить, сознавая, что конфликт необходимо подавить и считать отклонением от нормы. Как уверяет Сева, «только молодые ссорятся между собой, и то обычно по пьяни». По словам Айдара, «взаимные напряжения в принципе могут быть, но в открытую никто их показывать не осмеливается, потому что это явное нарушение дисциплины и за это бьют».

Какими бы коварными, бездушными и глубоко асоциальными ни казались нам члены группировок, сами они считают, что их мир морально превосходит современное городское общество. По их мнению, жизнь «гражданских» дезорганизована, бессмысленна и легко скатывается к беспределу, к анархии. Они же, напротив, живут в мире дисциплины, они объединены общим делом и взаимной ответственностью. Многие информанты выражали мысль, что группировка счи-

тает себя высоко нравственным обществом. Когда мы спросили Гарика, нравится ли ему Казань, он ответил:

Город мне нравится в основном потому, что здесь живут правильные люди [то есть люди, живущие по понятиям]. В сравнении с Москвой, где очень много беспределщиков, которым все по барабану, у нас в Казани многие придерживаются понятий, и поэтому нет такого бардака, как в других городах.

Конечно, такие высказывания — откровенная идеализация. Моральные рассуждения, широко используемые пацанами для объяснения их поведения, — не более чем попытки обосновать жестокость и алчность. Защита чести группы здесь, как правило, служит предлогом для необоснованного применения насилия. Притязания на некое естественное право, якобы позволяющее облагать данью местное население, призваны лишь оправдать бесстыжее и примитивное вымогательство. Использование старшими новичков для актов насилия против предпринимателей — не что иное, как безжалостная эксплуатация молодежи, а вовсе не так называемое «ученичество». Однако было бы неверным признать представления пацанов о нравственных законах группы всего лишь ширмой для всевозможных правонарушений. Эти представления важны для поддержания социального порядка в банде. Их можно считать дюркгеймовским «социальным фактом», совокупностью правил, регулирующих жизнь участников группировки и являющихся для них бесспорно реальными. Согласно Дюркгейму социальные факты можно рассматривать как вполне осязаемые вещи, накладывающие реальные ограничения на действия членов общества. Эти ограничения действуют и в нравственной сфере (Durkheim 1938, 14—46). Общество зиждется на моральных установлениях: правила морали выступают одновременно как средство социального контроля и как своеобразный клей, скрепляющий общество. Особенно строги и единообразны моральные правила, действующие в сплоченных сообществах, которыми управляет, как пишет Дюркгейм, «механическая солидарность» (Durkheim 1933 [1893], 111—199). Это в полной мере относится к бандитским группировкам.

В рассказах участников братство, сплывающее группировку, предстает чем-то несомненно реальным. В отношениях с товарищами (но не с внешним миром) пацаны считают себя выше инструментальных и прагматических соображений. Они не склонны к мелочному соперничеству и склокам, уважают старших, воспитывают младших, верны товарищам и подавляют любые отрицательные эмоции, на-

правленные на других членов группировки. Рассказы об отношениях между возрастами изобилуют упоминаниями духа равенства. Если младший пацан грубит старшему или старший незаслуженно издевается над младшим, это считается нарушением понятий. Свидетельствует Испуг:

Отношения [у нас] отличные, как в большой семье. Вражды между пацанами нет, мы не даем вражде разрастись. Если пацаны поссорились — заставляем мириться, а кто мириться не хочет — тот уже не с нами.

Нафик поясняет более подробно:

На улице о вражде или неприязни речи идти не может, все пацаны — братья, братва, и живем мы дружно. Поэтому могут быть только недопонимания, но они быстро устраняются: каждый помнит, что перед ним его пацаненок, его брат. К старшим надо относиться с уважением, младших — воспитывать, показывать, как правильно жить. Справедливость в группе держится на пацановских понятиях, по которым мы живем.

Содержимое коллективного сознания группировки напоминает ностальгические грезы об архаичных «неиспорченных» сообществах, применительно к которым немецкий социолог Фердинанд Тённис употребляет слово *Gemeinschaft* («союз», «сообщество»). Тённис называет «союзом» сплоченную традиционную группу, где люди поддерживали гармоничное взаимодействие, опиравшееся на доверие и взаимное уважение и подкрепленное обрядами и традициями (Tönnies 1963 [1887]). «Союзу» он противопоставляет «общество», с его обезличенными, прагматичными и эксплуататорскими отношениями. «Союз» Тённиса — идеалистическая конструкция, никогда не существовавшая на деле. Не отвечает эта абстракция и реалиям суровой, безжалостной бандитской жизни. Но для бандитов их «союз», с его специфической моралью, вполне реален, он в их представлении выше и лучше современного мира, который пронизан индивидуализмом и живет по бездушным формальным правилам.

ОТЛИЧИЯ ПАТРИМОНИАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ ОТ СОВРЕМЕННЫХ КОРПОРАЦИЙ

Как отмечалось, преступные группировки часто сравнивают с иерархически организованными корпорациями — это мнение разделяют со-

трудники правоохранительных органов, журналисты, ученые. В бандах видят зеркальное отражение таких современных организаций, как армия или коммерческая компания (Hallsworth 2013). Это сравнение часто подкрепляют диаграммами, изображающими структуру группировки как иерархию генералов, офицеров и солдат или руководителей подразделений и менеджеров по работе с клиентами. При более внимательном рассмотрении, однако, обнаруживается, что эти представления крайне редко основаны на реальных данных и базируются чаще всего на интервью с «экспертами» (которые, возможно, никогда не встречались лично с участниками группировок), журналистских репортажах и даже фильмах или беллетристике. Поскольку экономический успех группировки зависит от ее способности обеспечить силовую монополию на какой-то территории, логично предположить, что она функционирует как единый отлаженный механизм и пресекает любые попытки ее членов действовать автономно или преследовать интересы, отличные от общих интересов группировки. Однако такие представления ошибочны. Группировка, в отличие от коммерческой корпорации или армейского подразделения, это гибкая сетевая организация. Говоря языком Делёза и Гваттари, группировки не представляют собой древовидную структуру с четко определенным стволом, корнями и ветвями. Они скорее похожи на ризому — горизонтально ориентированную, гибкую динамичную структуру, которая разрастается во все стороны, куда только может проникнуть (Deleuze and Guattari 2004)²⁶.

Экономическая деятельность группировок не отличается жесткой координацией. Их члены чаще работают индивидуально, небольшими бригадами или более крупными формированиями, в зависимости от конкретного рода деятельности — рэкета, мошенничества или полуправильного бизнеса. Это позволяет группировке быстро улавливать возникающие возможности, расширять и сворачивать операции соответственно обстоятельствам, а также поддерживать мотивацию и предпринимательский пыл участников.

Конкретные операции могут быть разработаны пацанами или предложены им старшими. Пацан, доказавший старшим, что в нем есть предпринимательская жилка, получает более выгодные коммерческие проекты. Свидетельствует Коля:

Они имеют возможность выбирать тех, кто сможет делать делюгу, и дают им шанс — чтобы себя показали в деле. Например, одному из наших ска-

зали смотреть за игровыми автоматами, дали ему список точек, сказали, чтобы вечерами ездил, смотрел, снимал выручку, решал проблемы. Он теперь этим занимается и имеет свою долю.

Пацаны могут продвинуться выше, перейдя от курирования автостоянок и игровых салонов к контролю над торговыми местами на рынке и уличными киосками; в конечном счете, они могут открыть собственный бизнес.

Такая же мобильная структура деятельности характерна для всех уровней российской организованной преступности, включая высший (Galeotti 2000). Команды формируются для выполнения конкретной работы: от мелких афер до долгосрочных проектов.

Между группировками и корпорациями действительно существует некоторое сходство, но не в иерархической структуре или прагматическом деловом подходе, а, пожалуй, в корпоративных «внеабочих» социальных ритуалах — начиная с тимбилдинга, корпоративных праздников и выездов на природу за счет компании и кончая пением корпоративных гимнов и «культом» корпоративных предков. В отличие от своих предшественников-фордистов сегодня руководители корпораций хотят, чтобы сотрудники не только руководствовались материальными и статусными стимулами, но повышали производительность труда благодаря формированию коллективной идентичности. Сетевой характер управления на современном предприятии, где хозяйственная деятельность ориентирована на конкретные бизнес-проекты, напоминает децентрализованную организацию бизнеса группировки (Castells 2001).

Мастер-класс по командообразованию, проведенный известным российским предпринимателем Владимиром Довганем, может служить иллюстрацией опыта современных компаний, повышающих рентабельность и создающих устойчивый бизнес с помощью формирования корпоративной солидарности. Довгань, в частности, советует следующее:

- Если у вашей компании есть название, задумайтесь над тем, как оно звучит. Название — это нечто очень важное, сакральное, космическое.
- У вас должен быть свой флаг, бадж. Армия — прекрасный пример для подражания, но подражать нужно не послушанию, а пониманию значения формы, значков и символов. Стадное чувство у нас всех и так есть.
- Придумайте собственное приветствие. Когда кто-то звонит нам или пишет, мы говорим: «Удача и дружба с нами всегда, богатство и счастье — наша судьба!»

26 О ризоматической структуре группировок см.: Hallsworth (2013).

- Мудрый руководитель всегда выходит за рамки своих профессиональных функций. Постройте процесс обучения так, чтобы люди соприкоснулись с чем-то великим, большим, интересным — и у них вырастут крылья.
- Организация опирается в своей деятельности на определенные принципы, идеи, миссию.
- Мотивировать людей только зарабатыванием денег неправильно. Душа человека — выше денег, выше желудка. Команду нужно вдохновлять.
- Ожидание от своих сотрудников героического поведения — один из ключей к успеху. Возможно, он сработает в одном из десяти-двадцати случаев, но поможет вам построить организацию, которая существует тысячу лет (цит. по: Любимцева 2012).

Подобная попытка привнести в отчуждающий мир капиталистического труда «коллективный восторг», как его называл Дюркгейм (Durkheim 1915), эмоциональную вовлеченность, яркие коллективные представления и ритуалы редко дает ожидаемый результат. Требование еще большей преданности корпорации и ее мудрым квазипатриархальным лидерам, как правило, вселяет в сотрудников отнюдь не героический пыл и энтузиазм, но скуку и разочарование (Cederstrom and Fleming 2012). Ощущение винтика в механизме, пронизывающее все уровни корпорации, отсутствие подлинной идентификации работника с компанией — все это подрывает попытки руководства заставить персонал полностью, душой и телом, отдаваться труду ради повышения корпоративной эффективности (Cremien 2011). Группировка гораздо успешнее формирует у своих членов эмоциональную приверженность общему делу.

УСИЛИВАЮЩЕЕСЯ РАССЛОЕНИЕ

В начале девяностых бандитское братство показало себя отлично приспособленным к условиям первоначального накопления капитала в новой России. Отряды бойцов, стремившихся захватить ресурсы разваливавшейся государственной экономики и прибрать к рукам чужие доходы и имущество, стали гибкими полиморфными структурами, соединявшими в себе жажду наживы и квазисемейную солидарность. Однако под воздействием современных капиталистических отношений это братство, как и в других странах, существенно пошатнулось (Paoli 2003). По мере того как организационная структура группировки усложнялась и ставилась на рациональную основу, а ее руко-

водство вовлекалось в капиталистическую экономику, обострялись противоречия между стремлениями молодых пацанов и прагматическими интересами старших участников. Особую остроту эти противоречия приобрели в условиях баснословного обогащения авторитетов, в то время как рядовым членам, несмотря на все их попытки нажиться благодаря криминальной деятельности, приходилось подрабатывать в легальной экономике и полагаться на помощь родственников. Это напряжение ощущается в рассказе Ильнара, объясняющего принципы работы группировки:

Молодым нужно, чтобы старшие их заметили, поэтому они стараются наладить хорошие отношения со старшими пацанами. Взрослым же надо, чтобы младшие делали ту работу, которую они делать не станут, — набить морду барыге, поджечь ларек, смотреть за точкой и т. д. Поэтому молодым дают дела, говорят — смотри за ними, будешь зарабатывать деньги. На деле им достаются крохи, все берет себе тот, кто работу подсушил, но этому все рады. Авторитетные пацаны не станут делать то, что может их подвести под статью, для этого есть молодняк.

Двадцатитрехлетний Кошмар разочаровался в своей группировке и хочет отойти от дел:

Раньше у меня была иллюзия, что группа существует для того, чтобы пацаны могли сообща решать проблемы, защищать свои интересы, а сейчас я понимаю, что все это разводка, просто старшие пацаны используют тех, кто моложе, для своих целей, чтобы обшак собирать, щемить чужими руками барыг, короче — используют как пехоту, как средство принуждения. Цель группировки — чтобы самым старшим жилось хорошо.

Недовольство рядовых пацанов вызвано тем, что лидеров и их ближайших подручных, которые сами начинали свою карьеру в уличных компаниях, теперь мало что связывает с молодняком. Лидеры окончательно отделились от уличной жизни. Авторитеты осуществляют общий надзор, но непосредственный контроль за деятельностью уличной группировки поручают смотрящим и не участвуют лично в рутинных стрелках и разборках. Вовлечение авторитетов в легальный бизнес и усиливающаяся экономическая дифференциация неизбежно подрывают общинный дух группировки. Все более отрываясь от территориальных корней, авторитеты нанимают на важные должности в своих компаниях посторонних, а не «братьев» по груп-

пировке. Молодые пацаны, сохранившие территориальные корни и верность культурным традициям группировки, чувствуют, что их эксплуатируют и что лидеры бросили их на произвол судьбы. Как следствие их преданность организации ослабевает, и они покидают группировку.

В то время как бизнес лидеров все заметнее интегрируется в национальную и глобальную экономику, оставшиеся на низовом уровне пацаны по-прежнему кормятся уличным рэкетом и мелкими аферами, чувствуя, что упустили шанс «подняться», выпавший поколению девяностых. Как уверяет Цыган, «сейчас все, что можно было поделить, уже поделено, и для нас осталось очень мало возможностей».

Напряжение особенно обостряется, если уличный бизнес буксует. Несмотря на культивируемую верность братству, ослабление уличной экономики серьезно дестабилизирует социальный порядок в группировке и даже может привести к ее краху. Стагнация или спад уличной экономики означают, что группировка уже не может обеспечить своим участникам средств к существованию. Неудивительно, что молодые пацаны все реже готовы тратить свое время и рисковать ради неопределенного вознаграждения в будущем. Кто-то совсем отходит от дел, а кто-то переходит в другие, более успешные группировки. В худшем случае улицу и ее бизнес поглощают конкуренты.

Наши информанты часто жаловались на отсутствие возможностей. Суть дела объяснил 23-летний Банан, который к моменту интервью собирался покинуть улицу:

У нас никак не продвинуться, даже если у тебя семь пядей во лбу. Причина в том, что продвигаться некуда — у нас мало возможностей для заработка, да и те находятся под контролем парней, которым за тридцать. Поэтому основная масса и занимается чем угодно, но не заработками. В такой ситуации продвигаться никто не хочет: зачем идти вверх, если с ростом ответственности получаешь все тот же хрен собачий? Текучка у нас на улице большая, поэтому многие просто уходят, даже не уведомив товарищей, уходят по-английски. Если их потом ловят, то объясняют, что они поступили невежливо, и у них после такого задушевного разговора остаются следы печали под глазами и синяки по всему телу. А причина одна: не нравится им бегать с дубинами и мерзнуть, когда на других улицах пацаны их возрастов на машинах катаются. Потому-то многие, поняв, что никакой перспективы нет, бросают все.

Оставаться или не оставаться с пацанами — все чаще вопрос практического выбора, а не моральных обязательств. По мнению Жени,

отходят по разным причинам. Не у всех получается подняться, и такие пацаны просто не видят смысла продолжать все это. Кто-то хочет остаться, но не может по каким-то бытовым причинам. Необходимо расставлять приоритеты: что для тебя важнее — получить нормальное высшее образование или же оставаться с улицей и надеяться на что-то другое.

О том же говорят и наши эксперты. По словам М.,

у большинства молодежи интерес к ОПГ ограничивается 18-летним возрастом: после этого многие разочаровываются, особенно если не могут обеспечить себе доход, у многих появляется работа, семьи, — и они уходят.

Разочарование в связи с невозможностью заработать — распространенная причина ухода. Но бандитский клан не может позволить своим участникам уходить по столь прозаическим поводам. При отсутствии веской причины группировка должна, пусть и символически, наказать тех, кто хочет выйти из ее состава. Комментирует Трофим:

У нас на улице обычно уходят те, кто не нашел себя, не смог как-то вырасти, измениться в лучшую сторону. Короче, просрал момент. Но поскольку с такой причиной не отойдешь, приходится приводить другие доводы — например, семейные обстоятельства. Те, у кого никаких отмазов нет, просто делают так, чтобы их отшили, просто говорят, что не хотят быть с улицы. Их слегка избивают, и они уходят.

По сравнению с девяностыми годами сейчас легче выйти из состава группировки. Свидетельствует Нафик:

Улицы стали сейчас менее «жесткими». Раньше уйти было практически невозможно, приходилось откупаться большими деньгами, суетить стариков. Сейчас — гораздо проще, отойти можно с разрешения старших пацанов. Кто хочет уйти, подходит к смотрящему и объясняет причину, по которой он не может оставаться на улице. Смотрящий выносит на улицу этот вопрос, и сходу решают судьбу этого пацана. Насильно никто не держит.

Если участник группировки хочет покинуть улицу, но при этом занимается бизнесом, который развил с ее помощью, он должен отдать часть бизнеса и вернуть в общак все вложенные группировкой средства, а при наличии долгов — полностью их погасить.

Те, кто уходит в армию или попадает в тюрьму, сталкиваются по возвращении с общей проблемой: их участок бизнеса уже занят другими. Бывшие друзья могут сказать пацану, что дела для него нет, все поделено, а лишних денег, чтобы начать ради него новый проект, у группировки не имеется. Отсутствие деловых возможностей означает, что пацаны, вернувшиеся из мест лишения свободы, могут рассчитывать только на минимальную помощь. Как сказал М.:

Когда они выходят из тюрьмы, смотрят: этот машину купил, другой — ларек, а у него ничего нет, хотя он, может, за них сидел. Вот он и начинает: вовлекайте меня тоже в дела. А возможности нет, ему говорят: собирай молодежь под себя, делай дела... проблематично вернуться в группировку после заключения. Вот, допустим, человек отсидел пять лет, вернулся — а там новые зверьки, из молодых, все занято, все хотят кушать. Да, конечно, по старой памяти он будет пользоваться авторитетом, молодежь будет к нему относиться с уважением, но к каким-то ресурсам его уже не допустят. Другое дело, если те, с кем он был пять лет назад, еще на плаву — тогда они могут ему как-то помочь, дать какую-то работу, но все равно бывшему заключенному будет трудно.

В свои тридцать пять Ильнар — один из самых старых участников группировки. В начале 1990-х годов его осудили на пять лет колонии за нанесение тяжких телесных повреждений. Он считает, что из-за этого упустил свой шанс разбогатеть. Ничего лучше работы разнорабочего на стройке сейчас он найти не может. Хотя он ветеран группировки, вступивший в нее еще в начале 1980-х, его нынешняя жизнь крайне бесцветна. Он женат, у него маленькая дочь. Некоторые из его старых приятелей спились и умерли. Кто-то работает в автосервисе, кто-то стал бизнесменом. Ильнар принадлежит к старшему возрасту, но бизнесом группировки руководят те, кто еще старше, кому под пятьдесят. Сейчас его участие в группировке ограничивается общением. Один-два раза в неделю он встречается с друзьями, чтобы выпить и поболтать. Ему больше не нужно присутствовать на регулярных сходняках. Зато он участвует во всех общих мероприятиях — свадьбах, похоронах, днях рождения и коллективных походах в баню. Он почти ничем не занят в группировке, но по-прежнему является ее членом и останется им до конца своих дней. Продолжает вносить деньги в общак, хотя больших взносов позволить себе не может.

Ильнар недоволен своей жизнью. Он пьет и, похоже, никак не примирится с тем, что угодил под суд. Если бы не тюрьма, считает он, его

жизнь была бы другой. У него был бы свой бизнес, а так его оттеснили в сторону, серьезных дел не доверяют:

Кто сейчас в авторитете, все при делах, у них фирмы, свои барыги, они строят коттеджи, ездят на джипах. И их реально слушает молодняк.

От друзей из своей возрастной когорты он получает лишь немного денег «на семью». В самой группировке сильна неприязнь и зависть по отношению к более успешным участникам:

Все мы начинали одинаково: у нас было как у латыша, хрен да душа, а сейчас кто-то рулит фирмами, а кто-то бедствует. Я вот откинулся [освободился] и сейчас с улицы [считаюсь членом группировки]. А что я имею? Да ни хера!

Постепенно группировки слабеют. Сузившаяся база уличной экономики не в состоянии прокормить всех новичков, а большинство криминальных возможностей уже поделены. Вот что сказал нам казанский следователь Н.:

Людям, которые занимаются преступным промыслом, лишние рты в бригаде совсем не нужны. Ты посуди: сейчас все, что можно было поделить — поделили, работать для разных преступных групп стало сложнее, каждый ищет, где можно что-то урвать.

Еще один следователь, М. Т., объяснил:

Сейчас в России идут большие перемены, и для молодежи, которая хочет чего-то добиться, появляются новые возможности в плане работы. Поэтому в ОПГ сейчас сильная текучка молодежи: она подтягивается в группировку, пару лет бегаёт, а потом видит, что кто-то делает деньги, а его пользуют по полной программе. Такое никому не понравится, и они группировку покидают, потому что необязательно быть членом ОПГ — может, правильнее сказать: обязательно быть не членом ОПГ, чтобы зарабатывать деньги. Авторитеты с лидером имеют хорошие деньги, неплохо живут и «средние», а с молодежью делиться не хотят. Более того, их заставляют скидываться в общак, а для тех, кто не работает, достать деньги можно практически только за счет преступления, например вымогательства. Из-за всего этого остаются в группировке только те, кто связан с какими-то прибыльными делами, для осуществления которых желательно членство в группировке.

Дефицит незаконных ресурсов побуждает молодежные группировки активизировать территориальное насилие: в каком-то смысле они возвращаются к более ранней стадии своего развития. Мнение Банана:

Из-за отсутствия на нашей территории реальных возможностей для заработка отношения с соседями складываются плохо, и улица имеет репутацию отможенной, потому как мы постоянно воюем. Цель нашей группы — весело проводить время. Других целей у нас нет, потому что улица очень бедная: остается только веселиться с пустыми карманами.

По данным наших информантов из правоохранительных органов, некоторые молодежные группировки в последнее время не только самораспустились, но и запретили своим бывшим членам представляться «пацанами с улицы». Вышедшие с улиц авторитеты, пробившиеся наверх грабежами, убийствами, вымогательством, подкупом и мошенничеством, теперь обучают своих детей в лучших школах и вузах и категорически запрещают им общаться с ребятами из группировок.

В 2000-х годах жесткие меры государства по борьбе с организованной преступностью в сочетании со стабилизацией ситуации и экономическим ростом в Татарстане привели к снижению числа зарегистрированных преступлений. В 2010 году в республике было совершено 274 убийства, что немногим выше уровня 1978 года — сравнительно «мирного» периода позднего государственного социализма (Сафаров 2012, 393).

Хотя у многих группировок сохранились территориальные структуры, их вертикальные связи ослабли, и нынешние пацаны гораздо осторожнее в своих отношениях с внешним миром.

Еще десять лет назад представитель крупной ОПГ мог открыть ногой дверь любого коммерсанта со словами: «Я из таких-то», а сегодня никто из тех, которые остались, ни за что так прилюдно не скажет — поостережется (Сафаров 2012, 394).

Тем не менее уличные группировки существуют и ныне. Из-за уголовного преследования бандитов (в основном лидеров и авторитетов) незначительно снизилось общее число зарегистрированных участников группировок, однако существенного сокращения числа территориальных группировок не произошло. По данным МВД Татарстана, в январе 2010 года на учете состояло 90 «групп несовершеннолетних антиобщественной направленности», в состав которых входили 1802 подростка; 63 из них действовали в Казани. Для сравнения:

в 2008 году в республике насчитывалось 98 таких групп общей численностью 2075 человек (Музыченко 2010). Молодежь продолжает делить город на «зоны влияния», массовые драки между территориальными элитами в Казани и окружающей сельской местности остаются привычным явлением (Штеле 2012).

В некоторых районах группировки создают новые союзы или забирают территории, брошенные ослабленным конкурентом. Излагая историю своей группировки, Кирилл заметил, что главным событием за последнее время стало «прекращение конфликта с соседней улицей, которая сильно ослабла несколько лет назад и теперь не может нашей улице мешать, потому что большинство авторитетов с этой улицы оказалось на зоне». В результате его группировка смогла занять новую территорию.

СТОЙКИЙ ДУХ КОЛЛЕКТИВИЗМА

Как мы убедились, группировка использует неформальные отношения для экономического развития гораздо эффективнее, чем капиталистическая корпорация. Невзирая на многочисленные вызовы, с которыми ей приходится сталкиваться в современном мире, группировка остается единой сплоченной организацией благодаря своим ритуалам, духу взаимовыручки и солидарности. Успех группировки тем более впечатляет, что в ее состав, как мы помним, входят люди, которых вполне можно отнести к опасным социопатам. Многие происходят из неблагополучных семей. И рядовые участники, и жестокие непредсказуемые лидеры живут в мире насилия, алчности, беспринципного хищничества.

И все же, хотя под давлением внутренних противоречий, экономических трудностей, преследования со стороны правоохранительных органов, а иногда вследствие заключения или смерти своих лидеров некоторые группировки теряют свои позиции и распадаются, многие остаются на плаву и процветают на протяжении долгих лет. Причина такой устойчивости — не военная дисциплина, не суровые наказания ослушников и не эффективная рациональная организация. Дело в том, что группировка опирается на дух коллективизма, равным образом культивируемый лидерами и рядовыми участниками, которые, несмотря на множество эгоистических, прагматических побуждений, вопреки жесточайшим разногласиям и мелким дрязгам, на эмоциональном уровне глубоко вовлечены в деятельность своей организации. Группировка преуспевает там, где современные корпорации терпят неудачу.

Но у группировки есть ахиллесова пята: социальное расслоение, возникающее в процессе накопления капитала. Когда организованная преступность отрывается от территориальных корней, солидарность подвергается тяжелому испытанию. Лидеров, окружающих себя наемными помощниками, все чаще обвиняют в предательстве идеалов братства, в связи с чем форма традиционной патримониальной власти теряет свою легитимность. По мере того как экономическая деятельность лидеров группировки приобретает характер рационального бизнеса, практики и ритуалы, поддерживавшие коллективную идентичность, теряют свою магическую притягательность. Рядовые участники чувствуют, что их эксплуатируют и с ними не считаются. К тому же времена, когда группировка сама по себе могла обеспечить существенную социальную мобильность, канули в Лету. Братва практически лишена возможности следовать по стопам отцов-основателей к вершинам социального успеха.

В таких условиях группировкам грозит дезорганизация и скатывание на уровень более примитивных уличных шаек. Если же они превращаются в сети наркодилеров²⁷, как происходит со многими бандитскими формированиями, дух боевого братства в них неизбежно угасает.

27 Именно это явление описал Д. Роджерс в своем исследовании эволюции территориальных группировок в Никарагуа (Rodgers 2009).

5 Пути уличных пацанов

Как мы уже убедились, члены группировки самым тесным образом включены и в ее жизнь, и в более широкое общество. Рассмотренная нами ситуация в Татарстане не вписывается в господствующую в западной науке концепцию, согласно которой группировка является замкнутым сообществом, полностью отделенным от социума из-за отсутствия возможностей легального заработка для ее членов, их психологических наклонностей и ценностей или под давлением необходимости, диктуемой криминальным бизнесом (см., например, Vigil 1988; Hagedorn 2007; Esbensen 2009; Olate, Salas-Wright and Vaughn 2012)²⁸.

28 В то же время некоторые авторы смотрят на группировки иначе, показывая, что их члены могут чередовать законную и незаконную трудовую деятельность или быть занятыми в обеих сферах одновременно (Fagan 1989; Venkatesh 1997). Официальная занятость сосуществует с криминальной, переплетается с ней, охватывая одних и тех же людей (Sullivan 1989; Taylor 1990; Padilla 1992). Сама группировка может обеспечивать своим членам доступ как к формальной, так и криминальной занятости (Scott 2004). Они могут выполнять разные функции, участвовать в группировке с разной степенью вовлеченности (Vigil 1988; Garot 2010; Lauger 2012). Некоторые группировки — например, «Всемогущая нация латиноамериканских королей и королевы» (Almighty Latin Kings and Queens Nation) — даже вырабатывают коллективные стратегии эмансипации своих обездоленных участников, помогая им закрепиться в мире легального трудоустройства (Kontos, Brotherton and Barrios 2003; Brotherton and Barrios 2004).

Различие особенно заметно, если сравнить бурные девяностые и относительно благополучные нулевые. В 2000-х годах члены казанских группировок, как и остальные молодые жители города, пользовались широкими возможностями трудоустройства и обучения, имея доступ не только ко всеобщему среднему, но по большей части и к высшему образованию. В Татарстане достигнут сравнительно низкий уровень безработицы: в 2005 году — менее 7 %, а в 2014 году — менее 4 %. В 2003 году 78 % выпускников казанских школ поступали в высшие учебные заведения (Мухарямова и др. 2004, 68). Хотя в нашем исследовании мы не стремились составить репрезентативную выборку членов группировок, большинство наших информантов окончили среднюю школу, многие были студентами и выпускниками вузов или занимались профессиональной деятельностью.

В этой главе я хочу показать, что социальное происхождение участников казанских группировок значительно отличается от «типичного», как его описывают в литературе, посвященной уличным бандам. Эти молодые люди вовсе не были лишены возможностей, предоставляемых обществом, более того — использовали их необычайно активно. Многие из них, не замыкаясь в мире насилия и преступности, строили параллельную карьеру, совмещали официальную работу и членство в уличных шайках. В российском обществе, где практически невозможно провести грань между легальной и нелегальной экономикой, молодежь использовала все пути социальной мобильности и опиралась на самые разные связи.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ УЧАСТНИКОВ ГРУППИРОВОК

Здесь мы не располагаем точной информацией, однако наши эксперты, сотрудники МВД, учителя и местные жители утверждали, что в 1980-х — начале 1990-х годов членами группировок становились в основном выходцы из рабочих семей, молодые люди, бросившие школу, и подростки-делинквенты (правонарушители). На протяжении 1990-х годов группировки рекрутировали участников преимущественно из бедных слоев населения — впрочем, бедность стала в те годы всеобъемлющей категорией, включавшей служащих и рабочих, которые потеряли в ходе кризиса средства к существованию. Однако в дальнейшем, спустя годы, уличные группировки, утвердившие свою власть в подконтрольных районах, начали вербовать также подростков из обеспеченных, образованных семей. И сегодня многие члены группировок учатся в вузах, иногда выбирая довольно престижные

специальности — юриспруденцию, медицину²⁹. В 1950—1970-х годах примерно так же менялся социальный состав итальянских мафиозных кланов: в эти десятилетия мафия, ранее создавшая для себя прочную социальную базу в местных сообществах, привлекла в свои ряды много представителей среднего класса (Arlacchi 1986).

Проводя интервью, мы расспрашивали участников группировок об их семьях и занятиях родителей, об их собственном образовании и опыте работы, о планах и мечтах, интересовались, намерены ли они в будущем сохранить связь с ОПГ. Как выяснилось, большинство опрошенных не ощущали какой-либо социальной изоляции и не считали криминальную карьеру раз и навсегда предопределенной, безальтернативной.

Западные исследователи обычно считают, что к членству в уличной шайке более склонны подростки из неполных семей: она как бы заменяет им семью. Члены уличных организаций редко вступают в брак или завязывают устойчивые отношения со своими подругами и матерями своих детей³⁰. В Казани, как показал наш опрос, дело обстоит совсем иначе. Большинство информантов поддерживали постоянные отношения с родными. Среди них было мало представителей неполных семей³¹ — напротив, у многих были и отец, и мать, причем оба родителя работали. Некоторые из старших информантов сами были женаты или твердо намеревались со временем жениться и обзавестись семьей. Родители часто не догадывались, что их сыновья входят в уличные группировки, но некоторые были в курсе. Вот что рассказал 20-летний Фарит, чьи родители, сотрудники МВД, крайне неодобрительно относятся к участию сына в группировке:

Отношения с родителями у меня напряженные из-за того, что я с улицы. Они постоянно пытаются меня контролировать. Типичная мера наказания для меня и моего братишки заключалась в том, что нас не выпускали на улицу, заставляли сидеть дома. Одно время, когда я только-только подошел к улице, отец даже устраивал за мной слежку и пытался не допу-

29 Названы самые опасные районы Казани, в которых можно нарваться на гопников [Электронный ресурс]//PRO KAZAN.RU [сайт], 5 мая 2012. URL: <http://m.prokazan.ru/newsv2/59326.html> (дата обращения: 10 мая 2013).

30 Элайджа Андерсон, например, пишет, что объекты его исследования в трущобах Филадельфии стремились к сексуальным завоеваниям, но избегали брака: по его мнению, это свидетельствовало об их неспособности надлежащим образом содержать семью и выполнять функции отца семейства (Anderson 1999, гл. 2—5).

31 Такие же результаты получил Мартин Санчес-Янковски, исследовавший американские предпринимательские группировки (Sanchez-Jankowski 1991, 39).

стить меня на сходняки. Потом я даже одно время жил не дома, хотя позже отношения были восстановлены. Сейчас они оба знают, что я с улицы, но, видя, что я зарабатываю себе на жизнь, особо не вмешиваются.

Двадцатитрехлетний Коля женат, у него есть ребенок. Семья живет вместе с его матерью. В подростковом возрасте он конфликтовал с родителями, которые были недовольны тем, что он много времени проводил на улице. Даже теперь Коля старается не возвращаться домой поздно:

Где я нахожусь вне дома, мать обычно не знает, потому что сейчас меня контролировать трудно, я сам себе хозяин. Но поздно домой не возвращаюсь, чтобы не было лишних проблем».

Некоторые родители мирятся с участием своих детей в группировках, даже дают им деньги на обязательные платежи в общак. Как правило, речь при этом идет о самых молодых пацанах, у которых не было источников дохода и которым в противном случае пришлось бы добывать деньги для взносов чисто криминальными способами.

Члены группировок из числа школьников и студентов вузов совершенно не соответствовали стереотипным представлениям о молодых делинквентах. Хотя уличная жизнь и влияла на качество учебы, они по большей части не относились безразлично к оценкам и старались их исправить, особенно в старших классах. После окончания школы эти пацаны поступали в высшие учебные заведения или устраивались на официальную работу. Многие подрабатывали и во время учебы в вузе. Свое членство в группировке они не афишировали (среди прочего по той причине, что попадание в соответствующую базу данных МВД препятствует устройству на государственную службу) и никогда не делали татуировок, обнаруживающих их причастность к улице. Личность члена группировки была известна только тем, «кому надо».

ПУТЬ В ГРУППИРОВКУ

В отличие от девяностых, когда молодых людей подталкивала к вступлению в группировку острая нужда или жажда больших денег, в нулевые они плавно перетекали туда из уличных и дворовых компаний. Пацаны имели самое смутное представление о том, что их ждет впереди, — для них главным было укрепить отношения с друзьями, добиться большего авторитета и уважения на улице, заработать на мелких криминальных операциях и обзавестись связями с «нужными» людьми.

Большинство наших казанских информантов без особых колебаний перешли из уличных компаний в группировки. Так, 17-летний Анвар, только что окончивший школу, рассказал, что собирается искать работу, но еще не решил, чем хочет заниматься. Пока же он большую часть времени проводит с пацанами:

К улице я подтянулся совсем недавно, не больше года назад. Я с пацанами общаюсь уже давно, с восьмого класса, просто раньше на улице мало времени проводил — приходилось поддерживать успеваемость на должном уровне. А потом стало легче, на уроки можно было забивать, поэтому я стал плотничково общаться с пацанами и подтянулся. Я стал больше общаться, понимать жизнь, как все устроено. Меня ничего особо не привлекало, просто я общался с пацанами и все равно продолжил бы общение. Просто нравится такой образ жизни.

Двадцатичетырехлетний Цыган, выпускник вуза, рассказал, как он попал в группировку:

Сколько себя помню, все свободное время проводил на улице. У нас была своя дворовая компания. Летом играли в футбол, догонялки и во множество спортивных игр, зимой — лыжи, санки, снежки. Почему я решил вступить в группировку? Можно сказать так: мне было интересно. Я бы не сказал, что у меня были проблемы и требовалась защита. Мне просто хотелось узнать, что это такое — жить с братвой, хотелось чего-то нового. Так что, когда мне предложили подойти к улице, я согласился.

Как и Цыган, 23-летний Петя вступил в группировку в начале 2000-х. К моменту интервью он был рабочим на заводе. Ребенком и подростком Петя много времени проводил в дворовой компании, поэтому по достижении определенного возраста вступление в местную группировку было для него логичным:

На улицу я пошел вслед за друзьями, у нас был период, когда стало модно быть пацаном с улицы, это было круто. Тогда у нас тут целая толпа подошла; особо не задумывались, что будет дальше.

Путь 24-летнего Рисата, выпускника юридического факультета, был схожим:

Во времена моего детства особых развлечений не было, и в свободное от учебы время я или болтался на улице, или читал. Как говорится, все

побежали — и я побежал. В какое-то время случилось так, что многие ребята, с которыми я общался, подтянулись к улице. А я что, рыжий, что ли?

Другие парни последовали в местные группировки за своими братьями или отцами. Брат 20-летнего студента авиационного института Туйгуна был в свое время членом крупной местной группировки:

Он для меня был примером во всем, так за ним и подтянулся. Просто я посчитал, что правильно быть там, где брат.

Отец в прошлом тоже входил в одну из группировок. Излишне говорить, что и все друзья Туйгуна были уличными пацанами.

Коля, в детстве и молодости проводивший много времени на улице, также взял пример с брата:

Я его расспрашивал об улице, узнал, чем они занимаются, мне показалось это интересным. Когда был набор в младший возраст, брат предложил пацанам взять меня на улицу, сказал, что я толковый пацан и достоин того, чтобы быть с улицы. Пацаны согласились, и меня взяли.

Отец 18-летнего Радика — участник группировки. Радик изучает в институте налоговый учет и сравнительно легко совмещает членство в группировке с учебой:

Когда я учился в школе, я подтянулся сначала к [группировке] С., просто из интереса: многие мои друзья были с ними. Потом отец — он сам авторитет с [группировки] Г., — подтянул на эту улицу. Тогда привлекла возможность решать дела, быть под защитой, как-то уверенней себя чувствуешь на улице, да и отец так сделал, что на все сходняки мне можно было не ходить, только на строгачи, зато защита была гарантирована. Так что я ничего не терял — и учебу не забросил, и был с улицы.

Двадцатипятилетний автослесарь Кирилл узнал об улице от своего двоюродного брата, который первым вступил в группировку, а потом предложил присоединиться и ему: «Привлек меня просто интерес к улице, хотелось пожить с пацанами». Молодые ребята, приехавшие в Казань из других регионов, где они входили в уличные организации, рассказывали, как активно пытались вступить в местные группировки. Деятнадцатилетний студент вуза Таджики приехал в Казань из близлежащего города Буинска:

Когда я жил в Буинске, то постоянно общался с местными пацанами, можно сказать вырос в этой среде. Потом приехал в Казань. Тут я общался поначалу только со своими одноклассниками, но потом через них мой круг друзей расширился, и я стал плотнее общаться с пацанами. К улице я подтянулся классе в десятом. Для меня это не было чем-то необычным, я этих пацанов знал, и все продолжилось, как было раньше, разве что уверенности больше стало. Меня привлекли возможности быть среди своих и иметь защиту в городе, который для меня не родной.

Для 23-летнего выпускника физфака Банана вступление в группировку скорее объяснялось желанием «стать мужчиной». В школе он учился хорошо, уличного опыта у него было мало:

На улице я проводил время только летом, в остальное время прилежно учился, ведь я окончил математическую школу. Сейчас смешно подумать, а раньше мы с друзьями часто сидели и решали уравнения. Я сейчас иногда думаю о том, как я подтянулся к улице, и понимаю, что это было ребячество, дурь какая-то, любопытство, что ли. Просто хотелось попробовать жизнь на улице, так как меня тяготил имидж заучки с физфака. Подтянулся я с первым же предложением — даже толком не разобравшись, на какую улицу я иду.

Для молодых людей группировка это естественная форма мужской коллективной жизни. Выбор конкретной группировки часто зависит от обстоятельств. Рассказывает 25-летний немец:

Я вообще был с двух улиц. На первую попал еще пиздюком и пробыл там три года. Подтянулся я туда вместе с одноклассником, у которого там были знакомые пацаны. Через три года я отошел и пару лет ходил сам по себе. После этого мои друзья, с другой улицы, предложили мне подтянуться к ним, сразу в третий возраст, что я в принципе и сделал. Мне тогда просто надоело быть самому по себе.

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ЧЛЕНСТВА В ГРУППИРОВКЕ

Подростки семнадцати-восемнадцати лет переходили в ОПГ из уличных компаний по разным причинам. Кто-то хотел заработать, кто-то был заинтересован главным образом в защите и общении. Большинство информантов назвали причиной вступления в группировку

желание «жить с пацанами», быть частью квазиродственной группы, уличного братства. Для них группировка не была чисто коммерческим предприятием и, конечно же, не воспринималась как истинно преступная организация. В конечном счете, ее представляли неким идеальным обществом, где можно научиться «жить по понятиям» и заработать денег. По словам Радика,

группировка — это образ жизни, это как университет, в котором ты учишься правильно жить. Цель группы — вместе быть под защитой, жить семьей, чтобы всем было хорошо. Именно для этого и нужна улица. <...> Улица дает возможности реализовать себя, заработать денег, научиться жизни.

Двадцатичетырехлетний студент Гарик, будущий инженер, рассказал, что привело его в группировку:

С каждым годом взгляд меняется. Когда я был молодым, считалось, что, если ты не с улицы — ты никто, будь хоть суперменом. Так что я подходил к улице, чтобы быть на уровне остальных, особых целей себе не ставил и об этом не задумывался. Со временем узрел большие возможности делать деньги, обзавелся связями. Только не надо думать, что улица — это просто способ зарабатывать не напрягаясь. Это образ жизни: как бы большая политика на маленьком уровне, с карьерным ростом, статусами и прочей атрибутикой.

Многих привлекала ритуальная сторона жизни в группировке, мир обрядов, кодексов чести и мифов, на которые часто опираются уличные молодежные «государства» (Katz 1988, 188). По мнению 23-летнего Потапа, группировка привлекает «молодежь, которая хочет уличной романтики, хочет красивой жизни». Другие наши информанты и эксперты, говоря о притягательной силе улицы, часто ссылались на «уличную романтику». Идеалистическое представление об уличном братстве и о якобы наполненной захватывающими приключениями жизни братвы по-прежнему привлекает в группировки молодежь, хотя возможности «делать деньги» в последнее время здесь заметно сузились.

Еще одним фактором, часто упоминавшимся в интервью, было желание молодежи «научиться жить». Для многих перспектива расти и развиваться в братстве была куда привлекательнее, нежели подчинение власти безликих институтов современного общества. Двадцатичетырехлетний Женя, который в школьные годы проводил много

времени на улице, объяснил, что ему, неформальному классному лидеру, группировка казалась естественной средой обитания:

Еще в школе я всегда держался уверенно и поступал справедливо. Меня уважали и боялись, и я пользовался авторитетом. И когда друг, который был уже с улицы, сказал, что у них проводится набор и что он предложил мою кандидатуру, которую одобрили, я сразу согласился.

Для других, особенно тех, кто в подростковом возрасте не входил в уличные компании, основной притягательной силой группировки была возможность заработать. Трофиму двадцать один год. Он учится в университете на технолога и одновременно работает сборщиком компьютеров. В группировку вступил после окончания школы по предложению близких друзей:

В школьные годы, хотя я и не сидел всегда дома, дневать и ночевать на улице не приходилось. Интерес к улице у меня был вызван не поддержкой пацанов, потому что меня и так никто не трогал, а потому, что эти пацаны в свое время начали делать делу и хорошо раскрутились. Я тоже хотел иметь свои деньги, и желательно немаленькие.

Фарит «подтянулся к улице» довольно поздно и до этого особым опытом уличной жизни не обладал. Группировка привлекала его прежде всего возможностями обогащения, которыми можно воспользоваться уже в молодости, а не в каком-то отдаленном будущем. Фарит изучал физику и параллельно обеспечивал «безопасность» игровых салонов. Он также владел несколькими ларьками на местном рынке, которые торговали продуктами питания:

Интерес у меня к улице был в том, что по-другому для молодежи нет возможности жить хорошо. Работы практически никакой, а жить-то надо. Хочется иметь не только хорошую одежду, но и машину, и девушку водить не в кабак, а в рестораны. Поэтому я для себя решил, что, если я с пацанами, то все это у меня появится, а если буду работать, как все, то стану богатым только тогда, когда мне все это на фиг не нужно будет. Вот это и привело меня на улицу.

Некоторые вступили в группировку по приглашению. К моменту интервью 26-летний Ильсур, бывший спортсмен, был дипломированным юристом и работал в охранном предприятии. Он также был членом местной группировки, в которую вступил семь лет назад:

Привел туда знакомый, который сказал, что им нужны толковые люди. Пришел потому, что было интересно и хотелось делать дела, зарабатывать деньги.

Для Немца, работавшего менеджером в нефтяной компании, группировка не была важным источником непосредственного дохода. Он участвует в ней просто потому, что «быть с пацанами меня не тяготит, да и связи в жизни всегда нужны».

Очень емко общее мнение о преимуществах членства в группировке выразил Таджики:

Во-первых, мои друзья — нормальные пацаны, которые могут не только языком болтать, но и делать деньги. Мне с ними очень легко находить общий язык, я уверен, что могу на них положиться и что они, когда понадобится, мне помогут. Во-вторых, надо держаться пацанов, тогда все в жизни будет тип-топ.

РАЗЛИЧНЫЕ ПУТИ ВЗРОСЛЕНИЯ

Уличную группировку нельзя назвать однородной группой юных делинквентов, оттесненных на обочину жизни. Пути взросления этих молодых людей крайне разнообразны. Некоторые наши информанты не представляли себе иного будущего, нежели криминальное. Как правило, они происходили из бедных семей, где один или оба родителя были безработными. Некоторые выросли в неполных семьях: отцы либо не жили с ними, либо отбывали срок в тюрьме. Такие молодые люди большую часть своей жизни проводили на улице. Обычно за ними тянулся шлейф правонарушений и преступлений (угон автомобилей, кража мобильных телефонов и велосипедов, квартирные кражи). Они либо не работали, либо перебивались случайными заработками.

Двадцатитрехлетний Богдан родился в очень бедной семье. Его отец — безработный алкоголик, мать — разнорабочая. Богдан окончил школу, но постоянной работы у него никогда не было. Он живет случайными заработками и воровством, а также сбывает мелкие партии наркотиков через «барыгу». Он вырос на улице и с раннего возраста хотел вступить в группировку. Вот как он описывает свои настойчивые попытки достигнуть цели:

По сути, я с детства знал, что есть улицы, что пацаны вместе собираются, что у них бывают свои дела. И мне все это было интересно: помню, что

лет с 12—13 я уже хотел подтянуться на улицу. Но пока был маленький, меня не подтягивали, а когда подрос, где-то в 16 лет сам подошел к знакомым пацанам и сказал, что хочу быть с ними. Они сказали, что подтянуться можно только тогда, когда будет собираться младший возраст, и что тогда они меня приведут. Когда стали подтягивать молодых, я тоже подошел вместе с ними.

Богдан не думает, что у него когда-нибудь будет нормальная работа. Он хочет, не выходя из своей группировки, присоединиться к воровскому сообществу. В будущем он намеревается стать криминальным авторитетом или вором в законе:

Я недавно стал посещать воровской сходняк, потому что сам живу воровством, и мне предложили делать делюгу вместе с ворами. Воровской закон такой же, как пацановские понятия, хотя раньше все было строже, воровы не имели семей, работы, должны были иметь ходки на зону. Сейчас воровской закон изменился, можно иметь семью, дом, ходки [срок в заключении] иметь не обязательно, работу иметь нежелательно.

У Потапа похожая судьба. Оба родителя — безработные алкоголики. Отец дохода не имеет, мать иногда подрабатывает на рынке или уборщицей, подворовывает. В семье растут младшие брат и сестра Потапа; материальное положение — нищенское. Потап с пятого класса почти все время проводил на улице, после девятого бросил школу, занимается воровством и уличным разбоем. Он ненавидит детей из состоятельных семей, «которые в жизни палец о палец не ударили, а в своем возрасте имеют все», и мигрантов с Кавказа: «черножопых, которые везде спуют, как будто не они приезжие, а мы». О будущем у него представления смутные: «Хочу иметь делюгу, чтобы денег много приносила». Свое будущее он в любом случае связывает с криминальным миром: «Я всю жизнь так прожил». Ему нравится жизнь, которую он ведет: «Все нравится, кроме того, что не хватает капусты [денег]». Для него группировка — это главным образом источник существования. Вот как он описывает свое времяпровождение:

У меня свободного времени много, поэтому я с пацанами встречаюсь часто. Обычно днем я отсыпаюсь, а вечерами, если нет сборов, иду просто с пацанами приколоться. Если есть деньги, можем выпить. Иногда ездим вместе на гоп-стоп, быстро прошуршали по улицам, нашли кого можно прибить на деньги, и обратно к себе, чтобы не замели. Потом несколько дней не появляемся в общественных местах.

Другие пацаны следовали семейным традициям и часто устраивались на те же заводы, в автосервисы и строительные организации, где работали их отцы. Но физический труд оплачивается низко, и молодые люди, как могли, дополняли официальные заработки, в том числе и помогая бизнесу группировки. Некоторые подумывали о получении высшего образования, искали другие варианты трудоустройства, не связанные с физическим трудом.

Максиму двадцать один год. Он окончил вечернюю школу и работает водителем на стройке, куда его устроил работающий там же отец. Зарплата низкая, но он надеется со временем открыть вместе с друзьями собственную строительную фирму. Он также намерен поступить в институт, так как считает, что высшее образование откроет для него дополнительные возможности.

Коля работает в бригаде грузчиков на стройке. Работу ему предложил пацан из старшего возраста его группировки. Коля родился в малообеспеченной семье. Его воспитывала мать, работавшая нянечкой в детском саду. У него есть старший брат, который тоже входит в группировку. Брат занимается бизнесом, у него свой магазин. Коля также хочет иметь собственное дело типа ларька или магазинчика и не уверен, что в будущем сохранит связь с криминальным миром: «Пока сказать не могу, время покажет». Сейчас Коля живет со своей семьей и с матерью, мечтает купить собственный дом.

Кирилл работает автослесарем, на работу его устроил знакомый. Теперь для него это основной источник дохода, а раньше он занимался уличным разбоем. Мать на пенсии, отца, работавшего охранником, убили в пьяной ссоре. При советской власти отец сидел за кражу. Когда Кирилл еще не работал, ему и матери часто не хватало денег даже на еду. Сейчас он работает каждый день и поэтому видится с пацанами только на сходняках. Работа его устраивает, но из группировки он выходить не собирается и считает, что связан с пацанами дружбой на всю жизнь.

Двадцатитрехлетний Гриша работает на заводе, куда его устроил отец — начальник цеха на том же предприятии. Зарплату дополняет доходами от уличного рэкета. Работу пока менять не собирается, но, когда женится, будет искать более высокооплачиваемое занятие. Подумывает о том, чтобы через пару лет отойти от группировки.

Тем пацанам, которые не имели стабильной занятости, приходилось влачить довольно жалкое существование, перебиваясь в основном неквалифицированной сдельной работой и случайными заработками. Многие трудились грузчиками на рынках и разнорабочими на стройках. Поступления от бизнеса группировки дополняли эти доходы,

но не решали материальных проблем. Пацаны мечтали о постоянной работе, а еще лучше — о собственном бизнесе. Как признался 18-летний Павел, «мне нравится моя жизнь, но многое не нравится — например, то, что нет постоянного заработка».

Многим помогали деньгами родители; некоторые еле сводили концы с концами, жили в постоянном страхе потерять средства к существованию и крышу над головой.

Были и такие пацаны, у которых оба родителя имели высшее образование и занимались профессиональной деятельностью; среди них были врачи, юристы, предприниматели и, как мы видели, даже сотрудники МВД. В качестве примера можно привести семью 27-летнего Нафика. Его отец — сотрудник районной администрации, мать — школьная учительница. Сам Нафик окончил техникум и работает техником по обслуживанию офисного оборудования. Он женат, они вместе с женой снимают квартиру. Мечты Нафика вполне заурядные: поменять дешевую «Оку» на последнюю модель «Лады» и лет через пять обзавестись детьми. Работа его устраивает, но с группировкой он порывать не собирается, хотя видится с пацанами только на сходняках.

У Цыгана высшее юридическое образование, но эта сфера деятельности ему не нравится и работу по специальности он искать не собирается. У обоих родителей также высшее образование. Отец работает инженером на заводе, мать — пенсионерка. Сам Цыган занят в строительном бизнесе, у него есть своя строительная бригада. На вопрос, сохранит ли он в будущем связь с криминальным миром, Цыган ответил: «Без этого никак».

Трофим родился в семье врачей. Как мы помним, он учится в институте и одновременно работает сборщиком компьютеров. Эта низкооплачиваемая работа — лишь первая ступень в его профессиональной карьере, позволяющая в годы учебы приобрести ценный трудовой стаж. А дополнительный доход ему сейчас приносит бизнес группировки: «Делюга помогает жить, а не существовать».

Родители Немца также занимаются профессиональной деятельностью. Отец — инженер, мать — преподаватель немецкого языка. Сам он окончил университет и работает на химическом предприятии. Работа его устраивает, да и заработок неплохой. Есть и другие источники дохода:

Стараюсь честно заработать себе на хлеб с маслом, но иногда и левак не помешает. Когда проблемы с финансами — могу обратиться к родителям, могу и к своим пацанам.

В будущем он хотел бы заниматься «любой прибыльной работой». Он считает, что для этого понадобится сохранить связь с криминальным миром.

Двадцатидевятилетний Давид работает детским хирургом. Его отец, бывший инженер, открыл собственный бизнес. Мать работает врачом в системе МВД. Помимо работы врача Давид занимается еще и «бизнесом», о котором говорит очень расплывчато. Он хочет внедриться в банковский сектор, и для этого, по его словам, ему понадобится связь с группировкой.

Банан также родился в сравнительно обеспеченной семье. Его отец работает инженером на заводе, а мать — дантистом в поликлинике. В девяностых отец какое-то время был безработным, но позже нашел постоянную работу. Сам Банан в студенческие годы и после окончания учебы перепробовал много способов трудоустройства: шабашил на стройках, работал охранником. А из группировки он хочет выйти:

Ищу работу, буквально недавно предложили работать в одной фирме менеджером, но я пока обдумываю предложение. Мне нравится работать головой, и я хотел бы заниматься какой-нибудь интеллектуальной деятельностью, с хорошей оплатой. Я не испытываю большой потребности в улице сейчас, особенно после того как узнал ее глубже. Просто обстоятельства сейчас складываются так, что безболезненно отойти не получится, вот я и жду удобного момента.

«ДВОЙНАЯ СПИРАЛЬ МОБИЛЬНОСТИ»

На примере Казани мы увидели, что вступление в группировку вовсе не равнозначно для молодых людей решению посвятить себя исключительно преступной деятельности. Членство в группировке сравнительно легко сочетается с учебой, работой и семейной жизнью, оно не требует кардинального разрыва с обществом, представляя собой лишь один из фрагментов сложной мозаики ролей и функций, которые доводится исполнять человеку.

Для подавляющего большинства наших информантов криминальный путь не был единственным возможным вариантом взросления. Бизнес группировки не приносил огромных дивидендов, в основном дополняя другие доходы или периодическую помощь родителей. Почти все понимали, что в наше время пацан уже не может, начав с уличного рэкета, превратиться в олигарха. Легальная карьера представлялась более надежной. Особенно привлекательными в этом отношении вы-

глядели хлебные должности в государственном секторе. Возможности и устремления молодых людей зависели от их социального происхождения и образовательного уровня, их перспективы очень сильно различались. И все же, независимо от происхождения, большинство пацанов считали принадлежность к группировке не помехой, а хорошим подспорьем на всю жизнь. Они были уверены, что эта деятельность позволяет заложить надежный фундамент будущего благополучия, и надеялись, что группировка обеспечит их связями, материальными ресурсами, предпринимательскими навыками, необходимыми для успеха в жизни.

Кто-то намеревался с помощью группировки открыть собственный бизнес, стать легальным предпринимателем, которому будет гарантирована безопасность. Кто-то нацелился на карьеру в государственном секторе — в налоговых органах, суде, медицине — или надеялся, что связи, приобретенные в группировке, откроют доступ к коммерческим возможностям, помогут открыть собственное дело, упростят взаимоотношения с органами власти и правоохранителями. Некоторые пацаны из менее обеспеченных семей попросту ожидали, что их друзья помогут им найти хорошую работу на стройке или в автосервисе, не бросят в беде.

Двадцатитрехлетний Кошмар «подтянулся к улице» во время учебы в юридическом институте, но карьерных перспектив для себя в группировке не видит. Его отец, отставной полковник милиции, работает адвокатом-юрисконсультантом, мать — юристом на предприятии. Кошмар никогда не состоял на учете как правонарушитель или член ОПГ. Первая попытка влиться в группировку в 18 лет закончилась для него очень быстро. Отец, узнав о намерении сына, страшно разозлился, переговорил с авторитетами, которых знал со времен службы в милиции, и вытащил его оттуда. Кошмара отпустили из группировки без какого-либо наказания или штрафа. Но спустя три года он вернулся и сразу же присоединился к старшему возрасту. Сейчас он собирается отходить от дел, так как весь прибыльный бизнес уже поделен между авторитетами группировки, и каких-либо перспектив для себя он не видит. Кошмар — дипломированный юрист, но юриспруденцией заниматься не желает. Он хочет стать профессиональным музыкантом. Он сочиняет музыку, и у него есть своя группа, которая выступает в местных клубах. Кошмар не планирует продвигаться в группировке и хочет числиться уличным пацаном только для того, чтобы «решать проблемы безопасности своего шоу-бизнеса».

В 2000-х годах в Казани общепринятый путь взросления — получение образования и трудоустройство — сосуществовал с альтерна-

тивной стратегией, основанной на членстве в преступной организации. Наши информанты в основном успешно ориентировались в обоих мирах. Такое выстраивание параллельных карьер оказало серьезное влияние на повседневное поведение и личность членов группировки. Они стараются избегать проблем в школах и университетах и не попадать в поле зрения работников правоохранительных органов. В отличие от членов сообщества воров в законе пацаны вовсе не склонны приобретать имя и репутацию с помощью тюремной отсидки. По свидетельству Гарика, он не хотел бы попасть за решетку, «но не из-за страха, а из-за впустую пропавшего времени». Ильсур теперь не хочет пускаться в незаконные дела: «Все, что я делаю помимо работы, законно. Потребности в деньгах я не испытываю. Если мне понадобится взять в долг, то предпочту банковский кредит».

Несмотря на сравнительно молодой возраст, некоторые пацаны уже успели попробовать силы в разных направлениях деятельности, включая политику. Двадцатилетний Влад, выпускник вечерней школы, родился в рабочей семье. Его отец живет случайными заработками, мать трудится на крупном химическом предприятии. Одно время Влад состоял в молодежном крыле Российской партии жизни, у которой тогда, казалось, были неплохие шансы на выборах:

Я был членом молодежного крыла Российской партии жизни, в партию вступил во время прошлых выборов. Мне понравились идеи этой партии, понравилось, что они за молодежь, хотелось обрести связи в партийных кругах, я даже на партконференции ездил, общался с партийными лидерами.

Когда Влад понял, что у партии нет электорального будущего, он решил попробовать себя в строительной сфере и стал собирать бригады, занимающиеся строительством и отделочными работами. Он еще не знает, сохранит ли в будущем связь с криминальным миром. К моменту интервью собирался поступать в юридический институт.

Влад не одинок в своих политических амбициях. Радик рассказал нам о своем знакомом, который посещал собрания регионального отделения партии «Единая Россия»:

Этот пацаненок с трудом разговаривать может нормально. Я у него спросил: зачем тебе эта бодяга? Он объяснил: мол, связи с нужными людьми нарабатывает.

Двадцатидевятилетний Айдар разделяет это мнение:

Мне никакие партии не нравятся, но сам бы пошел в «Единую Россию», если бы там было хорошее место, потому что это сильная партия с хорошими перспективами.

Многие пацаны оптимистично оценивали свои жизненные перспективы и приуменьшали риски, сопряженные с криминальной деятельностью, хотя в некоторых группировках до трети личного состава находилось в местах лишения свободы за различные преступления — преимущественно за наркоторговлю, а также за хулиганство и кражи со взломом. Они возлагали большие надежды на будущее, которое связывали как с легальной занятостью, так и с организованной преступностью.

Аркадию двадцать один год. Он окончил юридический колледж и поступил в институт на заочное отделение факультета управления. Еще подростком отсидел срок в колонии для малолетних преступников. Его отец также имеет судимость. Но сейчас родители открыли собственное дело, и Аркадий помогает им в бизнесе. Источники его доходов разнообразны, но в основном, по его утверждению, «в последнее время зарабатывает деньги честным трудом и собственной головой». Он еще не решил, чем займется в будущем, но хочет выбрать дело, связанное «с каким-нибудь производством». Аркадий мечтает добиться «большого влияния» и уверен, что связи с бандитами ему в этом очень помогут.

«НОРМАЛЬНЫЕ ПАЦАНЫ»?

Хотя группировка — закрытое сообщество, ставящее превыше всего свои интересы, это не означает, что молодые люди не участвуют в жизни, протекающей за пределами их улицы или микрорайона. Стремясь занять ведущие позиции в уличной экономике, они в остальное время выступают в обычной роли сыновей, студентов, наемных работников. В школах и институтах участники казанских группировок стараются не привлекать к себе лишнего внимания. Это кардинальным образом отличает их от членов молодежных шаек в американских школах, которые постоянно конфликтуют со школьной администрацией (Garot 2010), и от бунтарской английской рабочей молодежи, описанной Полом Уиллисом (Willis 1977) и Дэвидом Даунсом (Downes 1966). Казанские пацаны не прогуливают занятий и скрывают от учителей, чем занимаются вне школы, хотя одноклассники прекрасно об этом знают, а педагоги уверяют, что могут

определить парней из группировки по манере поведения, походке, мимике, жестам и т. д. Как уже упоминалось, пацаны редко делают татуировку, так как стараются не афишировать свою принадлежность к группировке.

О., преподаватель старших классов одной из казанских школ, так описала типичное поведение пацанов:

Настоящий член группировки, занимающий определенное место в этой иерархии, никогда не будет грубить. Это сама вежливость, он всегда поздороваётся, всегда готов помочь что-то донести, хотя видишь, что это игра на публику, будет ходить на все уроки. То есть де-юре переступать не будет, а что он делает на стороне — попробуйте докажите. Он вот врет, смотрит в глаза и говорит: вы докажите, что я это делаю. А когда спрашиваешь класс, все хором вторят: он этого не делал.

Считая себя частью социального и морального большинства, пацаны разделяют многие предрассудки, свойственные российскому обществу в целом, особенно когда речь заходит о мигрантах. К местным этническим меньшинствам они сравнительно терпимы, но к мигрантам, приехавшим в Казань из других регионов, относятся неприязненно, обвиняя их во всех городских проблемах, включая и разгул преступности. Петя признался:

Я плохо отношусь к выходцам с Кавказа и Средней Азии, потому что из-за таких нелюдей у нас проблемы преступности и наркомании, именно они поставляют в нашу страну наркотики и подсаживают нашу молодежь; наших девчонок угоняют в свои страны и заставляют торговать собой. Нам было бы лучше, если бы таких было бы поменьше.

Члены группировок гордятся тем, что они граждане России, и враждебно отзываются о ее предполагаемых врагах. Айдар заявляет:

Я не люблю те национальности, которые против нашей страны. Я патриот, и если мою страну не уважают, то такие национальности моего уважения не получают. Я не уважаю прибалтов, американцев, чеченцев и т. д.

Национальности, упомянутые Айдаром, — объекты широко распространенной неприязни, которую рождает привычная ксенофобия или антизападная пропаганда, ведущаяся основными СМИ (Левинсон 2009). В этом отношении показательны результаты опросов обще-

ственного мнения, проведенных приблизительно в тот же период, что и наше исследование в Казани в 2005 году. По данным репрезентативного опроса населения РФ, проведенного в 2004 году Левада-Центром, 46 % респондентов хотели бы ограничить проживание на территории России выходцев с Кавказа, а 31 % — выходцев из бывших среднеазиатских республик СССР (Левинсон 2005). Опрос, проведенный той же организацией в 2006 году, показал, что 74 % респондентов были согласны с утверждением, будто «США пользуются нынешней слабостью России, чтобы превратить ее во второстепенную страну, сырьевой придаток Запада» (Левинсон 2006). В опросах общественного мнения США и страны Балтии регулярно фигурируют в качестве основных «врагов» России³².

Члены группировок разделяют общие опасения и предрассудки по отношению к тем, кто считается маргиналами и чужаками. Они не любят не только наркоманов, но и бездомных, беженцев, попрошаек, считая их бездельниками, которые живут за счет местного населения. Гарик негодует:

Злость вызывают и так называемые беженцы, которые просят милостыню на перекрестках и в общественных местах. Руки-ноги есть. Судя по количеству детей, детородные органы тоже в порядке. Так нет, работать не желают. На хера пахать на заводе за 5—6 тысяч, если их можно заработать за неделю. Таких тоже гандошить надо.

Считая себя усердно работающими предпринимателями, члены группировки выказывали презрение к тем, кто не достиг успеха: такие люди, по их мнению, сами виноваты, ничего не могут для себя сделать. Они категорически отвергали идею помощи местным малоимущим со стороны рядовых пацанов или состоятельных авторитетов, хотя с готовностью жертвовали деньги церквям, мечетям и спортивным учреждениям. Отзыв Потапа: «Нищим не помогают, сами крутиться должны».

Почти никто из наших информантов не интересовался российской политикой на государственном уровне: по их словам, она никак не влияет на их жизнь и бизнес. Общее мнение о политиках резюмировал Виктор: «В принципе не нравятся никто, нет таких, кто бы для меня

32 Россия и страны Балтии — тихая перезагрузка отношений [Электронный ресурс] // RU.DELFI [сайт], 4 июля 2011. URL: <http://ru.delfi.lt/opinions/comments/rossiya-i-strany-baltii-tihaya-perezagruzkaotnoshenij.d?id=47253995> (дата обращения: 15 июля 2011).

лично что-то сделал». Впрочем, некоторые наиболее образованные члены группировок ходят на выборы. Они ценят прагматичные, сильные партии, отдавая явное предпочтение «Единой России».

ГРУППИРОВКА И «РУССКАЯ МЕЧТА»

Казанская молодежь стала массово заниматься уличным рэкетом в период кризиса советской плановой экономики и начала рыночных реформ. Реформаторы надеялись превратить российский народ в активных и предприимчивых хозяйствующих субъектов. Но значительная часть населения не получила возможностей вписаться в бизнес: как следствие, люди продолжали цепляться за старые рабочие места и дополнять мизерную зарплату продуктами натурального хозяйства. Группировки же, напротив, с энтузиазмом встретили призыв зарабатывать, не рассчитывая на государство. В этом смысле они были подлинными адептами нового духа капитализма, как они (и многие власть имущие) его понимают, и не оказались маргиналами в новом социальном порядке. Если их советские предшественники типа банды «Тяп-ляп» полагали, что, грабя теневых спекулянтов и коррумпированных работников торговли, они в какой-то степени восстанавливают «социальную справедливость», то бандиты нового поколения считали себя капиталистическими предпринимателями. Они жаждали материального успеха и считали необходимым разрабатывать оригинальные схемы обогащения.

Пользуясь терминологией того времени, можно сказать, что участники группировок хотели влиться в ряды «новых русских». Результаты опросов общественного мнения, проведенных в то время среди российской молодежи, показывают, что пацаны были далеко не одиноки в этом желании: многие респонденты называли обогащение своей основной жизненной целью (Chernysh 2003).

Зарубежные исследователи и СМИ обычно признают группировки, как и мир организованной преступности в целом, источником подрыва общепринятых ценностей. Между тем наши информанты всегда делали акцент на своих предпринимательских целях, а не на преступных средствах их достижения, и считали себя усердными тружениками. Вот как охарактеризовал цель своей группировки Рисат: «Отвоевав для себя место под солнцем, работать и работать». Все информанты видели в незаконной предпринимательской деятельности работу, а не преступление. Многие планировали заработать побольше денег и получить возможность вообще отойти от дел. Айдар, например, за-

явил, что мечтает «укрепить свое материальное положение настолько, чтобы можно было не работать совсем». Подобные планы коренным образом расходятся с этосом воров, которые до последнего вздоха состоят в воровском братстве³³.

ГРУППИРОВКИ И «ГЛУБИННОЕ ГОСУДАРСТВО»

Члены группировок не считают мир враждебным местом, где каждый выживает сам по себе. Напротив, они уверены, что наиболее благоприятные возможности открываются для тех людей, которым удастся завязать широкие социальные связи. С учителями, преподавателями вузов, соседями и даже полицейскими можно и нужно строить хорошие личные отношения. Такая установка делает границу между официальным и неофициальным миром в высшей степени проницаемой.

Пацаны и бандиты в этом отношении не одиноки. Как показал Лео МакКанн, в Татарстане «система неформальных связей пронизывает все секторы хозяйственной жизни; в ней участвуют и представители элиты, и субъекты малого и среднего бизнеса» (McCann 2005, 70).

Для большинства наших собеседников-пацанов создание широкого круга таких связей было приоритетной задачей. Особенно поражало их отношение к сотрудникам милиции. Доносить в милицию о деятельности группировки и содействовать расследованиям строго запрещалось — и в то же время личные связи с представителями правоохранительных органов, а тем более наличие родственников в милиции и прокуратуре считались огромным преимуществом. Приветствовались даже дружеские отношения. Тридцатипятилетний Ильнар не скрывал, что всегда здороваются с местными милиционерами и хорошо ладит с соседом-гаишником. По его словам, у него вообще «нормальные» отношения с «ментами», особенно с теми, кто постарше, так как они «не норовят свою значимость показать, понты не кидают и не куражатся».

Ильсур знаком с сотрудниками МВД по своей работе в частном охранном предприятии. Они, как с гордостью сообщил Ильсур, часто ему помогают:

33 Описывая американские предпринимательские банды, Санчес-Янковски (Sanchez-Jankowski 1991) показал, что бандиты, при всей их безжалостности, в сущности имели ту же цель, что и другие американцы, — материальный успех. Эта установка отражала общую культуру индивидуализма, ценящую конкурентоспособность человека в достижении его личных целей. К таким же выводам пришли исследователи британских группировок (Hall, Winlow and Ancrum 2008; Nightingale 2008; Young 1999, 2007).

Поскольку я работаю в сфере услуг по безопасности, мне приходится тесно общаться с сотрудниками МВД, со многими из них у меня прекрасные отношения. За счет этого я много раз выезжал из неприятных историй, могу позволить себе тонировку в ноль и терпимость гаишников к моему шумомастерству. А раньше, когда связей не было, приходилось терпеть их хамство.

Нормы пацанских группировок кардинально отличаются от традиций воров в законе или обычаев итальянской мафии. Так, калабрийские и сицилийские мафиозные кланы «категорически отказываются принимать в свои ряды сотрудников правоохранительных органов и их сыновей» (Paoli 2003, 125). В Казани такие тесные связи не только не подрывают репутацию участника, но и считаются полезными. В случае «разборки» с соперничающей группировкой помощь дяди или брата, служащего в ОМОНе, может оказаться неоценимой. Среди наших информантов были те, чьи матери, отцы, другие родственники работали в милиции, и это приносило группировкам большую практическую пользу.

Анализируя связи между представителями милиции и группировками, Салагаев, Шашкин и Коннов отмечают:

Исследуемые связи глубоко встроены в социальные сети и процесс создания социального капитала. Таким образом, они не сводятся лишь к финансовой выгоде или борьбе за политическую власть. Иначе говоря, это образ жизни, построенный на взаимном доверии, обмене подарками, традиционных личных отношениях, в которых родство и дружба ценятся выше, чем профессиональный долг (Salagaev, Shashkin and Konnov 2006).

Взаимоотношения между сотрудниками милиции и участниками группировок часто начинаются еще в детстве, возникают на основе соседства или родства. В дальнейшем, продвигаясь по ступеням иерархии в группировке или, соответственно, в органах МВД, люди продолжают общаться и обмениваться услугами. Связи поддерживаются благодаря регулярным встречам, которые обычно проходят на загородных дачах. Непременными атрибутами таких встреч бывают «выпивка, совместная баня, проститутки и другие развлечения». Услуги могут включать бесплатную парковку для сотрудников МВД на контролируемых группировками автостоянках, снабжение строительными материалами, ремонт квартир и организацию бесплатного отдыха. Используя свои обширные связи на региональном уровне,

не, криминальные авторитеты могут ускорить карьерный рост своих друзей в милиции, помочь им трудоустроиться после увольнения или выхода на пенсию.

Российское «глубинное государство» опутано плотной паутиной взаимоотношений представителей власти с участниками незаконных формирований. Деловые, личные и семейные связи простираются здесь от элитных групп до улиц. Молодые люди из группировок, вовлеченные в эти сети с юных лет, не видят смысла рвать сложившиеся отношения и в более зрелом возрасте. Чтобы добиться успеха в российском обществе, они привыкают не только сохранять лояльность к ближайшему окружению, но и расширять связи, играть по правилам, которые задают школа и работа, но при этом разрабатывать полузаконные или незаконные схемы обогащения. Они видят, что окружающие применяют те же жизненные стратегии и считают себя абсолютно нормальными членами общества.

МИР ОТКРЫТЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Российская территориальная группировка существенно отличается и от уличных банд, возникающих в городских трущобах экономически развитых стран, и от тех, которые создают «государства в государствах» в городских фавелах Латинской Америки. Если не считать некоторых этнических преступных формирований, она является частью местного сообщества. В этом смысле она напоминает скорее территориально и культурно ассимилированную сицилийскую и калабрийскую мафии, нежели криминальные уличные группы, описанные исследователями современных банд Северной и Южной Америки (Bourgois 1995; Anderson 1999; Bourgois 2004; McIlwaine and Moser 2006; Hagedorn 2008). Как правило, общий признак членства в казанской группировке — не классовое происхождение, а подростковый опыт приобщения к уличной культуре. Важно, что такие организации не требуют от своих членов полной самоотдачи; из них сравнительно легко выйти или свести свое участие к более или менее номинальному. В отличие от девяностых, когда молодые люди насильно привлекались в местные группировки и не могли покинуть их без серьезных санкций, в нулевых они уже были вольны входить в них и выходить по своему усмотрению.

В Татарстане участники группировок считают себя членами нормативного большинства, разделяют его установки по отношению к меньшинствам или «врагам» страны и убеждены, что занимаются лишь

успешным бизнесом, полагая, что для обогащения и продвижения в обществе любые средства хороши. Не делая ставку на единственную интерпретацию реальности и единственно возможное будущее, связанное с миром насилия и преступности, они критически оценивают существующие варианты, подстраховываются и используют самые разные пути для достижения успеха. Среди них есть студенты, для которых участие в группировке — незначительный побочный бизнес, есть и люди с уголовным прошлым, осознанно выбравшие жизнь вне закона. Молодые рабочие мечтают купить последнюю модель «Лады» и домик в пригороде, честолюбивые профессионалы — «Лексус» и виллу на Кипре. Кому-то группировка предоставляет деловые возможности, кто-то видит в ней скорее клуб для общения. Вступление в группировку не лишает человека социальных и экономических преимуществ, которыми он располагал прежде. Разумеется, молодые люди из неблагополучных и малообеспеченных семей чаще увязают в уличной преступности, а отпрыски образованных и благополучных родителей имеют больше шансов отойти от нее навсегда. Но во всех случаях приобретенные в группировке связи и ее силовой ресурс способствуют, как считается, успешной карьере. А школа жизни, которую дает группировка, прекрасно готовит молодых «выпускников» к будущему, ожидающему их за поворотом улицы, к жизни в российском обществе, с его собственными кланами, специфическими социальными структурами и «группировками».

6

Группировки в местном сообществе

В книге, опубликованной под псевдонимом, но написанной, как широко признано, Владиславом Сурковым, в настоящее время помощником президента РФ, один из персонажей говорит:

Как ни печально звучит, коррупция и оргпреступность — такие же несущие конструкции социального порядка, как школа, полиция и мораль. Убери их — начнется хаос (Дубовицкий 2009, 80).

Действительно, эти явления, по-видимому, неизбежно сопутствующие переходу к рыночной экономике, превратились в структурные элементы социальной системы. Взаимодействуя, различные субъекты насилия создали на местах определенную систему сдержек и противовесов, установив тем самым относительный порядок (Volkov 2002, 21).

Там, где присутствие группировок укоренилось, они стали неотъемлемой частью системы местного регулирования насилия. В этой главе я прослеживаю, как жители Казани и правоохранительные органы использовали в своих интересах силовой ресурс группировок, и касаюсь попыток милиции поставить их под свой контроль. Я характеризую также различные конфигурации власти, созданные группировками и представителями государства в других российских регионах.

СИЛОВЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ

Чтобы укорениться в местном сообществе, группировка должна добиться известного признания со стороны населения, осуществляя сколько-нибудь полезные и культурно приемлемые функции. При этом группировка опирается на богатое наследие негосударственного социального регулирования в России, на давние исторические традиции низового насилия, сложившиеся как следствие слабости государства или преднамеренного делегирования им ряда функций по охране правопорядка в эти социальные страты. Впрочем, Россия тут далеко не уникальна. Во всем мире элементы народного правосудия и народного насилия наблюдаются в тюрьмах и других низовых структурах, регулирующих на свой лад общественный порядок, в преступных уличных сообществах и мафиях — во всех объединениях, где, по словам Джонатана Спенсера, существует «система восприятия, использующая сочетание справедливости, насилия, демократии, абсолютной власти и, нередко, маскулинности» (Spencer 2008, xii).

Традиционная крестьянская община не только отвечала за совместное управление общинными землями и за благосостояние своих членов, но выполняла также основные полицейские (включая учетно-регистрационные), судебные и фискальные функции (Shanin 1986, ch. 1). Как указал М. Галеотти, в конце XIX века

общине предоставлялось право (или даже вменялось в обязанность) самостоятельно поддерживать общественный порядок, а самодержавное государство вмешивалось только в наиболее серьезных случаях, применяя крайнее насилие ради того, чтобы предотвратить преступления (Galeotti 2008, 90).

Жестокие формы общественного контроля вроде самосуда защищали общину от собственных и посторонних злоумышленников — конокрадов, поджигателей и др. Начиная с 1930-х годов советская власть активно использовала местную общественность и трудовые коллективы в качестве посредника между государством и обществом (Kotkin 1995; Kharkhordin 1999). Роль неформальных агентов правосудия была возложена на «товарищеские суды» — организации по месту жительства или работы, наделенные значительными полномочиями в области дисциплинарного воздействия на местных нарушителей, «тунеядцев», алкоголиков и дебоширов, которых часто изгоняли с работы (даже с места жительства, обрекая на бездомное существование (Stephenson 2006).

В тюрьмах и лагерях функции неформального общественного контроля брали на себя воры в законе. За тюремными стенами у воров были свои «суды», где нарушителей судили по воровским понятиям. В 1990-х годах воры активизировали неформальное поддержание порядка и отправление правосудия в районах с устойчивым присутствием преступного сообщества. Так, на Дальнем Востоке воры могли наказывать преступников, не связанных с их организациями, не говоря уже о членах собственного сообщества, совершивших акты беспредела, крайнего насилия, запрещенные воровскими понятиями, — например, жестокое нападение на женщину, ребенка или их убийство. Известный вор в законе Евгений Васин (Джем) и его соратники, имевшие ранее существенное влияние в Комсомольске-на-Амуре, создали «зону неформального порядка, частично заменяющую государственные судебные органы» (Holzlehner 2007, 76). У Джима была своя приемная, где он выслушивал жалобы и выносил приговоры.

Изучение преступных молодежных уличных группировок, существовавших на окраинах Москвы в середине 2000-х годов, показало, что в некоторых районах «отставные» члены воровского сообщества выступали в роли экспертов по насилию. Они консультировали и наставляли молодых людей, вовлеченных в территориальные драки, а иногда помогали мобилизовать для них дополнительных бойцов. Они также могли подсказать способ урегулирования ситуации в случае преступления против местного жителя (Stephenson 2012). Аналогичные местные структуры неформальной криминальной власти существовали в Ереване и Тбилиси (Koehler 1999; Захарова 2010; Пономарева 2014).

В 1990-х годах некоторые бандитские группировки фактически превратились в субъектов местной власти, оказывая местным жителям материальную помощь и занимаясь регулированием насилия. Казанская «Жилка», например, в своем микрорайоне (Жилплощадка) выдавала наименее обеспеченным жителям финансовую помощь из общака. В 1993—1995 годах лидер группировки Хайдер организовал бесплатную выдачу бедствующим пенсионерам и семьям картофеля и капусты с овощных складов, подконтрольных группировке. Обеспечивая безопасность многоквартирных жилых домов, «Жилка» установила в подъездах металлические двери. Во дворах были оборудованы детские площадки. «Жилке» удалось почти ликвидировать в контролируемом микрорайоне уличную преступность, и милиция обращалась к группировке за помощью в расследовании наиболее громких краж. Группировка возвращала владельцам похищенные ценности, но личности преступников не раскрывала. Известно, что

Хайдер звонил сотрудникам милиции и поздравлял их с днем рождения. Проникновение группировки в местное сообщество создало огромные проблемы, когда власти начали расследование деятельности «Жилки», — никто из местных жителей не желал сотрудничать со следствием. На судебном процессе по делу группировки люди соглашались давать показания только при условии гарантии защиты свидетелей. Действительно, показания давались по видеосвязи; голоса свидетелей были изменены; многие, чтобы себя не выдать, пользовались париками, накладными усами и бородами. Запомнился особенно комичный случай: местный театральный гример загримировал одного из свидетелей под Николая Васильевича Гоголя (Беляев, Шептицкий 2012, 225—226; Сафаров 2012, 79—80)³⁴.

Хотя к середине 2000-х попытки создать анклав, управляемые группировками, в основном прекратились, ОПГ продолжают считать себя оплотами порядка и нравственности в местном сообществе. По словам пацанов, они соблюдают правила — «понятия», в то время как окружающие не имеют надежного морального компаса и часто норовят скатиться в беспредел. Пацаны считают себя вправе наказывать наркоманов и не связанных с группировкой преступников. Такое отношение к наркоманам парадоксально, поскольку многие пацаны сами употребляют наркотики и занимаются их распространением. Важно, однако, то, что во многих группировках это запрещено понятиями — нарушители действуют подпольно, на свой страх и риск. Наркоманы, согласно понятиям, «загрязняют» местную территорию. Так же, как городские власти, проводящие в преддверии важных торжеств — скажем, накануне празднования тысячелетия Казани в 2005 году или Всемирной летней универсиады 2013 года — зачистку города от бомжей, нищих и ранее судимых, группировка время от времени зачищает свою территорию. Это подтвердил, среди прочих, Айдар:

34 Постсоветская организованная преступность 1990-х имела много общего с криминальными организациями в других странах: там группировки тоже назначали наказания за преступления против местных жителей, выступали посредниками в спорах и вообще заменяли неэффективное или отсутствующее государственное правосудие. Так действовала сицилийская мафия (Blok 1974; Atlacchi 1988; Catanzaro 1992; Hess 1998; Paoli 2003; Wilson 2009) и американская «Коза Ностра» (Abadinsky 1994). В трущобах американских городов криминальные банды часто заменяли или дополняли государственное регулирование (Venkatesh 2000). Исследования, проведенные в Латинской Америке, показывают, что банды, являясь основным источником насилия в обществе, могут тем не менее обеспечить жителям защиту от посторонних преступников и других банд; они способны налаживать эффективные связи с различными сегментами государства и общества, получая определенную власть на местном уровне (Winton 2005; Arias 2006 а, б; Rodgers 2006).

Мы не любим наркоманов и периодически устраиваем зачистки, чтобы на нашей территории их было как можно меньше.

Казанские группировки проводят также операции против наркодилеров. Рассказывает Гарик:

На нашей территории частенько стали появляться наркоманы — соответственно участвовали мусоровские облавы. Первым делом выяснили точки, на которых нарки приобретали отраву. Эти точки просто выставили, измудохали барыг и забрали товар. А после этого выцепляли нариков и мудохали уже их, чтобы не возникло желания появляться в нашем районе.

Преступления, совершенные чужаками, проходят по разряду беспредела, так как территория принадлежит группировке. Моральные рассуждения подобного рода, как обычно, неотделимы от прагматических соображений. Члены группировок признавались, что искореняют беспредел главным образом с целью избежать повышенного внимания к их территории со стороны милиции. Свидетельствует Женя:

Мы пресекаем беспредельные выходки на нашей территории, которые могут нам повредить. К примеру, если кто-то не из наших занимается гоп-стопом на нашей территории и своими действиями натравливает на нас милицию.

Хотя посторонние преступники наказываются за воровство и грабеж, своим участникам подобные преступления не возбраняются: «пацанам же надо кормиться», сказал один из наших информантов.

КАЗАНСКИЕ ГРУППИРОВКИ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК: МНЕНИЯ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ

Присутствие группировок порождает в местных жителях чувство страха и неуверенности. Наши респонденты в Казани неизменно подчеркивали, что с окончанием периода бандитского насилия девятностых жизнь стала намного лучше. Тем не менее некоторые из них считали группировки «необходимым злом», сдерживающим в определенных обстоятельствах тотальный хаос беспредела. Восемнадцатилетний Айрат, не входящий в группировки, дал следующий комментарий:

Я бы сказал, что в группировках беспредел не приветствуется. Если бы группировок не было, то насилия и беспредела стало бы больше: люди все равно занимались бы тем, чем сейчас занимается ОПГ, но те хоть как-то контролируют ситуацию. Например, не дают грабить и избивать пенсионеров, деньги у них отнимать.

Некоторые из подвергшихся бандитскому «налогообложению» предпочитали эти пусть вынужденные, но умеренные и предсказуемые платежи угрозе спорадического вымогательства со стороны других преступников. В условиях, когда правовое государство в его современном понимании отсутствовало, «покровительство» группировок давало людям ощущение стабильности. Таксисты, например, говорили о «душевном спокойствии», которое обрели благодаря «крыше». Ее наличие вовсе не означало уверенности, что безопасность гарантирована им при любых обстоятельствах, — крыша скорее была необходимым условием работы. Крышуемые были включены в местный порядок, и, пока отношения между различными субъектами власти сохраняли равновесие, могли спокойно заниматься экономической деятельностью. Как в любой относительно устойчивой социальной системе, такое положение дел считалось естественным. Люди не представляли себе иного образа жизни: «а куда деваться?», «все платят», «если бы мы не платили “Жилке”, другие пришли бы с поборами». Несмотря на многочисленные доказательства противоположного, у людей все-таки была надежда, что «крыша» поможет в случае кризиса и защитит от насилия и недобросовестной конкуренции. Какой бы призрачной ни была бандитская опека, некоторые предпочитали иметь дело с группировками, а не с коррумпированными сотрудниками милиции, которые, как считалось, просто отбирали у людей деньги без каких-либо — пусть и самых призрачных — обязательств предоставить защиту.

Схожие настроения наблюдались и в других российских регионах — например в Саратове (Ries 2002, 284, 305). Исследования, проведенные в 1999 году в Комсомольске-на-Амуре и других городах Дальнего Востока, показали, что местные жители и предприниматели считали бандитскую «крышу» необходимым институтом, который способствовал решению их личных и деловых проблем (Бляхер 2012).

В Казани нам также не раз доводилось слышать, что группировки предпочтительнее других агрессивных молодежных групп: скинхедов и т. п. Скажем, Фаниль в беседе с нами заметил: «Скинхеды — та же самая группировка, но более зверская. Пацан может подстроиться под общество, а скинхед — вряд ли».

Неоднозначное отношение к частным агентам насилия сосуществует с неверием в эффективность государственной защиты. Многочисленные опросы общественного мнения показали, что значительная часть россиян не доверяют правоохранным и судебным органам. Так, по данным опроса общественного мнения, проведенного в 2004 году в Татарстане, на вопрос о том, к кому человек прибегнет для защиты своих интересов, лишь 22 % респондентов ответили, что обратятся в милицию, и только 18 % были готовы обратиться в органы государственной власти. 30 % сказали, что пойдут в суд. В то же время 16 % вообще не знали, что предпринять, а 21 % заявили, что не будут делать ничего (Табеев 2007, 107).

По результатам опроса потерпевших, проведенного в конце девяностых в нескольких регионах России, люди чаще всего обращаются в правоохранные органы в случае угона автомобиля (примерно 80 %), прочих видов кражи (40 % случаев) и ущерба имуществу (30 %). В случае телесных повреждений или мошенничества лишь 25 % потерпевших обратились в правоохранные органы, и только 20 % сделали это в связи с серьезной опасностью, включая угрозу убийства. Доля жертв вымогательства и хулиганства, обратившихся в правоохранные органы, была еще ниже: около 10 и 15 % соответственно (Долгова 2003, 388, прим. 1).

Решение прибегнуть к местным авторитетам может объясняться недоверием к институтам правопорядка. Людям, которые по какой-то причине не хотели идти в милицию, потому что она, по их мнению, затянула бы следствие или вообще никак не отреагировала, проще было искать помощи у группировок — особенно если они знали кого-то лично или через знакомых. Можно было попросить местных пацанов защитить от нападков других группировок или помочь найти похищенное имущество. Вот случай, описанный Потапом:

Я знаю авторитета с другой улицы. К его отцу приходили знакомые и просто соседи, чтобы он попросил сына помочь с ремонтом дома, — хотели, чтобы он начальника ЖЭКа схватил за жопу и заставил делать ремонт. Вроде так вопрос и решился.

Похожую историю рассказал Кирилл:

Отец частенько пользуется моим положением. Вот недавно — еду с работы, отец звонит: «Мне нужны вечером пацаны». Оказывается, ему кто-то нахамил, и он хочет его наказать. Короче, батя почувствовал себя таким Доном Корлеоне.

Группировка становится частью глубоко персонифицированной системы отношений, позволяющей использовать насилие для разрешения личных конфликтов. Хорошие отношения с ее членами могут существенно облегчить жизнь местным жителям.

В то же время — в этом ее отличие от сицилийской мафии (Catanza 1992, 92) и даже от российского воровского сообщества — группировка не стремится монополизировать применение силы на подконтрольной территории и подменить собой официальные органы власти в отправлении правосудия. Хотя в девяностых, как мы уже видели, группировки иногда пытались установить тотальный контроль на своей территории, в настоящее время они, как правило, осуществляют только взаимовыгодные операции, а бесплатно помогают лишь людям своего круга. Комментарий Гриши:

К взрослым пацанам просто так не обратишься, они же не депутаты, прием населения не устраивают. Если с ними кто-то контактит, то строго по делу. На улице действует принцип «ты мне — я тебе». Например, если коммерс просит защиту, то платит. А если, допустим, кто-то пришел просить денег взаймы — тут не банк, кредиты никто не дает.

При отсутствии верховенства закона готовность граждан подчиняться негосударственным агентам насилия подкрепляется прагматическими соображениями. В конце концов, коррупция и хищничество в России — удел не только властных групп, ими пронизано все общество. Незаконные действия группировок и обычных граждан, организованное преступное и личное насилие здесь тесно переплетены. Таксисты, например, рассказывали, как они прогоняли конкурентов, пытавшихся брать пассажиров на «их» территории. Для решения вопроса достаточно было поговорить с представителями местных группировок, а иной раз — просто пригрозить таким разговором. Нам рассказывали и о бизнесменах, которые натравливали группировки на бывших партнеров и сотрудников, пытавшихся переманить клиентов в собственные компании.

ГРУППИРОВКИ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

В 1990-х, когда государственные правоохранительные органы были сравнительно слабы, их представители иногда сами становились жертвами запугивания со стороны группировок и поневоле вступали с ними в переговоры. Сотрудник милиции М. рассказал о таком случае:

Когда у меня была своя фирма, пришли ко мне четверо: они, мол, здесь живут, это их территория, и я должен им платить. Я сказал: «Если сможете меня огородить от самых крупных группировок в Казани — “Хади-Такташа”, “Кварталов”, “Центральных”, — приходите, буду вам платить. А вообще у меня к вам предложение: можете прийти ко мне за помощью, если вас посадят, и я сделаю так, чтобы вам сроки скостили». Один из них был Павлюхинский — он, видать, меня узнал. Они молча встали и ушли, и больше я их не видел.

К середине 2000-х влияние группировок уменьшилось, однако они по-прежнему признавались субъектами местной неформальной власти и имели определенные договоренности с милицией. Группировки были заинтересованы в стабильных условиях для ведения бизнеса, а для милиции они в какой-то мере были инструментом обеспечения порядка на местах.

Салагаев, Шашкин и Коннов (2006) приводят показательную цитату из интервью с бывшим сотрудником казанских правоохранительных органов Р.: «У каждой организованной преступной группы есть своя территория. Когда совершается преступление, в первую очередь связываются с группой, контролирующей данную территорию». Наши интервью подтвердили, что сотрудники милиции часто контактировали с высшими эшелонами группировок (авторитетами и смотрящими), чтобы отслеживать действия группировок и контролировать преступность. Такие контакты нельзя списывать только на коррупцию. Многие сотрудники милиции серьезно относились к своим должностным обязанностям и использовали любые связи для снижения уровня преступности и насилия. Начальник следственного отдела РОВД в беседе с нами пояснил:

Молодежь в ОПГ совершает в основном грабежи, причем даже не из-за денег, а чисто из куража: ведь они — члены группировки, им все можно делать. Из таких же побуждений нападают на своих сверстников — например, недавно на базаре подошли к одному парнишке, потребовали денег, он не дал, они его избили и отняли мобильник. Или из куража делают налеты на магазины. Все это мы ставим на вид старшим, и они буквально заставляют своих молодых заниматься легальным бизнесом — потому что на своей территории не надо мусорить. Следующий вид преступлений — мордобой, когда идут кого-нибудь наворачивать или нахлобучивать. Но в целом в среде ОПГ все разногласия стараются решать мирным путем; прекрасно понимают: если что не так, у них будут крупные проблемы, их могут закрыть [посадить], могут лишить

имущества. Поэтому стрельба и разборки происходят только в самых тупиковых ситуациях.

Еще один информант, М., сотрудник другого районного отделения милиции, сообщил:

В структуре ОПГ вся связь молодежи со старшими происходит через смотрящих — лиц, которые контролируют каждый из возрастов ОПГ. Мы тоже пользуемся этим — например, когда младшие начинают шалить, создают проблемы, я просто вызываю к себе смотрящего и говорю: «У тебя вот, вот и вот, реши проблему!» Если результата нет, то вызывает еще более высокостоящий смотрящий. Обычно срабатывает.

Казанский следователь Н. уточнил:

Мы знаем их, они знают нас, и если что происходит, то старшие члены ОПГ сидят у меня, и я им жестко говорю: «Пацаны, решайте проблему, если не решите, то я буду ее решать сам. Но тогда разбираться не буду, кто из вас прав, а кто виноват, закрою ваши точки, заберу машины на штрафстоянку, потом год за мной бегать будете и т. д.» Это обычно действует, и они сами говорят: «Проблему сами решим, все будет нормально».

Использование милицией связей с авторитетами и смотрящими для сдерживания младших участников группировок стало важным инструментом в борьбе с преступностью. Более того, члены группировок, вообще-то не любящие представителей правоохранительных органов, признают их необходимость. Оценка Цыгана:

О мусорах многие плохо отзываются, но они свою работу делают; если бы их не было, то творился бы полный беспредел.

МЕРЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА УЛИЧНЫЕ ГРУППИРОВКИ

Российские правоохранительные органы практикуют разнообразные подходы к уличным организациям. В текущей работе сочетается расследование уголовных дел по серьезным преступлениям, отслеживание состава ОПГ посредством постановки на учет и оперативного контроля за их участниками, а также попытки «исправить» кого-либо из них и вернуть его в общество. Используются и такие методы, как

«разобшение» группировки (подрыв единства), изоляция лидеров. Сотрудники МВД проводят беседы с подростками и их родителями, пытаются убедить юношей прекратить общение с другими членами группировки. Иногда они распространяют слухи, призванные посеять в ней рознь.

Приняв решение об активизации усилий по контролю над группировками, МВД Татарстана положило в основу своей работы три метода: во-первых, улучшение координации между различными правоохранительными органами; во-вторых, создание единой базы данных преступного мира, охватывающей участников всех группировок; в-третьих, демонстрация эффективности государственной власти. Так, реагируя на информацию о подготовке серьезных преступлений или разборок с применением оружия, министерство провело показательные спецоперации: массовые обыски и задержания, зачистки в местах встреч, а также досмотр автомобилей сотрудниками Госавтоинспекции. Демонстрируя силу, сотрудники милиции заставляли членов группировок на глазах посетителей кафе и ресторанов ложиться на пол (Сафаров 2012, 49).

Работники органов правопорядка проводят подобные и более рутинные операции время от времени. К их числу относятся специальные рейды — когда в местах сбора группировок задерживают всех присутствующих, проверяют их документы и фиксируют соответствующие данные. Такие рейды иногда проводятся по вызову местных жителей, которые сообщают о скоплении молодежи во дворе. Наряды прибывают на место, оцепляют территорию и задерживают всех пацанов, которым не удалось скрыться. Задержанным предъявляется обвинение в мелком хулиганстве или в нарушении общественного порядка. Тех, кому еще не исполнилось четырнадцати лет, отправляют в подразделения по делам несовершеннолетних, остальными занимаются отделы уголовного розыска, в составе которых есть специальные подразделения по борьбе с организованной преступностью.

Основной инструмент надзора и контроля за состоянием организованной преступности — постановка на учет в органах внутренних дел. Административно-полицейская регистрация еще с советских времен стала в России ключевым нормативно-правовым механизмом (Holquist 1997, 2000); органы внутренних дел считают, что она способствует предотвращению правонарушений и исправлению правонарушителей. Как сказал нам сотрудник следственного отдела А., «сам акт ареста и регистрации молодого человека призван иметь определенный воспитательный эффект». Другие наши собеседники из правоохранительных органов также не сомневались в профилактической

действенности постановки на учет. Мнение сотрудника прокуратуры Татарстана Б.:

Превентивная составляющая функционирует следующим образом: на пойманного члена ОПГ заводится учетная карта и так называемое оперативное дело; оно реализуется, то есть превращается в уголовное дело, и дальше его протаскивают через суд. Других методов борьбы с группировками не существует не только у нас, но и во всем мире. Это самые эффективные меры.

Участников группировок ставят на учет на шесть месяцев. Если по истечении этого срока оказывается, что у них не было новых задержаний, то при наличии положительной характеристики с места работы или учебы их с учета снимают. Для принятия решения об удалении члена группировки из базы данных сотрудники органов внутренних дел опрашивают соседей о его поведении. При отсутствии сдвигов в положительную сторону срок продлевается. После постановки на учет несовершеннолетние отправляются на «перевоспитание», которое, как правило, заключается в беседе с инспектором. Далее о случившемся информируют родителей и школу. Нарушителей могут также пригласить в прокуратуру на заседание межведомственной рабочей группы по взаимодействию в сфере профилактики преступлений и правонарушений несовершеннолетних. В эту группу входят представители прокуратуры, председатель комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при районной администрации, представители военкомата и районного отдела образования. Несовершеннолетние участники группировок присутствуют на заседании с родителями. Цель — поставить их под эффективный общественный контроль. По отзывам самих пацанов, эти рутинные меры малоэффективны. Вот что рассказал в этой связи Влад:

С ментами я сталкивался, когда нас забирали из нашего двора. Это было несколько раз, и в конце концов меня оформили как члена ОПГ «К». Вели они себя нормально, как обычно, — без ласки, но не били, просто хотели выполнить план по борьбе с организованными преступными группировками. Провели беседу, взяли отпечатки пальцев, сняли на камеру и отпустили. За серьезные нарушения меня ни разу не брали.

Многие пацаны воспринимали профилактические беседы инспекторов, обычно перегруженных работой, как чисто бюрократическую процедуру. Тем не менее складывается впечатление, что в какой-то степени система работала. Наши информанты прекрасно понимали,

что постановка на учет в органах внутренних дел может иметь для них нежелательные долгосрочные последствия, так как не позволит претендовать на целый ряд престижных должностей в государственном секторе. Похоже, угроза постановки на учет все же частично сдерживала насилие; пацаны предпочитали действовать незаметно, не привлекая излишнего внимания милиции. Родители, не подозревавшие, возможно, чем их отпрыск занимается в свободное от учебы время, после извещения о постановке его на учет также могли воздействовать на него в нужном направлении.

Как правило, участники уличных группировок привлекаются к ответственности за мелкие правонарушения: нарушение общественного порядка и хулиганство, включая драки или нецензурную брань в общественных местах; а также за кражи и преступления, связанные с наркобизнесом. Вообще говоря, в соответствии со статьями 209 и 210 Уголовного кодекса создание ОПГ или ОПС, как и участие в них, — это преступление. Однако никто не подвергается уголовному преследованию и лишению свободы только за участие в группировке — например, за общение с ее членами или ношение ее символики. У российского правосудия нет таких инструментов, как предписания суда за злостное нарушение общественного порядка (ASBO) и судебные запреты в отношении группировок (gang injunctions), практикуемые в Великобритании; нет, как в США, запретительных судебных приказов (restraining orders) и аналогичных мер, практикуемых в странах Западной Европы (Hallsworth 2011).

Достаточно гуманная российская система реабилитации и общественного контроля подрывается и дискредитируется, однако, преступным поведением некоторых правоохранителей. Казанские органы внутренних дел печально известны своими жестокими методами. Широкую огласку получило чрезвычайное происшествие в казанском отделе полиции «Дальний», где в 2012 году подозреваемый был изнасилован бутылкой из-под шампанского и от полученных травм скончался. По словам членов группировок, имеющих личный опыт задержания, насилие (или угроза его применения) и вымогательство были обычной практикой в отделах внутренних дел Казани. Особенно часто насилие применяется, если милиционерам нужно добыть доказательства совершения преступления. Наши респонденты описали различные случаи, произошедшие с ними и их товарищами в отделениях милиции. Отзыв Кошмара:

Ведут милиционеры себя как обычно, особой любви не чувствуется, бьют редко, больше угрожают учинить экзекуцию. Если берут не группой,

а одного, за хулиганку, пьянку, нецензурную брань, то вымогают деньги, угрожают физическим насилием.

Нафик подтвердил:

Забирали меня часто — обычно со сходимья или за пьянку. В милиции снимают отпечатки пальцев, делают фотографии для оперативно-розыскной базы, отбирают деньги. За пьянку держат всю ночь и отпускают под утро. Мусора ведут себя грубо, нежных не встречал.

Более подробный комментарий Таджики:

Забирают часто. Если это первый раз, играешь на рояле [снимают отпечатки пальцев], фотографируют для базы. Потом уже просто по базе пробирают, кто ты и откуда. За серьезные дела я лично не попадал, на учете не состою, брали просто по подозрению в совершении преступления — грабежа. Подержат пару часиков, потом отпускают. Пацанов с нашей улицы забирали со сходимья, там уж мурыжат по полной, обычно не бьют, орут только, прикалываются. Бьют, когда хотят под статью подвести, — тогда используют дубинки, бьют по почкам.

Айдар, вспоминая время, когда он был молодым пацаном, заметил, что обращение милиционеров зависело от характера правонарушения и от отношения конкретных сотрудников:

Основное мое общение с ментами пришлось на период, когда я начал осваиваться во дворе, но милиция тогда была очень слаба, дышать было гораздо легче, и на сходимьях собираться гораздо проще. Отношение у них к нам всегда было неприязненным, но они, как и мы, понимали: простой постановкой кого-то на учет как члена ОПГ положения не исправить. Поэтому за сходимьяки обычно сильно не мариновали. Прессовали обычно тех, кто попадался по статье, таких могли надолго закрывать и раскручивать дело. Но я с таким не сталкивался, слышал только от товарищей, которые так попадались. Кроме того, мент менту рознь: среди них встречаются люди, готовые с пацанами работать и их не прессовать.

Характерное для советского периода нежелание включать молодежное групповое насилие и преступления в контекст «организованной преступности» сохраняется по сей день. Так, в Ульяновске, где в середине 2000-х уличные группировки вновь заметно оживились, правоохранительные органы долгое время отрицали рост молодеж-

ной организованной преступности. Массовую драку в марте 2006 года между двумя крупными группировками — «Кузинскими» и «ЦентрКамазом», — в ходе которой три человека погибли и пятнадцать получили ранения, начальник областного УВД Валерий Лукин квалифицировал как «обычное выяснение отношений». Показателен в этом отношении следующий репортаж:

Лишь в самом конце 2006-го власти Ульяновска признали, что есть основания для беспокойства. А милицейское начальство даже озвучило известный каждому школьнику факт: «В городе девять молодежных группировок», но тут же оговорилось, что «называть их преступными у нас нет оснований». Была проведена операция «Лавина» — в отчете указано, что задержано около 7 тысяч человек. На деле операция вылилась в бессмысленное отлавливание всех подряд» (Юрьева, Илюхина 2007).

Нерешительные, на первый взгляд, попытки борьбы с участием молодежи в группировках можно объяснять слабостью и неэффективностью государства. Однако есть и объяснения культурно-исторического характера. В России широко распространено мнение, что коллективная уличная жизнь — это «естественный» элемент воспитания молодежи; что в конце концов молодые люди взрослеют, устраиваются на работу, обзаводятся семьями и бросают уличные группы. Кроме того, ожиданию, что взросление пойдет по традиционному пути, в Татарстане способствовали сравнительно низкий уровень безработицы и сохранявшееся наличие рабочих мест в промышленном секторе — наши респонденты не раз выражали эту точку зрения.

Российская политика в отношении молодежных уличных организаций похожа не столько на карательные методы современных англосаксонских государств (Hallsworth and Lea 2011), сколько на систему наказаний, характерную для промышленно развитых стран в XX веке, когда принуждение сочеталось с дисциплинирующим воздействием общественного контроля (Garland 1985). В России молодежные уличные организации изначально не ассоциируются с этническим и расовым «другим», который признается потенциально опасным (отношение к этническим мигрантам стало ухудшаться разве что в последнее время). Взгляд на подростков, проводящих время в группировках, объясняется по большей части патерналистским пониманием детства: считается, что они встают на преступный путь исключительно из-за тлетворного воздействия СМИ и интернета, а вообще-то улице может и должен противостоять контроль со стороны родителей и школы. Уличная группировка часто считается не чужеродной организацией,

противостоящей добропорядочным горожанам, а формой подростковой коллективной жизни, расширенной формой дружеской компании, играющей на улице, и «естественной» формой социальной жизни как таковой. Показательно, что на семинаре по групповой преступности несовершеннолетних, проведенном в Москве в 2006 году, одна из приглашенных, инспектор по делам несовершеннолетних районного отдела внутренних дел, удивлялась: «Молодежные шайки? А в чем проблема? Мы все живем в шайках». В ее реплике прозвучало не только странное равнодушие к этому феномену, но и глубокое социологическое понимание российского общества. Какими бы ни были причины делинквентного поведения подростков, считает этот инспектор, — плохое воспитание, отсутствие контроля со стороны педагогов или пагубное влияние телевидения и интернета — само существование шаек остается пусть нежелательным, но естественным и неизбежным явлением.

Хотя российские власти ужесточили меры по борьбе с хулиганством и другими формами уличной преступности, им еще предстоит, как то произошло в других странах, перестроить язык описания уличных группировок и квалифицировать их как группы опасных аутсайдеров. По большому счету, молодежная группировка все еще остается частью общества, и ее воспринимают как таковую. Но ситуация может измениться. Если Россия пойдет по пути углубления экономического неравенства и социальной эксклюзии, это приведет к возникновению пространственно и социально сегрегированных неблагополучных районов — тогда, скорее всего, группировки пойдут по международному пути развития и все чаще станут участвовать в торговле героином и другом незаконном обороте наркотиков (Venkatesh 2006; Hagedorn 2008; Rodgers 2009). Это наверняка приведет к росту насилия, характерного для наркоторговли (Goldstein 1985), и, соответственно, к отчуждению группировок от общества, а значит, и к значительному усилению репрессий в их отношении.

ГРУППИРОВКИ В ДРУГИХ РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

В период своего расцвета в Казани девяностых и первой половины нулевых группировки, с одной стороны, были глубоко встроены в местное сообщество, где пользовались немалым влиянием; с другой стороны, их власть существенно ограничивали государственные структуры и институты современного общества. В этой большой городской конгломерации, где действовали самые разные автономные силы и груп-

пы влияния, никто не мог монополизировать власть — ни какая-либо банда, ни государственные силовые ведомства. В других социальных экосистемах — например, в малых городах и селах — одна-единственная группировка может подмять под себя государственную власть или полностью ее коррумпировать, сделавшись на этой территории абсолютным сувереном. Именно это произошло на юге России в станице Куцевской Краснодарского края, где местная группировка, возникшая в начале девяностых, при поддержке представителей правоохранительных и судебных органов стала постепенно фактически единовластным правителем. Она экспроприировала земли фермеров, занималась рэкетом, имела своих представителей в местных органах власти и пользовалась полным иммунитетом от судебного преследования (даже в случаях изнасилования местных девушек). Группировка активно втягивала в свои ряды местную молодежь, особенно подростков из интерната для детей-сирот и профессиональных училищ, которые принимались в ее состав после прохождения соответствующего ученичества. В этом сравнительно небольшом населенном пункте, где к 2010 году проживало около 28 тыс. человек, группировка создала систему почти тотального контроля. Уголовное дело против нее было возбуждено только в 2010 году, когда убийство двенадцати местных жителей, в том числе четырех детей, совпало по времени с присутствием в станице съемочной группы из Москвы, которая и сообщила миллионам телезрителей об этой трагедии. Такая широкая огласка способствовала привлечению ключевых участников ОПГ к уголовной ответственности. Тогдашний губернатор Краснодарского края Александр Ткачев признал, что схожие бандитские группировки существуют во всех районах края³⁵.

Режим, установленный бандой в станице Куцевской, — яркий пример срачивания властных структур, поскольку руководство преступной группировки полностью интегрировалось в местную элиту не только на официальном, но и на личном уровне. Лидер ОПГ Сергей Цапок был близким другом главы Регионального управления по борьбе с организованной преступностью (РУБОПа), который стал крестным отцом одного из его детей. Цапок был также депутатом местного совета и даже присутствовал в составе краевой делегации на инаугурации президента Дмитрия Медведева в Москве. Подруга Николая Цапка, другого

35 Губернатор Кубани признал существование банд во всех районах края [Электронный ресурс] // Лента.ру [сайт], 21 ноября 2010. URL: <http://lenta.ru/news/2010/11/24/bands/> (дата обращения: 1 января 2013).

лидера ОПГ, была судьей. Опираясь на свою практически безграничную власть, группировка взяла под контроль местную экономику, обложив данью большинство предприятий и экспроприировав земли многих фермеров, которые затем включила в состав собственного легального агрохолдинга. Местные жители боялись выступить против членов группировки, а жалобы пострадавших в милицию игнорировались. Бандиты жестоко наказывали тех, кто осмелился пожаловаться. Даже педагоги школ и местных училищ были не в состоянии защитить своих учеников от бандитов, которые врываются в классы и общежития и насильно забирали понравившихся им девочек для сексуальных утех. Когда ректор находящегося в Кушевской Северо-кубанского гуманитарно-технологического института Галина Крошка пожаловалась в Москву на творящиеся бесчинства, комиссия, присланная расследовать дело, не только не обнаружила каких-либо противоправных действий, но еще и выявила нарушения в финансовой отчетности института. Ректор была арестована и осуждена за выдачу студентам фальшивых дипломов, для банды же никаких последствий не наступило. Похоже, группировка только однажды превысила пределы своей власти, когда совместно с главой РУБОПа начала воровать нефть из нефтепровода на границе Краснодарского края и Ростовской области. Этот прибыльный бизнес пришлось прекратить, так как владельцы нефтепровода — компания «Транснефть» — быстро обнаружили утечку. Группировке и кушевской милиции, обеспечивавшей безопасность данной операции, дали понять, что «нефть — это пока не их уровень». Ростовская областная ФСБ даже начала проверку, которая быстро и безрезультатно завершилась. К ответственности никого не привлекли.

Многим жителям Кушевской было свойственно то же настроение, какое мы встречали в районах Казани, где активно действовали группировки, — они смирились с неизбежностью жизни под гнетом преступников и предпочитали хотя бы видимую стабильность войне всех против всех. Журналист «Новой газеты» вскоре после ареста ключевых фигур банды Цапков побеседовала с местным жителем. Его взгляд на происходящее пессимистичен:

Вы спрашиваете: как мы жили? А нормально жили. Потому что были правила игры: «На Цапка восстанешь — растопчем». Они были волки, но санитары. Все боялись высовываться, и можно было тихо жить. А теперь — начнется передел власти, передел цапковской и подцапковской земли, польется кровь — и придут другие. Их уже ждут. Это же не вопрос силы одной ОПГ. А вопрос сознания. Тут привыкли так жить. И тут будут так жить. С Цапками или без (Костюченко 2010).

Кушевский скандал привлек внимание общественности к другим случаям безраздельной власти бандитов в регионах России. В 2010 году группа граждан из города Гусь-Хрустальный Владимирской области обратилась с письмом к Владимиру Путину, жалуюсь, что мафия захватила ключевые посты в городе, а на его улицах давно творится беспредел, как в девяностых. Всплеск преступного насилия начался после избрания нового мэра, который привлек на работу в местную администрацию людей с уголовным прошлым. Они быстро решили прибрать к рукам местный бюджет и частный бизнес. Тех, кто отказывался платить новой «крыше», преследовали и избивали; их магазины и предприятия поджигали. Авторы письма указывали, что милиция закрывала глаза на эти беззакония, а то и пособничала бандитам, которые действовали совместно с городской администрацией. Помимо прочего, бандиты пытались навязать «крышу» местному отделению государственной электроэнергетической компании — наглость, неслыханная даже для девяностых.

В Новосибирске вице-мэр и его отец, советник губернатора, обвинялись в причастности к преступной группировке, в течение 20 лет державшей в страхе городской бизнес. Известны факты безнаказанной деятельности бандитских группировок в малых городах и селах Пермского края и Свердловской области (Федоренко, Слепцов 2010).

Таким образом, хотя многие крупные бандитские формирования, некогда контролировавшие целые сектора экономики и устанавливавшие автономные правящие режимы на местах, уходят в прошлое, во многих регионах России все еще процветают более или менее сложно организованные предпринимательские группировки. По данным Галеотти, в России действуют 12—14 крупных ОПС, в том числе «Солнцевская» в Москве и «Тамбовская» в Санкт-Петербурге (Galeotti 2012).

Согласно сведениям ФСБ Подмосковье по-прежнему поделено на «красные» и «синие» районы. «Красные» контролируются силовиками, а «синие» — преступными объединениями. В отличие от лихих девяностых смотрящие группировок уже не приезжают на стрелки и не носят золотых цепей. Они стали депутатами выборных органов, коммерсантами и меценатами. Однако как и раньше, держат под контролем свои районы: без их согласия невозможно запустить новый бизнес-проект или построить дом (Канев 2012).

Как видно из материалов уголовного дела, переданного на рассмотрение суда Чувашии, в республике с 2002 по 2012 год действовало крупное преступное сообщество Андрея Финогонова (Фина), контролировавшее обширную территорию, в которую входили пять районов и два самых крупных города Чувашии — Чебоксары и Новочебоксарск.

Сообщество объединяло девять группировок и имело тесные связи с криминальными лидерами из других регионов России. Единый общак пополнялся в основном деньгами, добытыми вымогательством, и доходами от незаконного игорного бизнеса. Суд над группировкой Фина состоялся в 2013—2014 годах. К уголовной ответственности были привлечены десять участников ОПС и два бывших сотрудника полиции, которые им пособничали (Ерусланов 2014).

В Республике Мордовии с конца 1980-х действовала крупная ОПГ «Мордва», также занимавшаяся рэкетом при содействии коррумпированных сотрудников полиции. Судебный процесс над этой группировкой состоялся в 2011—2014 годах (Викулова 2014). В городе Мценске Орловской области местная группировка, как и ее предшественники в начале девяностых, занималась преимущественно рэкетом на единственном городском рынке. Участники группировки, официально числившиеся охранниками, собирали дань с мелких торговцев и предпринимателей, промышляли кражами и грабежами (Варданян 2010). В Челябинске в 2011 году бандитские бригады и мелкие уличные группировки на манер средневековых разбойников с большой дороги грабили на улицах города дальнобойщиков. Плата бандитам за охрану не давала никаких гарантий безопасности, так как многочисленные бригады не уважали права друг друга на сбор дани. Впрочем, у дальнобойщиков была возможность заплатить частной компании, которая бралась сопровождать их фуры на улицах города (Антипин 2011). Две крупнейшие екатеринбургские группировки 1990-х, «Уралмаш» и «Центровые», которые в середине 2000-х, по официальным отчетам МВД, были «рассеяны», продолжали заниматься незаконной деятельностью — в частности, контролировали в городе весь стояночный бизнес (Антипин, Дятликович, Гладкий 2010).

По данным Бреславского, в Заиграевском районе Республики Бурятия группировки сохранились и в 2000-х годах (Breslavsky 2009). Некоторые смотрящие открыли магазины, автотранспортные предприятия и авторемонтные мастерские. Все предприятия в поселках, если они не принадлежали группировкам, облагались данью. Школьные педагоги не могли защитить своих подопечных. Бреславский цитирует 17-летнего школьника: «У нас в школе смотрящий приходит, предъявляет учителям за своих, и ему не отказывают, потому что боятся. Его же все знают, и он знает всех. Если что, может прийти в гости или на улице со своими подкараулить».

После затишья начала 2000-х, когда «все, что можно поделить, было поделено», в Ульяновске вновь наблюдался всплеск бандитского насилия. Специалисты говорят о появлении нового поколения молодежи,

которое стремится получить свою долю доходов от уличной экономики и пытается осуществить передел территории. В 2012 году в Ульяновске действовали 16 ОПГ, сформированных по территориальному принципу (Филинов 2012). Основным источником дохода группировок были поступления от нелегальных парковок. Большинство городских ночных стоянок контролировались молодежными группировками, которые заставляли автовладельцев платить за охрану их автомобилей. Собирающие деньги пацаны, вооруженные битами и оснащенные мобильными телефонами, по которым можно вызвать подмогу, получали за ночное дежурство примерно 150 рублей. Остальные деньги шли в общак группировки. Другие пацаны перепродавали ворованные мобильные телефоны. Группировки активно вербовали новых членов, терроризировали неприсоединившихся подростков и жестоко бились друг с другом «за асфальт». В одежде они держались стиля, характерного для братвы 1980—1990-х годов: спортивные штаны, тяжелые ботинки, темные куртки и черные вязаные шапочки. Структура группировок с начала девяностых не изменилась. Они были стратифицированы по возрастам: младшие пацаны играли роль «пушечного мяса», а старшие могли со временем дослужиться до руководящих должностей.

ЧАСТЬ ОБЩЕСТВА

Как мы видели, российские банды стремятся найти свою нишу в местной системе социальных отношений; нередко им удается добиться определенного признания со стороны населения. Группировки — гибкие и динамичные структуры, которые в одних обстоятельствах занимают в обществе небольшие ниши, а в других начинают доминировать над всей социальной экосистемой. В России девяностых они добились существенного влияния, в 2000-х, под давлением государства и вследствие сокращения нерегулируемой сферы экономики, отступили на более скромные позиции. Так или иначе, группировки — это форма коллективной жизни, которая в разных видах и обликах продолжает существовать и не уходит в прошлое. Их недостаточно характеризовать как стихийные и патологические силы разрушения — напротив, следует различать в них сознательных акторов, чутких к социальному контексту.

7

Свод «понятий»

Подобно другим уличным организациям, группам, практикующим низовое насилие, мафиозным кланам, тюремным и армейским сообществам, российская группировка имеет свой кодекс поведения. Как во всех этих неформальных сообществах, социальная жизнь в ней организована не по общепризнанным правовым нормам, а на основе частных конвенций и правил. В группировке такой кодекс поведения называется *понятиями*: он занимает центральное место в духовной и моральной жизни пацанов. Любые действия — драки, проведение досуга, предпринимательская деятельность и даже занятия сексом, как будет показано далее, — должны совершаться в соответствии с понятиями. Выше мы уже касались понятий; в этой главе природа морального кодекса группировки, его эволюция и отношение к другому криминальному кодексу поведения — воровскому — рассматриваются более подробно.

МОРАЛЬ ГРУППИРОВКИ

Публикация книги Элайджи Андерсона «Кодекс улицы» (Anderson 1999) привлекла внимание антропологов и криминологов всего мира к мо-

ральным установкам уличных организаций и банд. Изучая уличное насилие в трущобах Филадельфии, где преобладает чернокожее население, Андерсон пришел к выводу, что оно опирается на свод жестких правил, который он назвал кодексом улицы. Эти правила «регулируют применение насилия, предоставляя людям, склонным к агрессии, систему обоснований для узаконенной провокации столкновений» (33). Основное требование кодекса — демонстрация готовности к насилию. Она проявляется в особом выражении лица, манере речи и походке. В сообществе, где насилие является постоянной угрозой, член банды должен показать, что с ним шутки плохи, продемонстрировать силу и дерзость, «захватывая чужое имущество, приставая к чужой женщине, нанося удар первым, задираясь с кем-то или нажимая на курок» (92). Люди с «улиц», следующие этому своду правил, поступают так из-за страха самим стать жертвой и полностью подчиняют уличному кодексу свою личность. Поэтому им чрезвычайно трудно функционировать за пределами улиц, хотя некоторым, как замечает Андерсон, удается «переключить передачу» и приспособиться к правилам, существующим в другой среде.

Взгляд на уличный кодекс как на четкий свод предписаний, однозначно регламентирующих поведение, отличается от этнометодологического подхода. Его сторонники иначе рассматривают место, занимаемое в повседневной жизни правилами. Они считают, что моральные правила — это коллективно порождаемые фундаментальные принципы восприятия и поведения в мире, на которые опирается социальный порядок группы. Такие правила неоднозначны: они носят дейктический характер, то есть их конкретные значения и содержательные формулы неопределенны и зависят от контекста (Garfinkel 1967, 4—7). Моральный кодекс — это «схема, которая порождает реальность», а не подробный перечень разрешенных и запрещенных действий (Wieder 1974, 198). Он создается в ходе повседневной жизни членов общества — по мере того как они осмысливают собственные действия, наблюдая за поведением других членов общества и разговаривая с ними.

Этнометодологический подход лучше согласуется с тем, что мы знаем о моральных суждениях российских пацанов. Понятия отличаются гибкостью: в разных ситуациях они могут применяться по-разному. Они используются для выражения множества конкретных правил, но при этом опираются на систему фундаментальных принципов, отражающих глубинные представления о мире и о месте в нем группировки. Это мировоззрение не передается участникам в виде свода предписаний, а формируется в контексте жизни чело-

века в группировке³⁶. Формируя социальный порядок группировки, моральный кодекс в то же время устроен так, что не мешает ее участникам легко адаптироваться к нормативным ожиданиям общества в целом.

Говоря о моральном кодексе группировки, пацаны всегда подчеркивали, что понятий гораздо больше, чем упоминалось в беседе. Ни один из наших информантов даже не пытался изложить все имеющиеся понятия. На просьбу описать кодекс группировки один из пацанов, Цыган, ответил так:

Невозможно описать в двух словах то, чему учишься годами. Можно даже так сказать, что в чистом виде пацановских понятий как бы не существует. Есть жизнь пацана, или пацановская жизнь, о которой ты узнаешь, вращаясь в этой среде, узнаешь, как следует поступать в конкретных ситуациях и чего категорически делать не стоит. Этому нельзя научиться, как в школе, через это надо пройти самому, понять изнутри. Поэтому я сейчас не могу расписать: вот это так, а это так. Я начал их [понятия] узнавать в школьном возрасте, сталкиваясь с различными ситуациями. Что-то понял сам, что-то узнавал от более опытных друзей.

Так же мыслит Женя: «Я мог бы попробовать разложить по полкам, в чем заключаются пацановские понятия, но это, боюсь, просто невозможно. Лично у меня ушел не один год, чтобы в них разобраться, и для этого нужно вести такую же жизнь, как и мы».

Женя описал следующий случай:

Мы были еще пиздюками и поехали делать ответку. Напоролись на толпу, и завязалась битва. В тот момент, когда мы отходили к машинам, одного раненого пацана забыли и уехали без него. Ему, конечно, повезло — в плен его не забрали, но мы потом от старших получили таких люлей! «Вы должны всегда следить друг за другом — кого завалили, нести его сразу в машину, должны прикрывать друг другу спины!», — орали они на нас, и я это запомнил на всю жизнь.

36 Волков, однако, анализируя нормативный порядок бандитов, рассматривает понятия как базовую правовую систему (Volkov 2002, Волков 2012). Понятия позволяют подобным группам создавать и защищать часть нелегального рынка и поддерживать свой режим экономического правления. Они обеспечивают взаимодействие внутри бандитских организаций, помогают им разрешать конфликтные ситуации и используются для оправдания насилия в отношении предпринимателей.

Участники искусно используют культурные ресурсы группировки, применяя их по ситуации. Это подтвердил Таджик:

Ты всегда можешь отстоять свою точку зрения, если умеешь разговаривать и обосновывать свою точку зрения исходя из понятий.

Понятия не закреплены навсегда: пацаны прекрасно сознают гибкий характер своих моральных установок. Вот отзыв Ильнара:

Понятия, конечно же, постоянно меняются, постоянно что-то добавляется. Жизнь идет вперед, и если понятия не менять, то совсем от жизни оторвешься, будешь жить, как в средневековье.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА ГРУППИРОВКИ

Моральный кодекс группировки остается гибким и постоянно развивается, но при этом опирается на устойчивую систему основных принципов. Описывая этот кодекс, ее члены, как правило, ссылаются на набор конкретных указаний (понятий), редко задумываясь о причинах тех или иных запретов или предписаний. Принципы, лежащие в основе этих «самоочевидных» моральных правил, никогда не объясняются исчерпывающим образом; как считает Видер, социологи должны выявлять их самостоятельно (Wieder 1974). Действительно, без представления о том, что скрывается за конкретными предписаниями, некоторые из правил, перечисленных пацанами, могут показаться весьма туманными и пониматься по-разному. Как, например, объяснить запрет работать кондукторами на транспорте или продавать свою старую одежду? Может быть, тем, что пацанам нельзя работать на низкооплачиваемой работе и обнаруживать свое затрудненное положение? Почему надо драться, если тебя назвали торговцем (барыгой)? Не потому ли, что пацаны следуют традиционным нормам воровского сообщества, считающего торговлю постыдным занятием? Почему требуется быть физически сильным и не употреблять наркотики? Может быть, это вызвано инструментальными потребностями криминального бизнеса — ведь группировка должна эффективно защищать свою долю рынка? Анализ интервью с членами группировок показал, что в действительности за этими предписаниями скрываются другие принципы. Запрет работать кондуктором и продавать старые вещи, как и необходимость защищать свое имя, если тебя назвали барыгой, вытекает из фундаментального принципа принадлежности

пацанов к местной аристократии, противопоставленной «простолюдинам». Требование поддерживать физическую форму и не употреблять наркотики вызвано тем, что настоящие воины-пацаны всегда должны сохранять контроль над собой и не терять достоинства.

Далее представлена реконструкция морального кодекса группировки, осуществленная автором на основе бесед с пацанами. Каждый выявленный принцип иллюстрируется понятиями, описанными в этих беседах. Я полагаю, что кодекс основан на следующих принципах: поведение, отвечающее принадлежности к элите, подчеркивание в любой ситуации своего отличия от «простолюдинов», контроль над телом и речью, верность группировке. Кодекс включает также принципы подчиненного положения женщин, внутригрупповой демократии и процедурной справедливости, социальной и этнической инклюзивности группировки и, наконец, автономии членов группировки за ее пределами.

ПОВЕДЕНИЕ, ОТВЕЧАЮЩЕЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ЭЛИТЕ

При встрече с пацанами из других группировок пацан всегда должен называть себя и свою группировку. Если его спросят, с какой он улицы, он не вправе сказать: «Я не с улицы». Этого, однако, не требуется при контактах вне сферы интересов группировки — например, с учителями или работодателями.

Пацан не должен делать ничего, что может нанести урон репутации улицы. Он не вправе скомпрометировать свой статус, поскольку все его действия отражаются на группировке в целом. Например, если он убежит от тех, кто на него напал, и таким образом потеряет лицо, он дискредитирует всю улицу и будет подвергнут суровому наказанию, а затем, скорее всего, изгнан из группировки.

На своей территории пацаны действуют в качестве верховной силы. В местной социальной структуре они — элитная группа, возвышающаяся над обычными гражданами, лохами. Согласно понятиям пацан не может совершить такого поступка, из-за которого окажется по другую сторону классификационной границы, приравняв себя к лохам. Он не должен бояться драки. Он не позволяет себе уступить вымогательству, пережить унижение и не отомстить за него, обратиться за помощью в правоохранительные органы. Он не может проявить слабость. Если кто-то назовет пацана лохом, с таким человеком надо драться; высказанное сомнение в том, что он настоящий пацан, должно немедленно наказываться. Точно так же любую по-

пытку вымогательства он должен пресекать насилием, иначе будет считаться, что он признал свой более низкий статус. Быть названным «коммерсом» или «барыгой» — смертельная обида для пацанов: они на многое готовы, чтобы показать, что их нельзя приравнять к людям, занимающимся обычным бизнесом. Отсюда и запрет заниматься торговлей, порождающий сложные схемы: пацан не должен быть замечен за этим занятием, даже при наличии у него собственного розничного бизнеса (в этом случае приходится действовать через посредников). Нельзя лично продавать что бы то ни было, в том числе наркотики (при этом пацан вправе контролировать дилеров, торгующих ими на территории группировки), нельзя торговать на рынке или в магазине. Запрещается работать в сфере обслуживания. Как уже сказано, пацан не должен работать кондуктором — это считается унижительным. Даже от большой нужды нельзя продавать свою одежду и личные принадлежности; при этом, однако, допускается сбыт ворованного или полученного путем вымогательства.

Пацаны считают равными себе только участников других группировок (или воровских групп). Все пацаны, независимо от улицы, к которой они принадлежат, равны.

Суверенная роль пацана отражается в понятии «пацан всегда прав». Этот императив подразумевает, что его власть не может быть оспорена. Пацан является источником права. Он должен развивать коммуникативные навыки, позволяющие ему выполнять доминирующую роль в ходе повседневного общения с подчиненным населением и участниками других группировок, — «умение разговаривать». Пацан должен всегда быть в состоянии обосновать свою позицию или мнение ссылками на понятия.

КОНТРОЛЬ НАД ТЕЛОМ И РЕЧЬЮ

Пацан должен сохранять самообладание и достоинство. Он не употребляет наркотики и не злоупотребляет алкоголем. Младшие пацаны не имеют права курить. Нужно следить за своим телом и внешним видом, носить практичную, удобную и не слишком бросающуюся в глаза одежду. Пацан должен быть чистым и опрятным. В некоторых группировках наказываются молодые пацаны, не чистящие обувь. Пацан отвечает за свои слова, «следит за базаром». Он не должен бросаться угрозами или обвинениями. Одно из понятий — «пацан сказал — пацан сделал» — означает, что все намерения, утверждения, угрозы и обещания должны незамедлительно осуществляться.

Пацанам нельзя впустую бряцать оружием; достав нож или пистолет, они должны быть готовы их применить. Если пацану задают вопрос, следует дать ответ прямо, не задумываясь, и не отвечать вопросом на вопрос.

ВЕРНОСТЬ ГРУППИРОВКЕ

Пацан должен быть верен своей группировке. Он всегда поддерживает других ее участников — не только из своей возрастной когорты, но и всей группировки в целом. Нельзя «есть в одно лицо», то есть надо делиться. Нельзя подвергать своих друзей опасности и доносить на них в полицию. Надо делать все, чтобы предотвращать личные конфликты внутри группировки, устранять разногласия и не вступать в драку с товарищами. Пацан не должен обманывать друзей, не должен красть у своих.

ПОДЧИНЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН

Женщины по сути своей не равноправны с мужчинами. Они не могут быть членами группировки. На территории, контролируемой группировкой, не должно быть женских преступных групп. Подруги пацанов не могут присутствовать на сходняках. Дела группировки всегда имеют приоритет над личной жизнью. Пацаны не могут вступать в конфликт с другими пацанами из-за женщин (за исключением защиты близких родственниц: матери, сестры, жены). Если пацан заигрывает с девушкой другого пацана, тот вправе лишь попросить не делать этого, но не может из-за этого вступать с ним в драку. Пацан должен контролировать свою девушку, не позволять ей проявлять неуважение к его друзьям. Пацану нельзя делать кун-нилингус своей девушке — тем самым он серьезно подорвет свой статус, а если об этом узнают товарищи, ему грозит исключение из группы.

Как уже говорилось, в российских группировках, особенно в их высших эшелонах, женщины могут работать наемными бухгалтерами или юристами, а жены авторитетов могут выполнять более серьезные функции в управлении бизнесом группировки — особенно если их мужья отсутствуют или находятся в заключении. Но это не отменяет принципиально мужского характера преступных братств и глубокого мачизма их членов.

Наряду с перечисленными содержательными предписаниями существуют процедурные нормы и нормы справедливости, которые имеют отношение к структуре и организации группировки. Впрочем, пацаны также видят в них понятия и, следовательно, приписывают им статус совместно выработанных моральных правил.

ВНУТРИГРУППОВАЯ ДЕМОКРАТИЯ И ПРОЦЕДУРНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Пацан должен соблюдать правила внутригрупповой дисциплины, уважать старших пацанов, подчиняться смотрящим и авторитетам, присутствовать на обязательных сходняках, когда принимаются решения о делах группировки, вносить деньги (до двух третей своего дохода) в общак. Спорные ситуации разрешаются демократически: всеми членами группировки на сходняке или смотрящим. Если смотрящий не может принять решение, спор разрешают авторитеты. Пацаны ожидают от старших справедливого обращения. По мнению Айдара, «беспределом считается, если пацана, который ведет себя по понятиям, накажут просто за то, что он не нравится своим видом старшему». Анвар рассказал, что однажды смотрящий потребовал от пацана вернуть в общак долг его друга, который вышел из группировки. Но тот аргументированно доказал, что такой вопрос надо решать на сходняке: «Брать с человека деньги, под которые он не подписался, — это не по понятиям. Ссмотрящему ничего не осталось, как уступить». Запрещено унижать или несправедливо наказывать младших. Старшие члены не вправе использовать общак младших возрастов.

Понятия запрещают наказывать пацана за любой зихер (проступок) больше одного раза. Так, за один зихер несправедливо подвергать и физическому наказанию, и штрафу.

СОЦИАЛЬНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИНКЛЮЗИВНОСТЬ ГРУППИРОВКИ

Группировка принимает всех молодых людей, если они готовы жить по понятиям. Не допускается дискриминация по социальному происхождению или по этническому признаку. Большинство участников татарстанских группировок — этнические русские и татары; однако среди них встречаются и представители других этнических групп: армяне, башкиры, грузины. Как заметил Цыган,

вряд ли сможет подтянуться представитель африканских народов, но не по национальному признаку, а потому, что он слишком выделяется, — это нам ни к чему.

У каждого участника группировки могут быть свои национальные предрассудки, но понятия запрещают руководствоваться ими в решениях, касающихся группировки. Агрессивные скинхеды, нападающие на представителей других этнических и расовых групп, считаются беспредельщиками, применяющими насилие ради насилия. Вполне определенно в связи с этим высказался Кирилл:

Скинов в Казани я не видел. Может быть, они и есть, но не активны, так как беспредельщиков здесь не любят³⁷.

Очевидно, принцип социальной и этнической инклюзивности не распространяется на этнические цыганские, грузинские, ассирийские, чеченские, ингушские, дагестанские, азербайджанские и другие подобные преступные группировки, социальная организация и моральные кодексы которых еще не изучены (Анжиров 2010).

АВТОНОМИЯ ВНЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Пацан может и должен иметь широкие социальные связи вне группировки и использовать их во благо группировки. У него есть право на личную жизнь, он может иметь семью, собственность и проводить свободное время по своему усмотрению. Он может работать в любом месте (за исключением торговли, сферы обслуживания и правоохранительных органов, если это не делается по заданию группировки) и общаться с любыми людьми, в том числе с пацанами из других группировок, за исключением враждебных. Пацан вправе зарабатывать на жизнь любой преступной деятельностью, не связанной с бизнесом группировки. Так, в случае необходимости он может заниматься воровством и грабежом.

³⁷ Здесь можно провести интересную параллель с сообществом морских пиратов XVIII столетия, которое имело много сходных организационных принципов: равенство статуса, демократическое управление и процедурная справедливость. Многие пираты были в прошлом чернокожими рабами, и по крайней мере некоторым из них были предоставлены те же права, что и белым пиратам, в том числе право голоса и равные доли в добыче. Как отметил Питер Лисон, в расовом плане обращение с чернокожими на пиратских кораблях было зачастую намного прогрессивнее, чем можно было бы ожидать с учетом преобладавших в то время расовых предрассудков (Leeson 2009, 175).

КВАЗИПЛЕМЕННАЯ МОРАЛЬНАЯ СИСТЕМА

Итак, понятия поддерживают социальный порядок внутри группировки. Вернемся к природе этого социального порядка. Во введении уже упоминалась данная Рэндаллом Коллинзом характеристика группировки как веберовского патримониального альянса, квазиплемена, формы социальной организации, существовавшей в отрядах древнегреческих воинов, которые колонизовали побережье Средиземного моря, или у викингов-завоевателей (Collins 2011). Анализ комплекса понятий как целого показывает, что моральный кодекс группировки действительно служит опорой для организации подобного типа. Как воинские союзы Античности и раннего Средневековья, группировка — это агрессивный племенной альянс мужчин, скрепленный квазиродственными обязательствами и лояльностью. Его воины должны демонстрировать самообладание и доблесть, а внутригрупповой порядок опирается на примитивную демократию и принципиальное равенство статусов членов воинского братства. В таком братстве нет места классовым или этническим различиям, но нет и равноправия женщин. С населением, которое они стремятся подчинить и эксплуатировать, члены группировки ведут себя как военная элита, навязывая свою волю силой и узурпируя право господина. Но есть и важная особенность: рассматриваемые нами квазиплеменные группировки, в отличие от своих исторических предшественников, живут в современном обществе и вынуждены либо подрывать его институты, либо в них вписываться. Именно поэтому участники группировок ориентированы на обширные связи и принадлежность к разнообразным социальным сетям.

Понятия, между тем, никак нельзя назвать универсальной моральной системой. Мир группировки действительно подчиняется квазиплеменным законам: внутригрупповое поведение здесь жестко регламентируется — поведение по отношению к посторонним свободно от регламентации. Наряду с противоправными действиями в составе группировки пацан может мошенничать, воровать и грабить ради собственной выгоды. Лишь чрезмерное и неоправданное насилие в отношении «гражданского» населения — прежде всего стариков, женщин и детей — осуждается группировкой как беспредел. Избить малыша или старика, ударить женщину считается постыдным, хотя побить собственную подругу или жену, на которую мужчина имеет «особые» права, — совершенно в порядке вещей. Пацаны, считающие себя источником права на своей территории, элитной группой, заведомо стоящей выше «простолюдинов», морально осуждают и чрезмерное

насилие по отношению к более слабым категориям граждан — лохам и барыгам.

Впрочем, подобные ограничения на применение насилия легко преодолеваются. Пацаны готовы объяснить многие эксцессы «выбросом адреналина» и почти всегда уверяют, что жертва сама виновата, так как спровоцировала насилие неправильным поведением. В сущности, группировка устанавливает ограничения на применение насилия по своему усмотрению: не составляя неотъемлемой части более широкого социального договора или официальной правовой системы, они могут трактоваться очень вольно. Весьма гибкие представления о допустимости насилия в интервью с нами выразил Ильнар:

Бить можно всех, но это уже беспредел. Если ты не отморозок, то на крайняк детей и баб бить не станешь, хотя бабы сами ведут себя так, что приходится прикладываться. Насилие меняет поведение человека, заставляет его думать о том, что он делает. Наш человек, пока его не отмудохаешь, плохо понимает. Сам я к битью прибегаю часто — до чужого мнения мне пох, кого хочу, того и бью.

Понятия формируют культурное единство, связи и обязательства участников группировки, но не распространяют их на общество в целом. В отношениях с внешним миром представления пацанов о том, «что такое хорошо и что такое плохо», всегда должны работать в их пользу. Подобно воинам из гомеровского эпоса или героям античной трагедии, они не должны испытывать чувства вины за свои поступки по отношению к чужакам. Как показал российский филолог Виктор Ярхо (1972) в работе «Была ли у древних греков совесть?», только бесчестие или публичное унижение могут вызвать у воинов моральные мучения. Это относится и к бойцам группировки. Когда дело касается жизни и бизнеса группировки, ее участники могут лгать чужакам, обманывать их, издеваться над ними и даже, при необходимости, убивать — здесь существуют лишь немногочисленные добровольные ограничения, не позволяющие впасть в беспредел. Но обязательства по отношению к собственному сообществу — практически непререкаемы.

УСВОЕНИЕ ВОРОВСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК

Мировоззрение участников группировок во многом совпадает или коррелирует с моральными установками членов еще одного преступ-

ного сообщества — воров в законе. Те и другие разделяют схожие убеждения и часто говорят на одном языке³⁸.

Информанты делились с нами различными обыденными теориями происхождения понятий. Многие при этом обобщали свой опыт уличной жизни до вступления в группировку и обучение правилам пацановской жизни в компаниях сверстников. Но основным источником в этих рассказах признавались воровские заповеди, перенятые от «отцов-основателей». Эту точку зрения прямо выразил Ильсур:

Пацановские понятия пошли от воровских заповедей. Но тут нет копирования. Просто тюремные понятия — это как бы фундамент для пацановских понятий. В городской дворовой жизни тюремные понятия применять невозможно, поэтому старшие собрались и решили, какими быть пацановским понятиям.

Понятия здесь предстают как некие скрижали Моисея, на которых предки племени начертали новый закон, соответствующий реалиям городской бандитской жизни, жизни вне тюрьмы.

Гарик, не отрицая влияния тюремного опыта, полагает, что понятия возникли в контексте повседневной жизни пацанов, адаптировавшихся после освобождения из мест заключения к новой реальности:

Пацановские и тюремные понятия — не совсем одно и то же. Пацановские понятия появились с тех пор, как стали появляться группировки и некоторые из тех пацанов побывали за решеткой. Вернувшись с зоны, они стали устраивать у себя такие же порядки, только подстраивая их под данную обстановку. В основе, конечно же, остались зоновские законы.

Безусловно, понятия, разделяемые как молодыми пацанами, так и взрослыми бандитами, не созданы целенаправленно; их также нельзя считать «усовершенствованной» или, наоборот, «искаженной» версией воровских понятий. В своей совокупности это отдельная моральная система, организующая социальный порядок группировок. При этом используемые в ней содержательные формулы часто заимствованы из воровской культуры: например, «следить за базаром» —

³⁸ В работе о неписанных законах воровского сообщества, опирающейся на собственные наблюдения во время заключения в Соловецком лагере особого назначения, Дмитрий Лихачев (1935) описал эти законы как систему представлений и норм поведения, охватывающих всю жизнь вора, включая ее мельчайшие детали.

отвечать за свои слова; «развести лоха» — обмануть жертву; отсюда же происходят многие ключевые обозначения: «общак», «смотрящий», «семейка», «авторитет». Слово «пацан» в тюремном жаргоне означает молодого кандидата на звание вора.

Воровская культура распространялась участниками группировок, вернувшимися из заключения, но она была широко известна и в советском, и в постсоветском обществе, так что ее базовую лексику можно было узнать, и не попадая в тюрьму.

Тюрьма всегда занимала важное место в русской культуре (Олейник 2001a; Piacentini 2004; Pallot, Piacentini and Moran 2012). Советская молодежная уличная культура, в частности, находилась под сильным влиянием уголовных традиций. Лица, освобожденные из лагерей после смерти Сталина в 1953 году, привнесли в гражданскую жизнь культуру ГУЛАГа. Как пишет историк Мириам Добсон, наиболее восприимчивой к тюремной культуре оказалась молодежь; некоторые ее представители стали подражать преступникам, усваивать блатной жаргон, песни и стихи (Dobson 2009). Известны также факты вступления молодых людей в преступные группировки, созданные рецидивистами.

В «районах делинквентности» (Shaw and Mackay 1942), существовавших в советских городах, уличная культура во многом пересекалась с криминальной. В этих районах, особенно там, где ощущалось присутствие бывших уголовников, молодежь знала блатной жаргон, фольклор и песни, а иногда имела личные и семейные связи с бывшими заключенными. Побывавшие за решеткой, а то и совершившие несколько «ходок», пользовались среди юнцов особым влиянием. Некоторые группы собирали деньги, продукты и вещи для помощи заключенным; молодые люди стремились завести с ними знакомство (Козлов 1998; Raleigh 2006, 224—225; Ципурский 2009; Карбаинов 2009, 135). Романтика уголовного мира, с его враждебностью государству, жесткими мужскими качествами и мудростью криминальных авторитетов, несомненно, привлекала молодежь.

Иногда молодежь создавала тайные общества и клубы по типу воровских организаций. Глеб Ципурский (2009) описал одну такую группу, состоявшую из учеников средней школы и рабочих завода «Ростсельмаш». Группа была обнаружена милицией в середине 1950-х. Ее участники регулярно собирались в хорошо охраняемом подвале жилого дома поселка Ростсельмаш, где «играли в карты, разучивали воровской жаргон и приемы воровства» (83). Членов группы арестовали за разные преступления. Как отметил Ципурский, «источник, наполнявший внутреннюю культуру этой группы, более или менее

ясен — это представления молодых людей о воровском мире» (83). Криминальная культура, ассоциируемая с романтическим преступным братством, привлекала некоторых подростков больше, чем организованный досуг, который предлагало советское общество, — клубы десантников, парашютные секции, авиамодельные кружки и театральные студии (Смольников 1989).

Преступное братство предпринимало целенаправленные попытки оказывать влияние на местную молодежь и прививать ей воровские законы. Вот что писал один криминальный авторитет из тюрьмы, обращаясь к своим товарищам:

Воспитывайте молодых; они не умеют себя вести. У них свои законы, а этого не должно быть. Они живут в нашем доме, а здесь закон один (Разинкин 1995, 35).

Пик влияния воров на культуру молодежных группировок и взрослых бандитов пришелся на конец 1980-х — начало 1990-х годов, когда преступные уличные элиты занялись массовым рэкетом. Воровская культура наделила их готовым (пусть и не высеченным на скрижалях) набором ритуальных практик и содержательных формул. Вскоре, однако, уличные бандиты вышли из-под воровского влияния: их понятия стали отражать реалии периода насильственного накопления капитала и включения группировок в социальные сети современного городского общества.

РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ВОРОВСКИМИ И БАНДИТСКИМИ ПОНЯТИЯМИ

Тайное сообщество воров — экзотических, покрытых татуировками аборигенов российского преступного мира, которые, как считается, осуществили экспансию на всех уровнях общества сверху донизу и создали свои аванпосты на Западе, — до сих пор волнует воображение голливудских кинематографистов, авторов детективных романов и политиков. Между тем это сообщество, родившееся в советских тюрьмах, не слишком хорошо вписалось в условия капиталистической России: хотя некоторые его представители преуспели, основная масса была вытеснена более предприимчивыми и гибкими бандитами (Volkov 2002). Социальные порядки в этих двух сообществах, как и соответствующие кодексы поведения, существенно различаются. В воровском законе отражается почти постоянное пребывание воров в местах лишения свободы с их иерархическими тюремными груп-

пами, тогда как бандитский моральный кодекс в основном диктуется потребностями незаконной предпринимательской деятельности на свободе, в капиталистической России.

Воры в законе, образовавшие в СССР тайное замкнутое сообщество профессиональных преступников, значительную часть жизни проводили за решеткой. Вне стен пенитенциарных учреждений они жили скрытными группами и поддерживали радикальное размежевание с остальными советскими гражданами. Как отметил Галеотти,

изначально воровской мир был культурой, сложившейся в среде изгоев, вытесненных из общества нищетой и невзгодами, однако постепенно в нем возникла и укрепилась группа, которая не только приняла, но приветствовала и превозносила эту социальную изоляцию, полностью от-
вернувшись от общества (Galeotti 2008, 104).

Воры были обязаны полностью посвятить себя воровскому миру. Им следовало зарабатывать на жизнь исключительно преступным путем, не разрешалось накапливать личное богатство и обзаводиться имуществом. Доходы, полученные преступным путем, сдавались в общий фонд, который, как и у бандитов, назывался общаком. Члены воровского сообщества не имели права жениться: хотя отношения с женщинами не запрещались, к ним обычно относились с презрением. Единственной женщиной, достойной любви и уважения, была мать (Chalidze 1977).

Воры не могли сотрудничать с государством. Им не разрешалось служить в армии и вступать в комсомол и другие советские молодежные организации. Даже в тюрьме они должны были уклоняться от работы, и это приводило к конфликтам с тюремной администрацией, иногда с очень серьезными последствиями (Chalidze 1977; Гуров 1990; Олейник 2003). Тех, кто вступал в какие-либо отношения с официальными властями, изгоняли из сообщества, сурово наказывали или даже убивали. Обособленность воров от общества и их основная самоидентификация в качестве профессиональных преступников (и тюремной элиты) находили выражение в сложной системе татуировок, с помощью которых статус человека, история его уголовных наказаний и положение в воровской иерархии обозначались непосредственно на теле³⁹. Эти татуировки извещали окружающих о статусе уголовника и могли быть легко прочитаны милицией в случае задержания вора.

39 Означении российских тюремных татуировок см.: Балдаев (2006).

Все это имеет мало общего с группировками бандитского типа. Их участники значимым образом включены в жизнь общества. Они вправе быть членами различных молодежных организаций и служить в армии; могут делать сбережения и обзаводиться собственностью, официально работать, вступать в политические партии и даже иметь родственников в правоохранительных органах. Хотя они и вынуждены вносить часть доходов в общак, средства из этих фондов можно использовать для личных инвестиций в бизнес. Пацаны обычно не делают уголовных татуировок, символизирующих обособленность и исключительность. Группировка не только разрешает, но даже поощряет связи с правоохранительными органами — если только эти связи не используются для доносов на своих товарищей.

Воры, как и бандиты, отличают себя от чужаков, которых они называют «фраерами» или «лохами» (прежде этим словом называли крестьян или простолюдинов) (Chalidze 1977). Последние являются объектом презрения и считаются законной добычей. На зоне воры тоже выступают как высшая каста, господствующая над другими заключенными, — это схоже с бандитской презумпцией собственного элитного статуса. Однако сфера компетенции воровской власти существенно отличается от бандитской. Как заметил один исследователь, «стержневое понятие воровской философии — ощущение собственного исключительного права считаться человеком» (Glazov 1976, 147). Иначе говоря, остальная часть общества столь чужда членам воровского братства, что в их представлении вполне могла бы относиться к другому биологическому виду. Такое отношение совершенно не характерно для бандитов. Несмотря на присущее им чувство превосходства над большинством обычных граждан, они все же участвуют в различных социальных сетях и, как мы видели, успешно адаптируются к требованиям учебного заведения или предприятия, где работают.

ОТ ВОРОВ К БАНДИТАМ

В 1990-х годах воровское сообщество сохраняло прочные позиции во многих российских регионах — особенно на Дальнем Востоке, в Сибири и на Урале, в Псковской, Омской, Смоленской, Ростовской областях, Бурятии, Краснодарском крае и т. д. (Serio, Razinkin 1995). Воры по-прежнему пользовались уважением участников молодежных группировок. Молодые пацаны и сегодня считают их источником морального авторитета и ритуальных знаний. В случае смерти вора бандитам следует присутствовать на его похоронах. Так, в 1997 году 102 молодых

участника казанских группировок присутствовали на похоронах казанского вора в законе Рустама Назарова (Креста), убитого в Перми (Беляев, Шептицкий 2012, 96). Воры сохранили устойчивое влияние и в тюрьмах. Проведенное в начале 2000-х годов исследование исправительно-трудовых колоний Татарстана показало, что большинство заключенных следовали тюремным понятиям и в случае проблем обращались к авторитетному заключенному, а не к администрации колонии (Солопов 2013).

Однако реальное влияние перешло в последние годы от воров к бандитам. В капиталистической России не только воры, но и другие судимые в прошлом граждане стали превращаться в маргиналов и утрачивать былое социальное и культурное влияние на местную молодежь. Тюрьма сейчас считается уделом неудачников, мелких хулиганов и недалеких людей, у которых не хватило ума отмазаться от заключения. Вот что сказал о ворах в законе сотрудник милиции М.:

Такие люди в районе есть, и их достаточно много. Но авторитетом они не пользуются, сейчас ведь не 1950-е годы, когда полстраны прошло через лагерь и отсидка не считалась чем-то ненормальным. Сейчас жизнь совсем другая, и, соответственно, отношение к тем, кто отсидел, совсем другое, более негативное. Да и самим им от этой отсидки не жарко и не холодно, разве что на определенные виды работ их могут не принять — например, в силовые структуры. Кроме того, кто умен — не сядет, а попадают те, кто из-за мелочи морду кому-то набил и попался, а кто миллионы делал — те все на свободе и в бегах. Гусинский, Березовский и прочие — награбили и сейчас богачи.

Даже если участник бандитской группировки оказывается в тюрьме, он не видит смысла в приобретении тюремного статуса, равно как и какой-либо пользы от пребывания в заключении. Комментарий Нафика:

Статус от того, что ты сидел в тюрьме, среди пацанов не повышается: на улице, наоборот, важнее, чтобы ты был «чистым» перед законом, потому что если все сядут, кто улицу держать будет? Это как с армией. Раньше не пойти было стремным — не по понятиям, конечно, а вообще как-то стремно было, что не служил. А сейчас наоборот, это считается правильным: кто отмазался, того не стремят [не трогают].

В целом сообществу воров с его историческим запретом на связи с внешним миром (особенно с представителями государства) трудно приспособиться к новой реальности. Капиталистическое накопление

требовало глубокого проникновения в корпоративные и государственные структуры, и новые бандиты, чей моральный кодекс, как мы видели, разрешал и даже поощрял широкие социальные связи, имели огромное преимущество над косным и замкнутым воровским сообществом.

Воры в законе, особенно молодое поколение, налаживают и поддерживают связи именно с представителями криминального мира, то есть с теми же ворами в законе, и обычно живут по принципу «кого знаешь, с кем сидел». [Бандитские] авторитеты же придерживаются другого принципа: жить, по возможности не нарушая законы, иметь связи в кругу политиков и государственных деятелей, крупных банкиров и бизнесменов, вертушки правоохранительных органов и депутатов» (Карышев 1998, 245).

Члены группировок с готовностью рассуждали о различиях между пацановскими и воровскими понятиями. Оценка Ансара:

Пацановские понятия не копируют тюремные понятия, хотя между ними много общего: например, недопустимо сотрудничать с ментами, козлить [доносить], крысить [красть у своих], нужно отвечать за любое слово, которое ты произнес. А в остальном — все разное.

Судя по интервью с пацанами, их понятия в отличие от незыблемого и в высшей мере директивного воровского закона постоянно развиваются. Неколебимая традиционная власть — не для них. Они предпочитают гибкий прагматичный подход и готовы ответить на новые вызовы времени. Приведем фрагменты из наших интервью, иллюстрирующие различия между воровскими понятиями (включая тюремный закон, регулирующий неформальные отношения внутри пенитенциарной системы) и моральными установками группировок. Вот как охарактеризовал эти различия Кирилл:

Можем разобрать этот вопрос на таком примере. Один из тюремных законов гласит: «Не верь, не бойся, не проси». Значит, никому не доверяй, ничего не бойся, и боже тебя упаси обратиться к кому-либо за помощью. Если проецировать это на пацановские отношения, то рушатся все основы. Ты живешь с улицей и должен полностью доверять каждому своему пацану, быть уверен, что он не бросит и не подставит тебя. Отношения к старшим основаны не только на уважении, но и на страхе быть наказанным. Если этот страх пропадет, то и уважение останется не ко всем. Ну а если посмотреть на третий пункт этого закона, то это

вообще полная чушь. Улица для того и существует, чтобы решать твои проблемы, и всегда готова помочь тебе, в какую бы передрыгу ты ни попал. Разобравшись в этом, мы можем прийти к выводу, что тюремные и пацановские понятия — это не одно и то же, хотя в основе своей очень похоже. А что касается изменений, то с каждым этапом развития улиц жизнь вносит свои корректировки, и я считаю, что это правильно. Мы не должны стоять на месте, и понятия не должны ограничивать развитие. Но основы всегда будут неизменными.

Ильнар, отвечая на этот же вопрос, сказал:

Пацановские понятия копируют тюремные, но не один в один, а более мягко. На зоне все очень жестко, живешь в постоянном напряжении, следишь за своими действиями и словами. На улице все так же, но намного мягче, потому что ты живешь среди своих пацанов. На зоне у тебя есть своя семья, но даже им не всегда можно доверять. На улице по тюремным понятиям не живут, и это правильно, потому что на воле все по-другому.

По мнению некоторых пацанов, воры не сумели быстро приспособиться к меняющейся действительности, а если и смогли, то коррупция разрушила их порядок. Именно поэтому власть воров стремительно сходит на нет. На этот счет ясно высказался Таджики:

Порядки у них такие же, как и у нас. Отличия, конечно, есть. Например, вора́м стремно иметь работу, семью, а для пацанов это нормально. Просто по жизни сила за пацанами, и я думаю, что скоро и воров правильных не останется, многих же за деньги коронуют. Отношусь я к ним нормально, воры — это те же пацаны старого разлива, но их время сейчас уходит.

Действительно, воровское сообщество претерпело существенные изменения. Воры теперь инвестируют средства из общака в коммерческие предприятия, отменили обязательство проводить значительную часть жизни за решеткой, молодые воры могут короноваться за деньги (Volkov 2002, 61—63; Siegel 2012, 35). И все же бандитское сообщество оказалось более гибким, лучше приспособленным к реалиям капиталистической России. В отличие от воровской организации, возникшей в условиях преследований со стороны советской власти, бандитский социальный порядок менее иерархичен и директивен. Он больше ориентирован на прагматическую рациональность современного мира, сложную систему взаимозависимостей и различных интересов.

Передавая некоторые культурные навыки и способы организации создающимся бандитским формированиям и их уличным бойцам — пацанам, воры не смогли в конечном счете навязать им свой порядок, который более не соответствовал меняющимся российским реалиям. Он сформировался в условиях почти постоянного лишения свободы и был релевантен для традиционного, закрытого сообщества, имевшего крайне ограниченную связь с внешним миром. Желая участвовать в советской теневой экономике, воры вносили изменения в свой закон, однако постепенно утрачивали свое культурное влияние за пределами тюрем, а их моральный кодекс все больше отставал от жизни в новой России.

Бандитские формирования, напротив, не отгораживались от внешнего мира. Современные преступные организации не воюют с государством: они проникают в него и подрывают его устои.

РАЗВИТИЕ БАНДИТСКИХ ПОНЯТИЙ

В отличие от воров, чье сообщество формировалось в условиях репрессивного советского режима, группировки бандитского типа успешно интегрировались в новую экономическую систему, а их кодекс поведения давал участникам значительную автономию. Однако со временем сама основа бандитского порядка вступила в противоречие с новой реальностью. По мере того как бандиты перетекали в бизнес, их фундаментальное противопоставление торговцам теряло смысл. Лидеры и авторитеты наслаждались плодами капиталистического накопления и предавались демонстративному потреблению, все чаще окружая себя не членами братства, а наемными помощниками, а рядовые пацаны в этой новой ситуации чувствовали себя обделенными. Параллельно сокращались возможности «заработка» в неформальном секторе, особенно в уличной экономике. Как следствие некоторые группировки сняли многие запреты. Ильсур поясняет эту ситуацию так:

Сейчас ходят разговоры, что на некоторых улицах есть свои дворовые понятия, и они признают только их. Но даже на таких улицах соблюдаются некоторые базовые вещи: нельзя вести себя как лох, давать с себя иметь, быть козлом. В последнее время понятия меняются, можно даже предположить, что будут и дальше меняться в плане разного бизнеса. Пацанам стремно барыжничать, торговать на базаре, но не все могут сейчас иметь своего барыгу, потому что большая конкуренция на рынках, раскрутиться стоит очень дорого, а для разных делог ситуация не-

благоприятная — этим заниматься слишком опасно, рынок весь поделен. Поэтому предполагаю, что скоро такое понятие, как барыжничество, исчезнет, и этим заниматься будет чуть ли не почетно. Я сам на базаре не стою и никогда не стоял, но неприязни к барыгам у меня нет.

Серьезной проблемой для мира группировок стал рост организованного оборота наркотиков. Комментирует Испуг:

Пацановские понятия меняются, сейчас многие улицы стали сами делать себе понятия, объявляя нестремным то, что раньше было стремным. Это особенно касается наркоты. Раньше наркотики были под запретом, потом пошла травка, потом торговля наркотой через барыг, потом пацаны сами стали барыжничать втихую, теперь многие чуть ли не бахвалятся этим, чуть ли не в обшак наркотой отдают.

Многие другие существовавшие ранее запреты больше не соблюдаются, и члены группировок выражали обеспокоенность тем, что понятия рушатся. Потап в беседе с нами посетовал:

Ударить пацана ногой считалось большим зихером, даже если он был с враждующей улицы. Сейчас — лупят только так. Или, например, если ты идешь с девушкой, тебя никто не трогал. Сейчас на это даже не смотрят.

Казанцы, не входившие в группировки, тоже отмечали падение пацанских нравов. Семнадцатилетний Алик, с которым мы беседовали в 2011 году, заметил:

Раньше для девушек было престижным быть с пацанами, потому что они не пили и не употребляли наркотики, и занимались разным спортом, а сейчас они считаются алкоголиками и наркоманами, и даже на своих сходнях они пьют и колются, вместо того чтобы обсуждать дела.

Казанские группировки рискуют утратить даже условные моральные нормы, а значит и устойчивый внутренний порядок, — в этом случае самые основы существования пацанского братства будут окончательно подорваны.

8

Умение ориентироваться в мире насилия

Группировки действуют в мире частного насилия, существующего там, куда не проникает современный правовой аппарат, или там, где его сознательно обходят или приватизируют. Это мир, где формируются силовые репутации, где группы местных влиятельных людей вступают в союзы и воюют друг с другом, где вырабатываются правила применения насилия и где оно обменивается на деньги или услуги. Однако эта параллельная вселенная, существующая в тени, еще плохо изучена. Интерес исследователей в основном привлекали экономическое насилие (особенно когда дело касалось организованных преступных групп и мафиозных кланов), народный самосуд, правила поведения преступных уличных группировок и внешне беспорядочный мир так называемых хулиганов. Местным архитектурам насилия, социальным системам, в которых уличные компании, шайки и другие организованные преступные группы функционируют в сотрудничестве или соперничестве друг с другом и с субъектами государственного насилия, до сих пор уделялось сравнительно мало внимания⁴⁰.

⁴⁰ См., однако: Lea (2001) и Stenson (2005), где описывается неформальное правление преступных организаций в Великобритании, а также Arias (2006 а, б) и Venkatesh (2000, 2006), где рассматриваются союзы между государственными и негосударственными агентами насилия в бедных районах Бразилии и США.

Насилие бандитских группировок можно понять только в контексте более широкой системы локальных социальных отношений. Хотя члены ОПГ и участвуют в спонтанных актах агрессии, которые могут доставлять им самим удовольствие и подтверждать их социальный статус на улице (Anderson 1999; Collins 2008; Katz 1988), в целом их стратегии направлены на воспроизводство положения группировки в местной системе неформальной власти. Российские пацаны выступают в роли воинов, которые одерживают победы над врагами и подчиняют себе обычных граждан, не входящих в группировки. Но в то же время им приходится противостоять полиции и охранным предприятиям (частным и государственным), другим группировкам, агрессивным «гражданским» лицам (так называемым отморожкам, хулиганам и пьяницам) и им подобным. В этом полном рисков и опасностей мире действия, где поступки часто скрыты в «тумане войны» (Clausewitz 2005 [1873]), можно попытаться различить стратегии, используемые пацанами для обретения власти, сведения счетов или просто для обеспечения собственной безопасности. Многие авторы уже отмечали важную роль, которую в жизни группировок играет грубая сила (или склонность к ее применению)⁴¹, но, как я покажу далее, силовые стратегии группировок часто носят символический характер и неотделимы от вербальных практик, от искусного использования понятий. Физическое сдерживание насилия, навыки символического доминирования, ритуализация, искусство ведения переговоров, силовые компромиссы — все эти установки и приемы, которыми пацаны овладевают в уличной жизни, помогают группировке выжить в мире насилия и делают ее членов экспертами в проведении силовых акций, хотя и не предоставляют им каких-либо гарантий безопасности в долгосрочной перспективе.

НАСИЛИЕ: ПРАВИЛА ИГРЫ

Чтобы жить в изменчивом и коварном мире негосударственного насилия, нужно выработать определенный способ существования. Подростки, взрослеющие на улицах, с ранних лет воспитывают в себе качества, позволяющие им эффективно применять насилие. Они приобретают уверенность в себе, умение импровизировать и инстинктив-

41 Подробный обзор литературы о роли насилия в бандах и организованных преступных группах представлен в работе Райта (Wright 2006, 41—47).

ное знание, что именно нужно говорить и что делать в опасной ситуации. Насилие становится их второй натурой — Бурдье видел в этом практический результат успешного взаимодействия с внешним миром (Jenkins 2002, 72). Эта вторая натура, которую можно также назвать силовым чутьем, — следствие процесса обучения в уличной среде, где насилие вездесуще. Она складывается в контексте коллективных практик, наблюдения за реакцией других и совместной смысловой интерпретации реальности.

Формируя набор установок, манеру и стиль поведения, принципы классификации участников взаимодействия и способ восприятия мира, люди становятся мастерами насилия. На примере казанских интервью и данных фокус-групп, проведенных с молодыми членами территориальных группировок, действующих на московских окраинах, я покажу, как именно эти навыки насилия приобретаются в процессе жизни на улице. Московским пацанам, участвовавшим в фокус-группах, было 13—17 лет (участникам казанского исследования было от 17 до 35 лет), и в отличие от казанских *реальных* пацанов они называли себя *нормальными* пацанами. Их группы эпизодически совершали уличные преступления, но не занимались рэкетом. Некоторые пацаны признались, что стремились войти в преступное сообщество с целью познакомиться с «нужными людьми» в своем микрорайоне и приобрести солидную преступную репутацию. Таких в уличном мире называют «целевиками»⁴². Большинство, однако, намеревалось выйти из состава группировок после начала трудовой деятельности или призыва в армию. Хотя московские пацаны не входили в предпринимательские группировки, уличная культура, которая их сформировала, была очень схожа с той, что породила казанских пацанов. Схожими были и коллективные практики насилия.

Хотя насилие может быть чисто индивидуальным ресурсом, навыки его применения, судя по интервью, постигаются в группе. Вырастая в уличной среде, подростки перенимают опыт у своих сверстников: умение постоять за себя, проявлять жесткость, отвагу, находчивость и способность преодолевать страх. Молодые люди ценят эти навыки и считают их важными и для своей нынешней, и для будущей взрослой жизни. Вот фрагмент высказываний участников московской фокус-группы:

42 В уличных сообществах Тбилиси существует схожая категория молодых людей, которые пытаются установить связи с миром организованной преступности (Захарова 2010).

Вадим (13 лет): Благодаря [уличной] компании ты будешь как бы подготовлен для жизни. Не маменькин сыночек: уже будешь знать, как, что и когда ответить. Например, на тебя с каким-нибудь наездом покатали, а ты уже понимаешь, как вести себя. А если ты сидел всю жизнь дома, играл в компьютер — ну и будет тебе тридцать лет, и будет у тебя семья, а кто-нибудь на тебя наедет, и тебе придется им просто деньги отдать, и всё. Ты даже им ничего сказать не сможешь.

Марат (15 лет): И опозоришься. Вот тебе лет тридцать, подошли к тебе какие-нибудь подростки. Ну, пускай ты даже сильнее их, но все равно они тебя разведут.

Люди, погруженные в уличную культуру и уличные сети, приобретают «чувство игры» (Bourdieu and Wacquant 1992, 223), невытравимое знание — нерелексивное и бессознательное, почти интуитивное, — которое позволяет им легко ориентироваться в различных практических ситуациях, чреватых насилием. Это силовое чутье — автоматическое понимание того, как именно нужно угрожать и реагировать на провокации, когда стоит нападать, а когда лучше выждать и тянуть время, и каким образом подавлять страх, — дает уличным пацанам огромное преимущество.

Одной из отличительных особенностей наших бесед с молодыми людьми и в Москве, и в Казани была их яркая эмоциональная реакция на любое упоминание насилия. Обычно довольно немногословные, пацаны чрезвычайно оживлялись, вспоминая опасные ситуации, стычки и драки. Они во всех подробностях рассказывали о конфликтах, их развитии и разрешении. Как только в интервью и фокус-группах поднималась тема насилия, молодых людей как будто прорывало: они описывали случай за случаем и с трудом переключались на другие темы. Изложение общих и нередко отрывочных сведений из жизни пацанов внезапно сменялось подробнейшим отчетом, где каждая деталь, каждая сцена и каждая эмоция фиксировались и многократно усиливались.

Очевидно, что насилие имело для них глубокое аффективное значение. Они его и превозносили, и боялись. Сторонники культурологического подхода в криминологии считают, что такое увлечение насилием отчасти может объясняться тем, что оно сопряжено с исключительными ситуациями, когда многим молодым людям (особенно из низших слоев общества) предоставляется возможность преодолеть гнетущую будничную реальность и даже получить удовольствие и развлечься (Katz 1988; Ferrell and Sanders 1995; Presdee 2000; Hayward 2004). Вместе с тем, хотя насилие и может быть захватывающим личным действи-

ем (для преступника, но не для жертвы), оно в равной мере внушает страх и создает угрозу. Поэтому столь важна роль группировки, причащающей своих членов видеть в нем сравнительно безопасный и даже приятный род действия.

Находясь в группе, где ему внушают, что насилие редко приводит к серьезным травмам или смерти и что в любом случае на помощь всегда придут товарищи, молодой человек учится подавлять свой страх. Вот что сказал нам 17-летний москвич Дмитрий:

Ты не боишься драки, потому что знаешь: друзья с тобой, они тебя не оставят в беде. Даже если понимаешь, что вас побьют, и сурово побьют, ты все равно знаешь, что вместе вы отобьетесь.

В интервью с московскими пацанами и в высказываниях участников фокус-групп часто шла речь о практических навыках контроля над собственными эмоциями и телом перед лицом насилия — навыках, которые можно приобрести только на улице, и только в пацанской среде. Пятнадцатилетний Андрей считает:

Пацан должен уметь драться. Надо не бояться, что у тебя личико будет грязное или побитое. Люди, которые в школе учатся, больше всего заняты как бы полезными делами. Образованием занимаются, в кружки ходят... Им главное, чтобы — ой, царапинка, ой, порезик... А тебе безразлично должно быть.

Алексей (16 лет), участник фокус-группы, уверен:

Мы в большей безопасности, чем те, кто боятся драться. Главное — ударишь первым.

В ходе наших бесед пацаны подчеркивали «биологическую» потребность драться. Насилие часто представлялось как действие иррациональное или компульсивное («захотелось подраться, и мы поехали в соседний район») или направленное на получение желаемой физиологической реакции («захотелось адреналина, и мы поехали драться»). Но формируются такие представления в групповой среде. Наблюдая реакцию окружающих, пацаны привыкают испытывать радость от драки и воспринимать стычки как праздник. Об этом свидетельствует следующий фрагмент из высказываний членов той же фокус-группы, отвечавших на вопрос интервьюера: «Почему некоторые ребята не любят драться, а некоторые любят?»

Михаил (17 лет): Я думаю, что это зависит от воспитания.

Алексей: И от того, в какой компании. Вот у нас компания. И есть один человек, который не любит драться. Мы ему скажем, ну что ты, пойдём, все нормально будет. Он в первый раз пробует и видит, что мы сильнее. Мы говорили ему, что это адреналин. И он радуется победе. Уже потом сам автоматически начинает драться.

Михаил: У меня брат домой пришел после драки. Я еще тогда поменьше был. Весь в крови, в руках держал кусок щита. Такой радостный, весь в крови, зубов нет. Пришел домой.

В ходе совместных действий, обучаясь и наблюдая за поведением своих товарищей, уличные подростки вырабатывают определенную манеру поведения. Их часто отличает особая походка «вразвалочку», подчеркиваемая преувеличенным движением плеч. Эта «гопническая» походка выражает готовность ответить насилием на любой вызов. Она очень похожа на «крутые походки», практикуемые обитателями американских трущоб («cool walk» и «barrio stroll»), которые, как заметил Кац, превращают «ходьбу из утилитарного занятия в девиантное эстетическое высказывание» (Katz 1988, 88). Подобная походка подразумевает мнимо случайные или преднамеренные «столкновения» с прохожими. В рассказах об уличной жизни постоянно фигурируют слова «столкнулся» и «задел плечом». Такая провокация вынуждает того, кто «задет», либо вступить в драку, либо посторониться.

Как московские уличные подростки, так и казанские представители группировок постоянно упоминали столкновения плечами. Знакомый нам Таджик из Казани вкратце прокомментировал это так:

Со мной много раз было, что я с пацанами плечами сталкивался, — когда просто идешь и ставишь плечо, не для того, чтобы конфликт вышел, а потому что я не считаю нужным ходить, как чухан [лоховатого вида молодой человек].

УЛИЧНЫЕ ИЕРАРХИИ

В восприятии уличных подростков мир делится на «своих» (члены группы) и «чужих» (неуличная молодежь, слабаки и неудачники). В уличном социальном порядке определения пацанов становятся господствующими классификациями. Они выражают символическую власть пацанов в том виде, о котором писал Бурдые:

Символическая власть как власть учреждать данность через высказывание, власть заставлять видеть и верить, утверждать или изменять видение мира и, тем самым, воздействие на мир, а значит, сам мир (Бурдые 2007, 95).

Наши московские и казанские информанты противопоставляли свой истинно мужской порядок неорганизованному и бессмысленному миру неуличных молодых людей, которые в зависимости от региона уничижительно именовались «бакланами», «чушпанам», «чуханам», «ботаниками» или «чертями». К этой категории относятся подростки, избегающие драк и другой коллективной уличной деятельности и живущие по правилам, установленным семьей и школой. Не имея уличных навыков, они легко становятся жертвами унижения, издевательств, ограбления и вымогательства⁴³. Они считаются скучными, немужественными и робкими — в общем, удобными объектами для насмешек. От испытания маскулинности и драмы коллективного существования они пытаются укрыться в мире семьи и школы. Но в этом мире правят взрослые — значит, неуличные молодые люди не принадлежат сами себе. Подобно «пацанам» (lads) из классического исследования британского социолога Пола Уиллиса, посвященного молодежной рабочей субкультуре (Willis 1977), российские пацаны отказывают в мужском достоинстве молодым людям, которые слушаются взрослых.

В рассказах пацанов «ботаник», «лох» или «чушпан» — человек заведомо низшего сорта. Не желая бороться за свою репутацию и мужскую честь, он не может стать членом пацанского братства. В уличных взаимодействиях эти юноши становятся, по определению Гоффмана, «неполноценными людьми» (Goffman 1953). Гоффман поясняет, что такой неполноценный человек не обладает вербальными навыками, необходимыми для общения, странно выглядит и не владеет своим телом. Одежда, манеры, поведение, походка — все в публичном поведении таких людей считается неприемлемым.

Участники московской фокус-группы, отвечая на просьбу дать определение ботаникам, высказывались так:

Они не такие, как нормальные люди. Большинство — такие, как мы. Их не любят, потому что они в меньшинстве.

⁴³ Такие молодые люди могут также рассматриваться как имеющие не гегемонную, а подчиненную маскулинность (Connell 2005).

С ними неинтересно даже о чем-то поговорить. Они не понимают твои взгляды. У них есть математика, физика, они об этом разговаривают.

Это те, кто делает уроки и учится на пятерки. Не гуляют, сидят дома, все время за уроками, за компьютером.

Они говорят: «Мама мне не разрешает. Мама мне сказала: в 9 часов домой. Мама сказала не курить».

Ботаники — они в принципе все в круглых очках таких ходят. У них портфели, знаете, как у первоклассников, штаны прямые какие-нибудь, свитер какой-нибудь такой — и идут с книжкой.

В действительности эти карикатурные образы (круглые очки, свитер, старомодный портфель) не имеют ничего общего с тем, как одевается в наше время большинство подростков. Но они показывают, что с точки зрения уличного пацана неполноценность ботаника проявляется в его самопрезентации. Ботаник — человек робкий и не умеющий возразить. Он не скрывает страха и подчиняется требованиям. На провокации реагирует медленно. Не способен ответить быстро и четко, выдает свою неуверенность. Бойтся конфронтации и отводит взгляд. Почти сразу становится ясно: у него можно отобрать что угодно. Отвечая на заданный в московской фокус-группе вопрос: «Что надо делать, чтобы не быть ботаником?», Михаил ответил:

Нормальный образ жизни вести. Не чмориться, как некоторые. Плюют в него, а он не может ничего сделать. Надо что-то сделать хотя бы, ударить, тоже плюнуть. Надо не бояться.

В еще одной московской фокус-группе 16-летний участник объяснил, как можно отличить ботаника:

Борис: Ты спрашиваешь, подходишь, сколько времени. А у самого часы на руке или телефон в кармане. А он говорит, что не знает, и дальше идет.

С. С. (автор): Вместо того чтобы сказать: «А посмотри на свои», да?

Борис: Да. Некоторые говорят. Но ботаник... Просто по нему сразу будет видно. Если у него что-нибудь спросишь, то он отвечает как маленький: «А что, чего?» Он должен четко и ясно отвечать на вопрос, не тормозить. Тогда понятно, что просто так ты с него ничего не возьмешь. Где сядешь, там и слезешь. Если человек начинает мяться — это сразу уже понятно, что все. Можно взять все что хочешь.

Дистанцируясь от мира уличных сверстников, ботаники, ступив за порог своего дома, попадают во враждебную среду. Они не понимают, как себя вести в этом сложном и коварном пространстве, не знают, как реагировать на провокации, и не готовы дать немедленный отпор или назвать друзей и союзников. У ботаников легко отобрать часы, деньги и мобильные телефоны, и они не знают, к кому обратиться за помощью. Жалуясь родителям или в полицию, они еще больше дистанцируются от мира, в котором их сверстники вершат свое собственное правосудие.

РИТУАЛИЗОВАННЫЕ ПРАКТИКИ НАСИЛИЯ

Встречая неуличных сверстников, уличные пацаны, особенно если они действуют группой, никогда не упустят возможности показать «кто в доме хозяин». Считается, что «домашние» подростки предпочитают подчиняться и терпеть унижения, лишь бы не рисковать здоровьем и, возможно, жизнью.

Пацаны открыто насмеются над своими жертвами, нередко вынуждая их расставаться с личным имуществом. Эта игра призвана подтвердить пацановскую картину мира, в которой они — господа, а их сверстники — некомпетентные лохи, заслуживающие страданий.

Атака почти всегда носит постановочный, ритуализованный характер. Это ритуальное насилие подтверждает доминирование пацанов и натурализует их классификационные схемы. Как поясняет антрополог Кэтрин Белл,

ритуализацию, совершение ритуализованных действий можно описать как стратегически рассчитанное порождение выгодных схем, структурирующих окружающую среду таким образом, как если бы сама она служила источником этих схем и их значимости. Ритуализующие схемы приводят в действие набор ключевых противопоставлений, которые, актуализуясь в пространстве и времени с помощью определенных движений, жестов и звуков, существенным образом структурируют и нюансируют эту среду (Bell 1992, 140).

Приглядимся к этим ритуалам. Завязывая разговор с жертвой, пацаны используют какой-нибудь нехитрый повод — число их достаточно ограничено. Начало разговора выглядит вполне невинно. Жертву могут попросить одолжить мобильный телефон для срочного звонка, причем так, что все понимают: в этой просьбе отказать нельзя. Вот как описывали свои встречи с жертвами участники московской фокус-группы:

Иван (16 лет): Я говорю: «Ну ладно, отдай мне этот телефон. Я тебе его через полчаса, через час принесу». Он уже никуда не может деваться, а я ему еще точку такую ставлю критическую, что уже все. И он мне отдает этот телефон. Я беру, ухожу с ним — и все.

Константин (17 лет): Я ему скажу: «Дай мне денег, я тебе отдам завтра». Он мне даст денег, а завтра я его пошлю. Он станет терпилой.

В Казани существуют схожие практики виктимизации неуличных подростков. Типичный сценарий: два-три пацана, иногда больше, подходят и начинают разговор: «Откуда будешь?»; «У тебя мобила есть? Мне надо другу позвонить». Или: «Помоги, наш друг попал в тюрьму. Надо ему денег отправить». Жертва, дезориентированная, сбита с толку уверенным поведением пацанов, обычно действует по пацанскому сценарию и «добровольно» отдает деньги или мобильный телефон. Если подросток пытается сопротивляться, его избивают. Если кто-то становится жертвой без боя, может последовать еще большее унижение. Терпила вынужден смириться со своим новым положением.

Цель ритуализованного разговора — представить жертву человеком низшего сорта, который лишен пацанских качеств (решительность, сила, самоконтроль и т. д.) и поэтому должен безропотно занять подчиненное место в пацанском порядке. Если жертва пытается как-то оспорить власть пацанов — например, отказываясь платить или не проявляя надлежащего почтения, — ее наказывают.

Таким образом, помимо физической виктимизации подчиненных групп, пацаны укрепляют свою символическую власть, заставляя представителей этих групп признать униженное положение в пацанских классификационных схемах. Каждое действие жертвы можно представить в виде зихера, который должен быть наказан. Именно этот принцип проповедует 29-летний казанский пацан Кирилл:

Я предпочитаю решать вопросы мирно, без кровопролития, хотя мы в любой момент можем приехать и покрошить всех в мелкий винегрет. Надо уметь находить верное решение, идти на взаимные уступки. Но чаще я предпочитаю ставить человека в ситуацию, в которой он неправ по понятиям.

Александр Шашкин (2009, 174) цитирует еще одного члена казанской группировки, который по его просьбе реконструировал типичный диалог между пацаном (П.) и потенциальной жертвой (Ж.):

П.: Слышь, ты откуда будешь?

Ж.: Я не с улицы.

П.: Есть деньги?

Ж.: Нет (за ним первый зихер — с него уже конкретно трясут деньги).

П.: А ну выворачивай карманы!

Ж. выворачивает карманы (второй зихер — это определенно лох).

П.: Ты в курсе, что карманы выворачивают только черти? И кто ты после этого? Короче, чтоб завтра в 15:00 ты был здесь с 50 рублями. Если сдашь мусорам [милиции], я тебе не завидую.

Владение языком понятий позволяет пацанам выступать в роли моральных арбитров и представлять акты насилия как наказание за нарушение заранее установленных норм. Как сказал Немец, один из казанских пацанов, с которым мы беседовали:

Если в каждом человеке покопаться, то всегда можно обнаружить косяк [нарушение], а за косяк можно и прессануть [избить].

Любое поведение — откровенная слабость или, напротив, сопротивление, выраженное прямым взглядом или, наоборот, отведением глаз, — может трактоваться как нарушение подразумеваемого порядка. И тогда пацаны, если им заблагорассудится, будут рады наказать нарушителя. Богдан в беседе с нами признался:

Однозначно не скажешь, что вот его бить можно, а его — нельзя, все зависит от ситуации, в которой ты оказался. Я применял насилие по отношению и к тем, кто меня старше, и кто младше, и к женщинам, но всегда было за что наказывать, поэтому я себя отморозком не считаю.

Унижая жертву, показывая, что «ты никто, и звать тебя никак», пацаны утверждают себя в качестве источника власти. Даже когда физическое насилие не применяется, после контакта с ними объект агрессии испытывает чувство тревоги, загнанности в ловушку, одиночества и унижения, поскольку с ним обошлись как с человеком низшего сорта. Потенциальные жертвы прекрасно понимают, что они бессильны, что им с пацанами не справиться. На одном из казанских веб-форумов обсуждалась тема, как себя вести неуличным молодым людям при

столкновении с гопниками (Гайнуллин 2013). Рекомендовались следующие возможные сценарии поведения:

Достань телефон и делай вид, что звонишь своим друзьям, при этом говори что-то типа «Пацаны, вы где? Я уже вас жду!»

Отвечай на вопросы гопников грамотно, по понятиям (впрочем, по общему мнению, этот метод вряд ли сработает: если гопники хотят что-либо отнять, то отнимут в любом случае).

Попробуй перехватить инициативу в разговоре и отвечай вопросом на вопрос: «А ты с какой целью интересуешься?» С другой стороны, такое поведение может быть воспринято как грубость и спровоцировать нападение.

Участники форума сошлись во мнении, что самое безопасное — постараться вообще избегать какого-либо контакта или пытаться сбить гопников с толку, нарушив их сценарий:

Если видишь толпу гопников, старайся пройти мимо, не глядя в их сторону.

Пытайся вести себя неожиданно или коси под сумасшедшего — ори, громко пой или приплясывай, сделай вид, что у тебя обморок или припадок. Это нарушит план действий гопников, так как они ждут, что жертва пассивно пойдет у них на поводу.

Один участник форума рассказал, как поздно вечером наткнулся на гопников в городском парке:

Подшли двое: типа тут девушку обидели. Сказали, что подозревают меня. Я понял, что это развод. Разговаривали часа полтора. Пришлось импровизировать. Когда спрашивали, занимаюсь ли я боксом, отвечал: «Нет, только карате». Когда спрашивали, знаю ли кого-то с района, перечислял всех, кого мог. Сработало, ребята успокоились и ушли. А вообще лучше избегать таких разговоров. Убежать от них — не трусость.

Такой совет оказался наиболее распространенным, поскольку все остальные методы считались в конечном счете ненадежными: если вы почувствовали опасность, совсем не зазорно развернуться, пойти другой дорогой или бежать со всех ног. На каком-то этапе к обсуждению присоединились ненавистные гопники. Используя матерные выражения и уличный жаргон, они недвусмысленно выразили свое презрение к неумелым участникам форума за отсутствие мужского

достоинства и трусость, после чего заключили, что те полностью заслуживают обрушивающихся на них унижений.

Житель Кировского района Казани, 18-летний Николай, с которым мы беседовали в 2011 году, сказал, что в своем районе часто видит парней из группировок:

Я стараюсь их избегать. С ними очень трудно иметь дело. Они пристают к тем, кто помладше, вымогают деньги или мобильники. Несколько моих друзей они избili. Они всегда ходят группами в поисках приключений, и все проблемы решают насилием. Но у них есть свои иерархии, и хорошо, когда знаешь кого-то, кого они уважают, если хочешь обойтись без неприятностей. Меня никогда не били. Один раз они попросили меня дать деньги на помощь их товарищам на зоне, но я ответил, что это их дело — помогать своим товарищам. Им важно всегда быть правыми, всегда использовать понятия. Говоря с ними, нужно отвечать вежливо и спокойно, с достоинством. Всегда есть момент, после которого разговор заканчивается насилием. Надо стараться его избежать. И не натолкнуться на них по ошибке, не говорить ничего, что они могут воспринять как оскорбление.

Пацаны создают устрашающий образ, основанный на подразумеваемой угрозе насилия и подкрепленный их надменным поведением, презумпцией права повелевать на улице. Единственный способ нейтрализовать угрозу — продемонстрировать собственный силовой ресурс, например, знакомство с нужными людьми, боксерские навыки и т. д., или вести себя уверенно и независимо. Но если пацаны решат, что человек по той или иной причине ведет себя «неправильно», они все равно нападут на него, что бы тот ни делал.

РАЗГОВОРНЫЕ ПРАКТИКИ ПРОТИВ ФИЗИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ

Как мы видели, пацаны далеко не всегда начинают воздействовать на жертву насилием. Они предпочитают вовлечь ее в продолжительный разговор, и только потом переходят к вымогательству денег, часов или мобильных телефонов. То, о чем нам рассказывали в Москве и Казани, — довольно распространенное для России явление. Бреславский пишет, что участники группировок в бурятских селах, где он проводил свое исследование, также гордились способностью отобрать у жертвы деньги или ценности, не прибегая к физическому насилию (Breslavsky 2009). То же наблюдалось в других городах России, а также

в Ереване и Тбилиси (Koehler 1999; Костерина 2008; Захарова 2010; Пономарева 2014).

Широкая распространенность в России нефизических стратегий доминирования контрастирует с повсеместным использованием физического насилия в других уличных культурах, например, в некоторых латиноамериканских кварталах и черных гетто США или в неблагополучных районах Великобритании, где укоренилась гиперагрессивная культура уличных банд (Katz 1988; Anderson 1990; Bourgois 1995; Anderson 1999; Hallsworth, Silverstone 2009). Здесь даже при незначительных провокациях в ход идут огнестрельное оружие и ножи, а стычки с членами других банд и случайными прохожими нередко заканчиваются смертельным исходом. Успех в подобных стычках составляет основу того, что Тома Соваде, исследовавший банды в пригородах французских городов, называл «воинским капиталом» (Sauvadet 2005; 2006)⁴⁴. На российских улицах угроза насилия также всегда присутствует, однако предмет особой гордости пацана — способность одержать верх без применения физической силы, поскольку она подтверждает его элитный статус в уличной социальной структуре. Насилие же не только компрометирует этот статус, но и создает угрозу уголовного преследования.

Кроме того, процесс манипулирования жертвой доставляет агрессору приятные переживания. «Разговор», в котором ведущую роль играют пацаны, загоняет жертву все дальше в ловушку, где она чувствует себя во власти нападающих, лишаясь даже намерения сопротивляться. В книге «Масса и власть» Элиас Канетти утверждает, что власть, в отличие от примитивного насилия, может осуществляться церемониально и неторопливо, как во время игры кошки с мышью:

Кошка дает ей побегать, преграждает путь, заставляет бежать в другую сторону. Как только мышь оказывается спиной к кошке и мчится прочь от нее, это уже не насилие, хотя и во власти кошки настичь ее одним прыжком. Если мышь сбежала вовсе, значит, она уже вне сферы кошкиной власти. Но до тех пор, пока кошка в состоянии ее догнать, мышь остается в ее власти. Пространство, перекрываемое кошкой, мгновения надежды, которые даны мыши, хотя кошка при этом тщательно за ней следит, не оставляя намерения ее уничтожить, все это вместе — пространство, на-

⁴⁴ Французские банды также ценят вербальные и социальные навыки и моральную дисциплину, но, согласно Соваде, наибольшее значение для них имеет физический капитал.

дежду, контроль и намерение уничтожения — можно назвать подлинным телом власти или просто властью (Канетти 1997, 304—305).

Когда пацаны втягивают кого-то в разговор, они создают пространство, в котором их жертва неожиданно оказывается во власти тех, кто подстроил ловушку и теперь контролирует ситуацию, распоряжаясь временем жертвы, ограничивая ее мобильность и фактически манипулируя ее эмоциональным состоянием. Заманивание в ловушку — процесс гораздо более сложный, чем простое ситуационное манипулирование. Пацаны разрабатывают план действий, призванный лишить жертву способности действовать по ее собственному сценарию и обеспечивающий ее подчинение их воле. Попасть в ловушку — значит оказаться в ситуации, где твоя карта заведомо бита.

Существует и более прагматичное объяснение отказа пацанов от немедленного применения насилия. Не исключено, что жертва, которая в данный момент бессильна, впоследствии сумеет отыграться. Хотя пацаны могут по языку тела (невербальным средствам коммуникации), манерам и стилю одежды определить статус человека, его принадлежность к уличным «воинам» или неуличным «лохам», они не могут быть уверены, что за ним не стоит какая-либо сила. Возможно, у него есть родственники или соседи, работающие в правоохранительных органах, друзья в других группировках, знакомые вора в законе или иные влиятельные лица. Именно поэтому вымогательству нередко предшествует допрос, цель которого — определить положение человека в местной системе насилия. Российские города отличаются от неблагополучных районов современных западных городов плотностью социальной сети: здесь люди из разных общественных групп нередко живут по соседству. В такой ситуации преступники не могут исходить из допущения, что жертва лишена доступа к альтернативным источникам власти.

Как бы то ни было, конечная цель пацанов — разрешить ситуацию в свою пользу.

СИЛОВАЯ РЕПУТАЦИЯ

Даже в районах с высоким уровнем преступности группировка, как правило, не может стать единственным источником власти. Она вынуждена конкурировать с другими группировками, с государственными и частными силовыми структурами. Это создает нестабильность, в условиях которой, однако, все агенты насилия со временем

вырабатывают оптимальную стратегию действий, формируют свою репутацию, используют силовые ресурсы и обменивают их с контрагентами.

На улицах участники группировок постоянно противостоят посягательствам на их статус. Эти посягательства могут носить как индивидуальный, так и коллективный характер. Пацан должен защищать свою репутацию и бороться за уважение, но обязан также защищать коллективную репутацию. Любой пацан — представитель той или иной группировки; теряя лицо, он ставит под угрозу всю местную архитектуру насилия. Репутация группировки может быть подорвана, а это чревато вторжением на ее территорию врагов и даже ослаблением ее экономических позиций, потерей части бизнеса. Именно поэтому группировка требует от пацанов силовой реакции на любую провокацию противника. Свидетельствует участник одной из казанских группировок Банан:

Когда ты с улицы, надо помнить, что, даже если у тебя есть возможность не начинать конфликт, тебе это могут потом предъявить, сказать, что ты лоханулся, когда тебя обидели. Например: ударили плечом, а ты не ответил. Поэтому лучше всего с таким человеком выяснить отношения и, если что, наказать его.

Из-за постоянной необходимости отстаивать свою честь пацану трудно избежать столкновения с представителями других улиц, даже если он предпочитает решить спорный вопрос мирным путем. Правило «пацан всегда прав» означает, что авторитет участника группировки не может быть оспорен и в любой конфронтации он должен одержать верх. Комментирует Немец:

Как нас раньше долбили старшие, так сейчас мы долбим младших: пацан всегда прав, нужно стоять на своем. А в этих условиях избежать конфликта очень тяжело.

Отступить для группировщика — значит нарушить понятия. Гарик подытожил:

Каждый, кто это заслужил, должен быть наказан. Я не стану нарушать понятий и терпеть оскорблений от кого бы то ни было.

Все пацаны, особенно младшего возраста, постоянно дерутся с подростками из других группировок на улицах, в автобусах и в ночных

клубах. Драки часто начинаются с того, что кто-то кого-то «задел плечом». В некоторых случаях это можно проигнорировать, но если тебя задели преднамеренно, реакция должна быть силовой. Трофим пояснил:

Если идешь по улице и нечаянно задеваешь кого-нибудь, то это одно, можно обойтись и просто извинением, а если ты идешь и тебе пытаются хамить, тут без силового решения не обойтись.

Влад подтвердил:

Часто бывают стычки в ночных клубах. Вот мы недавно ходили в клуб «Парадиз», а там сплошь кварталовские тусуются. Задели их нечаянно несколько раз плечами, во время танцев не замечаешь ведь. Взяли нас, вывели в туалет поговорить, и там началась драка. Нас было трое, их — пятеро, поэтому драка прошла не в нашу пользу. Сильно нас не били, но было малоприятно. Соответственно, потом была ответка, и били мы уже кварталовских.

Пацаны, однако, не могут принимать вызовы от всех подряд. Их аристократический статус не позволяет вступать в групповые драки с обычными уличными компаниями. Пацаны могут драться только с равными. В этой связи Радик заметил:

С кем-то из пацанов дружим, с кем-то воюем... Пацаны ссорятся и мирятся, но по-любому это пацаны, и только с ними ты можешь иметь дело.

При встрече с группой обычных подростков пацаны предпочитают выбрать из них одного-двух и избить в назидание другим. Коля рассказал, что однажды честь группировки была оскорблена каким-то парнем, якобы распространявшим слухи, что у них на улице одни наркоманы. Когда пацаны забили с ним стрелку, он неожиданно привел с собой друзей. Колины товарищи были шокированы тем, что какие-то лохи смеют им перечить:

— Да вы кто такие?

— Просто друзья, и сейчас будет битва!

— Тогда идите на хрен, с вами никто разговаривать не будет!

Один хрен: нашли кого-то крайнего и его замесили. Но этот случай мне запомнился, вот такие друзья есть у людей.

Пацан не может извиниться перед лохом, иначе он рискует потерять лицо. Трофим сказал нам:

Когда я виноват, то готов извиниться перед пацаном; если передо мной не пацан, то извиняться не буду, просто уйду.

Сложные ситуации возникают в случае ошибочной идентификации, когда с виду беззащитный «простолюдин» сам оказывается воином, пацаном с улицы, или находится под защитой другой группировки, так что нападение на него может привести к серьезной эскалации межгруппового насилия. В таких случаях пацаны могут урегулировать ситуацию мирным путем, если это не грозит им потерей лица. Резюмирует 17-летний Анвар:

По сути, любая ситуация может кончиться тем, что мирно разойдешься или будет схлест. Например, ты хотел кого-нибудь развести на бабки, а он оказался пацаном с улицы. В таком случае, если этот пацан сделал все так, чтобы тебя не оскорбить (например, не крикнул, что ты черт, не оскорбил улицу), тогда все можно замирить, сказать, что обознался, и все. Можно даже с этим пацаном за жизнь поговорить. Или чушпана щеманул, а он оказался чьим-то сладким [объектом постоянного вымогательства], — тогда, если пацаны, которые с него имеют, разговаривают с тобой на стрелах нормальным тоном, не кидаются словами, то опять нет причин для схлеста. Все зависит от поведения, как твоего, так и того человека, с которым ты пересекался.

Иногда пацаны по ошибке задирают подростков из союзнических группировок. Но это недоразумение не обязательно перерастает в конфликт и может быть быстро урегулировано, поскольку большинству драк предшествует выяснение положения собеседника на местной силовой арене: «Откуда будешь?», «Кого знаешь?». Оценка Коли:

Если сталкиваются пацаны с улиц-союзников, то там просто извинения — и все, мирно расходятся. А если это улицы, между которыми таких отношений нет, то будет конфликт.

ОТВЕТКИ И ВОЙНЫ

Мир негосударственного насилия отрицает верховенство закона. Это сложная социальная арена, где статус и в конечном счете жизнь че-

ловека зависит от его силовой репутации⁴⁵. Бдительное поддержание собственного положения среди других бойцов, необходимость моментального возмездия при посягательстве на твой статус, потребность в устойчивой силовой репутации и, наконец, готовность к взаимному уничтожению — все это налицо в насильственном мире улиц и высших эшелонов бандитских иерархий. Такие же императивы действуют и в других экосистемах, куда не может в достаточной мере проникнуть государство. Люди, живущие в мире улиц, с их особым кодексом поведения, вынуждены бороться за «уважение», используя силу или угрозу ее применения (Katz 1988; Bourgois 1995; Anderson 1999; Barker 2005; Lauger 2012). Они вовлекаются в убийственный кругооборот насилия, чтобы отстоять мужскую честь, с которой ассоциируют свой статус. Как отметил Андерсон в книге «Кодекс улицы»,

если другие не считаются с твоей мужской честью, под угрозой может оказаться сама твоя жизнь и жизнь твоих близких. С другой стороны... физическая безопасность человека с большей вероятностью оказывается под угрозой в публичном пространстве *именно потому*, что мужская честь ассоциируется с уважением (Anderson 1999, 91).

На территориях, контролируемых российскими уличными группировками, как и в описанных Андерсоном филадельфийских трущобах, молодым людям постоянно приходится защищать свою честь.

Посягательства на нее, как уже сказано, носят не только индивидуальный, но и коллективный характер. Группировка стремится установить на территории коллективный силовой режим — следовательно, если один из ее участников публично потеряет лицо, может пострадать общая репутация. Малейшие провокации или обиды чреватые войнами. Если пацана оскорбляет или избивает участник другой группировки, понятия однозначно требуют встречных действий — так называемой ответки. Уличное насилие во многом порождается пацанами младших возрастов, но, каким бы глупым и бессмысленным ни считали такое поведение старшие, вся группировка

45 Анализируя деятельность современных группировок Лондона, Саймон Хардинг использует понятие поля по Бурдьё. Как он утверждает, «городская уличная банда — пример ее собственного социального поля, структурированного пространства, где акторы (бандиты) конкурируют в процессе накопления дефицитных ресурсов: денег, уважения, репутации и статуса» (Harding 2014, 55). Такой подход делает акцент не на коллективном, а скорее на индивидуальном накоплении, осуществляемом членами банд, которые конкурируют друг с другом за важные социальные блага.

ровка должна встать на их защиту, чтобы избежать репутационного риска.

Если межгрупповой конфликт носит характер беспредела — например, если пацана избили без видимой причины, в нарушение понятий, — может разразиться война. Война — чрезвычайно важное событие в жизни группировки. Она остается ключевым ритуалом группировки, хотя в наши дни подобные войны не столь кровопролитны, как в девяностых, и редко заканчиваются гибелью людей. Подтверждая деление на «своих» и «чужих», война служит единению членов группировки.

Вот как описал подготовку к военным действиям, оказавшуюся, впрочем, ложной тревогой, Сева:

Сижу дома, в ус не дую. Тут звонок по телефону от нашего смотрящего: «Срочно, — говорит, — собирай своих молодых, экстренный сходняк». Я собираю два возраста, мои тоже подъехали, стоим, гадаем, что случилось. Тут понаехали старшие и авторитеты — человек 60 всего. Я думаю: все, приплыли, опять война. Тут нам объясняют — нашему пацану позвонил какой-то хрен, забил стрелу на вечер и сказал, что, если тот не придет, то он убьет всех его родных. Причем не представился, и мы не знаем, то ли это пацаны, то ли мусора. Короче, погрузились в машины и в количестве 100—120 человек поехали на стрелу. В назначенном месте стоят трое — два пиздюка и девчонка. И мы тут, как тараканы, из машин повыскакивали. Те стоят — обоссались, обосрались, слова сказать не могут. В конце концов выясняется, что наш пацан с этой бабой в одном техникуме учится и сегодня утром ей нахамил. А она рассказала своему парню, что он к ней приставал. И тот решил разобраться — как-никак он недавно к улице подошел, окрылился. В общем, мудохать их не стали, но по жопе пнули, нах послали и предупредили, что в следующий раз за такие угрозыотрежем язык и в попу затолкаем.

Если разовая ответка обычно завершается в течение дня, войны могут длиться несколько дней. Военная кампания тщательно готовится. Группировка планирует операции, собирает разведывательные данные об адресах проживания противников, устанавливает ловушки, устраивает неожиданные засады, берет и допрашивает пленных. В войнах участвует весь личный состав улицы, кроме старших возрастов. Улица должна быть мобильной и иметь в своем распоряжении транспорт, чтобы своевременно перемещаться с места на место или, при необходимости, быстро ретироваться. Редкие военные действия проходят без использования пацанами своих транспортных средств,

причем, как и любые другие деловые расходы, стоимость бензина покрывается из общака. Победу в войне одерживает та группировка, которой удастся причинить противнику больший урон: избить чужих бойцов, повредить или присвоить автомобили, взять пленных. Война заканчивается, когда побежденная сторона просит мира или побеждающая сторона удовлетворяется результатом. Тогда происходит встреча между представителями обеих сторон. Если им не удастся достичь мирового соглашения, война продолжается.

В отличие от девяностых сейчас «войны за асфальт» или дележ перспективных направлений бизнеса случаются крайне редко. Кошмар рассказал нам:

Выездных акций для захвата бизнеса у нас не было, все давно поделено, и чтобы оттяпать жирный кусок у «соседей», надо серьезную войну начинать, а не войнушки, как у нас, которые пару дней длятся.

В этом же духе высказался Испуг:

В войны мы не ввязываемся, только если дело серьезное. Но серьезных войн давно уже не было.

В девяностых ситуация была кардинально иной. История тогдашних казанских группировок изобилует примерами крайне жестокого насилия. Так, во время конфликта между группировками «Хади Такташ» и «Перваки», начавшегося из-за 200 граммов кокаина, который один из лидеров «Перваков» взял у хадишевских не заплатив, был убит лидер «Перваков». В отместку «Перваки» убили одного из хадишевских. После этого лидер «Хади Такташа» Раджа объявил «Первакам» войну. Он сказал, что группировка будет платить по 5 тысяч долларов за убийство рядового первака, а за убийство их лидера обещал 50 тысяч долларов. Списки врагов, их адреса и номера машин были размножены и переданы всем членам ОПГ «Хади Такташ». Семь перваков были убиты. Ни один хадишевский не пострадал, но с тех пор Раджа всегда носил под одеждой бронежилет (Сафаров 2012).

В наши дни характер войн изменился. Огнестрельное оружие и ножи используются редко. Цель пацанов — поквитаться за обиду и продемонстрировать силу группировки, но они уже не стремятся убить или серьезно покалечить своих противников (впрочем, при вспышке насилия результат может быть и непредсказуемым, так как пацаны увлекаются и теряют контроль над собой). Ансар описал одну такую краткую войну; несмотря на очевидную опасность, которой

подвергались пацаны, она больше походила не на мафиозные баталии, а на детскую драку:

Есть у меня на памяти один случай, связанный с выездными акциями. Короче, звоню своей подруге, что скоро буду у нее, попросил разогреть суп и что-нибудь еще. Только собрался ехать, звонок от смотрящего: «Всем собраться, началась война!» Я поехал на сбор. Когда шел к месту, смотрю — летит толпа пацанов, все с дубинками, раз — окружили, один из них меня узнал, ебнули по черепу и посадили в машину. Двое остались меня охранять, остальные полетели месить наших — все еще не успели собраться. Короче, взяли меня в плен, держали три дня у одного старшего в квартире, били, жгли зажигалкой ладонь, короче, пытали, хотели знать адреса наших пацанов, но я их не сдал. Война кончилась через три дня, меня вернули, пришлось сразу же пойти в медпункт, но вроде все цело было. Так что к подруге я попал через несколько дней. Она, конечно, была в шоке, был скандал, но потом все устаканилось. Говорить ей, где я был, не стал. Не бабское это дело.

Рассказ Севы также оставляет впечатление, что война — это вид игры, где участники стараются увеличить счет в пользу своей команды, — хотя при этом последствия для их здоровья и жизни могут быть в высшей степени реальными:

Идет война, мы сидим и думаем, чем заняться. Счет был 5 : 1 в нашу пользу, и поэтому старшие велели не высываться и спокойно ждать, когда соперники решат замирить ситуацию. Ну а нам захотелось увеличить счет, отпиздили еще нескольких человек. Впятером сели в машину и поехали по адресам. Но мы облажались — в одном подъезде нарвались человек на 20 противников и были жестоко избиты, плюс ко всему они забрали нашу машину. В итоге войну пришлось мирить нашей улице, а мы от старших получили охуенную вьёбку.

Исход войны не столь важен, как было в 1990-х, когда войны велись за расширение территории и захват экономических ресурсов, но по-прежнему имеет значение. Война подтверждает территориальное деление и может даже улучшить положение той или иной улицы. Вот что рассказал Женя:

Когда мы воевали с довольно крупной и сильной улицей, нам необходимо было показать, что с нами надо считаться. Решили взять наглостью и неожиданностью. Территория этой группировки очень большая и за-

нимает около половины района, поэтому мы сделали так: в центр их территории отправилось четыре группы человек по 20. Каждую группу страховали несколько машин — так, чтобы можно было в случае проблем быстро перемещаться или просто-напросто скрыться. И вот эти четыре группы под прикрытием машин стали быстро двигаться от центра к периферии. По пути останавливали каждого молодого пацана и, если выясняли, что он местный, его тут же забивали. Били на улице, в подъездах, в общественном транспорте, и всего минут за 20 положили очень много народа и благополучно скрылись. На следующий день мы получили предложение сесть за стол переговоров, и на этом все закончилось.

Во время войны существуют определенные ограничения на применение насилия. Так, нельзя преднамеренно калечить пленника или мочиться на лежачего пацана из противоборствующей группировки — это считается беспределом.

УРЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТА ПРИ ПРЕВОСХОДЯЩИХ СИЛАХ ПРОТИВНИКА

Какие ситуации возможны вне ритуализованных схлестов и войн? Что происходит, если пацаны неожиданно оказываются лицом к лицу с превосходящими силами противника? В таких случаях им помогает выпутаться из казалося бы безвыходной ситуации искусное владение понятиями. Обнаружив себя в меньшинстве, члены группировок пытаются апеллировать к общему пониманию справедливости, к системе негласных правил, структурирующих неформальное насильственное взаимодействие.

Мы попросили наших информантов вспомнить потенциально опасные случаи, из которых им и их товарищам удалось выбраться невредимыми. Некоторые истории основывались на личном опыте, некоторые были частью героического фольклора группировки. Основной принцип поведения при встрече с превосходящей силой — «правильно повести разговор», чтобы попытаться одержать верх. Иногда при помощи ссылки на общее понимание приемлемого и неприемлемого можно обратить безнадежное положение в свою пользу и, несмотря на перевес противника в силах, сохранить жизнь, здоровье и честь. В одной такой ситуации 24-летний Цыган продемонстрировал виртуозное владение искусством словесной акробатики, спасшее его самого и его друзей:

В любой ситуации первым делом нужно постараться решить конфликт мирным путем, но при этом, соответственно, стараясь не идти на уступки. Был у меня такой случай, когда мы втроем развели толпу в 40 человек, которые приехали нас конкретно гандошить. Мы, конечно, были не правы, но повели разговор правильно и вышли из этого косяка, не упав лицом в грязь. С ребятами разошлись в хороших отношениях, не имея друг к другу претензий. Все произошло у нас на даче. Мы с пацанами приехали отмечать мой день рождения, было нас человек десять, с нашей улицы — только два человека. Идем к нам на дачу, и вдруг слышатся крики: «Вора поймали». Мы пошли посмотреть: видим, местные ребята поймали двух пацанят, лет по 13—14, которые залезли к одному из них домой и украли крупы и прочую мелочь. Мы с товарищами подошли, начали разбираться, отобрали ворованное. Во время разговора один из пацанят начал кричать, дерзко разговаривал, за что мой товарищ слегка ебнул его в хавальник [рот]. Инцидент был исчерпан, и мы, довольные, разошлись, — тем более за пацанами приехали какие-то женщины, которые начали орать, что нам вечером всем пиздец и чтобы мы готовились. И вправду, вечером понаехало человек сорок пацанят лет от 14 до 17, все с монтировками, дубинами, кастетами и кирпичами.

В один момент мы втроем (остальные подошли гораздо позже) оказались в толпе. Начался разговор. Я спросил: «Откуда будете?», сам представился, попросил старших выйти из толпы и отойти для разговора. Вышло человек пять старших, которым было по 17 лет. Мы отошли в сторонку. Затем я сказал: «Пацаны, мы с вами разговариваем не заряженные [не вооруженные], а вы с кирпичами, дрынами». Те крикнули, чтобы младшие бросили оружие, и в два счета выросла целая горка. Затем начался разговор, я спросил, в чем был головняк [проблема]. Они объяснили, что их пиздюка здесь отмудохали, причем по беспределу, потому что воровать не запретишь. Я сказал, что пиздюка избивали за дело, а не за воровство — он хамил, за что и был наказан. Старшие сказали, что пиздюк не хамил (так оно и было). Но я сказал: «Ты че его слушаешь? Слушай, что тебе люди говорят. Ваш пиздюк вашу улицу ставит в неудобное положение, напел с три короба, и теперь вы за него вписываетесь. Это неугодный улице человек». Их старшие спросили, что мы предлагаем сделать. Я ответил: «Ваш пацаненок у нас украл, вещи он вернул, за хамство ответил. Если у вас нет претензий, давайте пожмем друг другу руки и мирно-тихо разойдемся». Пострадавшего пиздюка спросили, имеет ли он претензии. Он имел и предложил прыгнуть с обидчиком в отмах [устроить драку один на один]. Но мой товарищ, который его наказал, был его на три головы выше и отказался, мотивируя это тем, что с двух ударов вобьет

того пиздюка в землю по пояс и что он отказывается убивать дите. Отказ был принят, и инцидент окончательно потерял весь смысл. Так мы и разошлись.

Подобно Одиссею, которому все время приходилось «уточнять курс, проявлять хитрость, изобретательность, обходить опасности, молоть языком, обманывать и спасаться от гибели» (Nicolson 2014), бойцы группировки избежали возмездия от рук мощных противников благодаря хитрости и находчивости. Сославшись сначала на принцип справедливости (равенство сил), затем обвинив противника в нарушении понятий (проявление хамства по отношению к пацану) и отказавшись драться с чересчур слабым пострадавшим, они вышли из создавшейся ситуации целыми и невредимыми, причем не уронив своего достоинства.

Знакомый нам Сева вспоминает, как он и его товарищи, ожидая, что будут иметь дело с беззащитным лохом, внезапно нарвались на бывших уголовников:

Один раз мы с товарищами пришли забирать долг с одного чушпана. У него был месяц, чтобы собрать сумму, и в назначенный день мы появились у него. На звонок из дверей вышли два мужика, лет 45—50, все в наколках. Один из них кричит такую хуйню: «Вы че, типа, ебнулись — с моего племянника деньги вымогать, да я, бля, чуть ли не вор в законе, да вас сейчас зарежут». Ну, я не растерялся: «Мне, честно говоря, по херу, кто ты, че ты. Твой племянник, мол, назихерил, и за это должен нам денег. Он согласился их отдать». Ну, короче, грузу его по понятиям. Короче, выясняется, что племянник дяде ничего не сказал и преподнес это так, что кто-то требует от него денег. Этот урка обещал племянника отпиздить, попросил еще неделю на сбор денег и пообещал все проконтролировать. Ну а мы, в свою очередь, подписались на этом оставить чушпана в покое, после чего пожали руки и разошлись.

Иногда приходится блефовать и делать вид, что обладаешь большей силой, чем на самом деле. Давид рассказал нам о таком случае:

Был такой период, когда я по утрам целовал жену на прощание и не знал, смогу ли повторить это когда-нибудь. Помню один такой случай, когда мы сильно рисковали. На нашу фирму наехали, неизвестно кто, причем они тоже не знали, кто мы. И, как назло, наш лидер, многие авторитеты и часть бойцов уехали в другой город, а стрелка забита на завтра. Решили все взять на себя и разыграть из себя крутых авторитетов. Мне выпала роль лидера. Заранее придумали сценарий и несколько раз все

репетировали. Первым делом выбрали самые крутые машины и модную одежду. Пацаны мне собрали самые массивные золотые цепи и перстак [перстни], расписали, кто что должен делать и говорить.

Короче, едем на стрелку. Там уже стоят человек двадцать, причем видно, что многие с оружием. И тут они наблюдают такую картину. Подъезжает кортеж из десяти машин, все сплошь иномарки, а впереди огромный тонированный и дорогуший внедорожник. Из него вылезает охрана в кожаных плащах и с калашами. Один из них услужливо открывает дверь и помогает мне выйти. Я выхожу — весь в золоте, в шляпе и дорогом пальто. Следом за мной из других машин выходит братва, все как на подбор здоровяки, и все заряженные. Я делаю несколько шагов в сторону противника, один из охранников достает из машины раскладной стул, другой достает из портсигара дорогую сигару и дает прикурить от золотой зажигалки. Все было продумано до мелочей: услужливые охранники, стульчик, сигара. Мы смотрим, они как-то притихли, кураж сразу улетучился. Я так расслабленно говорю, не повышая голоса: «Ну, и кто тут наезжает на моих ребят?» Сразу же пошли заверения, что это глупая ошибка и никто не хочет ссориться. И уже вечером, когда все было кончено, мы, сидя в кафе, облегченно смеялись над тем, как нам удалось пустить пыль в глаза. Хотя повторюсь: будь ребята немного проницательнее, все могло закончиться не так гладко.

Многие истории смахивают на голливудские сценарии и могут быть столь же далеки от действительности. Тем не менее очевидно, что подобное использование обмана и хитрости — необходимая тактика выживания в потенциально опасных для жизни ситуациях. В этом мире надо действовать уверенно и решительно, используя любую имеющуюся или воображаемую поддержку.

ПРИМЕНЕНИЕ НАСИЛИЯ

Группировка применяет насилие не только с целью получения экономической выгоды или в уличных битвах за «уважение». Там, где полиция и суды не пользуются доверием, где люди берут правосудие в свои руки, навыки насилия (как физического, так и вербального) могут спасти от нападения, помочь выйти победителем из конфликтной ситуации или послужить ресурсом в местной системе силового обмена между группировками и другими субъектами формальной и неформальной власти.

Рассказы казанских пацанов показывают, что никто из них не чувствует себя в безопасности. Относительно защищенные на собственной территории, в других районах города или за городом они подвергаются постоянному риску. В наших интервью то и дело звучала тема угроз, которые подстерегают пацанов на их загородных дачах. В деревнях есть свои группировки, и для них чужаки представляют вполне подходящий объект нападения — с целью кражи, грабежа или вымогательства. Нафик рассказал нам о ситуации, в которой члену группировки пришлось вызывать подмогу из Казани:

Я расскажу о моем знакомом — старшем одной из улиц нашего города. К нему на дачу, которая находится в Марийке [Республике Марий Эл], повадилась лазить молодежь из соседней деревни. Залезали несколько раз. Ему это надоело, и он устроил им сюрприз — залег в засаду и поймал ворюшек. Соответственно, их отпиздили и выкинули. Но парни оказались из деревенской группировки и погрозились, что сожгут все дачи. Тогда мой знакомый забил с ними стрелу. В назначенное время подъезжает он со своими ребятами, которых пригласил из Казани, — всего четыре человека, на старых Жигулях. На месте стоит толпа — человек 40—50, все с дубинками, вилами, кто с топорами-молотками. Казанские вылезли, их начала окружать толпа, явно с намерением всех положить. Наши выходят, спокойно открывают багажник, в котором лежат несколько автоматов, мой знакомый берет один и дает очередь в небо. Деревенские сразу остановились. Мой знакомый: «На колени!» Они опустили. Тут он им растолковал, что заниматься воровством на его даче нехорошо, нехорошо также выставлять [грабить] дачи его соседей. В конце выдает такую фразу: «Если кто не понял, в следующий раз приедем и... вон у вас лес какой большой, там на всех места хватит, всех там похороним, устроим вам в лесу братскую могилу».

Аналогичная акция понадобилась, когда член группировки стал жертвой вымогательства. Вот что рассказал Фарит:

Мне очень запомнилась акция, когда мы выезжали на помощь одному из наших старших. Он купил участок земли за городом, начал строиться, и имела место такая ситуация. К нему подошли два кекса [человека] из деревни и говорят: «Ты здесь живешь?» Он: «Да». Они: «Так, короче, это наша земля, нам будешь платить дань!» Наш старший говорит: «А хочешь, я тебе бумагу покажу, что земля моя?» Они: «Да ты своей бумагой задницу вытри, завтра же привезешь денег, а не то жить больше не будешь». И сказали, куда привезти деньги. Старший вызвонил подмогу, и мы решили поехать туда толпой в несколько возрастов, просто

чтобы развлечься. На следующий день в назначенном месте ждали те местные бандюки и с ними еще человек пять с топорами, вилами, дубинами. Подъезжает десяток машин, их берут в круг, вылезают наши пацаны, многие со стволами, и старший говорит: «Ну что, парни, сколько денег дать?» Те ничего сказать не могут. Старший им говорит: «Я тут дом строю, работники нужны, вам сколько дать денег, чтобы вы мне дом положили?», а сам играет пистолетом в руке: то наведет, то опустит. Те поняли, что просто так не уйти, и пообещали старшему дом положить бесплатно, в знак хорошего соседства. Кстати, дом положили.

В еще одной ситуации, описанной Фаритом, сокурсники пытались вымочь деньги у одного из участников его группировки:

У нас был очень интересный случай, который произошел с нашим младшим, который учился в КФЭИ [Казанском финансово-экономическом институте]. У него на курсе была банда небольшая, три-четыре человека, которые вымогали деньги и вещи у разных мажориков. Так вот, они решили, что этот пацаненок — тупой мажорик, денег у него много, с него можно истребовать. Подошли к нему после занятий, начали грузить, сказали, что завтра принесешь денег, много-много. Он: «Сколько надо?» Они: «Столько-то». Он: «Хорошо, завтра принесу». Потом про это рассказал старшим и предложил способ, чтобы тех наказать. На следующий день стоят двое, ждут мешков с деньгами, тут подъезжает машина, из нее вылезает чувак с обрезом и говорит: «Быстро в багажник!» Увезли их в лес и дали лопаты: «Копайте яму!» Те выкопали. Потом им говорят: «Вот видите, яма есть, вас в нее пока не положат, но знайте, что яма есть, и в следующий раз останется просто вас в нее кинуть и закопать».

Ильсуру удалось, используя различные угрозы, убедить членов чужой группировки, контролирующей автостоянку, возместить ему понесенный ущерб, что для рядового автовладельца было бы сродни чуду:

Для меня решение конфликта словами предпочтительней применения насилия. И у меня практически всегда получается убедить собеседника. Один раз, когда мы переехали в новую квартиру, я оставил машину на ночь на ночной стоянке. Утром выхожу — крыло мятое. Я к пацанам подошел, объясняю ситуацию, требую возмещения ущерба. Охранники-пацанята отказываются, говорят, что произошло это тогда, когда их дежурство закончилось. Я говорю: «Ладно, а кто это сделал?» Те мнутя, не говорят. Я говорю: «Ладно, пацаны. Мы можем по-другому поговорить. У меня связи в ментовке, могу сделать так, чтоб вашу стоянку закрыли.

Или ночью приеду с дробовиком и полстоянки картечью обстреляю — разбирайтесь потом сами». Ну и в том же духе. Пацаны почувствовали, что впираются [нарываются на неприятности], и сказали, что это пацан из среднего возраста выезжал на своей машине, по неопытности задел меня. Я попросил передать, что хочу с ним встретиться. Встретились, обсудили вопрос, нашли общих знакомых, и он оплатил мне ремонт.

Группировка может одалживать свой ресурс насилия другим силовым агентам. Салагаев, Шашкин и Коннов описали следующий случай, рассказанный им 22-летним участником группировки: у брата сотрудника милиции возникли в школе проблемы с местной группировкой. Милиционер решил не ходить в школу и не прояснять ситуацию, так как это повредило бы репутации его брата, и предпочел обратиться за помощью к своим знакомым из другой группировки. Те пришли в школу и решили вопрос. В результате такого вмешательства «мафии» репутация брата милиционера не только не пострадала, но даже укрепилась (Salagaev, Shashkin and Konnov 2006).

УМЕНИЕ ОРИЕНТИРОВАТЬСЯ В ГОРОДЕ

Демонстрируя в одних ситуациях готовность при малейшей провокации драться, а в других проявляя крайнюю осторожность и способность идти на компромисс, пацаны искусно ориентируются в сложной реальности современного города. Они не всегда могут считать свое превосходство чем-то самоочевидным. Ильсур описал случай, когда члены его группировки, надеясь заманить в ловушку лоха, сами оказались в западне:

Двое пацанов из младшего возраста докопались до какого-то парнишки, с которого хотели стянуть деньги. Тот денег не дал, представился как сам по себе, о чем-то еще они с ним поговорили, и кончилось это тем, что тот парень забил нашим стрелку. Пацанята пришли довольные, смаковали ситуацию, кричали, что этого парня они вечером разведут и с него съебут. Поскольку опасности не было, на стрелку поехали пять-шесть человек с того возраста и их смотрящий, мой товарищ. Подъехали на место стрел, которые были забиты в довольно глухом месте, тот парнишка со своим товарищем уже там стоят. Наши пацаны на них надели, пошли буром, начали кричать, что те отсюда не вернуться, что их закопают. Те парни стоят как-то спокойно очень, не реагируют. И тут, на раз-два-три с двух сторон вылетают мужики, два на два, в голубом камуфляже, ма-

ски-шоу: «Всем стоять!» Кто пытался бежать, того чуть не затоптали, всех покидали в автобус и повезли в РОВД. Тот парнишка, с которым забили стрелку, был сыном одной милицейской шишки и решил поприкалываться, посмотреть, как захватывают «бандитов». Вот он и замутил все это, не сказал при встрече, кто он такой, а то от него сразу бы отстали.

Как мы уже видели, способность хорошо ориентироваться в местной системе властных отношений проявляется во время стрелок, встреч с потенциальными жертвами или членами других группировок, в ходе которых пацаны сначала выясняют, есть ли у человека или группы какой-либо силовой ресурс, и лишь потом решают, урегулировать конфликт мирным путем или завязать драку.

Группировка может стать злейшим врагом самой себе, если под воздействием алкоголя или жгучей обиды решит идти напролом и бросит вызов другим местным силовым агентам. Так один вроде бы незначительный случай стал началом конца руководства некогда мощной, созданной еще в 1970-х годах казанской ОПГ «56-й квартал». В 2005 году трое бойцов СОБРа (специального отряда быстрого реагирования), ветераны чеченской войны, загорали на берегу Волги в Казани и заступились за девушку, к которой приставали пьяные юнцы из группировки. В последовавшей драке пацаны были побиты собровцами и пожаловались на них своим старшим, которые, в свою очередь, доложили об инциденте лидеру группировки Олегу Гринину (Грине), пьянице и наркоману, известному своим неуравновешенным характером. Гриня отдал приказ наказать милиционеров. Двадцать пацанов отправились на пляж и зверски избивали троих собровцев. Такой вызов милиция не могла оставить безнаказанным. Спустя несколько месяцев были собраны необходимые доказательства преступлений ОПГ и последовали массовые аресты участников группировки. В 2007 году 11 человек, в том числе основные лидеры и авторитеты, предстали перед судом, а Гринин за свои прошлые преступления был приговорен к 24 годам лишения свободы (Беляев, Шептицкий 2012, 255–256).

ПОВСЕДНЕВНОЕ НАСИЛИЕ

Уличное насилие — лишь часть гораздо более широкого поля социального насилия. Некоторые антропологи используют понятие «повседневное насилие», введенное Шепер-Хьюз в ее исследовании насилия в Бразилии (Scheper-Hughes 1992). Она сосредоточивает внимание на «индивидуальном жизненном опыте, который делает нормой рядовую жестокость

и террор на уровне местного сообщества и формирует общую привычку к насилию или, можно сказать, этос насилия» (Bourgois 2004, 426)⁴⁶. Наши интервью с членами группировок и обычными жителями Казани выявили высокий уровень ожидания насилия в местном сообществе. Люди по обе стороны «баррикад» испытывают чувство постоянной опасности. Как сказал местный житель Айрат, «все может случиться, никто ничего не исключает. Один Бог знает, что может произойти. Насилие может исходить от кого угодно: от гопников, от ментов». Такое же ощущение жизни под неотступной угрозой насилия владеет и пацанами.

В рассказах пацанов очень часто упоминалось домашнее, сексуальное и уличное насилие, причиной которого был алкоголь, причем в этих ситуациях пострадавшими оказывались они сами, их друзья и родственники. А. Сафаров в своей книге отмечает, что в середине девяностых, на пике бандитской преступности в Татарстане, чрезвычайно много преступлений было совершено именно под воздействием алкоголя, часто в ходе конфликтов между родственниками, соседями и друзьями. Он указывает, что в 1996 году органы внутренних дел Татарстана ежемесячно регистрировали 50–60 убийств, совершенных родственниками и знакомыми жертвы; описывает дикие случаи убийства жен мужьями, детей — отцами и даже убийство бабушкой своего внука, буйного алкоголика. Дополняет картину немотивированное пьяное насилие во время народных гуляний и праздников (Сафаров 2012, 42). Хотя в 2000-х годах количество тяжких преступлений в Татарстане уменьшилось (см. ниже табл. 1), наши информанты, проживавшие преимущественно на окраинах Казани, по-прежнему повсеместно ощущали угрозу насилия. Членство в организованных преступных группах в какой-то степени защищало от насилия, но не могло его полностью предотвратить и, как мы уже видели, лишь увеличивало риск возникновения конфликтных ситуаций. Само существование преступных группировок в местном сообществе оказывает пагубное влияние на социальную жизнь, способствуя ожиданиям силового разрешения личных и деловых конфликтов и повышая тем самым общий уровень насилия⁴⁷.

⁴⁶ Повседневное насилие включает в себя бытовое, межличностное и делинквентное насилие (Scheper-Hughes, Bourgois 2004, 426).

⁴⁷ В своем исследовании деятельности мафии в сицилийском городе Джела (Gela) Стефано Бекуччи показал, в частности, что появление преступных организаций в этом городе изменило местную жизнь, вызвав рост институционального недоверия и развитие патрон-клиентских отношений, вследствие чего насилие стало приемлемым инструментом разрешения конфликтов (Vesucci 2011).

Таблица 1

ДИНАМИКА ПРЕСТУПНОСТИ В ТАТАРСТАНЕ

Год	Всего	Убийства	Преступления в составе организованной группы	Преступления с применением огнестрельного оружия
1987	25 534	—	—	—
1988	28 093	—	—	—
1994	61 907	662	—	269
1995	59 417	651	—	239
1996	52 817	589	—	167
1997	49 322	587	—	225
1998	52 963	613	—	211
1999	72 161	690	502	187
2000	70 238	645	991	173
2001	71 266	653	954	124
2002	70 238	589	1 062	106
2003	58 866	605	873	102
2004	63 529	548	758	88
2005	92 232	502	832	40
2006	105 105	426	716	28
2007	81 251	345	1 245	21
2008	81 183	327	1 957	18
2009	70 623	293	999	24
2010	58 769	274	290	13
2011	55 318	280	640	16

Источник: Статистика МВД Татарстана, Нафиков (2012, 356).

Примечание: Прочерк означает отсутствие данных.

Многие пацаны рассказывали о ссорах с пьяными на улицах, в кафе и ресторанах. Как показывает рассказ Рисата, малейшая стычка могла вылиться в драку с тяжелейшими последствиями:

Во время последней такой драки я получил обухом топора по голове. Мы сидели с другом в летней шашлычке, выпивали и закусывали. Друг сделал замечание по поводу качества шашлыка, и завязалась ссора. Тут вылетают несколько чурбанов с топорами и дубинами. Короче, нас забили, друг у меня месяц провалялся в больнице. Но за нас отомстили. В тот же день, вечером, эта шашлычка была разгромлена и сожжена, а чурбанов отпиздили, и я их больше не видел.

Нам часто рассказывали о яростных столкновениях на дорогах, во время городских праздников и воскресного «отдыха», когда пацаны неожиданно подвергались нападению подвыпивших забулдыг.

Кроме того, пацаны, как и неувличная молодежь, могли оказаться не в то время не в том месте. Такой случай вспомнил Женя:

Когда я был смотрящим, постоянно приходилось присутствовать на стрелах, как в качестве ведущего, так и в качестве наблюдателя, когда хотелось посмотреть, на что способна молодежь. Один раз мы чуть не попали под замес. Пиздюки опять куда-то вляпались, но дело было простое, правда на нашей стороне, и мы со своим возрастом решили, что поедут на стрелку только пиздюки, ну и я, естественно, — просто проконтролировать. Короче, стоим в назначенном месте впятером, больше никого нет. Тут быстро подъезжают несколько машин и пассажирская «газель». Из них выбегают взрослые дядьки со стволами, ни слова не говоря, хватают нас и кидают в машину. Мы уже обоссались и обоссались, но я все-таки сумел спросить, правда, получив несколько ударов, мол, что это за беспредел за пиздюковские мелкие непонятки начинать войну, причем так серьезно. И тут выясняется такой кикоз [хохма]: оказывается, в том же месте и в то же время у них должна была быть стрелка с другими пацанами, но то ли они опоздали, то ли чухнули неладное. В общем, перед нами извинились и отвезли обратно.

В некоторых рассказах фигурировали сестры группировщиков, ставшие жертвами сексуальных домогательств или изнасилования. Влад рассказал нам случай, который произошел с сестрой его друга:

Сестренка моего товарища с подружкой пошли на день рождения к кому-то на квартиру, причем знали только хозяина квартиры. Я им говорю: «Не ходите». Они за свое, пошли туда. И ночью обе прибегают, все в соплях, оборванные, у одной ширинка на брюках разорвана — трахнуть их хотели. Товарищ мой сразу нас всех собрал, вызволил пацанов, которые рядом жили, и мы вместе пошли на ту квартиру. Девчонки позвонили в дверь: мол, мы вернулись, дверь им открыли, и мы сразу: бамц! одному в репу, потом другому, третьему. Всех замесили, забрали из холодильника продукты, водку, побили им посуду, порвали гардины. Отомстили по полной.

В другом случае подруги Трофима и еще одного пацана из группировки подверглись сексуальным домогательствам на загородной базе отдыха недалеко от Казани:

Две наши подруги снимали дом на базе отдыха, рядом с нашим дачным поселком. Как-то прибегает одна из них, с фингалом под глазом и рассказывает, что приходил какой-то пьяный мужик, хотел познакомиться, принес с собой водки. Ну, они сидели и пили водку, потом этот мужик стал к ним приставать, пытался изнасиловать, потом разбил стекло и поставил одной девчонке фингал. Девчонки начали кричать, что у них тут друзья, что они за них заступятся. А тот говорит: «Тогда пускай они придут сюда в 9 часов вечера, если не придут, мы вас изнасилуем, а если придут, то изнасилуем их». Мы собрали человек тридцать, пришли на базу, ждем. Смотрим, какой-то пидор выглядывает из-за одного из домиков. Он увидел, что много народа собралось, весь обоссался. Начал кричать, что он с улицы [т. е. участник группировки]. Мы начали разговаривать с ним, и он в конце концов признался, что он не с улицы, а просто знает хорошо одного из районных прокуроров Казани. Только собрались его месить, он крикнул, что приехал ОМОН, и мы воткнули ему пару раз и разбежались. Потом один из наших пацанов рассказывал, что этого мужика они били за несколько лет до этого в лесу за то, что он по пьяни пытался на них наехать.

Гриша рассказал о случае, происшедшем с пацаном из их группировки, который страдал от дедовщины во время службы в армии:

Был такой случай, когда наши старшие выезжали за город, нам про него смотрящий рассказывал. Причина была такая: пацан из наших служил рядом, но у него в части были сильные напряжения с дедами. В армии же как, обычно салаг проверяют: скажут, типа, иди носки постирай, ломом плац подмети, щеткой унитаза вылижи! Если отказался, тебя пару раз попинают, но на этом обычно заканчивается, значит, что проверку прошел. А нашего капитально доставать начали, каждый раз жестоко били. Он позвонил нашему смотрящему, рассказал, попросил, чтоб приехали и помогли. Ну, собрались старшие, самые накачанные, сели в машину и поехали. Там они с этими дедами разговор завели, одного показательно отпинали, так что он потом лежал в санчасти, а других предупредили: «Нашего в покое не оставите, еще раз приедем и всех вас завалим!» После этого у нашего пацана проблемы прекратились, он нормально отслужил.

В этих условиях — когда личную безопасность обеспечивает только чье-либо покровительство — неудивительно, что группировки сохраняют популярность среди молодежи. Любопытно, что подобные практики проникают и за пределы мира бандитских группировок.

Так, прокремлевское молодежное движение «Наши», привлекая новых членов, обещало «курировать» своих призывников во время их службы в армии: в случае дедовщины старшие члены организации помогут молодому солдату⁴⁸.

Мировоззрение пацанов основано на твердом убеждении в универсальности и эффективности насилия — как в уличной среде, так и на уровне государства. Вот мнение Рисата:

С помощью насилия достигается все — наш мир так устроен, и не мне его менять. В мире все построено на насилии, везде принуждение, и не надо думать, что это только у пацанов. Допустим, законы у нас в стране принимаются, все протестуют, орут-кричат, что это не нужно, а что, начальство кого-то слушает, что ли? Да им на всех нас насрать. Вот это и есть насилие, насилие со стороны государства.

ОПАСНОСТЬ НАСИЛИЯ ДЛЯ ЕГО СУБЪЕКТОВ

Пацаны живут в мире насилия, который отчасти создают сами, — но мир этот шире их собственной системы насильственного регулирования. В нем они сами, их друзья, родные и близкие тоже уязвимы.

В мире негосударственного насилия отсутствует единая, всеми признанная политическая власть. Как пишет Гоббс, люди в нем живут «без общей власти», которая принуждает их не враждовать. Описываемая Гоббсом жизнь в догосударственных родоплеменных обществах очень похожа на реалии бандитского существования:

Ибо каждый человек добивается, чтобы другой ценил его так, как он сам себя ценит, и при всяком проявлении презрения или пренебрежения естественно пытается, насколько у него хватает смелости (а там, где нет общей власти, способной заставить людей жить в мире, эта смелость доходит до того, что они готовы погубить друг друга), вынудить у своих хулигателей большее уважение к себе: у одних — наказанием, у других — примером (Гоббс 1991, 94).

Согласно Гоббсу в мире, где отсутствует власть суверена, от способности человека к насилию зависит его статус и в конечном счете жизнь.

48 Личное сообщение Дмитрия Громова, исследователя движения «Наши».

В условиях многочисленных и пересекающихся режимов и сетей власти люди постоянно сталкиваются с угрозой негосударственного насилия. В России процесс внутренней пасификации, устранения насилия из повседневной жизни, который, по мнению Норберта Элиаса (Elias 1978, 77), играл ключевую роль в становлении мирного гражданского общества, далек от завершения. Существует широчайшая сфера негосударственного насилия, и она самым действенным образом влияет на человеческую жизнь, пронизывает социальные отношения, определяет характер взаимодействия на улицах и вне улиц. Люди вовлечены в специализированные и сегментированные системы частного насилия, в которых действуют различные агенты: сотрудники государственных правоохранительных учреждений, выступающие в качестве частных лиц, профессиональные преступники, индивиды, прибегающие к насилию не систематически, а скорее ситуативно. Хотя участники группировок сравнительно легко ориентируются в этом мире, они остаются очень уязвимыми. Насилие нельзя надежно сдерживать или ритуализовать, оно всегда выходит из-под контроля (Жирар 2010). Члены группировки могут видеть в ней организацию, способную эффективно защитить их от насилия, но в действительности они лишь играют с огнем, надеясь, что им самим удастся не обжечься.

9

Бандитская культура и российское общество

После распада СССР уличные пацаны и бандиты заняли в российском публичном дискурсе и массовой культуре особое место. В их преуспевании видят социальное зло, симптом отката общества от цивилизационных норм, победы насилия, жестокости и алчности — а иногда, напротив, ассоциируют их с социальной утопией, торжеством братских уз и народной справедливости.

Фигура пацана, будь то уличный хулиган или член преступной организации, становится либо объектом насмешек и ненависти, либо воплощением идеалов мужественности. Так или иначе, влияние бандитской культуры на постсоветское российское общество огромно. Различные группы населения понимают и применяют язык бандитов; ссылки на так называемые понятия широко используются для описания и общественной жизни страны, и поведения российской властной элиты.

В этой главе рассматривается культурное влияние группировок на современное российское общество. Я показываю, как в лексиконе теневых сообществ отразились катаклизмы, последовавшие за крахом социализма, и некоторые фундаментальные черты сложившегося постсоветского общества.

ЭКСПАНСИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ И УЛИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

В ходе рыночных реформ язык уличных пацанов и бандитов, как и представителей родственной им культуры — воров в законе, неожиданно получил широкое распространение. В лексикон телеведущих и публичных фигур, в повседневную русскую речь прочно вошли слова «пацан», «лох», «беспредел», «развод» и «кидалово», «обратка» и «ответка», а также прямые ссылки на пацанские понятия: «пацан сказал — пацан сделал», «ответать за базар» и т. п. Уличная и криминальная культура в это время поставляют готовые формулировки и системы классификации, позволяющие описать «настоящего мужчину». Некоторые информанты Марины Юсуповой, исследовавшей представления российских мужчин о маскулинности, никогда не входили ни в преступные группировки, ни даже в уличные компании и не бывали в местах лишения свободы; тем не менее они описывали свои представления о мужской чести с помощью уголовного жаргона: «авторитетный пацан» (авторитет), «баклан» (молодой человек, не состоящий в группировке), «пидор» (педераст, изгой в уголовной среде) (Yusupova 2015). Бандитская и тюремная версии понятий известны широким слоям населения и нередко считаются одним и тем же кодексом поведения. По данным всероссийского опроса, проведенного в 2013 году Левада-Центром, общее представление о понятиях имеют 38 % респондентов, хорошо знакомы с понятиями — 5 %, а 3 % стараются руководствоваться понятиями в жизни⁴⁹.

Все это отчасти объясняется широкой распространенностью уличной культуры и значительным числом людей, побывавших за решеткой. Традиционно высокая доля заключенных в населении России сделала тюремную культуру общедоступной: особенно это проявляется в периферийных районах, где в советское время разрешалось селиться бывшим заключенным («за сто первым километром») и где молодежная культура как губка впитывала язык преступного общества.

По некоторым оценкам, каждый четвертый взрослый мужчина в СССР бывал либо под арестом, либо в заключении (Абрамкин 2007). Хотя по сравнению с советским периодом общая численность заключенных в постсоветское время снизилась, Россия все еще

49 Россияне о тюрьме и ее этике [Электронный ресурс] // Левада-Центр [сайт], 6 июля 2013. URL: <http://www.levada.ru/08-07-2013/rossiyane-o-tyurme-i-ee-etike> (дата обращения: 2 января 2014).

занимает по этому показателю третье место в мире⁵⁰. Как считают некоторые авторы, тот факт, что тюремная культура проникла в жизнь советских и постсоветских граждан далеко за пределами пространства улиц, объясняется не чем иным, как репрессивной системой уголовного наказания, в условиях которой заключению подвергается значительная часть граждан. Влияние тюремной культуры, пишет Рустем Ханипов (2008), сказывается в самых разных чертах общественной жизни — от популярности блатных песен и жаргона до прямого воздействия, которое система тюремных статусов (подразделение на тюремную элиту, обычных заключенных и презираемых изгоев) оказывает на общество. Он полагает, что многие простые россияне в повседневной жизни следуют криминальным понятиям и классификациям. Валерий Абрамкин (2007) утверждает, что мужская тюремная культура созвучна народным представлениям о правосудии, так как воплощает нормы традиционной общины, опирающейся на принципы братства и справедливости и делегирующей власть уважаемым старейшинам. В 1990-х, когда государственный закон и порядок рухнули, понятия оказались единственной сохранившейся системой обычного права, рождавшей подобие нравственного регулирования.

Хотя значение уличной и тюремной культуры для российского социума трудно переоценить, типы социального порядка, характерные для теневых и криминальных структур, едва ли могут быть механически распространены на сложное современное общество. Исключительное место понятий в российской системе культурных коммуникаций нужно скорее объяснять особенностями сражений за власть и собственности на этапе рыночных преобразований и характером отношений в обществе, которое возникло в результате этих сражений.

ПАЦАНСКАЯ ЛОГИКА В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

После распада СССР российский социум, ставший полем битвы за общественное признание, богатство и власть, претерпел глубокие изменения. Одни граждане энергично сражались за присвоение ресурсов и собственности, другие неожиданно столкнулись с необходимостью

50 В СССР число заключенных на 100 тысяч населения составляло: в 1936 г. — 780, в 1941 г. — 1500, в 1953 г. — 2700 и в 1986 г. — 847 человек. В Российской Федерации в 2013 году этот показатель составил 475 человек на 100 тысяч населения при общей численности тюремного населения примерно в 680 тыс. человек (Лунеев 2006; Walmsley 2013).

бороться за выживание. Новые формы борьбы породили новых героев — пацанов и бандитов с их системами насильственного регулирования. Они также проложили путь к власти представителям других агрессивных культур — армии, спецслужб и правоохранительных органов, ставших ядром путинской правящей элиты (Kryshantovskaya and White 2003). Как и члены группировок, силовики имели свои культурные представления, опирающиеся на милитаристское мировоззрение и на дуальную модель общества, разделяемого на своих и чужих, Россию и Запад, хороших и плохих парней, лояльных граждан и предателей.

В то время как представители этих агрессивных культур укрепляли свои позиции, интеллигенция, напротив, утрачивала свой престиж. В постсоветском обществе, где реформы благоприятствовали возникновению нового класса богатых, многие ее представители потеряли и статус, и материальное благополучие⁵¹. Как следствие стали уходить в прошлое приверженность к высокой культуре, сдержанность, вежливость и неприятие грубого материализма, которые долгое время были частью этоса русской интеллигенции, а начиная с 30-х годов XX века пропагандировались коммунистическим руководством, ставившим цели модернизации, в качестве «культурности». Таким образом, в последние годы Россия переживала процесс децивилизации, противоположный процессу цивилизации по Элиасу, описавшему постепенное вытеснение насилия из общественной жизни европейских государств (Elias 1978)⁵². Именно тогда язык и классификации, возникшие в архаических, досовременных, патримониальных агрессивных социальных системах, стали проникать в более широкую культурную сферу.

Как утверждают Боймерс и Липовецкий, в массовой культуре 1990-х насилие стало привычным, будничным элементом реальности:

Более того, оно стало гламурным, то есть привычка к насилию стала подаваться как характеристика элиты, как необходимое условие социального преуспевания (Beumers and Lipovetsky 2009, 37).

Демонтаж сложившихся социальных и культурных иерархий, возникновение негосударственного насилия в ходе повсеместного ли-

51 Об изменении статуса интеллигенции см., например: Patico (2008).

52 Н. Элиас признавал, что процесс цивилизации может останавливаться или регрессировать (Elias 1978). О понятии «процесс децивилизации» см., например: Mennell (1990).

хорадного передела ресурсов — все это породило многочисленные образы и нарративы насилия в массовой литературе, театральных постановках, на телевидении и в кинематографе. Эта так называемая чернуха — изображение общественной жизни в мрачном, негативном свете — заполонила российскую массовую культуру конца 1980-х годов. Но если в то время «чернуха» представляла насилие, цинизм и алчность как отрицательные явления, то в 1990-х их начали превозносить. Боймерс и Липовецкий, указывающие, что воспевание насилия — общая черта обществ позднего капитализма, цитируют также Элиота Боренштейна, который применительно к российскому обществу девяностых отмечал, что

в мире, где частное впервые стало публичным, а государственное приватизировалось, риторика неочернухи была не чем иным, как гипертрофированной демонстрацией жуткого: давайте-ка еще раз посмотрим, что именно нас каждый день так ужасает. Чернуху приплетали везде и всюду, она стала нездоровой привычкой, которая доставляла удовольствие многим, хотя эти же люди ее и вышучивали» (Borenstein 2008, 17–19).

Как показывают Боймерс и Липовецкий, в это время ритуалы и риторика народного насилия поднялись из темных глубин и стали доминировать в социальных, экономических и культурных коммуникациях. Понятия — язык народного насилия — отражали социальный хаос и новые ожесточенные схватки за ресурсы и престиж.

Начиная с 2000-х, однако, — после стабилизации политического режима при Путине — язык теневого и преступного сообществ, включая понятия, перестал быть языком социального кризиса: он стал языком, наиболее адекватно улавливающим те правила социально-политической жизни, которые в ней господствуют. Все чувствуют, что наряду с писаными законами существует параллельная система правил, принципы которой четко не формулируются, но прекрасно сознаются широкими слоями населения и используются лицами, обладающими властью, будь то государственные чиновники или преступники.

Теперь, описывая фактическую систему правления в России (в противоположность той, что должна быть основана на существующих законах), комментаторы все чаще ссылаются на понятия. Понятия используются для описания коррупционных нелегальных практик, в которых сила получает перевес над законом, а личные связи и взаимные услуги — над официальным правосудием. Представители либеральной интеллигенции часто обвиняют правящую элиту и лично Путина в том, что те «живут по понятиям». Путина упрекают в исполь-

зовании уличного и криминального жаргона: примерами служат его обещание «мочить в сортире» чеченских террористов или рекомендация «отоваривать дубиной по голове» организаторов публичных акций, не согласованных с властями.

Фигура уличного пацана стала эмблемой беззакония — вообще всего, что противоречит идеалам цивилизованной жизни. Пацан символизирует примитивные и грубые формы социального поведения людей, выросших в уличных джунглях, — немотивированное насилие, навязчивое желание мстить за предполагаемые обиды, уважение к силе и беспощадную эксплуатацию слабых⁵³. Говоря о низком уровне культуры общества и установившемся в нем культе грубой силы, часто упоминают именно пацанские правила. Как отметил в интервью радиостанции «Эхо Москвы» Николай Сванидзе, правящая элита ведет себя в соответствии с пацанскими понятиями и не проявляет готовности считаться с политической оппозицией:

У нас вежливость, корректность, мягкость, компромиссность, готовность идти на переговоры приравниваются к слабости. Непацанские качества (Ларина 2012).

Обсуждая приоритет узкогрупповых обязательств над универсальными нормами, комментаторы также ссылаются на пацанов и их правила поведения. Вот как главный редактор радиостанции «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов (2013) объяснил уголовное преследование оппозиционного политика Алексея Навального, который обещал посадить Путина в тюрьму:

«Хорошо, — наверное, подумал начальник, — ты сказал, что я при тебе буду сидеть, а ты при мне будешь сидеть». Это называется «обратка пацански».

Оппозиционно настроенные обозреватели часто сравнивают поведение Путина на международной арене с действиями группировки, а его самого — с уличным пацаном. Его собственные воспоминания о ранней юности, проведенной на ленинградских улицах, хорошо уклады-

53 В таком положении дел нет ничего нового. Как показала Джоан Нойбергер, в дореволюционной России и в СССР беспокойство общественности из-за противостояния цивилизации и нового «варварства» проецировалось на фигуру хулигана, исторического предшественника пацана (Joan Neuberger 2010, 229).

ваются в такие представления. В интервью журналистам для своей первой биографии Путин сказал:

Я же хулиган был, а не пионер. Я на самом деле был шпаной (Геворкян, Тимакова, Колесников 2000, 3).

На фотографиях и в видеороликах Путин часто предстает в героическом образе: играет с дикими животными, переправляется верхом через реку, гордо демонстрируя мускулистый торс. Он сидит за штурвалом истребителя, совершает погружение с экипажем военной подводной лодки и поднимает со дна Черного моря древние амфоры. Его явно привлекает мир героического, мир мужественности, силы и власти, столь непохожий на унылый бюрократический мир престарелых советских руководителей или на пьяный хаос последних лет правления Бориса Ельцина.

Многие комментаторы, в частности политический журналист Станислав Белковский, считают, что, принимая решение о присоединении Крыма к России в 2014 году, Путин руководствовался «пацанской логикой». По мнению Белковского (2014), реакция Путина на то, что он считал попытками Запада втянуть Украину в свою орбиту, требовала демонстрации силы со стороны России:

Но можно ли было не проучить этих высокомерных людей, западные элиты, думающие, что им позволено все, а народам второго сорта (которыми они считают русских и еще много кого) — ничего? Так было, но так не будет. Потому что пацан.

Еще один журналист, Леонид Радзиховский (2014), комментируя последствия присоединения Крыма и поддержки Россией сепаратистов на юго-востоке Украины, предположил, что

главный просчет Путина — это неумение предвидеть реакцию Запада, конечно. Он был уверен, что Запад — это слабаки, это трусы, это жадные и жалкие ничтожества, ни на что не годные, которые при малейшем на них напоре тут же сложат лапки и уползут под стол. Ну, короче говоря, жалкие беспомощные ботаны, которые при появлении реального пацана будут только очки протирать, извиняться и просить прощенья.

Пожалуй, восхищение Путиным, высказанное в интервью казанскими пацанами (нечто немислимое для воров, исповедующих полное неприятие государства и всех его представителей), лучше всего свиде-

тельствует о сходстве между пацанскими правилами и неписаными принципами государственной власти. Путина хвалили за его жесткую манеру поведения и готовность при необходимости применить силу. По мнению Ильнара, «Путин хоть и гэбист, но правильный человек [живет по понятиям]». Ильсур пояснил:

Мне нравится Путин, потому что нравится, как он проводит жесткую политику по повышению имиджа России. Случай с избитием посольских детей в Польше и ответные меры — это просто классика уличных ответов. Путин показал, что он обид терпеть не будет, а таких везде уважают: и на уровне улиц, и на уровне мировых отношений.

В случае, на который ссылается Ильсур, два польских дипломата и журналист подверглись в Москве нападению — предположительно из мести за более ранний инцидент, когда трое детей российских посольских работников были избиты в варшавском парке. Московские нападения, совершенные, как многие полагали, членами прокремлевского молодежного движения «Наши», произошли сразу же после того, как Путин назвал варшавский инцидент «недружественным актом» по отношению к России.

Подобное одобрение Путина — наглядный пример сближения официальной и неофициальной России. Преступники более не чувствуют себя в полной оппозиции государству. Общественные же деятели, в свою очередь, считают, что поступки и выражения, порожденные улицей и зоной, придают им дополнительную легитимность.

КРИМИНАЛЬНАЯ УТОПИЯ

Хотя представителям интеллигенции экспансия пацанов, бандитов и их культуры представляется откатом к первобытной жестокости, для многих простых россиян моральный порядок, устанавливаемый группировкой, сохраняет определенную романтическую притягательность. Как уже сказано, группировка считает, что этот порядок лучше аморальности, своекорыстия и распущенности, господствующих во внешнем мире. С этим прямо связана популярность тюремных песен, фильмов и другой культурной продукции, воспевающей российских воров и бандитов. Подобно тому как в средневековой Европе простые люди видели в разбойниках борцов с несправедливостью (Hobsbawm 1985), многие в России считают воров и бандитов хранителями традиций народной правды и справедливости.

На «героическую» маскулинность всегда есть спрос, и недавний успех комедийного телесериала «Физрук», который весной 2014 года посмотрел каждый третий россиянин в возрасте от 14 до 44 лет⁵⁴, свидетельствует о сохраняющемся массовом увлечении фигурой бандита-воина девяностых. Герой сериала — бывший член банды, который переживает не лучшие времена. 1990-е годы остались в далеком прошлом, а в настоящем в его силовых услугах никто не нуждается. Предъявив поддельный диплом, он устраивается на работу в школу. Подвергаясь в первое время насмешкам за свои грубые повадки, он постепенно завоевывает уважение учеников и педагогов прямою, смелостью, мужественностью и лихим характером. Всеми этими качествами он выгодно отличается от других персонажей мужского пола, которые выглядят карикатурами на «истинного мужчину».

Наибольшей популярностью группировки и их культура пользуются у маргиналов, не имеющих социальной поддержки и лишенных экономических ресурсов. Опрашивая в 1990-х годах московских бездомных, я обнаружила, что некоторые молодые мужчины мечтали вступить в воровскую или бандитскую группировку и даже предпринимали для этого конкретные шаги — создавали себе преступную репутацию, посылали продукты и деньги «на зону». Эти группировки привлекали их не столько ожиданием доходов от преступной деятельности (фактор, впрочем, тоже немаловажный), сколько возможностью примкнуть к сообществу, которое обеспечит им поддержку и в котором отношения, как им казалось, строятся на принципах равноправия и справедливости. Вот что сказал нам 17-летний Михаил из московской фокус-группы 1998 года:

Поставьте сейчас вора к власти, президентом, и простой русский человек ничем не будет обижен. Цены сразу упадут, воровать уже на 80 % не будут, всем будет всего хватать, только мелкие жулики останутся, у которых зависть. Милиции вообще не будет.

С. С. (автор): А порядок кто будет соблюдать?

Михаил: Мы с вами, сами. Воры будут смотреть за порядком. У воров все деньги до копейки делят, там братские отношения.

⁵⁴ Телесериал «Физрук» продлен на второй сезон [Электронный ресурс] // Broadcasting. Телевидение и радиовещание [сайт], 6 мая 2014. URL: http://www.broadcasting.ru/newstext.php?news_id=99920 (дата обращения: 18 мая 2014).

Взгляды маргинальных обитателей улиц не слишком сильно отличались от взглядов официальных лиц, склонных идеализировать группировки. Как писали Салагаев, Шашкин и Коннов, некоторые представители правоохранительных органов Татарстана сравнивали моральные устои бандитских группировок и собственных ведомств не в пользу последних:

Во многих экспертных оценках чувствовалась ностальгия по духу коллективизма, который был характерен для советских правоохранительных органов. Индивидуализация и отсутствие духа «профессиональной корпорации» в милиции сравнивались с дружескими и даже семейными отношениями в группировке (Salagaev, Shashkin and Konnov 2006).

В популярном телесериале «Глухарь» и его продолжении «Карпов» показан отдел милиции, фактически функционирующий как классическая группировка — со своим общаком, крышеванием бизнеса и патримониальной социальной структурой, в которой суровое, но справедливое руководство, своего рода «авторитеты», считает подчиненных едва ли не членами семьи и заботится об их благе. Хотя официальная задача отдела — заниматься охраной правопорядка, в своей практической деятельности персонажи соблюдают закон не слишком строго, руководствуясь неформальными правилами и собственными представлениями о справедливости. По мнению философа Арсения Хитрова, основной месседж сериала заключается в том, что неформальные правила более нравственны, чем бездушная жестокость закона, а коррупция — лишь своеобразная форма благодарности людей по отношению друг к другу (Романенко 2013).

ПОНЯТИЯ И ПАТРИМОНИАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА

Язык понятий сейчас отражает некоторые важные черты российского общества в целом, а не только тех сообществ, которые, казалось бы, противостоят социальному мейнстриму. Использование языка понятий для описания социальной реальности, не связанной с преступным миром (скажем, рынка труда или политических институтов), свидетельствует о том, что в восприятии людей общественная жизнь во всех этих областях строится по схожим принципам. Анализируя тюремную культуру и ее влияние на российское общество, Антон Олейник (2001а; 2001б) отметил, что многие черты тюремной жизни — отсутствие границ между сферами частного и обществен-

ного, дефицит межличностного доверия за пределами ближайшего окружения, недоверие к органам государственной власти — характерны и для российского общества в целом, для его специфической институциональной среды. Потому-то, считает он, и складываются условия для широкого распространения тюремной культуры. Я бы расширила этот тезис: дело в том, что понятия, возникшие в тюрьме или в других социальных пространствах, где действуют альтернативные способы социального регулирования (например, на улице), обеспечивают идеальный вокабуляр для описания тех домодерных патримониальных отношений, которые по-прежнему преобладают в российской жизни и сосуществуют с современной бюрократической властью (см., например: Kryshtanovskaya and White 2011; Urban 2012; Ledeneva 2013).

Отношения, основанные на патримониальных услугах и патрон-клиентской зависимости, присутствуют во многих сферах жизни, далеких от пространства улиц и тюремного мира. Одним из примеров может служить современное московское арт-сообщество, члены которого объединены в неформальные сети на основе личных связей и в котором преуспевающие художники, критики и кураторы помогают своим менее удачливым коллегам (по большей части — малообеспеченным провинциалам) найти работу и жилье. Со своей стороны, те часто работают без контракта, в условиях постоянных задержек и невыплаты гонораров, надеясь на милость своих патрон-нов (Чехонадских 2012). Анализируя нестабильное положение работников в российской сфере услуг, Клеман (2007, 94) указала, что трудовые отношения, как правило, регулируются неформальными правилами и соглашениями: права и обязанности работников документально не фиксируются, руководители же считают себя не работодателями, связанными трудовым договором, а великодушными покровителями.

«Понятия» — слово, заимствованное из криминальной культуры, — теперь стали, можно сказать, термином, который используется для обозначения неформальных правил и соглашений, заменяющих современное право. Выражение «работать по понятиям» применительно к организационным практикам, встречающимся в сфере занятости, обычно подразумевает необходимость делиться незаконными доходами с руководством и не предавать огласке всевозможные коррупционные схемы. Оно может означать и такое ведение дел, при котором члены влиятельных кланов поддерживают друг друга, предоставляя доступ к ресурсам и не допуская независимого расследования или правовой экспертизы своей деятельности. Поли-

тические лидеры могут выполнять свои обязательства перед членами ближайшего окружения, а по отношению к остальному миру действовать в непоследовательной и непредсказуемой манере «плохого парня», как это делают лидеры бандитских группировок и пацаны на улицах. Люди, попавшие в положение аутсайдеров по отношению к существующей системе власти, могут потерять все права, в то время как неуважение, проявленное по отношению к кому-то из ближнего круга, требует немедленного возмездия. Как сказал в 2000 году в одном из телевизионных интервью Путин: «Кто нас обидит, тот трех дней не проживет».

Фигура правителя здесь также приобретает неопатримониальные черты. Некоторые утверждают, что в России система государственной власти все больше тяготеет к «плебисцитарному патримониализму, при котором руководство претендует на право управлять государством так, как если бы оно было его личной собственностью, — постольку, поскольку население электорально утверждает результаты такого авторитарного правления» (Hanson 2011, 36).

Можно провести много параллелей между бандитской группировкой, с ее понятиями, и организацией российского общества в целом. Политолог Владимир Пастухов (2012) опубликовал сатирическое эссе, в котором утверждает, что в России помимо официальной Конституции существует и ее неписаная версия, основанная на понятиях. В отличие от нормативно-правового документа «понятийную» конституцию власти соблюдают неукоснительно, а ее принципы близки и понятны гражданам страны. Вот выдержка из его текста:

Понятийная конституция

Статья 1

Сильный может все. Вся власть в России принадлежит сильным, власть сильных не может быть ограничена ничем, кроме силы.

Статья 2

Закон существует для слабых. Слабые обязаны исполнять законы, которые написаны сильными. Сильные не обязаны исполнять законы, которые они пишут для слабых. [...]

Статья 6

Ни один сильный не может быть привлечен к ответственности за преступление, которое он совершил, за исключением случаев, когда он нарушил право более сильного, чем он сам. [...]

Статья 8

Слабый не имеет права на защиту от сильного. Слабый является сильным по отношению к более слабому, чем он сам. Попытка слабого защититься от сильного является преступлением.

Статья 9

Собственность принадлежит сильным. [...]

Статья 10

Реальным гражданством обладают сильные. Сильные рождаются от сильных либо становятся сильными в силу родства или знакомства, а также в случае признания таковым другими сильными.

Статья 11

Споры между сильными разрешаются по понятиям. [...]

Статья 13

Сильными руководит самый сильный. Самый сильный не избирается и не назначается, а самоопределяется. Выборы необходимы для того, чтобы заранее известный результат выглядел правдоподобным (Пастухов 2012).

В этой трактовке неписаного закона российского государства наличествует большинство ключевых особенностей порядка криминальной группировки, которые описаны в моей книге: кардинальное различие между беззащитными «простолюдинами» и теми, кому принадлежит в стране вся власть и права; неразрывная связь власти и денег; общественное уважение только в отношении сильных мира сего; разрешение споров между этими сильными «по понятиям»; патримониальные привилегии лидера. На всем пути, ведущем от улиц к коридорам власти, мы обнаруживаем одни и те же базовые структуры общественной жизни и политического господства.

НОВЫЙ ОБЩИЙ ЯЗЫК

Лексикон группировки приобрел столь широкое распространение в общественном дискурсе и культуре по той причине, что он отражает состояние российского общества, где ослаблен современный правовой и рациональный порядок и преобладают персонализированные формы общественной жизни, опирающиеся на личные связи и знакомства.

Понятия — бандитский моральный кодекс, обеспечивающий социальное воспроизводство группировки, — стали языком перехода России от социализма к капитализму. Когда стабильные основы советского общества потерпели крах и развернулась борьба предпринимательских структур за ресурсы, моральные установки квазиплеменных группировок, воплощенные в понятиях, заняли видное место в сфере социальной коммуникации. Доминирующие группы, одержавшие верх в этой борьбе, утвердили агрессивное мировоззрение и квазиплеменную лояльность, адекватно выражаемые языком понятий. В то же время культура криминальной группировки стала для многих обездоленных граждан воплощением таких ценностей, как равенство и справедливость, поскольку в ней, в отличие от остального общества, сохранилась, пусть на групповом уровне, забота об общем благе.

В самих группировках привычный моральный кодекс в последнее время начал размываться, но признаков уменьшения влияния их культуры на российское общество не наблюдается. В России, которая еще очень далека от идеала современного общества, основанного на верховенстве закона, язык понятий позволяет адекватно описать право сильных, клановые отношения, процветающие на всех уровнях социальной иерархии, и брутальную маскулинность, которая по-прежнему высоко ценится в массовой культуре и в политическом поведении.

Заключение

ИЗ ТЕНИ В СВЕТ?

Какие выводы позволяет сделать рассмотренная нами эволюция российских группировок?

В современном обществе воинственные союзы молодых мужчин сохраняются главным образом там, куда практически не достигает дисциплинарная власть школы, предприятия и пенитенциарной системы. Это многофункциональные патримониальные сообщества, где подростки учатся быть мужчинами, познают радость товарищества, осваивают приемы насилия и иногда совершают мелкие корыстные правонарушения. В определенные исторические периоды на фоне ослабления государственных и экономических структур эти группы могут трансформироваться в криминальные группировки — мощные механизмы социальной организации и экономического накопления. Именно это произошло в позднесоветский период, когда в СССР сформировалась обширная теневая экономика и участники некоторых молодежных уличных групп стали взимать дань с теневых дельцов. Последовал взрыв насилия, начались войны между молодежными группами за территорию, и в конечном счете сложились устойчивые территориальные группировки. Эти процессы развивались в условиях

усиливающегося социального расслоения в СССР и растущего разочарования молодежи в социалистической системе; для некоторых членов группировок мир их уличного братства и открываемые им новые экономические возможности стали привлекательной альтернативой по отношению к обычной рабочей карьере.

В начале 1990-х рухнул Советский Союз, а с ним и существовавшие системы занятости и социального обеспечения; это сузило возможности законного трудоустройства или, в силу низкой оплаты труда и отсутствия социальных гарантий, сделало его непривлекательным для молодежи. Группировка же, использовавшая организованное насилие и незаконные бизнес-схемы, могла стать для молодых людей трамплином, переправляющим в «лучшую» жизнь. Альтернативные пространства вне сферы государственного контроля, существовавшие раньше на периферии социальной системы, теперь распространились на все общество. В условиях общей социальной дестабилизации и глубокой коррумпированности милиции и чиновников группировкам удалось поставить под контроль бизнес, приобрести значительное влияние в обществе и проникнуть в государственные институты; при этом некоторые группировки превратились на своей территории в автономные правящие режимы.

Начиная с 2000-х годов, в условиях модернизации экономики и укрепления государства, подвластное группировкам пространство стало сужаться. Утратив в значительной степени свое территориальное влияние, предпринимательские группировки все же исчезли не полностью. Они адаптировались к новой ситуации и нашли многочисленные способы заработать на стыке официальной и неофициальной, легальной и криминальной сфер экономики. В зависимости от степени включения в социальные сети члены группировок могли либо целиком раствориться в преступном мире, либо сочетать в своем бизнесе легальные и нелегальные методы. Тот факт, что члены группировки в процессе взросления двигались вверх по «двойной спирали мобильности», отражал устойчивые черты российского общества, в котором официальные и неофициальные, законные и противозаконные способы заработка тесно взаимосвязаны.

Последствия волны насилия, захлестнувшей общество после краха социальной системы в 1990-х годах, ощущаются до сих пор, в том числе в сфере культуры и массовой коммуникации. Да и ожидания, что конкурирующие силовые агенты постепенно создадут условия для торжества правового государства, а организованное негосударственное насилие уйдет в прошлое, оказались чрезмерно оптимистичными. По-видимому, прямого пути развития общества от господства

примитивного насилия к верховенству рациональных и правовых государственных форм не существует. Мы видим, что квазиклановые структуры, спаянные личными обязательствами и материальными интересами, жестоко подавляющие любое сопротивление и мгновенно реагирующие на возможные вызовы, опутали все общество — от мира улиц до коридоров государственной власти. Представители государственных правоохранительных органов нередко действуют в тандеме с лидерами преступных группировок, которые по-прежнему прочно укоренены во многих российских регионах.

Сами группировки пока остаются неотъемлемой частью российского социума. Такие организации принято считать сборищем маргиналов, которые испытывают серьезную нехватку тех или иных жизненных благ — доходов, образования, социальных связей, позитивных образцов для подражания и т. п. — и видят в преступности и насилии единственную возможность выжить. Но это далеко не всегда соответствует действительности. Группировки могут одновременно существовать в двух мирах, их бойцы могут одновременно быть опасными чужаками, членами своекорыстных закрытых союзов, и заниматься легальной деятельностью.

Какое будущее уготовано российским группировкам? Уличная жизнь, которая ранее объединяла поколения советской молодежи, жившей в социально и этнически неоднородных микрорайонах, конечно же, не исчезнет, но будет все заметнее вытесняться на социальную и пространственную периферию. Если раньше подобные организации охватывали сравнительно широкий круг молодежи, то в дальнейшем членство в уличных группировках, действующих в этих неблагополучных районах, скорее всего станет уделом представителей низших слоев и обездоленных этнических меньшинств, живущих по ту сторону закона и практически не имеющих шансов вернуться в нормальное общество. Как в странах Запада и третьего мира, группировки будут помогать этим молодым людям обрести коллективную идентичность, получить защиту, испытать бурные эмоции, связанные с жизнью за гранью закона, найти источники нелегальных доходов. Участие в незаконном международном обороте наркотиков — практически неизбежная участь маргинальной молодежи в постиндустриальных обществах — неминуемо приведет к росту разрушительного и непредсказуемого насилия и существенной дестабилизации местных сообществ.

В более благополучных городах (например, в Москве или Казани) вероятно сосуществование различных уличных групп. Некоторые из них — уличные компании сверстников и территориальные эли-

ты — скорее всего окажутся сравнительно недолговечными; другие, включая остатки группировок, возникших в конце 1980-х, начнут осваивать новые предпринимательские ниши. До сих пор наркобизнес играл сравнительно незначительную роль в воспроизводстве таких групп, однако имеющиеся данные свидетельствуют о возрастающем участии группировок в незаконном обороте наркотиков. Если члены группировок будут лишь незначительно вовлечены в наркоторговлю и у них сохранится доступ к законным источникам дохода, некоторые из них, как и раньше, по достижении определенного возраста смогут выходить из состава группировки или использовать ее только в качестве источника полезных социальных связей.

Уличные группировки нельзя считать социально изолированным явлением, невесть откуда взявшимся сборищем паразитов на теле российского общества, напротив, они являются его органической частью. Но смогут ли будущие пацаны, взрослея, покидать свои юношеские компании и интегрироваться в современный социум — или они обречены постоянно жить в глубокой тени? Ответ на этот вопрос обусловлен факторами, не зависящими от самой уличной молодежи: его определяют гораздо более широкие — национальные и даже глобальные — процессы.

Приложение

ЭВОЛЮЦИЯ ТАТАРСТАНСКИХ ГРУППИРОВОК: ТРИ ПРИМЕРА

«Жилка»

Эта группировка образовалась в Казани в начале 1980-х годов. Ее лидер Хайдар Закиров (Хайдер) родился в 1962 году. Микрорайон, в котором вырос Хайдер — так называемая «Жилплощадка», — был одним из беднейших в городе. В переполненных ветхих коммуналках и бараках здесь жили недавние выходцы из сел и деревень. Почти все детство и юность Закиров провел на улице. Когда ему было 14 лет, на него во дворе напали два пьяных хулигана. Закиров убил одного из них, но, так как был несовершеннолетним, по советским законам получил лишь условный срок. Вскоре после этого Хайдер стал неформальным лидером своей улицы. В 1984 году он был приговорен к шести годам колонии за организацию массовой драки на озере Лебяжье, в которой приняли участие около 500 человек из 60 молодежных казанских группировок. Выйдя на свободу в 1990 году, Закиров в буквальном смысле попал в другую страну. Его группировка уже занималась рэкетом уличных киосков и рынков. У Закирова, однако, были гораздо более серьезные амбиции.

В начале девяностых он организовал дерзкие крупномасштабные хищения продукции с местного химического предприятия «Оргсинтез». Из железнодорожных вагонов, стоявших близ завода, «Жилка» воровала полиэтиленовую крошку, а затем, используя связи с работавшими на «Оргсинтезе» друзьями и родственниками, а также с коррумпированными должностными лицами, продавала ее обратно заводу. Эти операции способствовали стремительному росту численности и расширению деятельности группировки. Считается, что Закиров стал первым бандитом в Татарстане, который заставил руководство крупного предприятия платить группировке дань. За «Оргсинтезом» последовали другие организации. Как пишет Андрей Константинов, специализирующийся на журналистских расследованиях, руководители предприятий уже после первого контакта с Закировым соглашались платить. Никто не знает, о чем с ними беседовал Хайдер, но после этих бесед они выходили из кабинетов мертвенно бледными. Заключив подобное «соглашение», бандиты получали примерно 20 % суммарной прибыли предприятий. К 1993 году общак «Жилки» насчитывал десятки миллионов долларов (Константинов 2012, 350).

Объединив 18 местных группировок, во главе каждой из которых стоял свой лидер, Закиров начал распространять влияние «Жилки» на другие районы Казани. Он предлагал создать единый городской общак, куда все казанские группировки вносили бы свою долю. Несмотря на множество союзников, он смог навязать свой план не всем группировкам, и после нескольких покушений был убит в 1996 году. Одной из причин конфликта было нежелание Закирова самому включиться в бизнес — тогда как другие группировки активно двигались в этом направлении. Когда авторитет ОПГ «Борисково» Ленар Речалов (Узкий) предложил Закирову стать его партнером по бизнесу, тот ответил, что живет по понятиям, которые не разрешают членам группировок торговать или лично участвовать в бизнесе, поскольку это превращает их в барыг, низшую социальную категорию. Закиров сказал Узкому, что отныне будет требовать с него деньги как с барыги (Сафаров 2012, 106).

Смерть Закирова, убитого противоборствующей группировкой «Севастопольские», не подорвала влияния «Жилки». В 1990-х годах лидеры «Жилки» взяли под контроль два казанских банка, вертолетный завод и стекольный завод в соседней Республике Марий Эл. Группировка крышевала фармацевтическое предприятие «Татхим-фармпрепараты», страховую компанию «Ингосстрах-Волга» и ком-

панию по производству стройматериалов «Стройпласт»; ее уличные бойцы контролировали казино в ночном клубе «Арена» и один из казанских рынков. В сфере деловых интересов группировки также находился завод «АвтоВАЗ» в Тольятти (Беляев, Шептицкий 2012, 227). «Жилка» не исчезла и сегодня, но значительно ослаблена внутренними войнами и внешними противниками, а также уголовным процессом, который завершился в 2010 году. Входящие в нее низовые молодежные группировки еще существуют, но все больше вовлекаются в наркоторговлю, что при Закирове было запрещено (263).

«Хади Такташ»

Эта группировка также имеет давнюю историю. Она зародилась в 1980 году как местная уличная организация. Ее лидер Радик Галиакберов (Раджа) родился в 1966 году. Поначалу простой уличный пацан, он попал за хулиганство в колонию для несовершеннолетних. Спустя некоторое время Раджа и его ближайшие друзья попытались наладить связи с преступным миром. Раджа хотел примкнуть к вора в законе, но его не приняли, так как он отслужил в армии, а ворами это запрещено. Его близкий товарищ Радик Хуснутдинов (Ракоша) был коронован в качестве вора в законе лишь в 1996 году, но вскоре после этого его убили (Сафаров 2012, 117—118). В начале 1990-х между двумя бригадами хадишевских разгорелся конфликт: «старики» хотели, чтобы группировка жила по воровским традициям, запрещавшим накопление личного богатства, а «молодые» жаждали заниматься «бизнесом», не обременяя себя строгими воровскими понятиями. Воры требовали, чтобы молодые делились с ними доходами от рэкета. Галиакберов, взявший сторону воров, организовал убийство нескольких авторитетов из бригады молодых. Опасаясь расправы, он с несколькими соратниками бежал в Москву и некоторое время наведывался в Казань лишь изредка. В 1994 году он вернулся в город и стал бесспорным лидером «Хади Такташ». Группировка крышевала значительную долю местного рынка проституции, занималась рэкетом магазинов, ресторанов, банков и двух кладбищ. Кроме того, хадишевские взяли под контроль оздоровительный комплекс «Здоровье» и превратили его в бордель. Группировка активно занялась наркобизнесом, включая торговлю героином и кокаином. В 2002 году состоялся суд над «Хади Такташ», и Галиакберов получил пожизненный срок. Хотя судебный процесс серьезно ослабил группировку, ее молодежные структуры действуют в Казани по сей день (Константинов 2012, 358).

«29-й комплекс»

Эта группировка базировалась в Набережных Челнах. Согласно распространенному обычаю она была названа по микрорайону, где проживало большинство ее первоначальных участников.

Предпринимательская деятельность «29-го комплекса» началась в конце 1980-х — начале 1990-х, когда группировка внедрилась в систему реализации запчастей к грузовым автомобилям «КамАЗ». Впоследствии двадцатьдевятники установили более существенный финансовый контроль над группой предприятий ОАО «КамАЗ». Лидеры группировки Адыган Саляхов, Юрий Еременко и Александр Власов учредили компании, занимавшиеся продажами грузовиков «КамАЗ», и получали долю с каждой сделки. Группировка также поставила под контроль одноименный футбольный клуб предприятия.

Подобно многим другим татарстанским группировкам, «29-й комплекс» распространил свою деятельность на Москву, на первых порах помогая местным предпринимателям выбивать долги. Со временем группировка стала контролировать множество коммерческих компаний в Москве и в других городах России. Она крышевала ликероводочные заводы и спиртзаводы в Татарстане, Удмуртии и Кировской области, реализуя через сеть аффилированных магазинов и ресторанов неучтенные партии водки, произведенные на этих предприятиях. В Московской области под контролем «29-го комплекса» находились животноводческие комплексы и мясокомбинаты, а также завод по производству соевых продуктов. В ряде городов охранному рэкету подвергались крупные продовольственные рынки и гостиничные комплексы. Двадцатьдевятники контролировали несколько участков федеральной автомагистрали Самара — Уфа, собирая дань с владельцев придорожных киосков, кафе, бензоколонок и других предприятий малого бизнеса. Они также держали под своим контролем цех по розливу питьевой воды в городе Николаеве (Украина) и офшорные компании на Кипре. «29-й комплекс» участвовал в объединении преступных сообществ, занимавшихся охранным рэкетом в московской гостинице «Севастополь», и учреждал различные фиктивные фирмы для отмывания денег. На многих взятых «под охрану» предприятиях группировка устанавливала контроль над финансовыми потоками. Ей часто удавалось посредством мошенничества и подкупа перейти от взимания доли прибыли к владению или совладению компанией. По символическим ценам приобретались акции приватизируемых государственных предприятий.

Так, чтобы завладеть Елабужским мясокомбинатом, группировка учредила общество с уставным капиталом в 2 тысячи рублей (примерно 70 долларов). С помощью различных махинаций она в итоге завладела 85,25 % акций мясокомбината, стоимость активов которого в 2000 году оценивалась в 500 миллионов рублей (Нафиков 2012). В ходе нескольких уголовных процессов, прошедших в 2004—2013 годах, большинство авторитетов ОПГ «29-й комплекс» были приговорены к длительным срокам лишения свободы.

Список информантов

ЧЛЕНЫ ГРУППИРОВОК. КАЗАНЬ, ИЮНЬ — СЕНТЯБРЬ 2005 ГОДА

Айдар, 29 лет, русский, высшее образование, предприниматель
 Ансар, 21 год, татарин, студент финансового университета
 Анвар, 17 лет, татарин, среднее образование, безработный
 Аркадий, 25 лет, русский, студент университета управления (менеджмент), помогает в семейном бизнесе
 Банан, 23 года, татарин, высшее образование, физик
 Богдан, 23 года, русский, среднее образование, безработный
 Виктор, 17 лет, русский, учащийся технического колледжа
 Влад, 20 лет, русский, среднее техническое образование, самостоятельно занятый (строительство)
 Гарик, 24 года, татарин, студент инженерного института
 Гриша, 23 года, русский, студент сельскохозяйственной академии, по совместительству рабочий
 Давид, 29 лет, русский, врач и предприниматель
 Женя, 24 года, русский, среднее техническое образование, владелец продуктового магазина
 Ильнар, 35 лет, татарин, среднее техническое образование, шабашник
 Ильдур, 26 лет, татарин, высшее образование, сотрудник частного охранного предприятия
 Испуг, 26 лет, татарин, высшее образование, юрист
 Коля, 23 года, русский, среднее техническое образование, грузчик

Кошмар, 23 года, татарин, высшее образование, музыкант
 Кирилл, 25 лет, русский, среднее образование, автослесарь
 Максим, 21 год, русский, среднее техническое образование, водитель на стройке
 Нафик, 27 лет, татарин, среднее техническое образование, техник
 Немец, 25 лет, татарин, высшее образование, работник химического предприятия
 Павел, 18 лет, русский, студент педагогического университета, случайные заработки
 Петя, 23 года, русский, бывший член группировки, среднее техническое образование, рабочий
 Потап, 23 года, русский, неполное среднее образование, безработный
 Радик, 18 лет, татарин, студент университета управления (налогообложение)
 Рисат, 24 года, татарин, бывший член группировки, высшее образование, юрист
 Сева, 22 года, русский, среднее образование, безработный
 Таджики, 19 лет, татарин, студент вуза
 Трофим, 21 год, русский, студент технологического университета, сборщик компьютеров
 Туйгун, 20 лет, татарин, студент авиационного института
 Фарит, 20 лет, татарин, студент энергетического университета, владелец нескольких продуктовых ларьков на рынке
 Цыган, 24 года, татарин, высшее образование, совладелец строительной компании

ЭКСПЕРТЫ. КАЗАНЬ, ИЮНЬ — СЕНТЯБРЬ 2005 ГОДА

- А. Начальник следственного отдела одного из РОВД Казани
- Б. Следователь прокуратуры Республики Татарстан
- Д. Заместитель начальника подразделения по делам несовершеннолетних одного из РОВД Казани
- Е. Следователь одного из РОВД Казани
- К. Начальник подразделения по делам несовершеннолетних одного из РОВД Казани
- М. Заместитель начальника следственного отдела одного из РОВД Казани
- М. К. Школьный психолог, Казань
- М. Т. Следователь одного из РОВД Казани
- Н. Следователь одного из РОВД Казани
- О. Школьная учительница, Казань
- Ф. Бывший школьный психолог, Казань

МОСКОВСКИЕ ФОКУС-ГРУППЫ, 2006 ГОД (ЦИТИРУЕМЫЕ УЧАСТНИКИ)

Алексей, 16 лет
Андрей, 15 лет
Борис, 16 лет
Вадим, 13 лет
Дмитрий, 17 лет
Иван, 16 лет
Константин, 17 лет
Марат, 15 лет
Михаил, 17 лет

ЦИТИРУЕМЫЕ КАЗАНСКИЕ ИНФОРМАНТЫ, 2011 ГОД

Айрат, 17 лет, местный житель
Алик, 17 лет, местный житель
К., владелец компании по реализации канцелярских товаров
Л., владелец фармацевтической компании
Никита, 42 года, бывший участник группировки
Николай, 18 лет, местный житель
Р., таксист
С., таксист

Методологические пояснения

Материал для этой книги собран в ходе полевых исследований в Казани и Москве. В рамках казанского проекта, осуществленного в 2005 году, были проведены 32 углубленных интервью с членами местных уличных группировок. Информантами были русские и татары — мужчины в возрасте от 17 до 35 лет; это объясняется чисто мужским составом группировок, чьи правила запрещают участие женщин. Интервью записывались на диктофон и затем расшифровывались. Кроме того, мы интервьюировали бывших членов группировок, местных юношей, не состоящих в группировках, учителей и школьных психологов, а также работников милиции и прокуратуры. Все информанты были уведомлены о предмете и цели исследования и дали согласие на интервью. Членов группировок заверили, что их настоящие имена и названия группировок не будут фигурировать в расшифровках интервью и результатах исследования. Все имена были изменены. Мы осознанно не стали приводить названия группировок, в которых состоят наши информанты, так как хотели избежать рекламы деятельности группировок и раскрутки их «бренда» — обычной потенциальной опасности, сопряженной с подобными исследованиями (Klein 1971; Aldridge, Medina-Ariza and Ralphs 2008). Поскольку вопрос доверия был для нас ключевым, мы не задавали

нашим информантам прямых вопросов о предпринимательской деятельности их группировок или их собственной преступной деятельности. Тем не менее многие рассказывали нам об этом по собственной инициативе. Особенно охотно и откровенно информанты описывали насильственные практики своих группировок.

Нашей исследовательской группе удалось получить доступ к членам группировок через местных жителей: друзей, соседей, родственников и бывших одноклассников. Основной полевой исследователь нашего казанского проекта, Рустем Сафин, сам жил в одном из районов, где зародились и укоренились группировки, — это облегчало и понимание местных условий, и установление контакта с нашими информантами. Очевидно, что брать такие интервью было небезопасно, и местная репутация исследователя стала здесь бесценным активом, формой социального капитала, который в противном случае было бы крайне трудно приобрести. В поиске контактов с потенциальными информантами мои казанские коллеги заручились также помощью своих студентов, среди которых были действующие или бывшие члены группировок.

В ходе интервью участники неоднократно характеризовали свои группировки как объединения местной молодежи, борющейся с окружающим беспределом. Отчасти это могло быть обусловлено желанием информантов представить себя в выгодном свете. Трудно сказать, насколько искренне они сами верили в этот легитимирующий дискурс. Более того, они склонны были затушевывать криминальный аспект своего бизнеса. Не все их утверждения выглядели убедительными. Важно, однако, что примерно такие же взгляды выражали многие местные жители и даже представители государственной власти. Они признают группировки источником насилия и опасности, но в то же время считают их «необходимым злом», субъектом социального регулирования в условиях слабости, неэффективности и коррумпированности государства. Иначе говоря, само существование подобных легитимирующих рассказов, вне зависимости от их достоверности, показательны: из них ясно, в чем видят роль и функции группировок их члены и другие граждане (см. также: Ries 2002).

В 2011 году я вернулась в Казань и взяла дополнительные интервью у бывших членов группировок, предпринимателей, таксистов и местных жителей.

Поскольку одним из главных предметов моего внимания были социальные корни преступных группировок, и особенно императивы уличной культуры, влияющие на многие их установки, я решила распространить исследование на территориальные группы, не во-

влеченные в организованную преступность. Эта работа проводилась в Москве с июня по сентябрь 2006 года. Вместе с Рустемом Максудовым мы провели 23 глубинных интервью с подростками из уличных компаний, собиравшихся в разных окраинных районах Москвы. Возраст участников составлял от 12 до 17 лет. Интервью проводились по месту жительства подростков и на улицах. Поиск информантов осуществлялся методом «снежного кома». Мы также провели шесть фокус-групп с членами территориальных группировок. Все фокус-группы проводились в «образовательном учреждении закрытого типа» — школе для несовершеннолетних правонарушителей в Юго-Восточном административном округе Москвы. В эту школу, находящуюся в ведении Департамента образования города Москвы, суд направляет подростков за мелкие правонарушения (преимущественно хулиганство и кражи), заменяя тем самым уголовное наказание. Каждая фокус-группа состояла из шести-восьми человек. Интервью и фокус-группы записывались на диктофон и затем расшифровывались. Все информанты были уведомлены о предмете и цели исследования и дали согласие на интервью.

В ходе нашего исследования мы столкнулись с рядом проблем практического и этического характера. Так, необходимо было учитывать, что в образовательно-исправительном учреждении закрытого типа очень непросто наладить доверительные отношения между участниками фокус-групп и социологами. Решить эту проблему мы попытались с помощью включенного наблюдения в школе, позволившего нам познакомиться с большинством участников. Сам метод фокус-групп оказался весьма эффективным для получения коллективных представлений об уличной жизни и нормах агрессивного поведения. Вначале подростки колебались, но затем в большинстве случаев давали друг другу негласное разрешение обсуждать темы, которые в обычных условиях оказались бы под моральным запретом. Особенно живо наши информанты описывали практики насилия. Некоторые рассказы об уличных похождениях и различных бизнес-схемах, как и уверения подростков, что они неукоснительно соблюдают понятия, вызывали естественные сомнения, однако мы прежде всего стремились получить представление о том, какой смысл молодежь вкладывает в различные практики (см. также: Graue, Walsh and Ceglowski 1998, 120). Анализируя данные, я исходила из того, что рассказы молодых людей об их участии в жизни группировки более достоверны, чем их описания собственной криминальной деятельности.

Литература

1. *Абрамкин В.* Братство как стратегия // Смысл. 2007. № 11. С. 105—107.
2. *Агеева Л. В.* Казанский феномен: миф и реальность. Казань: Татарское книжное издательство, 1991.
3. *Акбаров Н. Г.* Состояние и тенденции преступности несовершеннолетних. Региональные проблемы борьбы и профилактики. Казань: Издательство Казанского университета, 1999.
4. *Аксаков С. Т.* Собрание сочинений. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955.
5. *Анжиров И. В.* Структурные особенности и специфика деятельности этнических преступных сообществ в современной России // Общество: политика, экономика, право. 2010. № 2. С. 7—13.
6. *Антипин В.* Бешеные эритроциты // Русский репортер, 19 января 2011.
7. *Антипин В., Дятликович В., Гладкий М.* Лихие девяностые возвращаются: грозит ли России новая волна бандитизма и кто с ней будет бороться // Русский репортер, 7 октября 2010.
8. *Бааль Е. Г.* В конфликте с законом / По неписаным законам улицы / ред. К. Игошев, Г. Миньковский. М.: Юридическая литература, 1991. С. 35—40.
9. *Бааль Е. Г.* Проблемы криминологического изучения неформальных групп, объединений, движений / Криминологи о неформальных молодежных объединениях / ред. И. И. Карпец. М.: Юридическая литература, 1990. С. 130—143.
10. *Балдаев Д.* Татуировки заключенных. СПб.: Лимбус Пресс, 2006.
11. *Белановский С.* «Жданы» и «коммунары» (конец 1980-х годов) / Молодежные уличные группировки: введение в проблематику / ред. Д. В. Громов. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 124—131.
12. *Белановский С.* Субкультура люберов [Электронный ресурс]. 1990 // Личный сайт Сергея Белановского [сайт]. URL: <http://sbelan.ru/node/47796> (дата обращения: 30 июля 2013).
13. *Белковский С.* Путин — респект и уважуха [Электронный ресурс] // Colta.ru [сайт], 24 марта 2014. URL: <http://www.colta.ru/articles/society/2576> (дата обращения: 1 мая 2014).
14. *Беляев М., Шенцицкий А.* Бандитская Казань. Т. 1. Казань: Татполиграф, 2012.
15. *Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX века: половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука, 1988.
16. *Бляхер Л.* Региональные бароны [Электронный ресурс] // Отечественные записки [сайт]. 2012. № 48(3). URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2012/3/b49.html> (дата обращения: 1 мая 2014).
17. *Бурдые П.* О символической власти // П. Бурдые. Социология социального пространства / пер. с франц. Н. А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 87—96.
18. *Бушуев А.* Развитие политического сознания молодежи Республики Татарстан в 1985—2004 годах. Историко-социологический аспект. Казань: Институт истории Академии наук Республики Татарстан, 2009.
19. В Москве задержан предполагаемый гангстер ОПС «Жилка» [Электронный ресурс] // NEWSru.com [сайт], 9 февраля 2012. URL: <http://www.newsru.com/crime/09feb2012/zhilkakillerarst.html> (дата обращения: 12 октября 2013).
20. В список самых богатых россиян попали братья Хайруллины, Радик Шаймиев и Альберт Шигабутдинов [Электронный ресурс] // БИЗНЕС Online [сайт], 15 февраля 2010. URL: <http://www.business-gazeta.ru/text/20672/> (дата обращения: 1 марта 2011).
21. *Варданян А.* В Орле участникам бандитской группировки на всех дали 97 лет тюрьмы [Электронный ресурс] // Комсомольская правда [сайт], 17 декабря 2010. URL: <http://www.kp.ru/online/news/797508> (дата обращения: 6 мая 2014).
22. *Венедиктов А.* Разворот [Электронный ресурс] // Эхо Москвы [сайт], 18 июля 2013. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/razvorot/1117562-echo> (дата обращения: 20 августа 2013).
23. *Викулова А.* «Мордве» дали 100 лет [Электронный ресурс] // Коммерсант [сайт], 16 января 2014. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2384650> (дата обращения: 5 марта 2014).
24. *Волков В.* Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012.
25. *Гайнуллин А.* Гопники в Казани: как себя вести с ними [Электронный ресурс]. 2013 // PRO KAZAN.RU [сайт]. URL: <http://live.prokazan.ru/live/view/135> (дата обращения: 29 июля 2013).
26. *Гатауллин А. Ф., Максудов Р. Р.* Трансформация форм организации подростков: материалы исследования, проведенного в 1992—1993 годах социологической лабораторией Казанского государственного университета // Вестник восстановительной юстиции. 2002. № 4. С. 17—26.
27. *Геворкян Н., Тимакова Н., Колесников А.* От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным. М.: Вагриус, 2000.
28. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. с англ. А. Гутермана. М.: Мысль, 1991. Т. 2.
29. *Головин В. В., Лурье М. Л.* Бои на мосту, или С кем воюют подростки / Мир и война: культурные контексты социальной агрессии / ред. И. О. Ермаченко, Л. П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 127—134.
30. *Головин В. В., Лурье М. Л.* Идеологические и территориальные сообщества молодежи: мегаполис, провинциальный город, село // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 56—70.

31. Громов Д. В. Люберецкие уличные молодежные компании 1980-х годов: субкультура на перепутье истории // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 23–38.
32. Громов Д. В. Подростково-молодежные уличные группировки как объект этнографического исследования / Молодежные уличные группировки: введение в проблематику / ред. Д. В. Громов. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 8–72.
33. Громов Д. В., Стивенсон С. А. Пацанские правила: нормирование поведения в уличных группировках / Молодые москвичи: кросскультурное исследование / ред. М. И. Мартынова, Н. М. Лебедева. М.: РУДН, 2008. С. 427–456.
34. Губернатор Кубани признал существование банд во всех районах края [Электронный ресурс] // Лента.ру [сайт], 21 ноября 2010. URL: <http://lenta.ru/news/2010/11/24/bands/> (дата обращения: 1 января 2013).
35. Гуров А. Профессиональная преступность. М.: Юридическая литература, 1990.
36. Дальний Восток: хроника организованной преступности. Обзор прессы 1997 — август 2003 г. [Электронный ресурс] // Дебри-ДВ [сайт]. URL: <http://www.debri-dv.com/article/2125> (дата обращения: 5 мая 2013).
37. Долгова А. Преступность в России начала XXI века и реагирование на нее. М.: Московская криминологическая ассоциация, 2004.
38. Долгова А. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М.: Московская криминологическая ассоциация, 2003.
39. Дубовицкий Н. Околоноля. М.: Медиа-группа «Живи», 2009.
40. Ермаков В. Д. Досуг, учеба и противоправное поведение / Криминологи о неформальных молодежных объединениях / ред. И. И. Карпец. М.: Юридическая литература, 1990. С. 238–247.
41. Ерусланов О. Фин подошел прокуратуре по всем статьям [Электронный ресурс] // Коммерсант [сайт], 8 января 2014. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2380687> (дата обращения: 20 января 2014).
42. Жирар, Р. Насилие и священное / пер. с франц. Г. Дашевского. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
43. Забрянский Г. И. Механизм формирования антисоциальных подростковых и юношеских групп / Криминологи о неформальных молодежных объединениях / ред. И. И. Карпец. М.: Юридическая литература, 1990. С. 46–55.
44. Загребнева О. В Казани член ОПГ вымогал с бизнесмена 30 млн рублей за «крышевание» [Электронный ресурс] // Казань-Times [сайт], 22 августа 2011. URL: <http://kazan-times.ru/stories/863> (дата обращения: 12 июля 2013).
45. Захарова Е. Ю. Тбилисская улица как среда мужской социализации // Лабораториум: Журнал социальных исследований. 2010. № 1. С. 182–204.
46. Исангулов И. У последней черты: документы и факты о деятельности мафии в Республике Башкортостан. М.: Гайнуллин, 2006.
47. Исаков Д. М. Современный национализм татар [Электронный ресурс]. 1998 // Панорама-форум, Казанский государственный университет [сайт]. URL: http://www.kcn.ru/tat_ru/politics/pan/index.php?tbut=13&sod=2 (дата обращения: 16 июля 2011).
48. Кабанов С. Ф. Борьба с уголовной преступностью в деревне. М.: Издательство НКВД РСФСР, 1928.
49. Канев С. Барби, Громов и Шойгу [Электронный ресурс] // Новая газета [сайт], 15 июня 2012. URL: <http://www.novayagazeta.ru/inquests/53090.html> (дата обращения: 20 июня 2012).
50. Канев С. Между «крышей» и подпольем // Новая газета, 24 марта 2014.
51. Канетти Э. Массы и власть / пер. с нем. Л. Г. Ионина. М.: Ad Marginem, 1997.
52. Кара-Мурза С. Г. Аномия в России: причины и последствия. М.: Научный эксперт, 2013.
53. Карбаинов Н. И. «Эй, хунхуз, куда идешь?! Здесь братва, и ты умрешь!»: «уличные войны» в Улан-Удэ / Молодежные уличные группировки: введение в проблематику / ред. Д. В. Громов. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 132–148.
54. Карышев В. Записки «бандитского адвоката»: закулисная жизнь братвы глазами «защитника мафии». М.: ЭКСМО, 1998.
55. Карышев В. Русская мафия, 1988–2005: криминальная хроника новой России. М.: ЭКСМО, 2005.
56. Кашелкин А. Межрегиональный криминологический анализ подростково-молодежных группировок с антиобщественной направленностью / Социологические аспекты государственно-правовой работы в условиях перестройки. Казань: Таткнигоиздат, 1990а.
57. Кашелкин А. Насилие как форма антиобщественного поведения молодежных группировок / Криминологи о неформальных молодежных объединениях / ред. И. И. Карпец. М.: Юридическая литература, 1990б. С. 232–238.
58. Клеман К. Флексибельность по-русски: очерк о новых формах труда и подчинения в сфере услуг // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 74–96.
59. Козлов А. С. «Козел на саксе»: и так всю жизнь. М.: Вагриус, 1998.
60. Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999.
61. Константинов А. Бандитская Россия. М.: Астрель, 2012.
62. Константинов А. Бандитский Петербург: Документальные очерки. Т. 1. СПб.: Нева, 2004.
63. Костерина И. В. Конструкты и практики маскулинности в провинциальном городе: габитус «нормальных пацанов» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. № 11(4). С. 122–140.

64. *Костюченко Е.* Нам здесь жить. Ч. 3 [Электронный ресурс] // Новая газета [сайт], 8 декабря 2010. URL: <http://www.novayagazeta.ru/data/2010/138/18.html> (дата обращения: 3 марта 2011).
65. *Кулешов Е. В.* Репрезентация маскулинности в современной подростковой субкультуре (на материале полевых исследований в г. Тихвине) / Мифология и повседневность: гендерный подход в антропологических дисциплинах / ред. К. А. Богданов, А. А. Панченко. СПб.: Алетейя, 2001. С. 260—271.
66. *Ларина К.* «Персонально Ваш» [Электронный ресурс] // Эхо Москвы [сайт], 8 июня 2012. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/896770-echo/> (дата обращения: 10 июля 2012).
67. *Левинсон А.* Вся ваша нация такая [Электронный ресурс] // Журнальный зал: Неприкосновенный запас [сайт]. 2005. № 1(39). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/1/lev7.html> (дата обращения: 10 мая 2010).
68. *Левинсон А.* Прошлое — не навсегда [Электронный ресурс] // Журнальный зал: Неприкосновенный запас [сайт]. 2009. № 2(64). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/le.html> (дата обращения: 10 мая 2010).
69. *Левинсон А.* Россия в кольце [Электронный ресурс] // Журнальный зал: Неприкосновенный запас [сайт]. 2006. № 3(47). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/le10.html> (дата обращения: 7 мая 2010).
70. *Лихачев Д. С.* Черты первобытного примитивизма воровской речи / Язык и мышление. Т. 3. М.—Л.: Издательство Академии наук СССР, 1935. С. 47—100.
71. *Лунеев В.* Преступление и наказание в России [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly [сайт]. 2006. № 239—240. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0239/tema07.php> (дата обращения: 10 февраля 2014).
72. *Любимцева М.* «Душа человека больше, чем деньги, больше, чем желудок» [Электронный ресурс] // слон.ру [сайт], 3 октября 2012. URL: <http://slon.ru/calendar/event/835291/> (дата обращения: 12 июля 2013).
73. *Модестов Н.* Москва бандитская: документальная хроника криминального беспредела 80—90-х годов XX века. М.: Центрполиграф, 2001.
74. *Морозов И. А., Слепцова И. С.* Круг игры: праздник и игра в жизни северорусского крестьянина (XIX—XX вв.). М.: ИНДРИК, 2004.
75. *Музыченко В.* Эхо «Казанского феномена»: молодежные группировки 20 лет спустя // Казанские Ведомости, 5 февраля 2010.
76. *Муртазин И.* Минтимер Шаймиев: последний президент Татарстана. Т. 1. Чебоксары: Чебоксарская типография № 1, 2007.
77. *Муртазин И.* Хорошо отмылся // Новая газета, 27 сентября 2013.
78. *Мухарямова Л. М., Моренко И. Б., Салахатдинова Л. Н., Петрова Р. Г.* Язык обучения в школе как фактор доступности высшего образования (на примере Республики Татарстан) / Доступность высшего образования в России / ред. С. В. Шишкин. М.: Независимый институт социальной политики, 2004. С. 64—68.
79. Названы самые опасные районы Казани, в которых можно нарваться на гоппников [Электронный ресурс] // PRO KAZAN.RU [сайт], 5 мая 2012. URL: <http://m.prokazan.ru/news/59326.html> (дата обращения: 10 мая 2013).
80. *Насыров А.* Казанские группировки // Коммерсант, 17 марта 2008.
81. *Нафиков И. С.* Теневая экономика и организованная преступность в условиях крупного города. Казань: Познание, 2012.
82. *Овчинский В. С.* Гастрольные поездки антиобщественных группировок подростков и молодежи — новый феномен / Криминологи о неформальных молодежных объединениях / ред. И. И. Карпец. М.: Юридическая литература, 1990. С. 192—196.
83. *Олейник А. Н.* «Жизнь по понятиям»: институциональный анализ повседневной жизни «простого советского человека» // Полис. 2001а. № 2. С. 40—51.
84. *Олейник А. Н.* Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: ИНФРА-М, 2001б.
85. *Омельченко Е. Л.* Смерть молодежной культуры и рождение стиля «молодежный» // Отечественные записки. 2006. № 30(3). С. 167—179.
86. *Пастухов В.* Понятийная Конституция [Электронный ресурс] // ПОЛИТ.РУ [сайт], 11 апреля 2012. URL: <http://polit.ru/article/2012/04/11/constitution/> (дата обращения: 12 мая 2013).
87. *Петров Г.* Дележ асфальта [Электронный ресурс] // Коммерсант-Огонек [сайт]. 2007. № 6. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2298407> (дата обращения: 16 июля 2013).
88. *Плакий С. И.* Чего больше — плюсов или минусов у молодежных неформальных объединений / Криминологи о неформальных молодежных объединениях / ред. И. И. Карпец. М.: Юридическая литература, 1990. С. 84—90.
89. *Пономарева Э. Я.* Социальное пространство «куча»: теории и практики неформальной конфликтологии ереванских кварталов. Дисс. на соиск. степени магистра по специальности востоковедения, африканистики. СПб., 2014.
90. *Постнова В.* Шестнадцать человек на скамье подсудимых [Электронный ресурс] // Независимая газета [сайт], 18 сентября 2006. URL: http://www.ng.ru/ngregions/2006-09-18/22_kazan.html (дата обращения: 28 сентября 2010).
91. *Прокументов Л. М., Шекслер А. В.* Типология преступных групп несовершеннолетних / Криминологи о неформальных молодежных объединениях / ред. И. И. Карпец. М.: Юридическая литература, 1990. С. 196—231.
92. *Прусенкова Н.* Дело Домникова: опрошен вице-губернатор Липецкой области Сергей Доровский [Электронный ресурс] // Новая газета [сайт], 6 ноября 2013. URL: <http://www.novayagazeta.ru/news/148597.html> (дата обращения: 1 января 2014).

93. *Радзиховский Л.* Итоги года [Электронный ресурс] // OnlineTV.Ru [сайт], 26 декабря 2014. URL: <http://www.onlinetv.ru/video/2054/?autostart=1> (дата обращения: 27 декабря 2014).
94. *Разинкин В.* Воры в законе и преступные кланы. М.: Криминологическая Ассоциация, 1995.
95. *Романенко К.* Молодые ученые: Арсений Хитров [Электронный ресурс] // THEORY&PRACTICE [сайт], 14 ноября 2013. URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/8031-molodye-uchenye-khitrov> (дата обращения: 25 июля 2014).
96. Россия и страны Балтии — тихая перезагрузка отношений [Электронный ресурс] // RU.DELFI [сайт], 4 июля 2011. URL: <http://ru.delfi.lt/opinions/comments/rossiya-i-strany-baltii-tihaya-perezagruzkaotnoshenij.d?id = 47253995> (дата обращения: 15 июля 2011).
97. Россияне о тюрьме и ее этике [Электронный ресурс] // Левада-Центр [сайт], 6 июля 2013. URL: <http://www.levada.ru/08-07-2013/rossiyane-o-tyurme-i-ee-etike> (дата обращения: 2 января 2014).
98. *Салагаев А.* Исследования подростково-молодежных делинквентных сообществ (группировок) в России и в бывшем СССР / Девиантное поведение в современной России в фокусе социологии / ред. А. Салагаев, М. Позднякова. М.: Институт социологии РАН, 2005. С. 184—195.
99. *Салагаев А.* Подростково-молодежное территориальное сообщество делинквентной направленности как объект теоретического исследования. Дисс. на соиск. уч. степени д. социол. н. СПб., 2001.
100. *Салагаев А., Шашкин А.* Насилие в молодежных группировках как способ конструирования маскулинности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 1(5). С. 151—160.
101. *Сафаров А. А.* Закат казанского феномена: история ликвидации организованных преступных формирований Татарстана. Казань: Татарское книжное издательство, 2012.
102. *Сибиряков С. Л.* Уличные группировки молодежи в г. Волгограде / Криминологи о неформальных молодежных объединениях. М.: Юридическая литература, 1990. С. 168—176.
103. *Смольников П.* Разговор с лидером казанской молодежной группировки [Электронный ресурс]. 1989 // Лечебник.Инфо [сайт]. URL: <http://lechebnik.info/513/22.htm> (дата обращения: 10 мая 2013).
104. *Солопов М.* При зоне и живем [Электронный ресурс] // Газета.Ru [сайт], 9 июля 2013. URL: <http://www.gazeta.ru/social/2013/07/08/5417477.shtml> (дата обращения: 9 июля 2013).
105. *Стивенсон С. А.* Детская беспризорность: социальные аспекты // Социологические исследования в России. 1998. № 4. М.: ИНИОН.
106. *Стивенсон С.* Уличные дети и социальный капитал теневого городского сообществ // Социологический журнал. 2000. № 3/4. С. 87—97.
107. *Стивенсон С. А.* «Обычные пацаны». Уличные подростково-молодежные компании Москвы // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 30—41.
108. *Табеев Е. Ф.* Татарстан — это Россия. М.: Институт социально-политических исследований РАН, 2007.
109. «Такие группировки были в каждом дворе...» [Электронный ресурс] // БИЗНЕС Online [сайт], 21 июня 2012. URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/61546/> (дата обращения: 21 июля 2012).
110. Татарстанстат (2010). Национальный состав республики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tatstat.ru/VPN2010/DocLib8/нац%20состав.pdf> (дата обращения: 15 июля 2015).
111. Телесериал «Физрук» продлен на второй сезон [Электронный ресурс] // Broadcasting. Телевидение и радиовещание [сайт], 6 мая 2014. URL: http://www.broadcasting.ru/newstext.php?news_id = 99920 (дата обращения: 18 мая 2014).
112. *Удовенко Ю.* Зазеркалье: авторитет законов или закон «авторитетов». Набережные Челны, 2008.
113. *Федоренко М., Слепцов С.* Кушевский синдром России: преступные группировки срослись с милицией и диктуют правила жизни [Электронный ресурс] // Аргументы и факты [сайт], 1 декабря 2010. URL: <http://www.aif.ru/incidents/22112> (дата обращения: 2 декабря 2010).
114. *Филин А.* В Ульяновске действует 16 преступных группировок [Электронный ресурс] // MOSAICA.RU [сайт], 1 августа 2012. URL: <http://mosaica.ru/actual/2012/08/01/257> (дата обращения: 20 июля 2013).
115. *Филиппов Ф. П.* От поколения к поколению. Социальная подвижность. М.: Мысль, 1989.
116. *Ханипов Р. А.* Укорененность тюремных и криминальных практик в культуре современного российского общества // Мир России. 2008. № 3. С. 132—148.
117. *Ципурский Г. В.* «Общества», «штабы», «клубы»: молодежное городское хулиганство в оттепельные годы Советской России / Молодежные уличные группировки: введение в проблематику / ред. Д. В. Громов. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 75—93.
118. *Чехонадских М.* Трудности перевода: прекаритет в теории и на практике [Электронный ресурс] // Художественный журнал [сайт]. 2012. № 79/80. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/79-80/chekhonadskih> (дата обращения: 1 мая 2013).
119. *Шалапин Ф. И.* Страницы из моей жизни. Л.: Прибой, 1926.
120. *Шашкин А.* Улица: свои и чужие / Молодежные уличные группировки: введение в проблематику / ред. Д. В. Громов. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 149—184.
121. *Шевелев М.* Генерал-майор милиции Владимир Овчинский — о патриотах и либералах [Электронный ресурс] // Радио Свобода [сайт], 29 декабря 2010. URL: www.svobodanews.ru/content/article/2262376.html (дата обращения: 10 мая 2013).
122. *Шептицкий А.* Воровской Татарстан [Электронный ресурс] // Аферы. Подделки. Криминал [сайт], 24—26 марта 2009. URL: http://www.aferizm.ru/criminal/ops/st_k_kazan_vori.htm (дата обращения: 10 мая 2012).

123. Штеле Н. В Татарстан возвращается эпоха группировок и разборок? [Электронный ресурс] // Аргументы и Факты [сайт], 16 января 2012. URL: <http://www.kazan.aif.ru/incidents/details/83843> (дата обращения: 16 мая 2013).
124. Шубкин В. Н. Молодежь вступает в жизнь // Вопросы философии. 1965. № 5. С. 57–70.
125. Щепанская Т. Б. Зоны насилия (по материалам русской сельской и современных субкультурных традиций) / Антропология насилия / ред. В. В. Бочаров, В. А. Тишков. СПб.: Наука, 2001. С. 115–177.
126. Юрьева И., Илюхина О. Ульяновск: только факты [Электронный ресурс] // Коммерсант-Огонек [сайт]. 2007. № 6. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2298381> (дата обращения: 16 июля 2013).
127. Яковлев В. Контора любителей // Огонек. 1987. № 5. С. 21–22.
128. Ярхо В. Н. Была ли у древних греков совесть? К изображению человека в аттической трагедии / Античность и современность. К 80-летию Ф. А. Петровского. М.: Наука, 1972. С. 251–263.
129. Abadinsky, Howard. 1994. *Organized Crime*. 4th ed. Chicago: Nelson-Hall.
130. Adamson, Christopher. 2000. "Defensive Localism in White and Black: A Comparative History of European-American and Africo-American Gangs." *Ethnic and Racial Studies* 23 (2): 272-98.
131. Aldridge, Judith, Juanjo Medina-Ariza, and Robert Ralphs. 2008. "Dangers and Problems of Doing 'Gang' Research in the UK." In *Street Gangs, Migration and Ethnicity*, ed. F. v. Gemert, D. Peterson, and I.-L. Lien, 31-46. Cullompton, UK: Willan.
132. Anderson, Elijah. 1990. *Streetwise: Race, Class, and Change in an Urban Community*. Chicago: University of Chicago Press.
133. Anderson, Elijah. 1999. *Code of the Street: Decency, Violence, and the Moral Life of the Inner City*. New York: Norton.
134. Arendt, Hannah. 1972. "On Violence." In *Crises of the Republic: Lying in Politics, Civil Disobedience, On Violence, Thoughts on Politics and Revolution*. New York: Harcourt Brace Jovanovich.
135. Arias, Enrique Desmond. 2006a. *Drugs and Democracy in Rio de Janeiro: Trafficking, Social Networks, and Public Security*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
136. Arias, Enrique Desmond. 2006b. "Trouble en Route: Drug Trafficking and Clientelism in Rio de Janeiro Shantytowns." *Qualitative Sociology* 29 (4): 427-45.
137. Arias, Enrique Desmond, and Daniel M. Goldstein. 2010. *Violent Democracies in Latin America*. Durham: Duke University Press.
138. Arlacchi, Pino. 1983. *Mafia, Peasants and Great Estates: Society in Traditional Calabria*. Cambridge: Cambridge University Press.
139. Arlacchi, Pino. 1986. *Mafia Business: The Mafia Ethic and the Spirit of Capitalism*. London: Verso.
140. Arlacchi, Pino. 1988. "Some Observations on Illegal Markets." In *The New European Criminology*, ed. V. Ruggiero, Nigel South, and Ian Taylor, 203-15. London: Routledge.
141. Baldaev, D. S., and A. Plutser-Sarno. 2003. *Russian Criminal Tattoo Encyclopaedia*. Göttingen, DE: Steidl-Fuel.
142. Ball, Alan M. 1994. *And Now My Soul Is Hardened: Abandoned Children in Soviet Russia, 1918–1930*. Berkeley: University of California Press.
143. Barker, Gary. 2005. *Dying to Be Men: Youth, Masculinity and Social Exclusion*. London: Routledge.
144. Bayart, Jean-François. 1999. "'The 'Social Capital' of the Felonious State or the Ruses of Political Intelligence." In *The Criminalization of the State in Africa*, ed. J.-F. Bayart, S. Ellis, and B. Hibou, 32-48. Oxford: J. Currey.
145. Bayart, Jean-François. 2009. *The State in Africa: The Politics of the Belly*. 2nd ed. Cambridge: Polity.
146. Bayart, Jean-François, Stephen Ellis, and Beatrice Hibou. 1999. "Introduction." In *The Criminalization of the State in Africa*, ed. J.-F. Bayart, S. Ellis, and B. Hibou, xiii-xviii. Oxford: J. Currey.
147. Becucci, Stefano. 2011. "Criminal Infiltration and Social Mobilisation against the Mafia. Gela: A City between Tradition and Modernity." *Global Crime* 12 (1): 1-18.
148. Bell, Catherine. 1992. *Ritual Theory, Ritual Practice*. New York: Oxford University Press.
149. Beumers, Birgit, and Mark Lipovetsky. 2009. *Performing Violence: Literary and Theatrical Experiments of New Russian Drama*. Bristol, UK: Intellect.
150. Blok, Anton. 1974. *The Mafia of a Sicilian Village, 1860–1960: A Study of Violent Peasant Entrepreneurs*. Oxford: Blackwell.
151. Borenstein, Eliot. 2008. *Overkill: Sex and Violence in Contemporary Russian Popular Culture*. Ithaca: Cornell University Press.
152. Bourdieu, Pierre. 1984. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. Cambridge: Harvard University Press.
153. Bourdieu, Pierre, and Loïc Wacquant. 1992. *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago: University of Chicago Press.
154. Bourgois, Philippe I. 1995. *In Search of Respect: Selling Crack in El Barrio*. Cambridge: Cambridge University Press.
155. Bourgois, Philippe I. 2004. "The Continuum of Violence in War and Peace: Post-Cold War Lessons from El Salvador." In *Violence in War and Peace: An Anthology*, ed. N. Scheper-Hughes and P. I. Bourgois, 425-33. Malden, MA: Blackwell.
156. Breslavsky, Anatoliy. 2009. "Youth and 'the Movement'—Social Life in a Rural District of Buryatia." *Inner Asia* 11 (1): 83-95.
157. Brotherton, David, and Luis Barrios. 2004. *The Almighty Latin King and Queen Nation: Street Politics and the Transformation of a New York City Gang*. New York: Columbia University Press.

158. Browder, William (2015). *Red Notice: A True Story of High Finance, Murder, and One Man's Fight for Justice*. New York: Simon and Schuster.
159. Caldwell, Melissa L. 2004. *Not by Bread Alone: Social Support in the New Russia*. Berkeley: University of California Press.
160. Campbell, Anne. 1991. *The Girls in the Gang*. 2nd ed. Cambridge, MA: B. Blackwell.
161. Canetti, Elias. 1973. *Crowds and Power*. Harmondsworth, UK: Penguin.
162. Castells, Manuel. 2001. *The Internet Galaxy: Reflections on Internet, Business, and Society*. Oxford: Oxford University Press.
163. Catanzaro, Raimondo. 1992. *Men of Respect: A Social History of the Sicilian Mafia*. New York: Free Press.
164. Cederstrom, Carl, and Peter Fleming. 2012. *Dead Man Working*. Winchester, UK: Zero Books.
165. Chalidze, Valerii I. 1977. *Criminal Russia: Essays on Crime in the Soviet Union*. New York: Random House.
166. Cheloukhine, Serguei. 2008. "The Roots of Russian Organized Crime: From Old-Fashioned Professionals to the Organized Criminal Groups of Today." *Crime, Law and Social Change* 50: 353-74.
167. Cheloukhine, Serguei, and M. R. Haberfeld. 2011. *Russian Organized Corruption Networks and Their International Trajectories*. New York: Springer.
168. Chernysh, M. 2003. "Social Mobility Patterns and Life Strategies of Young People in Contemporary Russia." In *From Pacesetters to Dropouts: Post-Soviet Youth in Comparative Perspective*, ed. T. R. Horowitz, B. Kotik-Friedgut, and S. Hoffman, 27-41. Lanham, MD: University Press of America.
169. Chesney-Lind, Meda, and John M. Hagedorn. 1999. *Female Gangs in America: Essays on Girls, Gangs and Gender*. Chicago: Lake View Press.
170. Clarke, Simon. 1999. "Poverty in Russia." *Problems of Economic Transition* 42 (5): 5-55.
171. Clarke, Simon. 2002. *Making Ends Meet in Contemporary Russia: Secondary Employment, Subsidiary, Agriculture and Social Networks*. Cheltenham, UK: Edward Elgar.
172. Clausewitz, Carl von. 2005 [1873]. *On War*, trans. J. J. Graham. London: Routledge.
173. Cohen, Albert Kircidel. 1955. *Delinquent Boys: The Culture of the Gang*. Glencoe, IL: Free Press.
174. Cohen, Stanley. 1972. *Folk Devils and Moral Panics: The Creation of the Mods and Rockers*. London: MacGibbon & Kee.
175. Collins, Randall. 1988. "The Durkheimian Tradition in Conflict Sociology." In *Durkheimian Sociology: Cultural Studies*, ed. J. Alexander, 107-28. Cambridge: Cambridge University Press.
176. Collins, Randall. 2004. *Interaction Ritual Chains*. Princeton Studies in Cultural Sociology. Princeton: Princeton University Press.

177. Collins, Randall. 2008. *Violence: A Micro-Sociological Theory*. Princeton: Princeton University Press.
178. Collins, Randall. 2011. "Patrimonial Alliances and Failures of State Penetration." *Annals of the American Academy of Political and Social Science* 636 (1): 16-31.
179. Connell, Raewyn. 2005. *Masculinities*. 2nd ed. Cambridge: Polity.
180. Connell, Raewyn, and James Messerschmidt. 2005. "Hegemonic Masculinity: Rethinking the Concept." *Gender and Society* 19 (6): 829-59.
181. Connell, Robert. 1987. *Gender and Power: Society, the Person, and Sexual Politics*. Cambridge: Polity.
182. Conquergood, Dwight. 1994. "Homeboys and Hoods: Gang Communication and Cultural Space." In *Group Communication in Context: Studies of Natural Groups*, ed. L. R. Frey, 23-55. Hillsdale, NJ: L. Erlbaum.
183. Cremin, Colin. 2011. *Capitalism's New Clothes: Enterprise, Ethics and Enjoyment in Times of Crisis*. London: Pluto.
184. Decker, Scott H., and Barrick Van Winkle. 1996. *Life in the Gang: Family, Friends, and Violence*. Cambridge: Cambridge University Press.
185. Deleuze, Gilles, and Felix Guattari. 1983. *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia*. London: Continuum.
186. Deleuze, Gilles, and Felix Guattari. 2004. *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. London: Continuum.
187. Densley, James A. 2013. *How Gangs Work: An Ethnography of Youth Violence*. New York: Palgrave Macmillan.
188. Dobson, Miriam. 2009. *Khrushchev's Cold Summer: Gulag Returnees, Crime, and the Fate of Reform after Stalin*. Ithaca: Cornell University Press.
189. Downes, David M. 1966. *The Delinquent Solution: A Study in Subcultural Theory*. London: Routledge & Kegan Paul.
190. Du Gay, Paul. 1996. *Consumption and Identity at Work*. London: Sage.
191. Durkheim, Emile. 1915. *The Elementary Forms of the Religious Life: A Study in Religious Sociology*, trans. J. W. Swain. London: George Allen & Unwin.
192. Durkheim, Emile. 1933 [1893]. *The Division of Labor in Society*, trans. G. Simmon. Glencoe, IL: Free Press.
193. Durkheim, Emile. 1938. *The Rules of Sociological Method*, trans. G. Simmon. New York: Free Press.
194. Eisenstadt, S. N. 1956. "Ritualized Personal Relations: Blood Brotherhood, Compadre, Etc.: Some Comparative Hypotheses and Suggestions." *Man* 96: 90-95.
195. Elias, Norbert. 1978. *The Civilizing Process*. New York: Urizen Books.
196. Esbensen, Finn-Aage, Dana Peterson, Terrance J. Terrance, and Adrienne Freng. 2009. "Similarities and Differences in Risk Factors for Violent Offending and Gang Membership." *Australian and New Zealand Journal of Criminology* 3: 310-35.
197. Fagan, Jeffrey. 1989. "The Social Organization of Drug Use and Drug Dealing among Urban Gangs." *Criminology* 27: 633-69.

198. Farrington, David P. 2000. "Explaining and Preventing Crime: The Globalization of Knowledge." *Criminology* 38: 1-24.
199. Favarel-Garrigues, Gilles, and Anne Le Huérou. 2004. "State and the Multilateralization of Policing in Post-Soviet Russia." *Policing and Society* 14 (1): 13-30.
200. Ferrell, Jeff, and Clinton Sanders. 1995. *Cultural Criminology*. Boston: Northeastern University Press.
201. Finckenauer, James O., and Y. A. Voronin. 2001. *The Threat of Russian Organized Crime*. Washington, DC: US Department of Justice.
202. Fürst, Juliane. 2008. "Between Salvation and Liquidation: Homeless and Vagrant Children and the Reconstruction of Soviet Society." *Slavonic and East European Review* 86 (2): 232-58.
203. Fürst, Juliane. 2010. *Stalin's Last Generation: Soviet Post-War Youth and the Emergence of Mature Socialism*. Oxford: Oxford University Press.
204. Galeotti, Mark. 2000. "The Russian Mafiya: Economic Penetration at Home and Abroad." In *Economic Crime in Russia*, ed. A. V. Ledeneva and M. Kurkchiyan, 31-42. The Hague: Kluwer Law International.
205. Galeotti, Mark. 2006. "The Criminalisation of Russian State Security." *Global Crime* 7 (3-4): 471-86.
206. Galeotti, Mark. 2008. "The World of the Lower Depths: Crime and Punishment in Russian History." *Global Crime* 9 (1): 84-107.
207. Galeotti, Mark. 2012. "Transnational Aspects of Russian Organized Crime." Russia and Eurasia Programme meeting summary. Chatham House (July 17). <http://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/public/Research/Russia%20and%20Eurasia/170712summary.pdf>, accessed June 18, 2013.
208. Gallant, Thomas W. 1999. "Brigandage, Piracy, Capitalism and State Formation." In *States and Illegal Practices*, ed. J. M. Heyman. Oxford: Berg.
209. Gambetta, Diego. 1995. *The Sicilian Mafia: The Business of Private Protection*. Cambridge: Harvard University Press.
210. Gambetta, Diego. 2009. *Codes of the Underworld: How Criminals Communicate*. Princeton: Princeton University Press.
211. Garfinkel, Harold. 1967. *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
212. Garland, David. 1985. *Punishment and Welfare: A History of Penal Strategies*. Aldershot, UK: Gower.
213. Garot, Robert. 2010. *Who You Claim: Performing Gang Identity in School and on the Streets*. New York: New York University Press.
214. Geraci, Robert P. 2001. *Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia*. Ithaca: Cornell University Press.
215. Gerber, Theodore P., and Sarah E. Mendelson. 2008. "Public Experiences of Police Violence and Corruption in Contemporary Russia: A Case of Predatory Policing." *Law and Society Review* 42 (1): 1-43.
216. Gilinsky, Yakov. 2006. "Crime in Contemporary Russia." *European Journal of Criminology* 3 (3): 259-92.
217. Gilinsky, Yakov. 2007. "Women in Organized Crime in Russia." In *Women and the Mafia: Female Roles in Organized Crime Structures*, ed. G. Fiandaca, 225-34. New York: Springer.
218. Glazov, Yuri. 1976. "'Thieves' in the USSR—a Social Phenomenon." *Survey* 22: 141-56.
219. Goffman, Erving. 1953. "Communication Conduct in an Island Community." PhD diss., University of Chicago.
220. Goffman, Erving. 1967. Where the Action Is. In *Interaction Ritual*, ed. E. Goffman. 149-270. Harmondsworth, UK: Penguin.
221. Goldman, Wendy Z. 1993. *Women, the State and the Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1933*. Cambridge: Cambridge University Press.
222. Goldstein, Paul. 1985. The Drugs/Violence Nexus: A Tripartite Conceptual Framework. *Journal of Drug Issues* 39: 143-74.
223. Gorsuch, Anne E. 2000. *Youth in Revolutionary Russia: Enthusiasts, Bohemians, and Delinquents*. Bloomington: Indiana University Press.
224. Graue, M. Elizabeth, Daniel J. Walsh, and Deborah Ceglowski. 1998. *Studying Children in Context: Theories, Methods, and Ethics*. Thousand Oaks, CA: Sage.
225. Grossman, Gregory. 1977. "The 'Second Economy' of the USSR." *Problems of Communism* 26 (5): 25-40.
226. Haavio-Mannila, Elina. 1958. *Kylätappelut: Sosiologinen Tutkimus Suomen Kylätappeluinstituutiosta [with a summary in English entitled "Village Fights"]*. Helsinki: Porvoo.
227. Hagedorn, John M. 2007. "Gangs, Institutions, Race, and Space: The Chicago School Revisited." In *Gangs in the Global City: Alternatives to Traditional Criminology*, ed. J. M. Hagedorn, 13-33. Urbana: University of Illinois Press.
228. Hagedorn, John M. 2008. *A World of Gangs: Armed Young Men and Gangsta Culture*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
229. Hagedorn, John M., and Perry Macon. 1988. *People and Folks: Gangs, Crime, and the Underclass in a Rustbelt City*. Chicago: Lake View Press.
230. Hall, Steve, Simon Winlow, and Craig Ancrum. 2008. *Criminal Identities and Consumer Culture: Crime, Exclusion and the New Culture of Narcissism*. Cullompton, UK: Willan.
231. Hallsworth, Simon. 2005. *Street Crime*. Crime and Society Series. Cullompton, UK: Willan.
232. Hallsworth, Simon. 2011. "Gangland Britain? Realities, Fantasies and Industry." In *Youth in Crisis? 'Gangs', Territoriality and Violence*, ed. B. Golston, 183-97. London: Routledge.
233. Hallsworth, Simon. 2013. *The Gang and Beyond: Interpreting Violent Street Worlds*. Basingstoke, UK: Palgrave MacMillan.

234. *Hallsworth, Simon, and John Lea*. 2011. "Reconstructing Leviathan: Emerging Contours of the Security State." *Theoretical Criminology* 15 (2): 141-57.
235. *Hallsworth, Simon, and Daniel Silverstone*. 2009. "'That's Life, Innit': A British Perspective on Gun Crime and Social Order." *Criminology and Criminal Justice* 9 (3): 359-77.
236. *Hallsworth, Simon, and Tara Young*. 2005. "On Gangs and Guns: A Critique and a Warning." *ChildRight* 220:14-16.
237. *Handelman, Stephen*. 1994. *Comrade Criminal: The Theft of the Second Russian Revolution*. London: Michael Joseph.
238. *Hanson, Philip*. 2014. "Reiderstvo: Asset-Grabbing in Russia." Chatham House (March 1). www.chathamhouse.org/publications/papers/view/198133, accessed May 15, 2014.
239. *Hanson, Stephen E.* 2011. "Plebiscitarian Patrimonialism in Putin's Russia: Legitimizing Authoritarianism in a Postideological Era." *Annals of the American Academy of Political and Social Science* 636 (1): 32-48.
240. *Harding, Simon*. 2014. *The Street Casino: Survival in Violent Street Gangs*. Bristol, UK: Policy Press.
241. *Hayward, Keith J.* 2004. *City Limits: Crime, Consumer Culture and the Urban Experience*. London: GlassHouse.
242. *Hebdige, Dick*. 1988. *Hiding in the Light: On Images and Things*. London: Comedia.
243. *Hess, Henner*. 1998. *Mafia and Mafiosi: Origin, Power and Myth*. London: C. Hurst.
244. *Hobbes, Thomas*. 1996 [1651]. *Leviathan*. The World's Classics. Oxford: Oxford University Press.
245. *Hobbs, Dick*. 2013. *Lush Life: Constructing Organized Crime in the UK*. Oxford: Oxford University Press.
246. *Hobsbawm, Eric*. 1985. *Bandits*. 2nd ed. Harmondsworth, UK: Penguin.
247. *Holquist, Peter*. 1997. "Information Is the Alpha and Omega of Our Work: Bolshevik Surveillance in Its Pan-European Context." *Journal of Modern History* 69: 415-450.
248. *Holquist, Peter*. 2000. "What's So Revolutionary about the Russian Revolution? State Practices and the New-Style Politics, 1914–1921." In *Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices*, ed. D. L. Hoffmann and Y. Kotsonis, 87-111. Basingstoke, UK: Macmillan.
249. *Holzlehner, Tobias*. 2007. "'The Harder the Rain, the Tighter the Roof': Evolution of Organized Crime Networks in the Russian Far East." *Sibirica* 6 (2): 51-86.
250. *Humphrey, Caroline*. 1999. "Russian Protection Rackets and the Appropriation of Law and Order." In *States and Illegal Practices*, ed. J. M. Heyman, 199-232. Oxford: Berg.
251. *Humphrey, Caroline*. 2002. *The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies after Socialism*. Culture and Society after Socialism. Ithaca: Cornell University Press.

252. *Jacobs, Bruce A.* 2000. *Robbing Drug Dealers: Violence beyond the Law*. New Lines in Criminology. New York: Aldine de Gruyter.
253. *Jenkins, Richard*. 2002. *Pierre Bourdieu*. London: Routledge.
254. *Katz, Jack*. 1988. *Seductions of Crime: Moral and Sensual Attractions in Doing Evil*. New York: Basic Books.
255. *Kelly, Catriona*. 2007. *Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991*. New Haven: Yale University Press.
256. *Kharkhordin, Oleg*. 1999. *The Collective and the Individual in Russia: A Study of Practices*. Berkeley: University of California Press.
257. *Kintrea, Keith, Jon Bannister, and Jon Pickering*. 2011. "'It's Just an Area—Everybody Represents It': Exploring Young People's Territorial Behaviour in British Cities." In *Youth in Crisis? 'Gangs', Territoriality and Violence*, ed. B. Goldson, 55-71. London: Routledge.
258. *Klein, Malcolm Ward*. 1971. *Street Gangs and Street Workers*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
259. *Koehler, Jan*. 1999. "The School of the Street: Organising Diversity and Training Polytaxis in a (Post-) Soviet Periphery." *Anthropology of East Europe Review* 17 (2): 39-52.
260. *Kontos, Louis, David Brotherton, and Luis Barrios*. 2003. *Gangs and Society: Alternative Perspectives*. New York: Columbia University Press.
261. *Kotkin, Stephen*. 1995. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press.
262. *Kryshchanovskaya, Olga, and Stephen White*. 2003. "Putin's Militocracy." *Post-Soviet Affairs* 19 (4): 289-306.
263. *Kryshchanovskaya, Olga, and Stephen White*. 2011. "The Formation of Russia's Network Directorate." In *Russia as a Network State: What Works in Russia When State Institutions Do Not?* ed. V. Kononenko and A. Moshes, 19-38. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan; Helsinki: Ulkopoliittinen Instituutti.
264. *Lane, David*. 1985. *Soviet Economy and Society*. Oxford: Blackwell.
265. *LaPierre, Brian*. 2006. "Private Matters or Public Crimes: The Emergence of Domestic Hooliganism in the Soviet Union, 1939–1966." In *Borders of Socialism: Private Spheres of Soviet Russia*, ed. L. H. Siegelbaum, 191-207. New York: Palgrave Macmillan.
266. *LaPierre, Brian*. 2012. *Hooligans in Khrushchev's Russia: Defining, Policing, and Producing Deviance during the Thaw*. Madison: University of Wisconsin Press.
267. *Lauger, Timothy R.* 2012. *Real Gangstas: Legitimacy, Reputation, and Violence in the Intergang Environment*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
268. *Lea, John*. 2001. *Crime and Modernity: Continuities in Left Realist Criminology*. London: Sage.
269. *Ledeneva, Alena V.* 1998. *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking, and Informal Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press.

270. *Ledeneva, Alena V.* 2013. *Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance.* Cambridge: Cambridge University Press.
271. *Leeson, Peter T.* 2009. *The Invisible Hook: The Hidden Economics of Pirates.* Princeton: Princeton University Press.
272. *Levi, Michael.* 1987. *Regulating Fraud: White-Collar Crime and the Criminal Process.* London: Tavistock.
273. *Lyman, Michael D., and Gary W. Potter.* 2004. *Organized Crime.* 3rd ed. Upper Saddle River, NJ: Pearson Prentice-Hall.
274. *MacDonald, Robert, and Jane Marsh.* 2005. *Disconnected Youth? Growing Up in Britain's Poor Neighbourhoods.* Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
275. *Martin, Roderick.* 1977. *The Sociology of Power.* London: Routledge & Kegan Paul.
276. *Match, Olga.* 2006. "Mobster Gravestones in 1990s Russia." *Global Crime* 7 (1): 79-104.
277. *McAlister, Siobhán, Phil Scraton, and Deena Haydon.* 2011. "Place, Territory and Young People's Identity in the 'New' Northern Ireland." In *Youth in Crisis? 'Gangs', Territoriality and Violence*, ed. B. Goldson, 89-109. London: Routledge.
278. *McAuley, Mary.* 2009. *Children in Custody: Anglo-Russian Perspectives.* London: Bloomsbury.
279. *McCann, Leo.* 2005. *Economic Development in Tatarstan: Global Markets and a Russian Region.* London: RoutledgeCurzon.
280. *McDonald, Brian.* 2000. *Elephant Boys: Tales of London and Los Angeles Underworlds.* Edinburgh: Mainstream.
281. *McGrellis, Sheena.* 2005. "Pure and Bitter Spaces: Gender, Identity and Territory in Northern Irish Youth Transitions." *Gender and Education* 17 (5): 515-29.
282. *McIlwaine, Cathy, and Caroline O. N. Moser.* 2006. "Living in Fear: How the Urban Poor Perceive Violence, Fear and Insecurity." In *Fractured Cities: Social Exclusion, Urban Violence and Contested Spaces in Latin America*, ed. K. Koonings and D. Kruijt, 111-37. London: Zed.
283. *Mennell, Steven.* 1990. "Decivilising Processess: Theoretical Significance and Some Lines of Research." *International Sociology* 5(2): 205-25.
284. *Merton, Robert K.* 1957. *Social Theory and Social Structure.* New York: Free Press.
285. *Messerschmidt, James W.* 1993. *Masculinities and Crime: Critique and Reconceptualization of Theory.* Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
286. *Messerschmidt, James W.* 2000. *Nine Lives: Adolescent Masculinities, the Body, and Violence.* Boulder, CO: Westview Press.
287. *Miller, Jody.* 2000. *One of the Guys: Girls, Gangs, and Gender.* New York: Oxford University Press.
288. *Miller, Walter.* 1958. "Lower Class Culture as a Generating Milieu of Gang Delinquency." *Journal of Social Issues* 14: 5-19.

289. *Miller, Walter.* 1982. *Crime by Youth Gangs and Youth Groups in the United States.* Washington, DC: Department of Justice.
290. *Moore, Joan W.* 1991. *Going Down to the Barrio: Homeboys and Homegirls in Change.* Philadelphia: Temple University Press.
291. *Nazpary, Joma.* 2002. *Post-Soviet Chaos: Violence and Dispossession in Kazakhstan.* London: Pluto Press.
292. *Neuberger, Joan.* 1993. *Hooliganism: Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900–1914.* Berkeley: University of California Press.
293. *Nicolson, Adam.* 2014. *The Mighty Dead: Why Homer Matters.* Kindle ed. London: HarperCollins.
294. *Nightingale, Carl Husemoller.* 1993. *On the Edge: A History of Poor Black Children and Their American Dreams.* New York: Basic Books.
295. OCCRP (Organized Crime and Corruption Project). 2011. "Individuals Involved in the Tax Fraud against Hermitage and the Torture and Death of Sergei Magnitsky." https://www.reportingproject.net/proxy/jdownloads/Tormex%20Users%20A%20Proxy%20World/doc_tormex_users_06.pdf, accessed May 10, 2014.
296. *Olate, Rena, Christopher Salas-Wright, and Michael G. Vaughn.* 2012. "Predictors of Violence and Delinquency among High Risk Youth and Youth Gang Members in San Salvador, El Salvador." *International Social Work* 55 (3): 385-401.
297. *Omelchenko, Elena L.* 1996. "Young Women in Provincial Gang Culture: A Case Study of Ul'ianovsk." In *Gender, Generation and Identity in Contemporary Russia*, ed. H. Pilkington. London: Routledge.
298. *Ospian, Ararat L.* 2012. "Predatory Raiding in Russia: Institutions and Property Rights after the Crisis." *Journal of Economic Issues* 46 (2): 1-11.
299. *Padilla, Felix M.* 1992. *The Gang as an American Enterprise.* New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
300. *Pallot, Judith, Laura Piacentini, and Dominique Moran.* 2012. *Gender, Geography, and Punishment: The Experience of Women in Carceral Russia.* Oxford: Oxford University Press.
301. *Paoli, Letizia.* 2003. *Mafia Brotherhoods: Organized Crime, Italian Style.* Oxford: Oxford University Press.
302. *Paoli, Letizia.* 2004. "Mafia and Illegal Markets—Exception and Normality." In *Organised Crime in Europe: Concepts, Patterns and Control Policies in the European Union and Beyond*, ed. C. Fijnaut and L. Paoli, 263-302. Dordrecht, NLD: Springer.
303. *Patico, Jennifer.* 2008. *Consumption and Social Change in a Post-Soviet Middle Class.* Stanford: Stanford University Press.
304. *Petrusewicz, Marta.* 1996. *Latifundium: Moral Economy and Material Life in a European Periphery.* Ann Arbor: University of Michigan Press.
305. *Piacentini, Laura.* 2004. *Surviving Russian Prisons: Punishment, Economy and Politics in Transition.* Cullompton, UK: Willan.

306. *Pilkington, Hilary*. 1994. *Russia's Youth and Its Culture: A Nation's Constructors and Constructed*. London: Routledge.
307. *Pilkington, Hilary*. 2002. *Looking West? Cultural Globalization and Russian Youth Cultures*. University Park: Pennsylvania State University Press.
308. *Pitts, John*. 2008. *Reluctant Gangsters: The Changing Shape of Youth Crime*. Cullompton, UK: Willan.
309. *Ploux, François*. 2007. "La violence des jeunes dans les campagnes du Sud-Ouest au XIXème siècle: ethos agonistique et masculinité." *Revue d'histoire de l'enfance irrégulière* 9. <http://rhei.revues.org/2072>, accessed May 12, 2014.
310. *Presdee, Mike*. 2000. *Cultural Criminology and the Carnival of Crime*. London: Routledge.
311. *Putin, Vladimir Vladimirovich*. 2000. *First Person: An Astonishingly Frank Self-Portrait by Russia's President Vladimir Putin*. London: Hutchinson.
312. *Raleigh, Donald J.* 2006. *Russia's Sputnik Generation: Soviet Baby Boomers Talk about Their Lives*. Bloomington: Indiana University Press.
313. *Remington, Thomas F.* 2011. *The Politics of Inequality in Russia*. Cambridge: Cambridge University Press.
314. RFE/RL. 2005. "Kazan: History of a City." *Radio Free Europe* (May 5). <http://www.rferl.org/featuresarticle/2005/06/6f668e1d-53f3-4d85-8cb6-9603a8204128.html>, accessed May 10, 2011.
315. *Ries, Nancy*. 2002. "'Honest Bandits' and 'Warped People': Russian Narratives about Money, Corruption, and Moral Decay." In *Ethnography in Unstable Places: Everyday Lives in Contexts of Dramatic Political Change*, ed. C. J. Greenhouse, E. Mertz, and K. B. Warren, 276-315. Durham: Duke University Press.
316. *Rodgers, Dennis*. 2006. "The State as a Gang: Conceptualizing the Governmentality of Violence in Contemporary Nicaragua." *Critique of Anthropology* 26 (3): 315-30.
317. *Rodgers, Dennis*. 2009. "Living in the Shadow of Death: Gangs, Violence and Social Order in Urban Nicaragua, 1996-2002." In *Youth Violence in Latin America*, ed. D. Rodgers and G. A. Jones, 25-44. New York: Palgrave Macmillan.
318. *Rousseau, Jean-Jacques*. 1993 [1754]. *The Social Contract; and Discourses*, trans. G. D. H. Cole, revised and augmented J. H. Brumfitt and John C. Hall, ed. and updated P. D. Jimack. London: Dent.
319. *Ruggiero, Vincenzo*. 1996. *Organized and Corporate Crime in Europe: Offers That Can't Be Refused*. Aldershot, UK: Dartmouth.
320. *Salagaev, Alexander*. 2001. "Evolution of Delinquent Gangs in Russia." In *The Eurogang Paradox: Street Gangs and Youth Groups in the US and Europe*, ed. M. W. Klein, H. Yu Kerner, C. L. Maxson, and E. Weitekamp, 195-202. Dordrecht, NL: Kluwer Academic Publishers.
321. *Salagaev, Alexander, and Alexander Shashkin*. 2005a. "After-Effects of the Transition: Youth Criminal Careers in Russia." In *Youth-Similarities, Differences, Inequalities*. Reports of the Karelian Institute, ed. V. Puuronen, J. Soilevuo-Grønnerød, and J. Herranen, 154-72. Joensuu, FI: University of Joensuu.
322. *Salagaev, Alexander, and Alexander Shashkin*. 2005b. "Violence and Victimization on the Street: Power Struggle and Masculine Hierarchies in Russia." In *Violence in Youth Microcultures*, ed. T. Hoikkala and L. Suurpaa, 14-47. Helsinki: Finnish Youth Research Network.
323. *Salagaev, Alexander, Alexander Shashkin, and Aleksei Konnov*. 2006. "One Hand Washes Another: Informal Ties between Organized Criminal Groups and Law-Enforcement. Agencies in Russia." *Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies* 4-5. <http://pipss.revues.org/449>, accessed May 1, 2013.
324. *Sánchez-Jankowski, Martín*. 1991. *Islands in the Street: Gangs and American Urban Society*. Berkeley: University of California Press.
325. *Sandberg, Sveinung*. 2008. "Street Capital: Ethnicity and Violence on the Streets of Oslo." *Theoretical Criminology* 12 (2): 153-71.
326. *Sauvadet, Thomas*. 2005. "Causes et conséquences de la recherche de capital guerrier chez les jeunes de la Cité." *Déviance et Société* 29 (2): 113-26.
327. *Sauvadet, Thomas*. 2006. *Le capital guerrier: Concurrence et solidarité entre jeunes de Cité*. Paris: Armand Colin.
328. *Schelling, Thomas*. 1971. "What Is the Business of Organized Crime?" *Journal of Public Law* 20: 71-84.
329. *Scheper-Hughes, Nancy*. 1992. *Death without Weeping: The Violence of Everyday Life in Brazil*. Berkeley: University of California Press.
330. *Scheper-Hughes, Nancy, and Philippe I. Bourgois*. 2004. *Violence in War and Peace: An Anthology*. Malden, MA: Blackwell.
331. *Schneider, Jane, and Peter T. Schneider*. 1976. *Culture and Political Economy in Western Sicily*. New York: Academic Press.
332. *Scott, Gregory S.* 2004. "Jabbing Blow, Pitching Rocks, and Stacking Paper: How Drug-Selling Street Gangs Organize the Reentry of Male Ex-Convicts into the Community." In *From Crime to Employment: Critical Issues in Crime Reduction for Corrections*, ed. J. L. Krienert and M. S. Fleisher, 106-40. Lanham, MD: AltaMira Press.
333. *Scott, James C.* 1998. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven: Yale University Press.
334. *Serio, Joseph D., and Vyacheslav Razinkin*. 1995. "Thieves Professing the Code: The Traditional Role of Vory v Zakone in Russia's Criminal World and Adaptations to New Social Reality." *Low Intensity Conflict and Law Enforcement* 4 (1): 72-88.
335. *Shanin, Theodor*. 1986. *The Roots of Otherness: Russia's Turn of Century*. Vol. 1, *Russia as a "Developing Society"*. New Haven: Yale University Press.
336. *Shaw, Clifford Robe, and Henry Donald Mackay*. 1942. *Juvenile Delinquency and Urban Areas*. Chicago: University of Chicago Press.
337. *Shearing, C. D.* 1992. "The Relation between Public and Private Policing." In *Modern Policing*. Chicago: University of Chicago Press.

338. *Shelley, Louise*. 2006. "The Drug Trade in Contemporary Russia." *China and Eurasia Forum Quarterly* 4 (1): 15-20.
339. *Shlapentokh, Vladimir*. 1996. "Early Feudalism—the Best Parallel for Contemporary Russia." *Europe-Asia Studies* 48 (3): 393-411.
340. *Sidorenko-Stephenson, Svetlana*. 2000. "Prostitution and Young People in Russia." In *Youth Prostitution in the New Europe: A Growth in Sex Work*, ed. D. Barrett, E. Barrett, and N. Mullenge, 108-26. Lyme Regis, UK: Russell House Publishing.
341. *Siegel, Dina*. 2012. "Vory v Zakone: Russian Organized Crime." In *Traditional Organized Crime in the Modern World: Responses to Socioeconomic Change*, ed. D. Siegel and H. G. v. d. Bunt, 37-48. New York: Springer.
342. *Sokolov, Vsevolod*. 2004. "From Guns to Briefcases: The Evolution of Russian Organized Crime." *World Policy Journal* 21 (1): 68-74.
343. *Spencer, Jonathan*. 2008. Foreword to *Global Vigilantes*, ed. D. Pratten and A. Sen, x-xii. New York: Columbia University Press.
344. *Spergel, I*. 1984. "Violent Gangs in Chicago: In Search of Social Policy." *Social Service Review* 58: 199-206.
345. *Stenson, Kevin*. 2005. "Sovereignty, Biopolitics and the Local Government of Crime in Britain." *Theoretical Criminology* 9 (3): 265-87.
346. *Stephenson, Svetlana*. 2001. "Street Children in Moscow: Using and Creating Social Capital." *Sociological Review* 49 (4): 530-47.
347. *Stephenson, Svetlana*. 2006. *Crossing the Line: Vagrancy, Homelessness and Social Displacement in Russia*. Aldershot, UK: Ashgate.
348. *Stephenson, Svetlana*. 2008. "Searching for Home: Street Youth and Organized Crime in Russia." In *Globalizing the Streets: Cross-Cultural Perspectives on Youth, Social Control, and Empowerment*, ed. D. Brotherton and M. Flynn, 78-92. New York: Columbia University Press.
349. *Stephenson, Svetlana*. 2012. "The Violent Practices of Youth Territorial Groups in Moscow." *Europe-Asia Studies* 64 (1): 69-90.
350. *Sullivan, Mercer L*. 1989. "Getting Paid": Youth Crime and Work in the Inner City. Ithaca: Cornell University Press.
351. *Suttles, Gerald Dale*. 1968. *The Social Order of the Slum: Ethnicity and Territory in the Inner City*. Chicago: University of Chicago Press.
352. *Sykes, Gresham, and David Matza*. 1957. "Techniques of Neutralization: A Theory of Delinquency." *American Sociological Review* 22: 664-70.
353. *Taylor, Brian D*. 2011. *State Building in Putin's Russia: Policing and Coercion after Communism*. Cambridge: Cambridge University Press.
354. *Taylor, Carl S*. 1990. *Dangerous Society*. East Lansing: Michigan State University Press.
355. *Thrasher, Frederic Milton*. 1963 [1927]. *The Gang: A Study of 1,313 Gangs in Chicago*. Chicago: University of Chicago Press.
356. *Tilly, Charles*. 1974a. Foreword to *The Mafia of a Sicilian Village, 1860—1960: A Study of Violent Peasant Entrepreneurs* by Anton Block, xiii-xvi. Oxford: Blackwell.
357. *Tilly, Charles*. 1974b. "Rural Collective Action in Modern Europe." CRSO Working Paper no. 96 (April), University of Michigan, Ann Arbor.
358. *Tönnies, Ferdinand*. 1963 [1887]. *Community and Society*. New York: Harper and Row.
359. UNDP (United Nations Development Programme). 1998. "Poverty in Transition." New York: UNDP Regional Bureau for Europe and the CIS.
360. *Urban, Michael E*. 2012. *Cultures of Power in Post-Communist Russia: An Analysis of Elite Political Discourse*. Cambridge: Cambridge University Press.
361. *Varese, Federico*. 2001. *The Russian Mafia: Private Protection in a New Market Economy*. Oxford: Oxford University Press.
362. *Varese, Federico*. 2011. *Mafias on the Move: How Organized Crime Conquers New Territories*. Princeton: Princeton University Press.
363. *Varese, Federico*. 2012. "How Mafias Take Advantage of Globalization: The Russian Mafia in Italy." *British Journal of Criminology* 52: 235-53.
364. *Varese, Federico*. 2013. "The Structure and the Content of Criminal Connections: The Russian Mafia in Italy." *European Sociological Review* 29 (5): 899-909.
365. *Varese, Federico*. 2014. "Protection and Extortion." In *The Oxford Handbook of Organized Crime*, ed. L. Paoli. Oxford: Oxford University Press, 343-58.
366. *Venkatesh, Sudhir Alladi*. 1997. "The Social Organization of Street Gang Activity in an Urban Ghetto." *American Journal of Sociology* 103 (1): 82-111.
367. *Venkatesh, Sudhir Alladi*. 2000. *American Project: The Rise and Fall of a Modern Ghetto*. Cambridge: Harvard University Press.
368. *Venkatesh, Sudhir Alladi*. 2006. *Off the Books: The Underground Economy of the Urban Poor*. Cambridge: Harvard University Press.
369. *Verdery, Katherine*. 1996. *What Was Socialism and What Comes Next?* Princeton: Princeton University Press.
370. *Vigil, James Diego*. 1988. *Barrio Gangs: Street Life and Identity in Southern California*. Austin: University of Texas Press.
371. *Volkov, Vadim*. 2000. "Organized Violence, Market Building, and State Formation." In *Economic Crime in Russia*, ed. A. V. Ledeneva and M. Kurkchiyan, 43-61. The Hague: Kluwer Law International.
372. *Volkov, Vadim*. 2002. *Violent Entrepreneurs: The Use of Force in the Making of Russian Capitalism*. Ithaca: Cornell University Press.
373. *Wacquant, Loïc*. 2006. "Three Pernicious Premises in the Study of the American Ghetto." In *Gangs in the Global City: Alternatives to Traditional Criminology*, ed. J. M. Hagedorn, 34-53. Urbana: University of Illinois Press.
374. *Walker, Charles*. 2009. "From 'Inheritance' to Individualization: Disembedding Working-Class Youth Transitions in Post-Soviet Russia." *Journal of Youth Studies* 12 (5): 531-45.

375. *Walmsley, Roy*. 2013. "World Prison Population List." 10th ed. International Centre for Prison Studies. http://www.prisonstudies.org/sites/prisonstudies.org/files/resources/downloads/wppl_10.pdf, accessed February 10, 2014.
376. *Weber, Max*. 1978 [1922]. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley: University of California Press.
377. *Whyte, William Foote*. 1993. *Street Corner Society: The Social Structure of an Italian Slum*. 4th ed. Chicago: University of Chicago Press.
378. *Wieder, D. Lawrence*. 1974. *Language and Social Reality: The Case of Telling the Convict Code*. The Hague: Mouton.
379. *Williams, Christopher, V. I. Chuprov, and I. U. Zubok*. 2003. *Youth, Risk, and Russian Modernity*. Burlington, VT: Ashgate.
380. *Willis, Paul E.* 1977. *Learning to Labour: How Working Class Kids Get Working Class Jobs*. Farnborough, UK: Saxon House.
381. *Wilson, Eric*. 2009. "Deconstructing the Shadows." In *Government of the Shadows: Parapolitics and Criminal Sovereignty*, ed. E. Wilson, 13-55. New York: Pluto Press.
382. *Winton, Alisa*. 2005. "Youth, Gang and Violence: Analysing the Social and Spatial Mobility of Young People in Guatemala City." *Children's Geography* 3 (2): 167-84.
383. *Wolfgang, Marvin E., and Franco Ferracuti*. 1967. *The Subculture of Violence*. London: Tavistock.
384. *Wright, Alan*. 2006. *Organised Crime*. Cullompton, UK: Willan.
385. *Wrong, Dennis Hume*. 1994. *The Problem of Order: What Unites and Divides Society*. Cambridge: Harvard University Press, 1995.
386. *Yablonsky, Lewis*. 1962. *The Violent Gang*. New York: MacMillan.
387. *Yagodkin, V. N.* 1981. "How Child Labour Was Eradicated in the USSR: Integrating School and Society." *Population and Labour Policies Working Paper*. Geneva: International Labour Organisation.
388. *Young, Jock*. 1999. *The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity*. London: SAGE.
389. *Young, Jock*. 2007. *The Vertigo of Late Modernity*. London: SAGE.
390. *Yusupova, Marina*. 2015. "Masculinity, Criminality and Russian Men. Sextures: E-journal for Sexualities, Cultures, and Politics, 3 (3): 46-61.

Об авторе

Светлана Стивенсон — кандидат социологических наук, доцент университета Лондон Метрополитан. Автор книги *Crossing the Line. Vagrancy, Homelessness and Social Displacement in Russia* (Ashgate, 2006) и многочисленных публикаций по проблемам бездомности, социального неравенства и социальной трансформации российского общества.

В 2016–2017 годах Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники» выпустил следующие книги:

НЕФОРМАЛЬНОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ. СОЦИОГРАФИЧЕСКИЕ
ОЧЕРКИ / Ю. А. КРАШЕНИННИКОВА. — М.: СТРАНА ОЗ, 2016. — 456 С. —
ISBN 978-5-906139-06-1.

Монография посвящена экономическим агентам, которые подменяют или дополняют собой официальную систему здравоохранения в современной России, обслуживая альтернативные практики поддержания здоровья. Детализированное описание их деятельности дано на основе анализа открытых источников, а также наблюдений и интервью, полученных в ходе полевого исследования в Пермском крае в 2013 году. В том числе рассматриваются рынки сетевого маркетинга и выездной торговли товарами для здоровья; скрытые социальные функции аптек; услуги целителей и врачей альтернативной медицины; собирательство и производство целебных даров природы в личных хозяйствах; практики участия религиозных организаций в решении проблем со здоровьем; распространение информации для самолечения в массмедиа. Книга адресована широкому кругу читателей — специалистов в области управления здравоохранением, представителей социальных наук, а также всех интересующихся проблемами охраны здоровья и неформальной экономики в России.

ГАРАЖНИКИ: МОНОГРАФИЯ / С. С. СЕЛЕЕВ, А. Б. ПАВЛОВ. —
М.: СТРАНА ОЗ, 2016. — 164 С. — ISBN 978-5-906139-07-8.

Книга посвящена уникальному российскому социально-хозяйственному феномену, который получил название «гаражная экономика». В книге рассматривается использование современных российских гаражей и деятельность акторов «гаражной экономики» — гаражников. Детализированное описание их деятельности представлено на основе анализа открытых источников (материалов СМИ, государственной статистики и т. д.), а также наблюдений и интервью, полученных в ходе полевого этапа исследования, проведенного в восьми российских регионах в 2014–2015 годах. Книга адресована широкому кругу читателей — представителям социальных наук, специалистам в области государственного и муниципального управления, а также всем интересующимся проблемами неформальной экономики в России.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В СОСЛОВНОМ ОБЩЕСТВЕ:
ЭТНОСОСЛОВИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СБ. СТАТЕЙ /
Р. П. ВАХИТОВ. — М.: СТРАНА ОЗ, 2016. — 224 С. — ISBN 978-5-906139-08-5.

Официально в России нет сословий, но есть нации. На самом деле в России нет наций, но есть сословия. В том числе — этносословия. Этносословность — исторически сложившийся механизм стабилизации полиэтнического российского общества, альтернативный губительному для нас парадому национализмов. Проблема нашего общества заключается в том, что этот механизм либо вовсе ускользает от взгляда исследователей, либо воспринимается ими как аномалия, поэтому

ремонт его не производится десятилетиями, а ведь он уже порядком износился... Об этносословности, ее социальных функциях и ее кризисе — эта книга статей Рустема Вахитова.

СЕЛЬСКИЕ МУНИЦИПАЛИТЕТЫ ЮГА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ:
ПРОСТРАНСТВО, СТАТИСТИКА, ВЛАСТЬ / А. В. ШЕЛУДКОВ,
С. В. РАСКАЗОВ, Ш. Ф. ФАРАХУТДИНОВ. — М.: СТРАНА ОЗ, 2016. — 186 С.
ISBN 978-5-906139-09-2.

Монография раскрывает результаты исследования сельских муниципалитетов юга Тюменской области. Цель авторов — комплексное описание сельских территорий, анализ основных регистрируемых явлений и процессов с учетом их территориального распределения и многообразия. Исследование опирается на две группы источников: материалы качественного характера, собранные в ходе полевых исследований (более 100 интервью с главами и специалистами сельских администраций), и количественные показатели, построенные на основе данных похозяйственного учета и ведомственной статистики в разрезе отдельных сельских поселений. В соответствии с наблюдаемыми социально-экономическими процессами проводится классификация сельских поселений. Получившаяся модель призвана не только показать, но и частично объяснить социальные тренды на селе, а также наметить возможные концептуальные подходы к разработке стратегий развития поселений разного типа. Книга носит междисциплинарный характер, представляет интерес для географов, социологов, экономистов, представителей муниципального сообщества, а также всех интересующихся проблемами развития сельских территорий.

SOCIO-ECONOMIC FOUNDATIONS OF THE RUSSIAN POST-SOVIET
REGIME. THE RESOURCE-BASED ECONOMY AND ESTATE-BASED SOCIAL
STRUCTURE OF CONTEMPORARY RUSIA / SIMON KORDONSKY. — IBIDEM
VARLAG, 2016. — 220 P. — ISBN: 978-3-8382-0775-9.

This monograph discloses the estate-based social structure of contemporary Russia by way of outlining the principles of the USSR's peculiar estate system, and explaining the new social estates of post-Soviet Russia. Simon Kordonsky distinguishes and describes in particular the currently existing Russian service and support estates. He introduces the notions of a resource-based state and resource-based economy as the political and economic foundations for Russian society's estate structure. His study demonstrates, moreover, how the method of inventing and institutionalizing threats plays a dominant role in the mode of distribution of scarce resources in such a social system. The book shows fundamental differences between resource — as well as threatbased economies, on the one side, and traditional risk-based economies, on the other, and discloses what this means for Russia's future.

TOWARDS A NEW RUSSIAN WORK CULTURE. CAN WESTERN
COMPANIES AND EXPATRIATES CHANGE RUSSIAN SOCIETY? /
VLADIMIR KARACHAROVSKY, OVSEY SHKARATAN, GORDEY
YASTREBOV. — IBIDEM VARLAG, 2016. — 256 H. — ISBN: 978-3-8382-0902-9.

The book relies on the findings of studies supported by the Khamovniki Foundation for Social Research (Project 2013-002, Expatriates in the

Russian Labor Market), the Russian Foundation for Humanities (Project 13-03-00493, Russian and Foreign Professionals in the Russian Institutional Environment: Interaction and Transformation of Work Practices), and the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics.

СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА. ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И НЕ ТОЛЬКО / ЛЕОНИД БЛЯХЕР. — М. : СТРАНА ОЗ, 2017. — 136 С. — ISBN 978-5-906139-10-8.

Книга, основанная на нескольких сериях неформализованных интервью, осуществленных при поддержке фонда «Хамовники», посвящена стратегиям выживания бизнеса в России десятых годов XXI века. Но круг вопросов, которые здесь затрагиваются, намного шире. Традиционный вопрос, задававшийся в этом варианте исследователями, звучал примерно так: «Из каких законов и принципов организации общества (этических, правовых, эстетических, религиозных, хозяйственных и т. д.) следует именно такое поведение предпринимателей?». Вопрос, который автор пытается разрешить в книге, выглядит несколько иначе: «Каково общество, в котором используются именно такие предпринимательские стратегии? Как оно живет или выживает?». То есть исследование о предпринимателях превращается в исследование общества, в котором живут эти предприниматели. Книга адресована самому широкому кругу читателей — от исследователей современного российского общества до представителей этого общества, которые хотели бы понять, а что, собственно, происходит.

INFORMAL HEALTHCARE IN CONTEMPORARY RUSSIA SOCIOGRAPHIC ESSAYS ON THE POST-SOVIET INFRASTRUCTURE FOR ALTERNATIVE HEALING PRACTICES / YULIA KRASHENINNIKOVA. — IBIDEM VARLAG, 2016. — 310 H. — ISBN: 978-3-8382-0970-8.

This volume deals with one of the most understudied aspects of everyday life in Russian society. Its main heroes are the providers of goods and services to whom people turn for healthcare instead of official medical institutions. A wide range of agents is described—from network marketing companies to 'folk' journals on health as well as healers, complementary medicine specialists, and religious organizations.

Krasheninnikova's book is based on rich empirical observations and avoids both positive and critical assessment of the analyzed phenomena. Her investigation pays particular attention to the legal, social, and economic status of informal healthcare providers. She demonstrates that these agents tend to flourish in bigger towns rather than in small settlements, where public healthcare is lacking. The study reveals the important role of institutions that are generally not related to alternative medicine, such as pharmacies, libraries, and church shops.

The result is a vivid and thorough introduction to the world of self-medication and alternative healing in contemporary Russia. A special emphasis was made on the flexibility of boundaries between formal and informal healthcare due to the evolution of rules and regulations.

В 2018 году планируются к изданию книги по результатам следующих проектов:

1. Мохов С. В. Неформальные практики в похоронном деле в Центральной России: акторы и стратегии взаимодействия
2. Куренной В. А. Распределенный образ жизни в российском моногороде.
3. Соколов Д. В. Институциональный контекст формирования и развития насильственных практик на примере сельских и городских сообществ Северного Кавказа.
4. Крашенинникова Ю. А. Практики экспертизы в российском государственном управлении.

2 [10] 2017

Фонд поддержки
социальных исследований
«Хамовники»

www.khamovniki.ru

Светлана Стивенсон

**ЖИЗНЬ
ПО ПОНЯТИЯМ**

Уличные группировки
в России

ООО «Страна Оз»
101000, Москва, ул. Покровка,
дом 11/13/6, стр. 2, офис 35
e-mail: info@land-oz.ru

Подписано в печать 27.10.2017
Формат 60×90/16.
Гарнитура Serif Pro . Печ. л. 19
Печать офсетная. Тираж 300 экз.
Заказ № К-2103
Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
адрес: 428019, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, д. 13

ISBN 978-5-906139-12-2

9 785906 139122